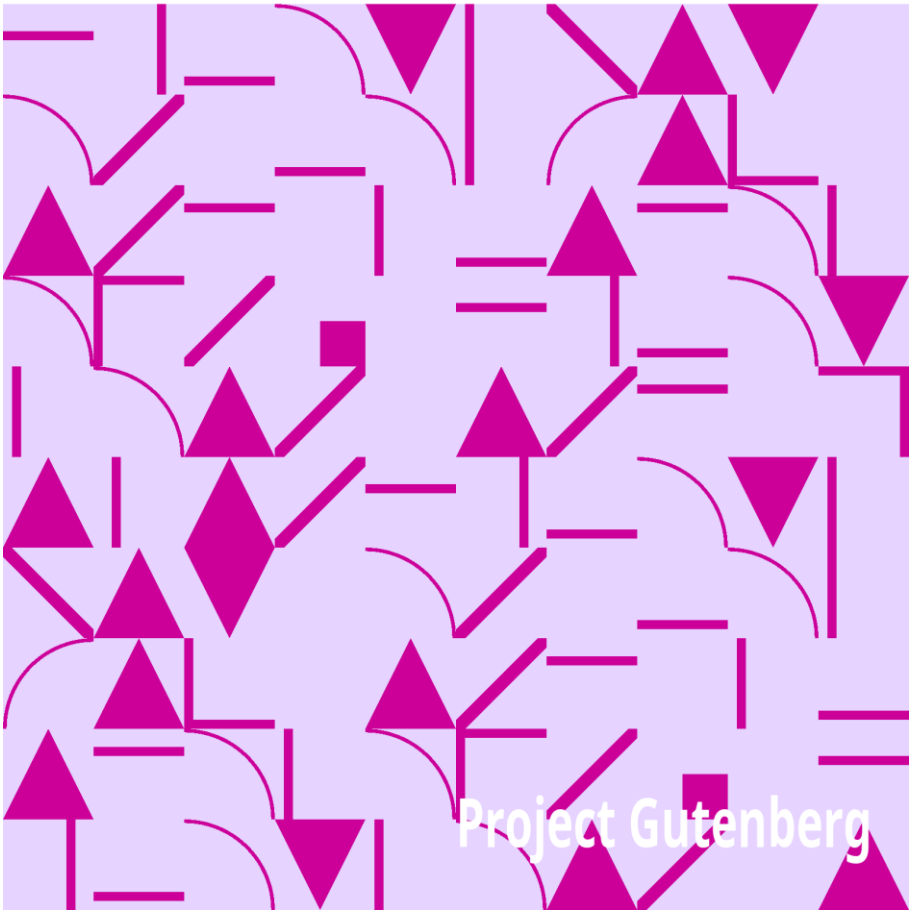
Рождество в ритуалах и традициях, христианских и языческих

Клемент А. Майлз

Christmas in Ritual and Tradition, Christian and Pagan

Clement A. Miles



The Project Gutenberg eBook of Рождество в ритуалах и традициях, христианских и языческих.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Рождество в ритуалах и традициях, христианских и языческих

Автор: Клемент А. Майлз

Дата выхода: 21 августа 2006 [eBook #19098]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Старнером, Робертом Леджером и командой Online Distributed Proofreading Team на http://www.pgdp.net

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK РОЖДЕСТВО В РИТУАЛАХ И ТРАДИЦИЯХ, ХРИСТИАНСКИХ И ЯЗЫЧЕСКИХ ***

Рождество в ритуалах и традициях, христианских и языческих

Автор: Клемент А. Майлз

Опубликовано Т. Фишер Унвин
1912

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ (ДЕТАЛЬ).

ДЖЕНТИЛЕ ДА ФАБРИАНО

(*Флоренция: Академия*)

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе я попытался показать, как празднуется или праздновалось Рождество в разных странах и эпохах, и проследить, насколько это возможно, происхождение языческих элементов, которые смешались с церковным праздником Рождества Христова.

В первой части я рассматривал праздник с его ярко выраженной христианской стороны. Однако книга построена таким образом, что читатели, не интересующиеся этим аспектом Рождества, могут пропустить главы II-V и сразу перейти к Введению к части II, в которой рассматриваются языческие пережитки.

Книга написана в первую очередь для широкого круга читателей, но я смею надеяться, что при всех своих недостатках она может быть полезна и более серьезным студентам - как примерная карта рождественских обычаев и как сборник материалов, до сих пор разбросанных по множеству томов на разных языках. Безусловно, существует потребность во всеобъемлющей английской книге о Рождестве, учитывающей результаты современных исторических и фольклорных исследований.

Автор подобного труда неизбежно оказывается в огромном долгу перед трудами других людей. В своих библиографических заметках я сделал все возможное, чтобы отметить источники, из которых я черпал информацию. Вполне справедливо, что я должен выразить здесь свою особую признательность, как за информацию, так и за предложения, книге мистера Э. К. Чемберса "Средневековая сцена", бесценному хранилищу фактов, теории и библиографических ссылок. Я также многим обязан важным монографиям доктора А. Тилле "Die Geschichte der deutschen Weihnacht" и "Yule and Christmas"; датской работе доктора Фейльберга "Jul", самому полному изложению рождественских обычаев, которое когда-либо было написано; и, конечно, как и каждый изучающий фольклор, "Золотой ветви" доктора Фрейзера.

Ссылки на авторитеты приведены в конце тома и обозначены в тексте мелкими цифрами; примечания, требующие прочтения в тесной связи с текстом, напечатаны в конце страниц, к которым они относятся, и обозначены звездочками и т. д.

> [Примечание транскриптора: "маленькие цифры" представлены в этой электронной книге цифрами в {курсивных скобках}. Сноски приведены в конце книги и обозначены цифрами в [квадратных скобках].

Я должен поблагодарить мистера Фрэнка Сиджвика за любезное прочтение моих гранков и фрагментов моей рукописи, а также за ряд ценных предложений.

С. А. М.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ5

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ15

Происхождение и цель праздников - идеи, подсказанные Рождеством - языческие и христианские элементы - названия праздников - основание праздника Рождества Христова - его связь с Богоявлением - 25 декабря и *Natalis Invicti* - Календы января - Йоль и тевтонские праздники - церковные и языческие праздники - два противоречивых типа праздников - их взаимодействие - план книги.

ЧАСТЬ I - ХРИСТИАНСКИЙ ПРАЗДНИК

ГЛАВА II

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (I)29

Древние латинские гимны, их догматический и богословский характер - гуманизирующее влияние францисканства - простонародный стих Якопоне да Тоди - немецкая католическая поэзия - средневековые английские колядки.

ГЛАВА III

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (II)53

Французский *Ноэль* - Латинская гимнодия во Франции XVIII века - Испанский рождественский стих - Традиционные колядки многих стран - Рождественская поэзия в протестантской Германии - Постреформационный стих в Англии - Современные английские колядки.8

ГЛАВА IV

РОЖДЕСТВО В ЛИТУРГИИ И НАРОДНОМ ПОЧИТАНИИ87

Адвент и Рождество в Римской церкви - Три рождественские мессы, их происхождение и празднование в Риме - Полуночная месса во многих странах - Протестанты, сохранившие ночные службы - Рождество в Греческой церкви - Восточное Богоявление и освящение воды - *Presepio* или колыбель, ее предполагаемое учреждение св. Франциска - ранние следы колыбели - колыбель в Германии, Тироле и т. д. - игра на колыбели в средневековой Германии - рождественские менестрели в Италии и Сицилии - *Presepio* в Италии - церемонии с *куклой* и *бамбино* в Риме - Рождество в итальянском Лондоне - испанское Рождество - возможные остатки колыбели в Англии.

ГЛАВА V

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА119

Истоки средневековой драмы - Драматические тенденции в литургии - Латинские литургические пьесы - Драма становится лаицизированной - Характеристики народной драмы - Рождество Христово в английских циклах чудес - Рождественские мистерии во Франции - Поздние французские свидетельства рождественской драмы - Немецкие рождественские пьесы - Средневековые итальянские пьесы и представления - Испанские рождественские пьесы - Современные свидетельства в разных странах - Звездные певцы и др.

ПОСТСКРИПТ155

ЧАСТЬ II- ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ГЛАВА VI

ДОХРИСТИАНСКИЕ ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ159

Церковь и суеверия - природа языческих праздников - расовые корни - римские праздники *Сатурналии* и Календы - существовал ли тевтонский праздник середины зимы?-Тевтонский, кельтский и славянский Новый год - обычаи,

связанные с Рождеством или 1 января - зимний цикл *праздников* - обоснование праздничного ритуала: (*а*) жертвоприношения и таинства, (*б*) культ мертвых, (*в*) приметы и талисманы на Новый год - компромисс в позднее средневековье - пуритане и Рождество - отказ от старых традиций.9

ГЛАВА VII

ОТ СВЯТОГО ПРИЛИВА ДО МАРТИНМАСА187

Дни всех святых и всех душ, их отношение к новогоднему празднику - Канун всех душ и почитание усопших - Пирожки с душой в Англии и на континенте - Языческие параллели Дня всех душ - Приметы и амулеты на Хэллоуин - Костры на Хэллоуин - День Гая Фоукса - "Старый Хоб", *Шиммельрайтер* и другие маски животных - Мартинмас и его убийство - Питье на Мартинмас - Св. Костры Мартина в Германии - Зимние гости в Низких странах и Германии - Святой Мартин как даритель - Жезл Мартина.

ГЛАВА VIII

СВ. КЛЕМЕНТ - СВ. ТОМАСУ209

Квесты и шествия в день святого Климента - День святой Екатерины как праздник прях - Канун Андрея Первозванного - *Клепфельняхте* - День святого Николая, святой как даритель и его помощники - Выборы мальчика-епископа - День святого Николая в Бари - День святой Люсии в Швеции, Сицилии и Центральной Европе - День святого Фомы как школьный праздник - Его жуткий канун - "Идущий в томассин".

ГЛАВА IX

КАНУН РОЖДЕСТВА И ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ227

Христос, Санта-Клаус и Кнехт Рупрехт - Говорящие животные и другие чудеса кануна Рождества - Скандинавские поверья о троллях и возвращении мертвых - Традиционные рождественские песни в Восточной Европе - Двенадцать дней, их христианское происхождение и языческие суеверия - Разъяренный хозяин - Намеки на сверхъестественных посетителей в Англии - Немецкие *фрау* - Греческая *Калликанцарой*.

ГЛАВА X

ЙОЛЬСКОЕ ПОЛЕНО249

Полено как центр домашнего Рождества - обычаи южных славян - *Полазник* - Происхождение йольского полена - вероятная связь с растительными культами или поклонением предкам - *Суш де Ноэль* во Франции - итальянские и немецкие рождественские полена - английские обычаи - йольская свеча в Англии и Скандинавии.10

ГЛАВА XI

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА, УКРАШЕНИЯ И ПОДАРКИ261

Рождественская елка - немецкое творение - очарование немецкого Рождества - ранние елки - рождественская пирамида - распространение елки в современной Германии и других странах - происхождение рождественской елки - поверья о

цветущих деревьях на Рождество - вечнозеленые деревья на Календах - негерманские параллели с рождественской елкой - рождественские украшения, связанные с древними обычаями Календ - красочность остролиста и омелы - полы, усыпанные соломой - рождественские и новогодние подарки, их связь с римскими *Strenae* и St. Николая - Представления в разных странах - Рождественские открытки.

ГЛАВА XII

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИРЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ281

Важная роль еды в английском Рождестве - голова кабана, гусь и другие рождественские блюда - фрументики, совенки, йольские пироги и вассальная чаша - континентальные рождественские блюда, их возможное происхождение - французские и немецкие пироги - рождественский пир животных - пироги в Восточной Европе - реликвии жертвоприношения животных - охота на крапивника - различные игры жертвенного происхождения.

ГЛАВА XIII

МАСКАРАД, ИГРА МУМИЙ, ПРАЗДНИК ДУРАКОВ И МАЛЬЧИК-ЕПИСКОП295

Маскировка при английском дворе - "Лорд Непокорный" - Игра муммеров, танец с мечом и танец Морриса - Происхождение Святого Георгия и других персонажей - Маскировка в Восточной Европе - Праздник дураков, его история и подавление - Мальчик-епископ, его функции и проповеди - Современные представители мальчика-епископа.

ГЛАВА XIV

ST. STEPHEN'S, ST. ДЖОНА И СВЯТЫХ НЕВИННЫХ309

Лошадиные обычаи в день святого Стефана - шведское вино святого Стефана - святого Иоанна - чайлдермас и его избиение.11

ГЛАВА XV

ДЕНЬ НОВОГО ГОДА319

Принцип новогодних обычаев - Новый год во Франции, Германии, Соединенных Штатах и Восточной Европе - "первый шаг" в Великобритании - шотландские новогодние обычаи - горная дезинфекция и обычаи "грудной полоски" - Хогманай и Агилланнеф - новогодние процессии в Македонии, Румании, Греции и Риме - методы аугурации - солнечные новогодние талисманы.

ГЛАВА XVI

ОТ БОГОЯВЛЕНИЯ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА335

Двенадцатый пирог и "король бобов" - французские обычаи Двенадцатой ночи - пирог Святого Василия в Македонии - Богоявление и изгнание зла - Бефана в Италии - волхвы как разносчики подарков - греческие обычаи Богоявления - спасение фруктовых деревьев - герефордширские и ирландские обычаи Двенадцатой ночи - "Haxey Hood" и рождественский футбол - день Святого Кнута в Швеции. День Кнута в Швеции - День Рока - Понедельник Плуга - Свеча, ее церковные и народные церемонии - Прощание с Рождеством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ357

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ361

ИНДЕКС389

12

МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ.

Альбрехт Дюрер.

13

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Поклонение Маги (деталь)Фронтиспис

Джентиле да Фабриано. (*Флоренция: Академия*)

МАДОННА С РЕБЕНКОМ13

Альберт Дюрер

МАДОННА, ВОССЕДАЮЩАЯ НА ТРОНЕ СО СВЯТЫМИ И АНГЕЛАМИ31

Пезеллино. (*Галерея Эмполи*)

ЯКОПОНЕ В ЭКСТАЗЕ ПЕРЕД ДЕВОЙ40

Из "Laude di Frate Jacopone da Todi" (Флоренция, 1490)

ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТУХОВ55

Автор Фуке. (*Музей Конде, Шантийи*)

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ: ОТДЫХ В ПУТИ70

Мастер "Семь скорбей Марии". (Также приписывается Иоахиму Патиниру.) (*Вена: Императорская галерея*)

ПЕНИЕ "VOM HIMMEL HOCH" С ЦЕРКОВНОЙ БАШНИ НА РОЖДЕСТВО71

Людвиг Рихтер

НАТИВНОСТЬ89

Из добавления. MS. 32454 в Британском музее. (Французский, XV век)

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ПРЕЗЕПИО108

КАЛАБРИЙСКИЕ ПАСТУХИ ИГРАЮТ В РИМЕ НА РОЖДЕСТВО112

С гравюры Д. Аллана. Из "Книги на каждый день" Хоуна (Лондон, 1826)

СВ. ФРАНЦИСК ВВОДИТ *ПРЕЗЕПИО* В ГРЕЧЧО114

Работа Джотто. (*Верхняя церковь Святого Франциска, Ассизи*)14

БАМБИНО ИЗ АРА КОЭЛИ115

ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТУХОВ121

Из бродсайда № 305 из коллекции Общества антикваров в Берлингтон-Хаусе

ВИФЛЕЕМСКИЕ ПАСТУХИ140

Из "Гранта Календриера и компоста Бержье" (Н. ле Руж, Труа, 1529 г.)

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ154

Масаччо. (*Берлин: Музей кайзера Фридриха*)

НОВОГОДНИЕ МУММЕРЫ В МАНЬЧЖУРИИ161

Азиатский пример масок животных

КАНУН РОЖДЕСТВА В ДЕВОНШИРЕ - ПРИЕЗД МУМИЙ229

НЕМЕЦКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ263

С гравюры Джозефа Келлнера

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО В НИЖНЕЙ АВСТРИИ281

Фердинанд Вальдмюллер (р. 1793)

ЙОРКШИРСКИЕ ФЕХТОВАЛЬЩИКИ: СВ. ГЕОРГИЙ В БОЮ СО СВ. ПЕТРОМ297

Из статьи мистера Т. М. Фэллоу в журнале *The Antiquary*, май, 1895 г.

ПРОЗРЕНИЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ337

151617

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Происхождение и цель праздников - Идеи, подсказанные Рождеством - Языческие и христианские элементы - Названия праздников - Основание праздника Рождества - Его отношение к Богоявлению - 25 декабря и *Natalis Invicti* - Календы января - Йоль и тевтонские праздники - Церковь и языческие праздники - Два противоречивых типа праздников - Их взаимодействие - План книги.

Почти у всех народов, как диких, так и цивилизованных, есть инстинкт выделять определенные дни для особых церемоний, сопровождаемых внешним ликованием. Эта тенденция концентрироваться на особых моментах отвечает потребности человека подняться над обыденностью и повседневностью, вырваться из свинцового груза монотонности, который его угнетает. "Мы склонны уставать от самого вечного великолепия, а отметка в календаре или звон колоколов в полночь, возможно, напоминают нам, что мы только недавно были созданы" [1] {1}. То, что они пробуждают людей, является великим оправданием праздников, и как религиозное чувство человека, так и его радость жизни обычно имеют тенденцию подниматься "на пики, башни и башенки, на сверхчеловеческие исключения, которые действительно доказывают правило" {2}. Трудно быть религиозным, невозможно быть веселым в каждый момент жизни, а праздники - как освещенные солнцем вершины, свидетельствующие над темными долинами о вечном сиянии. Таков один из взглядов на цель и ценность фестивалей, и их функция ободрения людей и расширения их перспектив, несомненно, была важной причиной их поддержания в прошлом. Если бы мы могли проследить обычай проведения праздников до его истоков в первобытном обществе, то обнаружили бы тот же принцип специализации, хотя вполне вероятно, что эта практика возникла не ради ее морального или эмоционального эффекта, а из-за желания человека, так сказать, накопить запас святости, магической, а не этической, для обычных дней.

Первые создатели священных дней, вероятно, больше заботились о таких материальных благах, как пища, чем о духовных идеалах, когда отмечали священными днями ритм времен года. {3} По мере развития человеческого сознания субъективная сторона вопроса все больше выходила на первый план, пока в праздниках христианской церкви главной целью не стало ускорение набожности верующего путем созерцания тайн веры. Однако, как мы увидим, со многими христианскими праздниками связаны старые представления о магической святости, вероятно, столь же сильные в сознании простых людей, как и более духовные идеи, навеваемые церковными праздниками.

В современной Англии мы почти утратили привычку к праздникам, но если и есть среди нас праздник, который сохранился как универсальная традиция, так это Рождество. У нас есть банковские праздники, но это всего лишь дни отдыха и развлечений, и для большинства людей Пасха и Уитсантид имеют небольшое религиозное значение - только Рождество обладает характером святости, который отличает истинный праздник. Празднование

Рождества часто не имеет почти ничего общего с ортодоксальными догмами, но так или иначе чувство обязанности соблюдать этот праздник очень сильно, и мало найдется англичан, какими бы нетрадиционными они ни были, которые полностью избежали бы чар традиции в этом вопросе.

Рождество - как много образов вызывает это слово: мы думаем о певцах-колядовщиках и украшенных святками церквях, в которых люди воспевают рождение Божественного Младенца; о морозе и снеге, и, напротив, о теплых очагах и домах, ярких и красочных, настоящих крепостях против холода; о пиршествах и веселье, о поздравлениях и обмене подарками; и, наконец, неясные суеверные обычаи, реликты давних времен, исполняемые, возможно, из уважения к обычаям и обыкновениям, или просто в шутку, или с намеренной попыткой отбросить себя в прошлое, на мгновение перенестись в мысленное детство расы. Это лишь некоторые из тех картин, которые возникают в сознании англичан при упоминании Рождества; сколько других сцен предстало бы перед нами, если бы мы могли осознать, что этот праздник значит для людей других народов. И все же даже это говорит о том, что вряд ли нужно говорить: Рождество - нечто гораздо более сложное, чем просто церковный святой день, что празднование Рождения Иисуса, как бы глубоко и трогательно оно ни было для тех, кто придерживается веры в Воплощение, - лишь один из многих элементов, вошедших в великий зимний праздник.

На следующих страницах я попытаюсь представить картину, пусть отрывочную и неадекватную, того, чем является и было Рождество для народов Европы, и показать, насколько это возможно, различные элементы, вошедшие в его состав. Большинство людей имеют смутное представление о том, что эти элементы в значительной степени языческие, но сравнительно немногие имеют представление о процессе, в ходе которого языческие элементы смешались с явно христианскими, и такая же неясность царит в отношении природы и значения нехристианских обычаев. Эта тема обширна и до сих пор не изучена досконально, но труды историков и фольклористов сделали некоторые выводы вероятными и породили гипотезы, представляющие большой интерес и очарование.

Я уже говорил о "христианских" [2] и "языческих" элементах. Различие в некоторой степени размывается из-за облачения языческих обычаев в поверхностное христианство, но в целом оно достаточно ясно, чтобы оправдать разделение этой книги на две части, одна из которых посвящена церковному празднику Рождества Христова, а другая - тем остаткам языческих зимних праздников, которые продолжаются с ноября по январь, но особенно сгущаются вокруг Рождества и Двенадцати дней.

Прежде чем перейти к различным аспектам церковного Рождества, мы должны кратко рассмотреть его происхождение и связь с некоторыми 20 языческими праздниками, обычаи которых будут подробно рассмотрены в части II.

Названия, которые давали этому празднику разные европейские народы, проливают определенный свет на его историю. Возьмем пять из них - *Рождество*, *Вейнахт*, *Ноэль*, *Календы* и *Йоль* - и посмотрим, на что они намекают.

I. Английское *Christmas* и его голландский эквивалент *Kerstmisse* явно указывают на церковную сторону праздника; немецкое *Weihnacht* {4} (священная ночь) более расплывчата и вполне может быть как языческой, так и христианской; на самом деле она кажется христианской, поскольку не появляется до 1000 года, когда вера уже прочно утвердилась в Германии. *{5} Рождество* и *Weihnacht*, таким образом, могут обозначать отчетливо христианский праздник, историю которого мы сейчас кратко изучим.

Когда и где началось празднование Рождества? Многие детали его ранней истории остаются неясными, но совершенно ясно, что самое раннее празднование Рождения Христа 25 декабря произошло в Риме примерно в середине четвертого века, и что соблюдение этого дня распространилось от западной Церкви к восточной, которая до этого имела обыкновение отмечать 6 января как совместное празднование Рождества и Крещения Искупителя. [3]

Первое упоминание о празднике Рождества Христова 25 декабря встречается в римском документе, известном как Филокалийский календарь, датируемом 354 годом, но воплощающем более древний документ, очевидно, относящийся к 336 году. Точно неизвестно, к какой дате относится упоминание Рождества Христова; [4], но дальше 336 года праздник не прослеживается.

Из Рима Рождество распространилось по всему Западу, обратив свою веру в варваров. Попало ли оно в Англию через кельтскую церковь, неизвестно, но святой Августин определенно принес его с собой, и Рождество 598 года стало свидетелем великого события - крещения более десяти тысяч новообращенных англичан. {9} В 567 году Турский собор объявил двенадцать дней, от Рождества до Богоявления, праздничным приливом; {10} законы Этельреда (991-1016) предписывали его как время мира и согласия среди христиан, когда все распри должны прекратиться. {11} В Германии Рождество было установлено Майнцским синодом в 813 году; {12} в Норвегии - королем Хаконом Добрым около середины X века. {13}

На Востоке, как мы уже видели, Рождение Искупителя сначала праздновалось не 25 декабря, а 6 января, в праздник Богоявления или явления славы Христа. Праздник Богоявления прослеживается уже во втором веке, среди еретиков-василиан, от которых он, возможно, перешел в Католическую церковь. У них это был, безусловно, праздник Крещения, а возможно, и Рождества Христова. Происхождение праздника Богоявления {14} очень туманно, и мы не можем с уверенностью сказать, каково было его значение вначале. Возможно, он занял место языческого обряда, отмечавшего рождение Мира или Эона от Девы 6 января. [5] Во всяком случае, одним из его предметов было воспоминание о Крещении, явлении Святого Голубя и Голосе с небес: "Ты сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение" (или, как читают другие МСС, "В сей день Я родил Тебя").

22 В некоторых кругах раннего христианства Крещение, по-видимому, рассматривалось как истинное Рождение Христа, момент, когда, исполненный Духа, Он стал Сыном Божьим; плотское же Рождение считалось сравнительно малозначимым. Поэтому праздник Крещения мог возникнуть первым, а празднование Рождения в Вифлееме могло быть позже приурочено к тому же дню, отчасти, возможно, потому, что отрывок из Евангелия от Луки подразумевал, что Иисус был крещен в Свой тридцатый день рождения. Однако по мере того, как ортодоксальная вера становилась все более четкой, все больший акцент делался на воплощении Бога во Христе в утробе Девы Марии, и, возможно, считалось, что празднование Рождения и Крещения в один и тот же день поощряет еретические взгляды. Отсюда, скорее всего, и возникло Рождество 25 декабря как праздник только Рождения. На Востоке совместное празднование этих двух событий продолжалось еще некоторое время после того, как Рим учредил отдельный праздник Рождества. Однако постепенно римский обычай распространился: в Константинополе он был введен около 380 года великим богословом Григорием Назианзеном; в Антиохии он появился в 388 году, в Александрии - в 432 году. Иерусалимская церковь долгое время держалась в стороне, отказываясь принимать новый праздник, кажется, до седьмого века. {18} Одна из важных церквей, Армянская, ничего не знает о 25 декабря, и по-прежнему празднует Рождество Христово

вместе с Богоявлением 6 января. {19} Богоявление в восточной православной церкви утратило свою связь с Рождеством и теперь является главным образом празднованием Крещения Христа, в то время как на Западе, как всем известно, это прежде всего празднование Поклонения волхвов, событие, отмечаемое греками в Рождество. Однако, как мы увидим, Богоявление является более значительным праздником в греческой церкви, чем Рождество.

Такова в общих чертах история распространения Рождества как самостоятельного праздника. Его установление вполне уместно последовало за триумфом католической доктрины о совершенном Божестве Христа на Никейском соборе в 325 году.

II. Французское *Noël* - название, происхождение которого вызывает много споров; однако не приходится сомневаться, что это то же слово, что и провансальское *Nadau* или *Nadal*, 23 итальянское *Natale* и валлийское *Nadolig* - все они, очевидно, происходят от латинского *natalis* и означают "день рождения". Естественно, это относится к рождению Христа, но, во всяком случае, может напомнить нам о другом дне рождения, отмечавшемся в ту же дату римлянами Империи, - дне рождения непобежденного Солнца, которое 25 декабря, в день зимнего солнцестояния по юлианскому календарю, начинало восходить с новой силой после своего осеннего упадка.

Почему, спросим мы, Церковь выбрала 25 декабря для празднования рождения своего Основателя? Сейчас никто не думает, что эта дата подкреплена надежной традицией; это лишь одно из различных предположений раннехристианских писателей. Как отмечал один иезуит XVIII века {20}, в году нет ни одного месяца, который не был бы приурочен к Рождеству Христову тем или иным писателем. Настоящая причина выбора дня, скорее всего, заключалась в том, что на него выпадал языческий праздник, о котором мы только что упоминали.

Dies Natalis Invicti, вероятно, впервые был отпразднован в Риме по приказу императора Аврелиана (270-5), ярого поклонника сирийского бога солнца Ваала. {21} С *Sol Invictus* отождествлялась фигура Митры, того странного восточного бога, чей культ во многом напоминал поклонение Иисусу и который в свое время был серьезным соперником Христа в сознании вдумчивых людей. [6] {22} Именно бога солнца, поэтически и философски осмысленного, император Юлиан сделал центром своего злополучного возрождения язычества, и сохранилась его прекрасная молитва "Царю-Солнцу". {23}

Что может быть естественнее, чем то, что Церковь избрала этот день для празднования восхода своего Солнца Праведности с исцелением на крыльях, что она должна стремиться таким образом привлечь к Его поклонению некоторых поклонников бога, символом и представителем которого было земное солнце! Прямых доказательств намеренной подмены нет, но, во всяком случае, церковные писатели вскоре после основания Рождества активно использовали идею 24 о том, что день рождения Спасителя заменил день рождения солнца. [7]

О том, как отмечался *Natalis Invicti*, известно немного; он не был народным праздником и, вероятно, отмечался скорее сословиями, чем массами. {24} Его непосредственное влияние на рождественские обычаи, вероятно, было незначительным или вообще отсутствовало. Однако он выпал как раз перед римским праздником, который пользовался огромной популярностью, имеет большое значение для нашей темы, и о нем напоминает другое название Рождества, которое мы сейчас рассмотрим.

III. Провансальское *Calendas* или *Calenos*, польское *Kolenda*, русское *Kolyáda*, чешское *Koleda* и литовское *Kalledos*, не говоря уже о валлийском *Calenig* - "рождественский ящик" и гэльском *Calluinn* - "канун Нового года", - все они происходят от латинского *Kalendae* и указывают на связь Рождества с римским Новым годом, Kalends или первым днем января, временем, которое отмечалось со многими праздничными обычаями. Что это были за обычаи и как они повлияли на Рождество, мы подробно рассмотрим в части II ; здесь же достаточно сказать, что праздник, который длился не менее трех дней, представлял собой буйную жизнь, пиршества, игры и разгул. Кроме того, ему предшествовали *Сатурналии* (с 17 по 23 декабря), которые имели много схожих черт и, должно быть, составляли с ним практически один праздничный сезон. Слово *"сатурналии"* стало настолько привычным в современном обиходе, что в достаточной степени указывает на характер фестиваля, который оно обозначает.

25Среди этого сезона веселья и лицензий Церковь ввела свое празднование начала искупления человека от рабства греха. Кто может удивляться тому, что Рождество содержит несочетаемые элементы, ведь старые вещи, полюбившиеся народу, нелегко выкорчевать.

IV. Осталось рассмотреть еще одно название - *Yule* (датское *Jul*), обычное слово для обозначения Рождества в скандинавских языках, не исчезнувшее и у нас. Его происхождение широко обсуждалось, но до сих пор не было найдено удовлетворительного объяснения. Профессор Скит в последнем издании своего Этимологического словаря (1910) вынужден признать, что его происхождение неизвестно. Каким бы ни был его источник, это явно название германского сезона - вероятно, двухмесячного, охватывающего вторую половину ноября, весь декабрь и первую половину января. {26} Оно вполне может указывать нам на элемент, добавленный к Рождеству варварскими народами, которые начали осваивать христианство примерно в то время, когда был основан этот праздник. Современные исследования склонны опровергать идею о том, что древние германцы устраивали праздник Йоль во время зимнего солнцестояния, и, как мы увидим, вполне вероятно, что специфически тевтонские рождественские обычаи происходят от празднования Нового года и начала зимы, которое проводилось примерно в середине ноября. Эти обычаи, перенесенные на Рождество, в значительной степени представляют собой религиозные или магические обряды, призванные обеспечить процветание в наступающем году, а также привычные рождественские пиршества, которые, очевидно, частично произошли от жертвенных банкетов, отмечавших начало зимы.

Теперь мы в общих чертах рассмотрели элементы, которые соединились в Рождестве. Языческие народные праздники, впитавшие в себя праздник Рождества, были по сути своей жизнеутверждающими, они выражали мысли людей, которые говорили "да" этой жизни, ценили земные блага. С другой стороны, христианство, во всяком случае, в его наиболее интенсивной форме, религия монахов, было в основе своей пессимистично по отношению к этой земле и ценило ее только как место дисциплины для будущей жизни; по сути, это была религия отречения, которая говорила миру "нет". Христианин не имел здесь постоянного города, но стремился к будущему. Как могла Церковь устраивать праздник светского Нового года; какое значение имел для нее мир времени? Ее взор был прикован к вечным реалиям - великой драме Искупления. Не на движении временного солнца по зодиаку, а на мистическом прогрессе вечного Солнца Праведности должна она основывать свой календарь. Рождество и Новый год - эти два праздника изначально отстаивали самые противоположные принципы.

Естественно, Церковь вела ожесточенную борьбу против празднования Календ, неоднократно осуждала недостойные поступки христиан, присоединявшихся к языческим

обычаям в это время, пыталась сделать первое января торжественным постом, и с аскетической точки зрения она была глубоко права, ибо старые праздники были связаны с похотливым отношением к миру, стремлением к земным радостям и благополучию.

Борьба между аскетическим принципом самоистязания, отречения от мира, поглощенности трансцендентным идеалом и естественным человеческим стремлением к земной радости и благополучию - это, пожалуй, самый интересный аспект истории христианства; он, безусловно, захватывающе интересно показан в развитии христианского праздника Рождества Христова. Поначалу конфликт был острым; церковные власти боролись зубами и гвоздями против этих реликтов язычества, этих дьявольских обрядов; но инстинктивное язычество человечества неистребимо, обряды продолжаются, хотя и теряют большую часть своего значения, и Церковь, устав от осуждения, начинает подмигивать им, а языческая радость земной жизни начинает окрашивать ее собственный праздник.

Церковное Рождество с течением Средневековья становится все более "веселым" - теплым и домашним, отвечающим инстинктам обычного человека, наполненным земной радостью, а не только мистическим восторгом от трансцендентного Искупления. Воплотившийся Бог становится настоящим ребенком, которого можно ласкать и укачивать, ребенком, который является самым милым из младенцев, чей день рождения - высший тип всех человеческих дней рождения, и его можно отмечать пирами, танцами и песнями. Таково Рождество народной традиции, Рождество, отраженное в колядках, качании колыбели, мистериальных пьесах позднего Средневековья. Это Рождество, до сих пор сохраняющееся, хотя и искалеченное, в некоторых католических регионах, сильно жизнеутверждающее; остро ощущается ценность и восторг от земных, материальных вещей; иногда оно даже переходит в грубость и разгул. И все же в ней обычно присутствует некий мистицизм, намек на то, что эта дорогая жизнь, этот прекрасный мир - это еще не все, ведь в душе есть бессмертные стремления. Почти всегда присутствует дух благоговения, преклонения перед Младенцем Богом, гостем из сверхъестественного мира, хотя и кость от кости человека, плоть от плоти его. Небо и земля встретились вместе; грубый хлев превратился во дворец Великого Царя.

Это можно назвать "католическим" Рождеством, Рождеством той эпохи, когда Церковь наиболее полно отвечала потребностям всего человека, духовным и чувственным. Реформация в Англии и Германии не уничтожила его полностью; в Англии певцы-колядовщики еще некоторое время поддерживали старый дух; в лютеранской Германии очень красочное и удивительно чувственное празднование Рождества продолжалось до XVIII века. В странах, оставшихся католическими, многое из старого Рождества сохранилось, хотя дух Контрреформации, столкнувшись с вызовом протестантизма, стремился к большей "респектабельности" и часто лишал католическое Рождество его юмора, домашнего уюта, его истинно народной печати, заменяя вычурность простотой, приторную сентиментальность наивной и искренней поэзией.

Помимо превращения церковного Рождества из чего-то строгого и метафизического в нечто радостное и человечное, теплое и доброе, во второй части мы отметим сохранение многого чисто языческого, продолжающегося рядом с празднованием Рождества Христова и часто мало затронутого его влиянием. Но сначала мы должны рассмотреть ту сторону праздника, на которую указывают английские и французские названия: *Рождество* будет означать литургические обряды, отмечающие чудо Воплощения - Бога в человеке, ставшего явленным, а *Ноэль*, или "День рождения", - способы, с помощью которых люди пытались реализовать человеческий аспект великого Пришествия.

Как мы можем постичь внутренний смысл праздника Рождества Христова, его значение для верующих? Лучше, наверное, через поэзию, чем через ритуал, потому что именно поэзия раскрывает эмоции, лежащие в основе внешнего соблюдения, и мы лучше поймем их, когда исполнители Рождества обнажат перед нами свои сердца. Поэтому сначала мы можем уделить внимание рождественской поэзии разных эпох и народов, а затем перейти к рассмотрению литургического и народного ритуала, в котором Церковь стремилась выразить свою радость по поводу рождения Искупителя. Церемониал, конечно, всегда имеет миметические тенденции, и в следующей главе мы увидим, как они проявились в подлинной драме; как в пьесах о чудесах рождественская история была представлена формами и голосами живых людей.

293031

Часть I - Христианский праздник

ГЛАВА II

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (I) [8] {1}

Древние латинские гимны, их догматический и богословский характер - гуманизирующее влияние францисканства - простонародные стихи Якопоне да Тоди - немецкая католическая поэзия - средневековые английские колядки.

МАДОННА В ОКРУЖЕНИИ СВЯТЫХ И АНГЕЛОВ.

ПЕСЕЛЛИНО

(*Галерея Эмполи*)

Рождество, как мы уже видели, началось в середине четвертого века в Риме. Новый праздник не заставил себя долго ждать и нашел автора гимнов, чтобы воплотить в бессмертной латыни эмоции, вызванные воспоминанием о Рождестве. "Veni, redemptor gentium" - один из самых ранних латинских гимнов, один из немногих, дошедших до нас от отца церковной песни, Амвросия, архиепископа Миланского (ум. 397). Великий богослов и государственный деятель, Амвросий был велик также как поэт и систематизатор церковной музыки. "Veni, redemptor gentium" прежде всего величественна и сурова, что соответствует строгому характеру ревностного противника арианских еретиков, поборника монашества. Только теологический аспект Рождества, искупление грешного человека тайной Воплощения и чудом Рождения Девы, мы находим в лаконичной и беременной латыни святого Амвросия; в ней нет чувства человеческого пафоса и поэзии сцены в Вифлееме - "Veni redemptor gentium".

"Veni, redemptor gentium,
Ostende partum virginis;

Miretur omne saeculum:
Talis decet partus Deum.32
Non ex virili semine,
Sed mystico spiramine,
Verbum Dei factum caro,
Fructusque ventris floruit." [9] {2}

Другой прекрасный гимн, часто звучащий в английских церквях, относится к более позднему времени. "Corde natus ex Parentis" ("От любви Отца рожденный") - это центон из более крупного гимна испанского поэта Пруденция (*ок.* 348-413 гг.). Пруденций писал не для литургических целей, и прошло несколько столетий, прежде чем "Corde natus" вошел в цикл латинских гимнов. Его изощренная риторика совсем не похожа на суровость "Veni, redemptor gentium", но опять же нота чисто теологическая; Воплощение как мировое событие - вот его тема. В ней воспевается рождение Того, Кто есть

"Corde natus ex Parentis
Ante mundi exordium,
Alpha et O cognominatus,
Ipse fons et clausula
Omnium quae sunt, fuerunt,
Quaeque post futura sunt
Saeculorum saeculis." [10] {3}

Другие ранние гимны - "A solis ortus cardine" ("От востока до запада, от берега до берега") некоего Коэлия Седулия (ум. *ок.* 450), до сих пор исполняемый Римской церковью на лаудах в день Рождества, и "Jesu, redemptor omnium" (VI век), служебный гимн на рождественской вечерне. Как и стихи Амвросия и Пруденция, они написаны классическим метром, без рифмы и основаны на количестве, а не на ударении, и имеют тот же общий характер, скорее доктринальный, чем человечески нежный.

В девятом и десятом веках возникла новая форма песнопения - проза или секвенция, исполняемая после градуала (гимн между эпистолой и Евангелием на мессе). Самым ранним автором секвенций был Ноткер, монах аббатства Санкт-Галл, расположенного недалеко от Боденского озера. Среди тех, которые, вероятно, являются его работой, - рождественский "Natus ante saecula Dei filius". Однако самым известным рождественским последованием является "Laetabundus, exsultet fidelis chorus" святого Бернарда Клервоского (ум. 1153), который когда-то пели по всей Европе, но особенно популярный в Англии и Франции. Вот его начальные стихи:.

"Laetabundus,
Exsultet fidelis chorus;
Аллилуйя!
Regem regum
Intactae profudit thorus;
Res miranda!

Angelus consilii
Natus est de Virgine,
Sol de stella!

Sol occasum nesciens,
Stella semper rutilans,
Semper clara." [11] {4}

Laetabundus" написан рифмованными строфами; в этом он отличается от большинства ранних просодий. Однако написание рифмованных строф стало общепринятым благодаря примеру парижского монаха Адама Сен-Викторского во второй половине двенадцатого века. Он принял совершенно новый стиль стихосложения и музыки, заимствованный из народных песен; он и его преемники в XIII-XIV веках писали различные просодии для рождественского праздника.

Если мы рассмотрим латинские рождественские гимны с IV по XIII век, то обнаружим, что, как бы сильно они ни различались по форме, у них есть одна общая характеристика: они по сути своей теологические, скорее посвященные Воплощению и Рождеству как части процесса искупления человека, нежели реалистичные. В них мало попыток представить себе сцену в хлеву в Вифлееме, мало интереса к Младенцу как к ребенку, мало ощущения человеческого пафоса Рождества. Объяснение этому, как мне кажется, очень простое, и оно освещает все празднование Рождества как церковного праздника в рассматриваемые нами века: *эта поэзия - поэзия монахов или людей, проникнутых монашеским духом*.

В течение двух столетий после учреждения Рождества Римская империя на западе распалась, и нашествия варваров угрожали самому существованию христианской цивилизации, победившей классическое язычество. Именно с помощью армии монахов Церковь укротила и христианизировала варваров, и до середины XII века и религия, и культура были преимущественно монашескими. "Когда пишут о любом выдающемся религиозном человеке этого периода" [одиннадцатый век], говорит Дин Черч, "почти как само собой разумеющееся, что он был монахом". {5} А монастырь не был местом для человеческих чувств по поводу Рождества; монах был - во всяком случае, в идеале - отрезан от мира; для него не существовало радостей родительства или нежных чувств к новорожденному ребенку. Для монаха мир был, по крайней мере теоретически, долиной страданий; рождение и поколение, можно сказать, терпели как необходимое зло среди мирян, не способных подняться до высот воздержания и отречения; трудно представить себе истинного раннего бенедиктинца, исполненного "радости, что человек рождается в мир". Рождество Христово было бесконечно важным событием, которое следовало праздновать с целомудренной, неземной радостью, но не тем, чем оно стало для позднего Средневековья и Ренессанса, чем можно было щедро похвалиться, чем можно было украсить воображение яркими конкретными деталями. В позднем Рождестве 35 языческий и христианский дух, или восторг от земных вещей и радость от невидимого, кажется, встречаются и смешиваются; для истинного монаха Темного и Раннего Средневековья они были несовместимы.

А что же люди, огромный мир за пределами монастырей? Можем ли мы представить, что Рождество, с его христианской стороны, имело для них глубокий смысл? В течение первых десяти веков, снова цитируя Дина Черча, христианство "едва ли можно сказать, что вообще заквашивало общество ..... Оно действовало на него, несомненно, с огромной силой; но оно было как посторонний и чужеродный агент, который разрушает и формирует, но не смешивает и не обновляет..... Общество долго отучалось от язычества; оно не сделало этого до сих пор; но оно едва ли начало, во всяком случае, только начало, представлять себе возможность такого в одиннадцатом веке." {6}

"Практическая религия неграмотных, - говорит другой церковный историк, доктор У. Р. У. Стивенс, - во многих отношениях была просто выжившим старым язычеством, тонко замаскированным. Распространенной была вера в колдовство, магию, колдовство, заклинания, чары, талисманы, которые странным образом смешивались с христианскими идеями и христианским поклонением..... Страх, нота суеверия, а не любовь, характерная для рациональной веры, был заметен в большей части народной религии. Мир преследовали демоны, хобгоблины, злобные духи разных видов, чье вредоносное влияние должно быть отвращено с помощью чар или подношений." {7}

Труды церковников, постановления соборов и синодов, начиная с IV века и заканчивая XI, изобилуют осуждениями языческих обычаев на рубеже года. Именно в этих обычаях, в светском веселье и гуляньях, а не в христианской поэзии, мы должны искать выражение раннего светского отношения к Рождеству. Это был праздник материальных благ, время для исполнения традиционных языческих обычаев, а не радостное празднование рождения Спасителя. Несомненно, Рождество отмечалось посещением церкви, но службы на непонятном для людей языке не могли иметь для них большого значения, и мы можем представить себе 36 их рождественское посещение церкви скорее как обязанность, вдохновленную страхом, чем как выражение благочестивого ликования. Примечательно, что самая ранняя из известных нам вернакулярных рождественских песен, англо-норманнская "Seignors, ore entendez à nus" начала XIII века, - это песня не о религии, а о веселье. Характерен ее последний куплет:

"Сеньоры, вы входите в Ноэль,
E par li sires de cest hostel,
Car bevez ben;
E jo primes beverai le men,
E pois aprèz chescon le soen,
Par mon conseil;
Si jo vus di trestoz, "Wesseyl!
Dehaiz eit qui ne dirra, 'Drincheyl!" [12] {8}

Только к концу XIII века мы встречаем значимую рождественскую поэзию в просторечии. Стихи *трубадуров* и *труверов* Франции двенадцатого века имели мало общего с христианством; их песни были в основном о земной и незаконной любви. Немецкие миннезингеры XIII века были действительно благочестивы, но их благочестивые песни были обращены к Деве Марии как Царице Небесной, идеалу женственности, держащей в славе Божественного Младенца на руках, а не к Младенцу и Его Матери в великом смирении Вифлеема.

Первый настоящий всплеск рождественской радости на народном языке мы находим в Италии, в стихах этого странного "менестреля Господа", францисканца Якопоне да Тоди (р. 1228, ум. 1306). *Францисканец*, в этом имени мы имеем указание на перемену в религиозном чувстве, которая произошла в западном мире, и особенно в Италии, в тринадцатом веке. {9} Прошло двадцать слишком коротких лет апостольства святого Франциска, и стало возможным новое отношение к Богу, человеку и миру. Не то чтобы перемены произошли исключительно благодаря святому Франциску; он был скорее высшим воплощением идеалов и тенденций своего времени, чем их фактическим творцом; но он был искрой, из которой разгорелось могучее пламя. В его лице мы достигаем столь важного поворотного пункта в истории Рождества, что нам следует ненадолго задержаться у него.

Раннее францисканство означало прежде всего демократизацию, гуманизацию христианства; с ним начинается тот "дух колядок", который является наиболее выигрышной частью христианского Рождества, дух, который, не забывая о божественной стороне Рождества, восхищается его простой человечностью, дух, который связывает Воплощение с обычной жизнью людей, который привносит человеческую нежность в религию. Верующие больше не созерцают просто теологическую тайну, они движимы нежной преданностью к Вифлеемскому Младенцу, осознанному как реальное живое дитя, Бог, но ощущающему холод зимы, грубость яслей.

Следует помнить, что святой Франциск не был человеком высокого происхождения, он был сыном торговца шелком, и его призыв был обращен главным образом к торговцам и квалифицированным рабочим в городах, которые в его время поднимались по значимости, приходя, выражаясь современным социалистическим языком, к классовому сознанию. Монахи, хотя в монастырь иногда принимали и мальчиков низкого происхождения, находились в одной симпатии с высшими классами, а монастырская религия и культура были по сути аристократическими. Возникновение францисканцев означало приход христианства к массам городских рабочих, домашних людей, которые нуждались в религии, полной яркой человечности, и которых особенно тронула бы патетическая история Рождества Христова.

Любовь к человеку, чувство человеческого братства - вот то великое, что принес в свой век святой Франциск. Послание, конечно, не было новым, но он воплотил его в жизнь с заразительной силой. Вторая великая заповедь "Возлюби ближнего твоего, как самого себя" не была забыта средневековым христианством; обычная жизнь монашества была попыткой исполнить ее; но для монаха любовь к человеку часто была скорее обязанностью, чем страстью. Но для святого Франциска любовь была самой жизнью; он любил не по обязанности, а по внутреннему побуждению, и его пламенная любовь к Богу и человеку нашла свое средоточие в Богочеловеке, Христе Иисусе. Ни для одного святого, пожалуй, земная жизнь Христа не была предметом такой страстной преданности, как для святого Франциска; стигматы были ужасным, но, по мнению современников, славным плодом его размышлений о Страстях; а об экстазе, с которым он праздновал Рождество в Греччо, мы прочтем, когда перейдем к рассмотрению *Презепио*. Он питал особую привязанность к празднику Святого Младенца; "Младенец Иисус, - говорит Фома Челанский, - был предан забвению в сердцах многих, в которых, по действию Его благодати, Он был воскрешен через Своего слугу Франциска" {10}.

Для раннего Средневековья Христос был грозным Судьей, *Rex tremendae majestatis*, но также и божественным подателем спасения от греха и вечного наказания, а для мистика - Женихом души. Для Франциска же Он был младшим братом всего человечества. Вместе с ним в религию пришла новая человеческая радость. Его творческая натура первой осознала всю поэзию Рождества - приход бесконечности в предельную ограниченность, Высший стал низшим, Царь всех царей - бедным младенцем. В нем в высшей степени сочетались благоговение и нежность, вдохновляющие лучшие колядки.

Хотя до нас не дошло ни одного рождественского стихотворения святого Франциска, есть прекрасный "псалом" для Рождества на вечерне, составленный им частично из отрывков Писания. Можно процитировать часть перевода отца Пашаля Робинсона: "Радуйтесь, Боже, помощи нашей!

"Радуйтесь Богу, помощнику нашему.
Воскликните Богу, живому и истинному,

голосом триумфа.
Ибо Господь высок, грозен:
Великий Царь над всей землей.
Ибо святейший Отец небесный,39
наш Царь, прежде веков послал Своего Возлюбленного
Сына Своего Возлюбленного свыше, и Он
родился от Пресвятой Девы,
святой Марии.

* * * * *

Сей день, который Господь
день, который Господь сотворил: возрадуемся и возвеселимся в него.
Ибо возлюбленный и святейший
Младенец дан нам и
рожденный для нас при дороге.
И положен в яслях, потому что
потому что не было места в гостинице.
Слава в вышних Богу, и на
мир на земле людям доброй воли". {11}

Именно в поэзии Якопоне да Тоди, родившегося вскоре после смерти святого Франциска, францисканский дух Рождества нашел свое самое яркое выражение. Дикий, странствующий аскет, страстный поэт и парящий мистик, Якопоне - один из величайших христианских певцов, как бы ни были отточены его стихи. Благородный по происхождению, он стал таким же простым человеком, как и те, для кого он пел свои деревенские ноты. "Dio fatto piccino" ("Бог создал маленькое существо") - лейтмотив его музыки; Младенец Христос для него - "наш милый младший брат"; с нежной любовью он радуется ласковым уменьшительным - "Bambolino", "Piccolino", "Jesulino". Он воспевает Рождество Христово с необычайным реализмом. [13] Вот, в словах, изображение Мадонны с Младенцем, которое вполне могло бы вдохновить раннего тосканского художника:...

"Veggiamo il suo Bambino
Gammettare nel fieno,
E le braccia scoperte
Porgere ad ella in seno,40
Ed essa lo ricopre
El meglio che può almeno,
Mettendoli la poppa
Entro la sua bocchina.

* * * * *

A la sua man manca,
Cullava lo Bambino,
E con sante carole
Nenciava il suo amor fino....

Gli Angioletti d' intorno
Se ne gian danzando,
Facendo dolci versi
E d' amor favellando." [14] {12}

Но в Святом Младенце есть интенсивное чувство божественного, а также человеческого; никто не ощущал более ярко парадокс Воплощения:-.

ЯКОПОНЕ В ЭКСТАЗЕ ПЕРЕД ДЕВСТВЕННИЦЕЙ.

Из "Laude di Frate Jacopone da Todi"

(Флоренция, 1490).

"Ne la degna stalla del dolce Bambino
Gli Angeli cantano d' intorno al piccolino;

Cantano e gridano gli Angeli diletti,
Tutti riverenti timidi e subietti,41
Al Bambolino principe de gli eletti,
Che nudo giace nel pungente spino.

* * * * *

Il Verbo divino, che è sommo sapiente,
In questo dì par che non sappia niente,
Guardal su' l fieno, che gambetta piangente,
Como elli non fusse huomo divino." [15] {13}

А вот еще несколько милых и домашних строк о подготовке к встрече с Младенцем-Спасителем

"Andiamo a lavare
La casa a nettare,
Чтобы не было грубости.
Poi el menaremo,
Et gli daremo
Ben da ber' e mangiare.
Un cibo espiato,
Et d' or li sia dato
Senza alcuna dimura.
Lo cor adempito
Dagiamoli fornito
Senza odio ne rancura." [16] {14}

42Несколько поэтов были более восторженными, чем Якопоне; люди считали его сумасшедшим; но, "если он сумасшедший, - говорит современный итальянский писатель, - то он сумасшедший, как жаворонок" - "Nessun poeta canta a tutta gola come questo frate minore. S' è pazzo, è pazzo come l' allodola".

Ему приписывают самый пронзительный из латинских гимнов, "Stabat Mater dolorosa"; он также написал к нему радостную рождественскую подвеску:...

"Stabat Mater speciosa,
Juxta foenum gaudiosa,
Dum jacebat parvulus.
Cujus animam gaudentem,
Laetabundam ac ferventem,
Pertransivit jubilus." [17] {15}

В XIV веке мы видим расцвет рождественской поэзии в другой стране, Германии. {16} В поэтической "Жизни Христа" Отфрида Вайсенбургского девятого века действительно есть рождественские и богоявленские отрывки, а поэма Шпервогеля двенадцатого века "Er ist gewaltic unde starc" открывается упоминанием Рождества, но для нас они не имеют особого

значения. В XIV веке происходит первый настоящий всплеск, который, по крайней мере, частично связан с мистическим движением в Рейнской области, вызванным проповедью великого доминиканца Экхарта из Страсбурга и его последователей. Это было движение к внутреннему благочестию, отличавшемуся от внешних соблюдений, хотя и не исключавшему их, которое пробивало себе дорогу во многом благодаря проповедям, которые слушали большие общины в городах. Его импульс исходил не от самих монастырей, а от монастырей доминиканских монахов, и для Германии XIV века оно было тем же, чем францисканство было для Италии XIII века. Одной из центральных доктрин школы 43 была доктрина Божественного рождения в душе верующего; согласно Экхарту, душа вступает в непосредственное единение с Богом, "рождая Сына" внутри себя; исторический Христос - символ божественного человечества, до которого должна подняться душа: "Когда душа рождает Сына, - говорит он, - она счастливее Марии". {17}. Сохранилось несколько рождественских проповедей Экхарта; одна из них заканчивается молитвой: "К этому Рождению да приведет нас Бог, который сегодня рождается как человек, чтобы мы, бедные дети земли, могли родиться в Нем как Бог; к этому да приведет Он нас вечно! Аминь." {18} С таким глубоким учением о Божественном рождении было естественно, что немецкие мистики глубоко проникли в праздник Рождества, и одна из самых ранних немецких рождественских песен, "Es komt ein schif geladen", принадлежит ученику Экхарта, Джону Таулеру (ум. 1361). Возможно, это адаптация светской песни:.

"Корабль плывет вперед
С драгоценным грузом на борту;
Он несет единственного Сына Божьего,
Он несет Вечное Слово".

Доктрина мистиков "Умри, чтобы жить" наполняет последние стихи: -

"Кто надеялся бы в радости
Поцеловать это Святое Дитя,
Должен испытать много боли и горя,
Терпеливый, как Он, и кроткий;

Должны умереть вместе с Ним для зла
И воскреснуть для праведности,
Чтобы вместе с Христом разделить
Вечную жизнь и блаженство." {19}

К четырнадцатому веку, возможно, относится аллегорическая колядка, которую до сих пор поют как в католической, так и в протестантской Германии: - "Es ist ein Rosentsprungen".

"Es ist ein Ros entsprungen
Aus einer Wurzel zart,44
Als uns die Alten sungen,
Von Jesse kam die Art,
Und hat ein Blümlein bracht,
Mitten im kalten Winter,
Wohl zu der halben Nacht.
Das Röslein, das ich meine,
Davon Jesajas sagt,

Hat uns gebracht alleine
Marie, die reine Magd.
Aus Gottes ew'gem Rat
Hat sie ein Kind geboren
Wohl zu der halben Nacht." [18] {20}

В "Жизни мистика Генриха Сузо" XIV века рассказывается, как однажды к нему пришли ангелы, чтобы утешить его в страданиях, как они взяли его за руку и повели танцевать, а один начал радостную песню о младенце Иисусе "In dulci jubilo". К четырнадцатому веку, таким образом, относится эта самая восхитительная из немецких колядок с вплетенными в нее строчками латыни. Я могу процитировать прекрасный шотландский перевод в "Godlie and Spirituall Sangis" 1567 года:...

"*In dulci Jubilo*, Now lat we sing with myrth and jo
Our hartis consolatioun lyis *in praesepio*,
И шинис, как Соне, *Матрис в гремио*,
Alpha es et O, Alpha es et O.
О Иисус Парвуле! Я мучаюсь после этого,45
Утешь мое сердце и мою душу, *о Пуэр Оптиме*,
Бог всякой благодати, *и князь славы*.
Trahe me post te, Trahe me post te.
Ubi sunt gaudia, in oney place bot thair,
Кхаир, чтобы ангелы пели *Nova cantica*,
Бот и колокольчики звонят *в regis curia*,
God gif I war thair, God gif I war thair." {21}.

Музыка "In dulci jubilo" [19] при всем своем религиозном чувстве имеет характер танца и странным образом объединяет торжественность, игривость и экстатический восторг. Ни в одном другом произведении, пожалуй, не проявляется так прекрасно благоговейное веселье колядного духа.

Пятнадцатый век породил реалистичный тип немецкой колядки. Вот начало одной из них:.

"Da Jesu Krist geboren wart,
do was es kalt;
in ain klaines kripplein
er geleget wart.
Da stunt ain esel und ain rint,
die atmizten über das hailig kint
gar unverborgen.
Der ain raines herze hat, der darf nit sorgen." [20] {22}

Далее наивным языком рассказывается о странствиях Святого семейства во время бегства в Египет.

Этот тип колядки продержался и продолжал развиваться в Австрии и католических районах Германии на протяжении XVI, XVII и XVIII веков и даже в XIX. В Каринтии в начале XIX века почти каждый приход имел своего местного поэта, который пополнял старую сокровищницу новыми песнями. {23} Особой популярностью пользовались Hirtenlieder, или пастушьи

песни, в которых крестьяне присоединялись к вифлеемским пастухам и стремились разделить их благочестивые 46 эмоции. Часто эти колядки носят самый деревенский характер и написаны на самом широком диалекте. Они дышат большой добротой и домашним уютом, и можно было бы заполнить страницы цитатами. Однако достаточно двух коротких отрывков, чтобы показать их качество.

Как тепло и сердечно они относятся к Ребенку:...

"Du herzliabste Muater, gib Acht auf dös Kind,
Es is ja gar frostig, thuas einfatschen gschwind.
Und du alter Voda, decks Kindlein schen zua,
Sonst hats von der Kölden und Winden kan Ruah.
Hiazt nemen mir Urlaub, o gettliches Kind,
Thua unser gedenken, verzeich unser Sünd.
Es freut uns von Herzen dass d'ankomen bist;
Es hätt uns ja niemand zu helfen gewist." [21] {24}

А какая отцовская привязанность здесь:...

"Das Kind is in der Krippen glögn,
So herzig und so rar!
Mei klâner Hansl war nix dgögn,
Wenn a glei schener war.
Kolschwarz wie d'Kirchen d'Augen sein,
Sunst aber kreidenweiss;
Die Händ so hübsch recht zart und fein,
I hans angrürt mit Fleiss.

Aft hats auf mi an Schmutza gmacht,
An Höscheza darzue;
O warst du mein, hoan i gedacht,
Werst wol a munter Bue.
Dahoam in meiner Kachelstub
Liess i brav hoazen ein,
Do in den Stâl kimt überâl
Der kalte Wind herein." [22] {25}

47 Мы следовали на немецкой почве средневековой традиции, которая не прерывалась вплоть до наших дней; но теперь мы должны сделать скачок назад во времени и рассмотреть зарождение рождественского песнопения в Англии.

Только в пятнадцатом веке на английском языке появляется рождественская поэзия, хотя в тринадцатом и начале четырнадцатого веков в значительных количествах создавались другие формы религиозной лирики. Когда, наконец, появляются колядки, они появляются в наименее вероятном из всех мест, в конце стихотворения о долге человека, написанного Джоном Авдлеем, слепым священником из Хагмона в Шропшире. Красными буквами он пишет: - "Я молю тебя, сирус.

"Молю вас, сирус, будьте мужественны и ласковы,
Спой эти кароли в Кристмас".

и далее следует сборник из двадцати пяти песен, некоторые из которых являются настоящими рождественскими колядками, как сейчас понимают это слово. {26}

Колядка, в современном английском понимании, может быть определена как религиозная песня, менее формальная и торжественная, чем обычный церковный гимн - выражение популярных и часто наивных чувств, предназначенное для исполнения вне, а не в стенах церкви. В этом слове еще сохранились отголоски его первоначального значения, ведь "колядка" сначала имела светское или даже языческое значение: во Франции двенадцатого века она использовалась для описания амурных песен-танцев, которые приветствовали приход весны; в итальянском языке она означала кольцо или песню-танец; а у английских писателей с тринадцатого по шестнадцатый век она использовалась в основном для пения, соединенного с танцами, и не имела необходимой связи с религией. Как ни не любила средневековая церковь с ее аскетическими наклонностями религиозные танцы, она не всегда могла их подавить; и в Германии, как мы увидим, на Рождество вокруг колыбели Младенца Христа устраивались хоровые танцы. Сомнительно, чтобы рождественские гимны танцевали в Англии; однако во многих старых песнях и словах чувствуется ликование и игривость, как будто человеческая природа следует своим естественным инстинктам радости даже в праздновании самых священных таинств. Вероятно, некоторые из колядок являются религиозными пародиями на любовные песни, написанные на мелодии оригиналов, а многие, судя по их структуре, косвенно происходят от хоровых танцев фермеров, примечательной особенностью которых является их ноша или припев, сохранившийся от общего крика танцоров, когда они прыгали вокруг.

Колядки Авдлея, возможно, предназначены для пения "соседями, которые совершают обход в Рождество, чтобы выпить чашу и взять подарок, и принести удачу в дом" {27} - предшественники тех исполнителей колядок в сельской Англии XIX века, которых мистер Харди так восхитительно изображает в "Под зеленым деревом". Пение колядок группой мужчин, которые ходят от дома к дому, вероятно, является христианизацией таких языческих процессий, которые мы встретим в менее измененных формах в части II.

Не следует думать, что колядки, которые приводит Авдлей, - его собственная работа; их точную дату определить невозможно. Часть его книги была написана в 1426 году, но, по крайней мере, одна из колядок, вероятно, была написана в последней половине четырнадцатого века. Они кажутся поздним расцветом великой весны английской литературы, периода, который породил Чосера и Лэнгленда, бесчисленную компанию менестрелей и создателей баллад, а также поэта-мистика Ричарда Ролла из Хэмпола. [23]

На протяжении пятнадцатого века и первой половины шестнадцатого расцвет продолжался, и известно около двухсот колядок этого периода. Невозможно попытаться привести здесь что-то похожее на репрезентативную цитату; я могу лишь в самых грубых чертах набросать основные характеристики английской колядной литературы и отослать читателя за примерами к обширной коллекции мисс Эдит Рикерт "Ancient English Carols, MCCCC-MDCC" или к небольшой, но прекрасной подборке в "Early English Lyrics" господ Э. К. Чемберса и Ф. Сиджвика. Многие из них могли быть работой *голиардов* или странствующих ученых, и общей чертой является переплетение латыни с английскими словами.

Некоторые, как, например, изысканная "I sing of a maiden that is makeles" {29}, являются скорее песнями, посвященными Деве Марии, чем рождественскими гимнами; их тема -

Благовещение, а не Рождество. Другие снова рассказывают всю историю жизни Христа. Феодальная идея сильна в таких строках, как эти:-

"Мэри - прекрасна во всем,
И сын ее - прекрасный король.
Дай Бог нам всем хорошего конца!
Regnat dei gracia." {30}

В целом, несмотря на некоторые мистические исключения, средневековая английская колядка несколько внешняя по своей религиозности; в ней мало глубокого индивидуального чувства; колядовщик поет как представитель рода человеческого, чье проклятие снято, чья природа возвышена Воплощением, а не как тот, чья душа жаждет Бога: - "Now man brighter than the man's blighter than the man's blender, whose curse is done away, whose nature is exalified by the Incarnation, rather than as one whose soul is athirst for God".

"Теперь человек ярче, чем сын;
Теперь человек в хевене и хие будет побеждать;
Благословен Бог, что эта игра началась.
And his moder emperesse of helle." {31}

Спасение - это скорее объективная внешняя вещь, чем внутренний и духовный процесс. Человеку достаточно лишь благочестиво молиться дорогой Матери и Младенцу, и они приведут его к небесному суду. Великое событие Рождества исцеляет не столько личный грех, сколько злое влияние в человечестве.

"Было темно, было тускло,
Для людей, что погрязли в тяжком грехе;
Люцифер был внутри,
пока не наступил день Рождества.50

Плач был, горе было,
Ибо каждый в ад отправлялся.
Это было небольшое месиво,
Till on the Cristmes day." {32}

Но теперь, когда Христос родился, а человек искуплен, можно радоваться: -

"Иисус - вот имя этого ребенка,
Майда и Модер - его дама,
И так наша печаль превращается в игру.
Gloria tibi domine.

* * * * *

Теперь сядем мы на колени,
И молим дитя, что так свободно;
И с великой радостью поем мы

Gloria tibi domine." {33}

Иногда религиозный дух почти исчезает, и колядка становится не более чем веселой пасторальной песней: - "Пастух на холме".

"Пастух на холме сидел;
На нем был его табард и его шляпа,
Смоляной ящик, трубка и флагман;
Его звали Джоли Джоли Уот,
Потому что он был хорошим стадным мальчиком.
Ут хой!
Ведь в его трубке было столько радости.

* * * * *

Когда Уот в Бедлеме кончил,
Он понесся, он шел быстрей, чем шагал;
Он нашел Иисуса в простом месте,
Между волом и асом.
Ут хой!
Ведь в его трубке было столько радости.

Джесу, я предлагаю тебе здесь свою трубку,
Юбку, коробку с дегтем и писчий лист;
Домой, к моим ланям, теперь я скачу,
И еще посмотри на мой шеп".
Ут хой!
Ведь в его трубке было столько радости." {34}

51Но в других, особенно колыбельных песнях, суровость Рождества, тень грядущих Страстей придают глубокую ноту печали и пафоса; есть мысль о мече, который пронзит лоно Марии:.

"Этой ночью я видел зрелище,
Дева в колыбели лежала,
И вечно она пела и сидела среди
"Убаюкай, дитя мое, и спи".

"Я не могу спать, но могу плакать,
I am so wo begone;
Спать я хочу, но мне холодно.
И одежды у меня нет.

* * * * *

Адамово золото этот человек пролил;
Этот грех меня мучает.
Человек, ради тебя здесь я буду
Тридцать зим и больше.

* * * * *

Здесь я буду повешен на дереве,
И умру, как умею.
То, что я купил меньше, мне ни к чему;
It is my fader's will." {35}

Колыбельные - самые восхитительные, самые человечные из всех колядок. Вот изысканно музыкальный стих из одной из них, написанной в 1530 году

"Во сне позднем, когда я лежал,
Я слышал, как дева говорила
И произнесла эти слова так мягко:
"Мой маленький сын, с тобой я играю,
И давай, - пела она, - колыбельную".
Так укачивала она свое дитя.

By-by, lullaby, by-by, lullaby,
Укачивала я свое дитя.
Бай-бай, бай-бай, бай-бай, колыбельная,
Rockëd I my child. " {36}

52535455

ГЛАВА III

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (II)

Французский *Ноэль* - Латинская гимнодия во Франции XVIII века - Испанский рождественский стих - Традиционные колядки многих стран - Рождественская поэзия в протестантской Германии - Постреформационный стих в Англии - Современные английские колядки.

ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТУХОВ.

Автор Фуке.

(Музей Конде, Шантийи.)

Реформация знаменует собой изменение характера рождественской поэзии в Англии и большей части Германии, и вместо того, чтобы проследить ее развитие в условиях протестантизма, будет хорошо прерваться и обратиться к странам, где католическая традиция оставалась нерушимой. Позже мы вернемся к постреформационной Англии и протестантской Германии.

Во французском {1} до XV века почти нет рождественской поэзии религиозного характера; более ранние колядки, дошедшие до нас, - это скорее песни о пиршествах и мирском ликовании, чем о святых вещах. Настоящий *Noël* начинает появляться в рукописях XV века, но только в следующем столетии он достиг своей полной популярности и был распространен по всей стране печатными станками. Такие *ноэли*, по-видимому, писали клерки или признанные поэты, либо на старые песни, либо на специально сочиненную музыку. "В

значительной степени, - говорит мистер Грегори Смит, - они предвосхищают дух, который побудил реформаторов превратить популярные и часто непристойные песни в добрые и благочестивые баллады". {2}

Некоторые из ранних *ноэлей* не похожи на английские колядки того периода и часто наполовину на латыни, наполовину на французском. Вот несколько таких "макаронных" стихов:.

"Célébrons la naissance
Nostri Salvatoris,56
Qui fait la complaisance
Dei sui Patris.
Cet enfant tout aimable,
In nocte mediâ,
Est né dans une étable,
De castâ Mariâ.

* * * * *

Mille esprits angéliques,
Juncti pastoribus,
Chantent dans leur musique,
Puer vobis natus,
Au Dieu par qui nous sommes,
Gloria in excelsis,
Et la paix soit aux hommes
Bonae voluntatis.

* * * * *

Чтоб не было бесчувствия!
Adeamus omnes
A Dieu rendu passible,
Против наших смертей,
И всех, кто с нами,
Deprecemur eum
Qu'à la fin de la vie,
Det regnum beatum." {3}

Шестнадцатый век - самый интересный период *Ноэля*; здесь мы видим конфликт тенденций, конфликт между галльским реализмом и широким юмором, любовью к изысканному языку, вызванному изучением античной классики. Существует множество анонимных произведений этого времени, но три важных *ноэлиста* выделяются по именам: Лукас ле Муань, куратор Сен-Жорж, Пюи-ла-Гард, близ Пуатье; Жан Даниэль, называемый "мэтр Миту", священник-организатор в Нанте; и Николас Денисо из Ле-Мана, чьи *ноэли* появились посмертно под псевдонимом "граф д'Альсинойс".

Лукас ле Муань олицетворяет *собой esprit gaulois*, дух, который часто называют "раблезианским", хотя это лишь одна сторона гения Рабле. Добрый Куре был современником 57 автора "Пантагрюэля". Его "Chansons de Noëls nouvaulx" были опубликованы в 1520 году и содержат колядки в самых разных стилях, некоторые наивные и благочестивые, другие едва ли можно цитировать в наши дни. Одно из самых известных его произведений представляет собой диалог между Богородицей и исполнителями колядки: Мария задает и отвечает на вопросы о чудесных событиях своей жизни. Вот четыре стиха о Рождестве Христовом:.

"Or nous dites, Marie,
Les neuf mois accomplis,
Naquit le fruit de vie,
Как сказал Анж?
-Oui, sans nulle peine
И без угнетения,
Naquit de tout le monde
La vraie Rédemption.

Или мы говорим, Мари,
Du lieu impérial,
Fut-ce en chambre parée,
Или в королевском дворце?
-В убогой столовой
Ouverte à l'environ
Ou n'avait feu, ni flambe
Ни латте, ни шеврона.

Или мы говорим, Мари,
Qui vous vint visiter;
Les bourgeois de la ville
Вы не против?
-Он, ни мужчина, ни женщина
Ни мужчина, ни женщина не сострадают,
Не больше, чем у эсклава
В чужом краю.

* * * * *

Или мы говорим, Мари,
Des pauvres pastoureaux
Qui gardaient ès montagnes
Leurs brebis & aigneaux.58
-Ceux-là m'ont visitée
С большой любовью;
Moult me fut agréable
Leur visitation."{4}

Влияние "Плеяды", с ее заботой о форме, уважением к классическим образцам, обогащением французского языка новыми латинскими словами, проявляется у Жана Даниэля, который также чем-то обязан поэтам конца пятнадцатого века. Можно процитировать две строфы из его произведений

"Это очень большая тайна.
Что один король из этого дома
Vient naistre en lieu austère,
En si meschant pourpris:
Le Roy de tous les bons espritz,
C'est Jésus nostre frère,
Le Roy de tous les bons espritz,
Duquel sommes apris.

Saluons le doulx Jésuchrist,
Notre Dieu, notre frère,
Приветствуем дурня Жесухриста,
Chantons Noel d'esprit!

* * * * *

En luy faisant prière,
Soyons de son party,
Qu'en sa haulte emperière
Ayons lieu de party;
Comme il nous a droict apparty,
Jésus nostre bon frère,
Comme il nous a droict apparty
Au céleste convy.
Saluons, etc.
Аминь. Noel." {5}

Что касается Денизо, то я могу привести два очаровательных стиха из одной из его пасторалей:.

"Suz, Bergiez, en campaigne,
Laissez là vos troppeaux,59
Перед тем, как сопровождать,
Enflez vos chalumeaux.

* * * * *

Зажгите ваши рогожки,
Dancesez ensemblement,
И ваши дудочки муз,

Accollez doucement." {6}

Одним из результатов итальянского влияния, пришедшего во Францию в XVI веке, стало увлечение уменьшительными формами. Введенные в колядки, они иногда производят очень изящный эффект: - "Entre le boeuf &

"Entre le boeuf & le bouvet,
Noel nouvellet,
Voulust Jésus nostre maistre,
En un petit hostelet,
Noel nouvellet,
В этом нищем мире,
O Noel nouvellet!

Ни couche, ни bercelet,
Ноэль-нувель,
Ne trouvèrent en cette estre,
Для маленького драпа,
Ноэль нувелле,
Pour envelopper le maistre,
O Noel nouvellet!" {7}

Эти уменьшительно-ласкательные формы встречаются снова, хотя и в меньшем количестве, в особенно восхитительной колядке:...

"Laissez paître vos bestes
Pastoureaux, par monts et par vaux;
Laissez paître vos bestes,
Et allons chanter Nau.

Я хочу петь россиньоль,
Qui chantoit un chantant si nouveau,
Si haut, si beau,
Si résonneau,60

Il m'y rompoit la tête,
Tant il chantoit et flageoloit:
Adonc pris ma houlette
Чтобы посмотреть на Наулет.
Laissez paître, etc." {8}

Далее певец рассказывает, как он отправился со своими товарищами - пастухами и пастушками - в Вифлеем:...

"Мы исполняем каждый свою песню.
Les autres en vinrent au son,
Chacun prenant

Son compagnon:
Je prendrai Guillemette,
Марго, а ты - Гильо;
Кто возьмет Перонель?
Это Талебот.
Laissez paître, etc.

Ne chantons plus, nous tardons trop,
Мы собираемся бежать рысью.
Ты в порядке, Марго?
Я иду к Гийо.
J'ai rompu ma courette,
Il faut ramancher mon sabot.
Or, tiens cette aiguillette,
Elle y servira trop.
Laissez paître, etc.

* * * * *

Nous courumes de grand' roideur
Для того, чтобы увидеть нашего великого Воспитателя.
Et Créateur
И Формирователя,
Qui était tendre d'aage
Et sans linceux en grand besoin,
Il gisait en la crêche
Sur un botteau de foin.
Laissez paître, etc.61

Его мать была с ним:
Et Joseph si lui éclairait,
Point ne semblait
Au beau fillet,
Il n'était point son père;
Je l'aperçus bien au cameau (*visage*)
Il semblait à sa mère,
Encore est-il plus beau.
Laissez paître, etc.".

Это лишь одна из большого числа французских *ноэлей*, которые делают Рождество более реальным, более настоящим, представляя певца одним из компании верующих, идущих поклониться Младенцу. Часто это пастухи, но иногда это просто жители прихода, города, деревни или провинции, несущие подарки из своих продуктов маленькому Иисусу и Его родителям. Бочки с вином, рыба, птицы, молочные поросята, выпечка, молоко, фрукты, дрова, птицы в клетке - таковы их домашние дары. Нередко в них проскальзывает сатирическая нотка: подмечаются особенности и слабости отдельных людей, намечается

репутация местности: в одной деревне, жители которой славятся своей скупостью, предлагают сидр, наполовину состоящий из дождевой воды; в другом месте жители так увлекаются судебными тяжбами, что едва находят время для поездки в Вифлеем.

Такие *ноэли* с их ярким местным колоритом - ценные картины нравов своего времени. К сожалению, они слишком длинны, чтобы приводить их здесь, но любой читатель, который захочет проследить за темой, найдет несколько интересных образцов в небольшом сборнике французских колядок, который можно купить за десять *сантимов*. {9} Они датируются по-разному; некоторые, вероятно, были написаны уже в восемнадцатом веке. В том веке, да и в семнадцатом, лучшие рождественские стихи - это стихи провинциального и деревенского характера, особенно на *языке патуа*; более культурные поэты, с их формальным классицизмом, плохо вписываются в дух праздника. Из эрудитов лучшей считается женщина, Франсуаза Пашаль из Лиона (род. около 1610 г.); несмотря на свою латинскость, она проявляет настоящее чувство к своим предметам. Некоторые из ее *ноэлей* представляют собой диалоги между священными персонажами; в одной из них Иосиф Иосиф.и Мария изображены как усталые путники, ищущие приюта во всех трактирах Вифлеема и везде получающие отказ от хозяина или хозяйки: - "Святой

"*Святой Иосиф*.

Voyons la *Rose-Rouge*.
Madame de céans,
Не найдется ли у вас букета
Для маленьких девочек?

L'Hôtesse.

У вас нет ни малейшего желания
иметь большие проблемы;
Побывайте в доме моей подруги,
Car, quant à moi, je dors.

Святой Иосиф.

Месье де *Труа-Куронн*,
У вас есть жилье,
Для троих человек,
Quelque trou seulement.

L'Hôte.

Вы потеряли свое терпение,
Вы пришли слишком поздно,
Ma maison est fort pleine,
Allez quelqu'autre part." {10}

Среди *ноэлистов* XVII века наиболее примечательны провансалец Саболи и бургундец Ла Моннуа, один из которых был добр и нежен, а другой язвителен и саркастичен. Вот один из провансальских *ноэлей* Саболи:.

"Quand la mièjonue sounavo,
Ai sautà dóu liech au sòu;
Ai vist un bèl ange que cantavo
Milo fes pu dous qu'un roussignòu.

Lei mastin dóu vesinage
Se soun toutes atroupa;63
N'avien jamai vist aquéu visage
Se soun tout-d'un-cop mes à japa.

Lei pastre dessus la paio
Dourmien coume de soucas;
Quand an aussi lou bru dei sounaio
Au cresegu qu'ero lou souiras.

S'eron de gent resounable,
Vendrien sèns èstre envita:
Trouvarien dins un petit estable
La lumiero emai la verita." [24] {11}

Что касается Ла Моннуа, то вот перевод одного из его сатирических стихов: "Когда во время морозов Иисус Христос пришел в мир, осел и вол согревали Его своим дыханием в хлеву. Сколько ослов и волов я знаю в этом королевстве Галлии! Сколько ослов и волов я знаю, которые не сделали бы столько же!" {12}

Кроме деревенских *ноэлей*, восемнадцатый век породил мало французской рождественской поэзии, обладающей каким-либо очарованием. Однако некоторые из колядок, которые сегодня чаще всего поют во французских церквях, относятся именно к этому периоду, *например*, "Venez, divin Messie" аббата Пеллегрина. {13}

Нельзя оставить Францию семнадцатого и восемнадцатого веков без упоминания о ее латинском гимнотворчестве. По-видимому, около 1700 года появился сладкий и торжественный "Adeste, fideles"; благодаря своей музыке и ритму, возможно, а не словам, он стал самым любимым рождественским гимном. Настоящий автор слышал, как его поют с одинаковым благоговением и сердечностью в английских, немецких, французских и итальянских церквях, и ни один другой гимн не кажется столь полным духа рождественской преданности - чудес, 64ав, и нежности, и чувства примирения между Небом и землей. Созданный, вероятно, во Франции, "Adeste, fideles" стал использоваться как в английских, так и во французских римско-католических церквях в XVIII веке. В 1797 году ее пели в часовне португальского посольства в Лондоне; отсюда, несомненно, и ее некогда распространенное название "португальский гимн". Впервые он был использован в англиканской церкви в 1841 году, когда трактатор Оукли перевел его для своей общины в часовне на Маргарет-стрит в Лондоне.

Еще один прекрасный латинский гимн французской церкви XVIII века - "Jam desinant suspiria" Чарльза Коффина. {14}. Он появился в парижском бревиарии в 1736 году и хорошо известен в английском языке как "God from on on high hath heard".

Революция и упадок католицизма во Франции, кажется, убили производство популярных колядок. Однако в конце XIX века возродился интерес к *Noël* как к литературной форме. В 1875 году двухсотлетие со дня смерти Саболи было отмечено конкурсом *ноэлей* на провансальском языке, и нечто подобное было сделано в Бретани. *{15} Ноэль* привлекает своим эстетическим очарованием даже поэтов, которые не являются набожными; Теофиль Готье, например, написал изящную рождественскую песню "Le ciel est noir, la terre est blanche".

При общем взгляде на простонародную рождественскую поэзию Франции следует признать, что в ней не очень сильна набожная нота; действительно, есть формальное почтение, куртуазная дань уважения Младенцу Спасителю, и чудесное в евангельской истории воспринимается как должное; но в ней мало чувства благоговения и тайны. В гармонии с реалистическими инстинктами нации все драматично, очень человечно; иногда, правда, персонажи Рождественских сцен совсем теряют свой священный характер, и представление вырождается в грубость. Однако в лучших своих проявлениях французский *Ноэль* обладает весельем и грацией, соединенными с подлинным, пусть и не очень глубоким, благочестием, которые чрезвычайно очаровательны. Читая эти деревенские песни, мы переносимся в воображении во французскую деревню; мы думаем о долгой прогулке по снегу к полуночной мессе, о веселом *ревельоне*, расстилающемся на 65-м пути, о семье, собравшейся вокруг очага, пирующей с вином, каштанами и *будинами*, и поющей в традиционных ритмах радости *Ноля*.

За Пиренеями, в Испании, в конце XVI - начале XVII веков появилось множество рождественских стихов. Среди главных авторов были Хуан Лопес де Убеда, Франсиско де Оканья и Хосе де Вальдивиэльсо. {16} Их *вильянсико* напоминают картины Мурильо; в них та же легкость, те же нежные и изящные чувства, но без особой глубины. В них нет того домашнего колорита, той причудливости, которые делают французские и немецкие народные песни такими восхитительными; в них нет деревенского привкуса, и все же они очаровывают своей простотой и сладостью.

Вот несколько строф Оканьи:.

"Dentro de un pobre pesebre
y cobijado con heno
yace Jesus Nazareno.

En el heno yace echado
el hijo de Dios eterno,
для того, чтобы выпустить из огня
al hombre que hubo criado,
и для наказания за грехи.
el heno tiene por bueno
nuestro Jesus Nazareno.

Está entre dos animales
которые жарятся в холодильнике,

кто напоминает о наших мужчинах
своим великим могуществом:
es su reino y señorío
el mundo y el cielo sereno,
y agora duerme en el heno.

Tiene por bueno sufrir
el frio y tanta fortuna,
не имея ни одной одежды.
ни одежды, ни одежды для одежды,66
и для того, чтобы дать нам возможность жить
падецио фрио в геенне,
nuestro Jesus Nazareno." [25] {17}

Еще больше крестьянского колорита в некоторых фрагментах рождественских песен, приведенных Фернан Кабальеро в ее зарисовке "Ночь Навидада".

"Ha nacido en un portal,
Llenito de telarañas,
Entre la mula y el buey
El Redentor de las almas.

* * * * *

En el portal de Belen
Есть эстрелла, солнце и луна:
La Virgen y San José
И ребенок, который живет в пещере.

En Belen tocan á fuego,
Del portal sale la llama,
Es una estrella del cielo,
Que ha caido entre la paja.

Yo soy un pobre gitano
Я родом из Эгипто,
Y al niño de Dios le traigo
Un gallo quiquiriquí

Yo soy un pobre gallego
Живу в Галисии,
Y al niño de Dios le traigo
Lienzo para una camisa.67

Al niño recien nacido
Todos le traen un don;
Yo soy chico y nada tengo;
Le traigo mi corazon." [26] {18}

Почти на каждом западном языке можно найти традиционные рождественские песни. Европа повсюду живет ими; они распускаются, как дикие цветы. Некоторые интересные итальянские образцы приведены синьором де Губернатисом в его "Usi Natalizi". Вот несколько строф из бергамской колыбельной песни Пресвятой Девы:...

"Dormi, dormi, o bel bambin,
Re divin.
Dormi, dormi, o fantolin.
Fa la nanna, o caro figlio,
Re del Ciel,
Tanto bel, grazioso giglio.

Чиуди и люми, о мой любимый,
Dolce amor,
Di quest' alma, almo Signor;
Fa la nanna, o regio infante,
Sopra il fien,
Caro ben, celeste amante.

Perchè piangi, o bambinell,
Forse il giel
Ti dà noia, o l'asinell?
Fa la nanna, o paradiso
Del mio cor,
Redentor, ti bacio il viso." [27] {19}

68 С этой колыбельной можно сравнить необыкновенно милую и совершенно непереводимую латинскую колыбельную песню неизвестного происхождения:...

"Dormi, fili, dormi! mater
Cantat unigenito:
Dormi, puer, dormi! pater,
Nato clamat parvulo:
Millies tibi laudes canimus
Mille, mille, millies.

Lectum stravi tibi soli,
Dormi, nate bellule!
Stravi lectum foeno molli:
Dormi, mi animule.
Millies tibi laudes canimus

Mille, mille, millies.

Ne quid desit, sternam rosis,
Sternam foenum violis,
Pavimentum hyacinthis
Et praesepe liliis.
Millies tibi laudes canimus
Mille, mille, millies.69

Si vis musicam, pastores
Convocabo protinus;
Illis nulli sunt priores;
Nemo canit castius.
Millies tibi laudes canimus
Mille, mille, millies." {21}

На латыни и других языках встречаются любопытные стихотворения, в которых из криков животных при известии о рождении Христа составляется диалог. {22} Следующий французский пример довольно типичен: - "Comme les bestes autref".

"Comme les bestes autrefois
лучше говорят по-латыни, чем по-французски,
Le coq, de loin voyant le fait,
S'écria: *Christus natus est.*
Le bœuf, d'un air tout ébaubi,
Demande: *Ubi? Ubi? Уби?*
Шевр, перетягивающий пах,
отвечает, что это *Бетлем*.
Господин Боде, *любопытствуя*
чтобы посмотреть, говорит: *Имус*;
И, опустив свои лапы, ле вео
Beugle deux fois: *Volo, Volo!* " [28] {23}

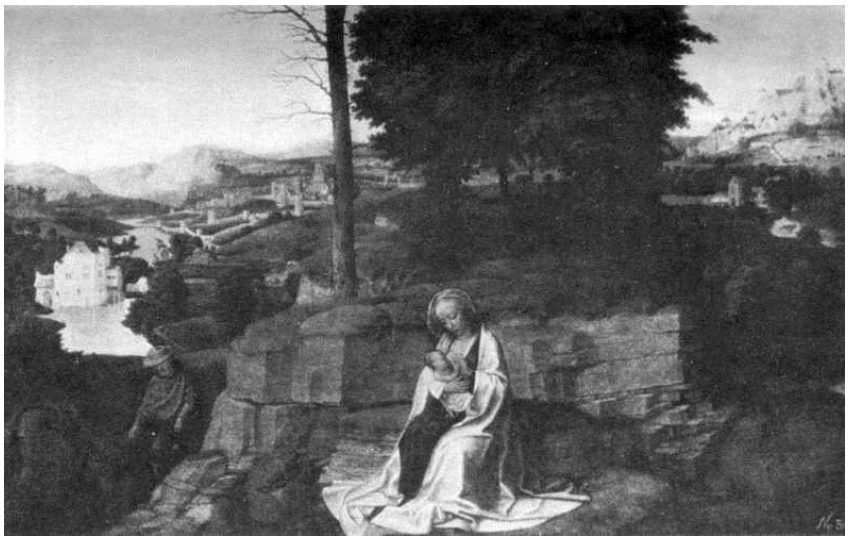
В Уэльсе в начале XIX века пение колядок было более популярным, пожалуй, чем в Англии; колядки пели под арфу, в церкви на *плигейнском* или раннем утреннем богослужении в день Рождества, в домах жителей и у дверей домов посетителей. {24} В Ирландии также преобладал обычай пения колядок. {25} Доктор Дуглас Хайд в своей книге "Религиозные песни Коннахта" приводит и переводит интересный рождественский гимн на ирландском языке, из которого можно процитировать два стиха. В них излагается великий парадокс Воплощения:.

"Младенец, который так велик,
Младенец, столь юный, столь старый,70
В яслях малых его комната,
Которого не могли вместить сами небеса.

Отец - не старше тебя?
Мать - моложе, разве может быть иначе?
Старше, младше - Сын,
Моложе, старше, она, чем он"{27}.

Даже в угрюмой Шотландии с ее ненавистью к религиозным праздникам среди горцев то тут, то там сохранилось какое-то подобие колядования, а замечательная и очень "кельтская" рождественская песня была переведена с гэльского языка мистером Дж. А. Кэмпбеллом. Она начинается так:...

"Пойте эй Дар, пойте хо Дар,
Пойте о Даре живых,
Сын зари, сын звезды,
Сын планеты, сын далека [дважды],
Пой эй Дар, пой эй Дар". {28}



БЕГСТВО В ЕГИПЕТ: ОСТАЛЬНОЕ ПО ПУТИ

МАСТЕР СЕМИ ПЕЧАЛЕЙ МАРИИ

(ТАКЖЕ ПРИПИСЫВАЕТСЯ ИОАХИМУ ПАТИНИРУ)

(*Вена: Императорская галерея*)

ПЕНИЕ "VOM HIMMEL HOCH" С ЦЕРКОВНОЙ БАШНИ НА РОЖДЕСТВО.

Людвиг Рихтер.

Прежде чем я завершу это исследование обзором рождественской поэзии в Англии после Реформации, возможно, будет интересно проследить за развитием событий в протестантской Германии. Реформация дала большой толчок развитию немецкой религиозной песни, и мы обязаны ей некоторыми из лучших рождественских гимнов. Несомненно, во многом благодаря Лютеру, этому страстному любителю музыки и народной поэзии, гимны практически стали литургией немецкого протестантизма; однако он лишь дал типичное выражение естественным инстинктам своих соотечественников в отношении песен. Лютер, хотя и был бунтарем, не был пуританином; вряд ли можно назвать его иконоборцем; у него был консервативный ум, который лишь постепенно освобождался от своих старых привязанностей. Его натура была по сути своей художественной: "Я хотел бы, - говорил он, - чтобы все искусства, особенно музыка, служили Тому, Кто их дал и создал", а в вопросах песнопения он во многом продолжал средневековую немецкую традицию. По-домашнему добрый, любящий детей, он с глубоким чувством относился к празднику

Рождества; он не только перевел на немецкий "A solis ortus cardine" и "Veni, redemptor 71gentium", но и написал для своего маленького сына Ганса один из самых восхитительных и трогательных рождественских гимнов - "Vom Himmel hoch, da komm ich her."

"Vom Himmel hoch, da komm ich her,
Ich bring euch gute neue Mär,
И так много хороших людей,
Davon ich singen und sagen will.

Euch ist ein Kindlein heut gebor'n
Von einer Jungfrau auserkor'n,
Ein Kindelein so zart und fein,
Das soll eu'r Freud und Wonne sein.

* * * * *

Merk auf, mein Herz, und sich dort hin:
Was liegt doch in dem Kripplein drin?
Wess ist das schöne Kindelein?
Es ist das liebe Jesulein.

* * * * *

Ach Herr, du Schöpfer aller Ding,
Как ты можешь быть таким веселым,
Dass du da liegst auf dürrem Gras,
Davon ein Rind und Esel ass?

* * * * *

Ach, mein herzliebes Jesulein,
Махни-ка на меня своим святым беттелином,
Zu ruhen in mein's Herzens Schrein,
Dass ich nimmer vergesse dein.

* * * * *

Davon ich allzeit fröhlich sei,
Zu springen, singen immer frei
Das rechte Lied dem Gottessohn
Mit Herzenslust, den süssen Ton." [29] {29}

72 "Vom Himmel hoch" обладает качествами простоты, непосредственности и теплого человеческого чувства, которые связывают ее с менее витиеватыми формами колядной литературы. Его первый стих заимствован из светской песни, а мелодия, возможно, сочинена самим Лютером. Есть и другой рождественский гимн Лютера - "Vom Himmel kam der Engel Schar", написанный для использования, когда "Vom Himmel hoch" показался слишком длинным, а также дополнительные стихи к средневековому "Gelobet seist du, Jesu Christ".

"Будь здоров, Иисус Христос,
Dass du Mensch geboren bist
Von einer Jungfrau, das ist wahr,
Des freuet sich der Engel Schar.
Kyrieleis!

Des ew'gen Vaters einig Kind
Jetzt man in der Krippe find't,
In unser armes Fleisch und Blut
Verkleidet sich das ewig Gut.
*Kyrieleis!*73

Den aller Weltkreis nie beschloss,
Der lieget in Marie'n Schoss;
Er ist ein Kindlein worden klein,
Der alle Ding' erhält allein.
Kyrieleis! " [30] {31}

Только первая строфа является средневековой, остальные шесть строф гимна принадлежат Лютеру.

Рождественские гимны Пауля Герхардта, берлинского пастора XVII века, стоят рядом с гимнами Лютера. Они более субъективны, более закончены, менее непосредственны и убедительны. Не обладая лучшими качествами поэзии, они, тем не менее, впечатляют своим достоинством и сердечностью. Созданные для музыки, слова сами по себе едва ли передают всю силу этих гимнов. Их следует слушать в сопровождении старых хоралов, массивных и сладостных, исполняемых бурными голосами немецкой общины. Англичанам они, вероятно, лучше всего известны по стихам, вошедшим в "Рождественскую ораторию", где старые песни обретают новую красоту благодаря чудесным гармониям Баха. Чувствуется, что тон преданности у Герхардта и Баха один и тот же, неизмеримо больший, чем гений композитора; в обоих есть глубокая радость в Искуплении, начатом Рождеством, твердая вера, соединенная с глубоким чувством тайны страдания, и острое сочувствие к детству, нежная привязанность к Младенцу-Царю.

74 Лучшим из гимнов Герхардта, пожалуй, является адвентский "Wie soll ich dich empfangen?" ("Как мне достойно встретить Тебя?"), который входит в начало "Рождественской оратории". Однако с Рождеством Христовым более тесно связаны *"Weihnachtslieder"*: "Wir singen dir, Emanuel", "O Jesu Christ, dein Kripplein ist", "Fröhlich soll mein Herze springen", "Ich steh an deiner Krippen hier" и другие. Приведу несколько стихов из третьего:.

"Fröhlich soll mein Herze springen
Dieser Zeit,
Da für Freud
Alle Engel singen.
Hört, hört, wie mit vollen Choren
Alle Luft
Laute ruft:
Christus ist geboren.

* * * * *

Нун, он лежит в своих криппах,
Ruft zu sich
Mich und dich,
Spricht mit süssen Lippen:
Lasset fahrn, O lieben Brüder
Was euch quält,
Was euch fehlt;
Ich bring alles wieder.

* * * * *

Süsses Heil, lass dich umfangen;
Lass mich dir,
Meine Zier,
Unverrückt anhangen.
Du bist meines Lebens Leben;
Nun kann ich
Mich durch dich
Wohl zufrieden geben." [31] {33}

75Необходимо упомянуть еще один немецкий рождественский гимн - "Jauchzet, ihr Himmel, frohlocket, ihr englischen Chöre" Герхарда Терстеегена. Терстееген представляет собой одну из фаз мистической и эмоциональной реакции против религиозного формализма и безразличия восемнадцатого века. В лютеранской церкви пиетисты, хотя они никогда не отделялись, несколько напоминали английских методистов; моравцы образовали отдельную общину, а в "реформатской" или кальвинистской церкви определенные круги духовно настроенных людей, черпавших вдохновение у средневековых мистиков и более поздних писателей, таких как Бёме и мадам Гюйон, собирались в более или менее независимые группы для религиозного общения. Из этих последних Терстееген является представительным певцом. Вот три строфы из его самого известного рождественского гимна:.

"Jauchzet, ihr Himmel, frohlocket, ihr englischen Chöre,
Singet dem Herrn, dem Heiland der Menschen, zur Ehre:

Sehet doch da!
Gott will so freundlich und nah
Zu den Verlornen sich kehren.76

König der Ehren, aus Liebe geworden zum Kinde,
Dem ich auch wieder mein Herz in der Liebe verbinde;
Du sollst es sein,
Den ich erwähle allein,
Ewig entsag' ich der Sünde.

Treuer Immanuel, werd' auch in mir neu geboren;
Komm doch, mein Heiland, und lass mich nicht länger verloren;
Wohne in mir,
Mach mich ganz eines mit dir,
Den du zum Leben erkoren." [32] {35}

Нота личной религии, в отличие от теологической доктрины, в немецкой рождественской поэзии сильнее, чем в поэзии любого другого народа - рождение Христа в индивидуальной душе, а не просто искупление человека в целом, является центральной идеей.

Наконец, мы возвращаемся в Англию. Как уже говорилось, великий период колядования приходится на XV и первую половину XVI века; после Реформации английское домашнее Рождество в значительной степени теряет свою религиозную окраску, и лучшие колядки конца XVI и начала XVII веков - это песни о празднике 77 и языческих обрядах, а не о Святом Младенце и Его Матери. Нет недостатка в прекрасных рождественских стихах в елизаветинский и ранний стюартовский периоды, но по большей части они относятся к оратории и палате, а не к залу. Рождество стало предметом частного созерцания, индивидуальной набожности, вместо того чтобы, как в позднее Средневековье, стать предметом всеобщего ликования, чудесной историей, которая действительно произошла, которой могли радоваться все вместе, серьезные и легкомысленные, чем-то, что, при всем своем изумлении, можно было принять как нечто само собой разумеющееся, как возвращение времен года или восход солнца для праведных и неправедных.

Английская рождественская поэзия середины XVI века, таким образом, скорее индивидуальна, чем общинная по своему духу; она также является делом не столько народа, сколько утонченных и культурных людей. Пуританство, которое так сильно повлияло на английскую религию, было абстрактным , а не драматическим в своей концепции христианства, оно было озабочено не столько событиями жизни Спасителя, сколько искуплением как сделкой между Богом и человеком; его вдохновением были Святой Павел и Ветхий Завет, а не Евангелия. Более того, материальное рассматривалось не как пронизанное духовным и открывающее его, а как препятствие, закрывающее видение духовных вещей. Поэтому пуритане были совершенно не в ладах с чувственной поэзией Рождества - праздника, который, как мы увидим, они фактически подавили, придя к власти.

Пение святочных колядок деревенскими жителями, конечно, продолжалось, но творческий художественный импульс был утрачен. Настоящие колядки после Реформации, как правило, становятся доггерлем, и, несомненно, многие из традиционных произведений, напечатанных в таких сборниках, как Bramley и Stainer's [33] {37}, являются искаженными пережитками средневековья, или, возможно, новыми словами, написанными на старые

мелодии. Такие колядки, как "God rest you merry, gentlemen", имеют невыразимо восхитительные ноты, а слова очаровывают нас, современных, своей причудливостью и простоватостью, но им далеко до изысканной прелести средневековых 78-стиший. Впрочем, отблески великой красоты иногда встречаются среди материи, которая в процессе передачи почти перестала быть поэзией. Вот, например, пять строф из традиционной "Колядки у вишневого дерева"

"Шел Иосиф по дороге,
Он слышал, как ангел пел:
"Этой ночью родится
Наш небесный Царь.

Не родится он ни
Ни в доме, ни в зале,
ни в раю,
но в стойле вола.

Он не будет облачен
Ни в пурпур, ни в пурпур,
Но в светлый лен.
Как носят младенцев.

Его не будут качать
Ни в серебре, ни в золоте,
Но в деревянной колыбели
Которая качается на лепке.

Его не крестят
Ни в белом вине, ни в красном,
но в чистой родниковой воде.
В которой мы крестились".

Старинные колядки, которые поют деревенские жители, часто не имеют ничего общего с Рождеством Христовым; иногда это рифмованные жития Христа или легенды о Святом Детстве. Из последних наиболее странной является "The Bitter Withy", обнаруженная в Херефордшире мистером Фрэнком Сиджвиком. В ней рассказывается о том, как маленький Иисус попросил трех мальчиков поиграть с ним в мяч. Но они отказались: "...

"О, мы сыновья лордов и леди,
Рожденные в усадьбе или в зале;
А ты - всего лишь дитя бедной девы,
Рожденный в стойле воловьем "79.

'If I am but a poor maid's child,
Рожденный в стойле воловьем,
Я дам вам знать в самом конце

Что я выше вас всех".

И он построил ему мост из лучей солнца,
и перешел через море,
А за ним последовали три веселых Джердина,
И утонули они все трое.

Тогда Мэри Милд позвала домой свое дитя,
и положила его к себе на колени,
И горстью зеленых веток
Она дала ему три пощечины.

"О, сфира, о, сфира, о, горькая сфира!
Что заставляет меня умнеть!
O the withy shall be the very first tree
Которое погибнет в сердце".

От этих популярных баллад, средневековых воспоминаний в деревенском сознании, мы должны вернуться к набожному стиху конца шестнадцатого и начала семнадцатого веков. Два величайших поэта Рождества Христова, римские священники Саутвелл и Крэшоу, глубоко затронуты волной мистицизма, прокатившейся по Европе в их время. Как ни хорошо знакомо нам произведение Саутвелла "Горящий младенец", мало кто пожалеет, что нашел его здесь:...

"Когда я в хмурую зимнюю ночь
Стоял, дрожа, на снегу,
Удивился я внезапному теплу,
От которого сердце запылало;
И, подняв от страха глаза.
Чтоб посмотреть, что за огонь рядом,
Младенец прелестный, ярко горящий
В воздухе появился;
Который, опаленный чрезмерным жаром,
Проливал такие потоки слез,
Как будто Его потоки должны были погасить Его пламя.
Которое Его слезами питалось.80
"Увы!" - воскликнул Он, - "только что рожденный,
В огненном жару я жарюсь,
Но никто не подходит к ним, чтобы согреть их сердца
Или почувствовать мой огонь, кроме меня!
Моя безупречная грудь - печь,
А топливо - ранящие шипы;
Любовь - огонь, а вздохи - дым,
Пепел - стыд и презрение;
Топливом служит Правосудие,
А милосердие раздувает угли,
Металл в этой печи кованый

Оскверненные души людей,
Для которых, как сейчас, я в огне,
Чтоб на благо их обратить,
Так и я расплавлю их в ванне,
Чтобы омыть их в своей крови".
С этими словами он скрылся из виду,
И быстро удалился:
И сразу вспомнил я.
Что это был день Рождества". {38}

Что касается Крэшоу,

"Чтоб великий ангельский свет уменьшился
Его сияние, чтобы светить в глаза бедному пастуху,
Чтобы неизмеримый Бог так низко опустился.
Как Прис'нер в бедных лохмотьях лежать,
Чтоб из груди матери он молоко пил.
Которая питает нектаром небесную семью,
Чтоб ясли гнусные Его низким ложе оказались.
Кто на троне звездном гремит:

Чтоб Он, кому солнце служит, тускло глядел
Сквозь облака младенческой плоти; Чтоб древнее
Вечное Слово должно стать Младенцем и плакать,
Чтобы Тот, Кто создал огонь, боялся холода:
Чтоб небесное величие Свой двор хранило
В глиняном домике, от каждого взрыва подвластном:
Чтоб слава сама служила нашим печалям и страхам,
И свободная Вечность покоряться годам..."

Таковы чудесные парадоксы, воспетые в его сияющих образах. Контраст зимнего снега с пылающим жаром Воплощенной Любви, ослепительного света Божественности с ночной тьмой, да и весь парадокс Воплощения - Бесконечность в предельной ограниченности - нигде не реализован с такой силой, как у него. И все же, как бы ни были великолепны его лучшие строки, иногда его стихи становятся слишком похожими на иезуитские церкви XVII века, со стенами, перегруженными украшениями, с большими томительными картинами и воздухом, тяжелым от ладана; и тогда мы тоскуем по росистой свежести ранних колядок.

Представительные англиканские поэты семнадцатого века, Герберт и Воган, едва ли достигают больших высот в своем отношении к Рождеству, но у них, как и у романистов, преобладает мистическая нота. Герберт поет:.

"О Ты, чей славный, но ограниченный свет,
Завернувшись в ночную мантию, пробрался в ясли;
Поскольку душа моя темна и груба, Ты прав,
Человеку, из всех зверей, не будь Ты чужим.

Обставь и укрась мою душу, чтобы у тебя было
A better lodging than a rack or grave." {40}

И Воган:...

"Я бы хотел, чтобы в моей лучшей части
Подходящие комнаты для Тебя! Или чтобы мое сердце
было так чисто, как
как ясли Твои!
Но я весь в грязи и непристойности:
И все же, если Ты захочешь, Ты можешь сделать меня чистым.

Сладкий Иезуит! Пусть больше
Этот прокаженный не преследует и не пачкает двери твои!
Вылечи его, облегчи его,
О, освободи его!
И пусть еще раз, через мистическое рождение,
Господь жизни родится на земле". {41}

У Геррика - как непохож деревенский пастор на Герберта! - мы находим языческое благочестие по отношению к Божественному Младенцу, которое, 82 хотя и является чисто английским по своему выражению, заставляет нас думать о каком-нибудь французском *Ноэлисте* или о современном итальянском поклоннике *Бамбино*: "Вместо того, чтобы убирать загородки, мы видим

"Вместо аккуратных ограждений
Из переплетенных озиров,
Вместо благоухающих букетов
Нарциссов и роз,
Твоя колыбель, царственный Незнакомец,
Как повествует Евангелие,
была не чем иным.
А здесь - домашние ясли.

Но мы в шелках, а не в бриллиантах,
С разными драгоценными украшениями,
И лилиями нарядим Тебя;
И, лишив Тебя
из туесков, мы сделаем палату,
Милый малыш, для тебя,
из слоновой кости,
And plaster'd round with amber." {42}

Стихи, подобные герриковскому "Вифлеемскому младенцу", обнаруживают в своих авторах некую детскость, *беспечность* без безразличия, дух ребенка, который обращается к своему Богу просто и естественно, который делает Его по своему детскому образу и видит в Нем друга, которого можно порадовать мелочами - почти, фактически, как славного товарища по

играм. Такая натура не испытывает сильного чувства греха, но может попросить прощения и забыть; религия для нее - это скорее внешний ритуал, который нужно исполнить должным образом и изящно, чем внутренняя преображающая сила. Херрик - странное исключение среди англиканских певцов Рождества.

Великий рождественский гимн Мильтона с его удивительным сочетанием пасторальной простоты и классических представлений слишком хорошо известен, чтобы его здесь цитировать; однако можно предположить, что это произведение юности поэта по своему духу гораздо более англиканское, чем пуританское.

Сладостным и торжественным спенсерианским отголоском звучат эти стихи из книги Джайлса Флетчера "Победа Христа на небесах":-83

"Кто может забыть - никогда не забыть -
Время, когда весь мир в дремоте лежит,
Когда, подобно звездам, ангелы-певцы
На землю, и небо пробудило все глаза.
Чтобы увидеть, как в полночь взошло другое солнце
На земле? Не было такого зрелища, которое бы имело славу pareil,
Ибо Бог до человека, как и он сам, был в обрамлении,
Но сам Бог теперь, как смертный человек, стал.

Он был ребенком и не научился говорить,
Что словом Своим мир сотворил;
На руках матери Он носил, но был так слаб,
что одной рукой мог сотрясти небесные своды,
Видишь, как мало места занимает мой младенец Господь,
Которого весь мир не вместит!
Кто скажет о Его годах, о Его возрасте?
Никогда не было такого юного возраста, никогда не было такого старого ребенка." {43}

Старая традиция колыбельных песен продолжена Уитером, хотя младенец в колыбели - это обычный человеческий ребенок, которого укачивает во сне история о его Господе:-...

"Младенцем был Он когда-то,
И сила в слабости тогда была положена
На колени Девы-Матери,
Чтоб силу тебе передать.
Милое дитя, не плачь;
Успокойся, мой малыш; милый малыш, усни.

* * * * *

В яслях лежал Господь твой,
Где волы лежали и ослы питались;
Теплые комнаты мы тебе предоставляем,
Легкую колыбель или кровать.
Милое дитя, не плачь;

Be still, my babe; sweet baby, sleep." {44}

Когда мы переходим к восемнадцатому веку, то находим среди нравоучительных стихов доктора Уоттса очаровательную колыбельную песенку, задуманную точно таким же образом:-84

"Тише, мой милый, лежи тихо и дремли,
Святые ангелы охраняют твою постель!
Небесные благословения без числа
Нежно падают на голову твою.

* * * * *

Мягка и легка колыбель твоя;
Грубо и жестко лежал Спаситель твой.
Когда местом Его рождения был хлев,
И мягкой постелью Его было сено.

* * * * *

Вот Он дремлет в яслях Своих.
где паслись рогатые волы;
-Мир, мой милый, здесь нет опасности;
Here's no ox a-near thy bed."{45}

Именно к XVIII веку относятся три самых популярных английских рождественских гимна. Нахум Тейт "While shepherds watch their flocks by night" - один из немногих гимнов (не считая метрических псалмов), широко использовавшихся в англиканской церкви до XIX века, - это лысый и, казалось бы, бесхитростный пересказ Святого Луки, который по какой-то случайности обрел достоинство, чему немало способствует простая и благородная мелодия, теперь прилагающаяся к нему. Песня Чарльза Уэсли "Hark, the herald angels sing", или, как она должна звучать, "Hark, how all the welkin rings", вызывает восхищение у некоторых, но для настоящего автора кажется просто куском теологической риторики. В стихотворении Байрома "Христиане, проснитесь, приветствуйте счастливое утро" есть чопорность и формальность своего времени, но оно не лишено определенной причудливости и достоинства. Вряд ли можно было ожидать прекрасной рождественской поэзии от эпохи, чья религия была, с одной стороны, степенной, рациональной, лишенной воображения, а с другой - "евангельской" в узком смысле, находящей свой центр в Искуплении, а не в Воплощении.

Возрожденный религиозный и эстетический средневековье девятнадцатого века породило целый ряд рождественских песен. Некоторые из них, такие как "Три девицы в покоях королевы" Суинберна, с изысканной словесной музыкой и восхитительным колоритом, и менее успешные "Мастера, в этом зале" и "Outlanders, whence come ye last?" являются произведениями неверующих и свидетельствуют лишь об эстетическом очаровании рождественской истории; но есть и другие, в основном из римских или англо-католических

источников, с настоящим религиозным вдохновением. [34] Наиболее спонтанными являются произведения Кристины Россетти, чьи захватывающие ритмы и тонкое чувство проявляются наилучшим образом в ее песнях о Младенце Христе. Более изученными и самосознательными являются строгие рождественские стихи Лайонела Джонсона и изящные колядки профессора Селвина Имиджа. В одном стихотворении мистер Имидж берет более глубокую и сильную ноту, чем в других; его торжественная музыка возвращает нас в более раннее столетие: - "Подумай, душа моя, о чем ты думаешь?

"Подумай, о душа моя, что это за утро!
Когда вечный Господь всего сущего сотворил,
Для нас, бедных смертных, и нашего бесконечного блаженства,
Спустился с небес; и в ясли положил,
Первые, богатые жертвы нашего выкупа:
Подумай, душа моя, что это за утро!" {46}

Не мало современных поэтов подарили нам рождественские песни или стихи. Одними из самых свежих и естественных являются стихи Кэтрин Тинан, а мистер Гилберт Честертон написал несколько рождественских стихотворений, полных красок и жизненной силы и обладающих истинно мистическим характером. Повествуя о Рождестве, мистер Честертон проявляет себя с лучшей стороны; он инстинктивно сочувствует духу праздника, его человеческой доброте, демократизму, сакраментализму, возвышению ребенка: - "...

"Солома на крыше была золотой.
Хотя солома была пыльной и старой;
Ветер трубил в трубы,
Хотя дул, бесплодный и холодный.86

Волосы матери были великолепны,
хоть распущены и растрёпаны;
Ибо под карнизом в сумраке
Родилось дитя." {47}

Так открывается прекрасное стихотворение о Рождестве Христовом как символе чуда рождения, детства с его бесконечными возможностями, вечного обновления веры и надежды.

878889

ГЛАВА IV

РОЖДЕСТВО В ЛИТУРГИИ И НАРОДНОМ ПОЧИТАНИИ

Адвент и рождественские службы Римской церкви - Три рождественские мессы, их происхождение и празднование в Риме - Полуночная месса во многих странах - Протестанты, сохранившие ночные службы - Рождество в Греческой церкви - Восточное Богоявление и освящение воды - *Presepio* или колыбель, ее предполагаемое учреждение св. Франциск - ранние следы колыбели - колыбель в Германии, Тироле и т. д. - игра на колыбели в средневековой Германии -

рождественские менестрели в Италии и Сицилии - *презепио* в Италии - церемонии с *куклой* и *бамбино* в Риме - рождество в итальянском Лондоне - испанское рождество - возможные остатки колыбели в Англии.

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА.

Из Add. MS. 32454 в Британском музее

(французский, XV век).

От изучения Рождества, отраженного в лирической поэзии, мы переходим к другим формам почитания, в которых Церковь приветствовала Искупителя при Его рождении. Они бывают двух видов - литургические и народные; и в значительной степени соответствуют последовательным способам постижения смысла Рождества, которые мы проследили в предыдущих главах. Строго литургические богослужения мало понятны народу: только духовенство может полностью присоединиться к ним; для массы мирян это таинственные обряды на неизвестном языке, которым нужно следовать с благоговением, насколько это возможно, но которые далеки и мало проникнуты человечностью. Однако бок о бок с ними существуют народные посвящения, полные ярких красок, в высшей степени антропоморфные, приближающие тайны религии к самым простым умам и согретые

человеческим чувством. Строгие латинские гимны первых веков относятся к литургии; простонародная рождественская поэзия более поздних веков в значительной степени связана с народным благочестием.

90Литургика - обширный и сложный, и, за исключением немногих, малопривлекательный предмет. Попытка провести здесь обзор литургий в их связи с Рождеством, очевидно, невозможна; мы должны довольствоваться главным образом современными римскими службами, которые, несмотря на различные изменения, дают некоторое представление о средневековых службах латинского христианства, и бросить несколько взглядов на другие западные обряды, а также на обряды греческой церкви.

Как бы он ни относился к католицизму или вообще к христианству, ни один человек, чувствительный к музыке слов или к поэтическим образам, не сможет читать Римский бревиарий и Миссал без глубокого восхищения тем удивительным мастерством, с которым самые благородные отрывки древнееврейской поэзии выбираются и подбираются для выражения христианской преданности, а золото псалмопевцев, пророков и апостолов сваривается в короналы для Господа и Его святых. Служебники Римской церкви - это, с одной стороны, величайшая из антологий.

Немногие части Римского бревиария обладают большей красотой, чем Адвент [35], где Церковь объединила величественные образы еврейских пророков, горячее увещевание апостолов, чтобы подготовить умы верующих к пришествию Христа, к празднованию Рождества Христова.

Адвент начинается с волнующего призыва. Если мы обратимся к службе открытия христианского года, Первой вечерне Первого воскресенья Адвента, то найдем в качестве первых слов "Правил сезона" трубные ноты святого Павла: "Братия, настало время пробудиться от сна, ибо ныне спасение наше ближе, нежели когда мы веровали". За этой главой следует древний гимн "Creator alme siderum", {1} воспевающий в страшных тонах два пришествия 91 Христа - искупления и суда; затем поются слова, которые являются лейтмотивом служб Адвента и звучат снова и снова.

"*Rorate, coeli, desuper, et nubes pluant Justum*
(Опуститесь, небеса, сверху, и пусть небеса изливают Праведника).
Aperiatur terra et germinet Salvatorem
(Пусть земля откроется, и пусть она принесет Спасителя)".

Rorate, coeli, desuper - Адвент - это время томительного ожидания. Это время терпеливого ожидания Господа, чье пришествие в великом смирении должно быть отмечено на Рождество, и чьего пришествия вновь в Его славном величии, чтобы судить бывших и мертвых, христиане ожидают со смешанной надеждой и благоговением. Адвент длится четыре недели, и древнее символическое объяснение трактует их как символ четырех пришествий Сына Божьего: первое - во плоти, второе - в сердцах верующих через Святого Духа, третье - после смерти каждого человека и четвертое - в Судный день. Четвертая неделя никогда не завершается (канун Рождества считается не частью Адвента), потому что слава, дарованная святым в Последнем пришествии, никогда не закончится.

Великий евхаристический гимн "Gloria in excelsis" опускается в Адвенте, чтобы, как говорят символисты, в рождественскую ночь, когда его впервые пропели ангелы, его можно было бы петь с большим рвением и преданностью. "Те Деум" на утрени тоже не поется, потому что считается, что Христос еще не пришел. Но "Alleluia" не опускается, потому что Адвент - это

только половина времени покаяния: есть благоговение при мысли о Грядущем Суде, но есть и радость в надежде на Воплощение, которое будет праздноваться на Рождество, и славу, которая ожидает верных. {3}

Взгляд вперед - это прежде всего нота Адвента; Церковь стремится разделить настроение ветхозаветных святых, и сейчас она больше, чем в любое другое время, возможно, опирается на сокровища древнееврейских пророчеств для своих уроков, антифонов, стихов и респонсов. Взирая на славу, которая будет явлена, она ожидает в это самое темное время года восхода 92 Солнца праведности. *Rorate, coeli, desuper* - это настроение приходит временами ко всем идеалистам, и даже те современные люди, которые надеются не на сверхъестественного Искупителя, а на торжество социальной справедливости на этой земле, должны быть взволнованы поэзией адвентских служб.

Именно на вечерне в семь дней до Рождества Христова тоска Церкви находит свое самое благородное выражение в антифонах, известных как "Великие О", которые поются до и после "Магнификата", по одному в каждый день. "O Sapientia", - гласит первый из них, - "О Премудрость, вышедшая из уст Всевышнего и достигающая от одного конца до другого, могущественно и сладостно упорядочивающая все вещи: приди и научи нас пути благоразумия". "О Адонай", "О корень Иессеев", "О ключ Давидов", "О день-весна, свет вечный", "О Царь народов", - так Церковь взывает к своему Господу: "О Эммануил, Царь наш и Законодатель, Желание всех народов и их спасение: приди и спаси нас, Господи Боже наш". {4}

Наконец-то наступил сочельник, и на вечерне мы чувствуем близость великого Пришествия. "Поднимите головы ваши: вот приближается искупление ваше", - гласит антифон последнего псалма. "Завтра будет покончено с беззаконием земли", - гласит стих после служебного гимна. А перед и после "Магнификата" Церковь поет: "Когда взойдет солнце, вы увидите Царя царей, выходящего от Отца, как жених из чертога своего".

Но только с ночной службы Утрени начинается слава праздника. В Рождество Церковь несет особую вахту ночью, подобно вифлеемским пастухам, и служба наполнена поэзией сезона, ликующей радостью. К "Venite, exultemus Domino" рождественскую ноту добавляет часто повторяющееся приглашение: "Родился Христос: Приидите, поклонимся Ему". Далее следуют псалмы - среди них три, сохраненные англиканской церковью в рождественских утренях, уроки из Ветхого и Нового Заветов и гомилии отцов, перемежаемые респонсориями, доносящими до верующих чудеса Святой ночи. Некоторые из них почти драматичны, например, такие:-93

"Кого видели вы, пастухи? Говорите; скажите нам, кто явился на земле.
Мы видели новорожденного Младенца и ангелов, поющих хвалу Господу.
Говорите, что вы видели? и расскажите нам о рождении Христа.
Мы видели новорожденного Младенца, и ангелы пели хвалу Господу".

Именно чудо Воплощения, чудо непорочного Рождения, песнь Ангелов, сошествие с небес истинного мира, рассвет искупления и вечной радости, слава Единородного, которую теперь видят люди - сверхъестественная сторона, по сути, праздника, - излагает Церковь в своих лучезарных словах; о чисто человеческой стороне, о пафосе Вифлеема, мало кто вспоминает.

В средневековые времена в некоторых местах было принято возлагать на алтарь три завесы и снимать одну из них в каждый ночной час рождественской утрени. Первая была черной и

символизировала время тьмы до Моисеева закона; вторая - белой, символизируя, по-видимому, веру тех, кто жил под этим законом частичного откровения; третья - красной, показывая любовь невесты Христа, Церкви, во времена благодати, проистекающей из Воплощения. {5}

В Англии в Средние века в конце рождественской утрени происходила величественная церемония - пение родословия Христа, составленного святым Матфеем. Дьякон в далматике, аколиты с лампадами, пономарь и крестоносец, все в альбах и униках, шли процессией к кафедре или на крыльцо, чтобы пропеть эту часть Евангелия. Если присутствовал епископ, то именно он пел его, и для его освещения держали богатый подсвечник. [36] Затем следовало пение "Te Deum". {6} Эта церемония не встречается в обычных римских книгах, но она по-прежнему совершается бенедиктинцами, о чем можно прочитать в поразительном рассказе о монастырском Рождестве, приведенном Гюисмансом в "L'Oblat". {7}

94 Там, где, как и в религиозных общинах, церковные службы совершаются в полном порядке, за утреней следует обычай, свойственный Рождеству, - празднование полуночной мессы. В рождественское утро каждому священнику разрешается совершить три Мессы, которые должны совершаться строго в полночь, на рассвете и при дневном свете. Каждая из них имеет свой сборник, эпистолу и Евангелие, свой интроит, градуал и другие гимны. Во многих странах полуночная месса является отличительной рождественской службой, великим и уникальным событием в году, тем, что своей необычностью отводит празднику Рождества Христова самостоятельное место. Немногие католические обряды производят большее впечатление, чем эта полуночная месса, особенно в сельской местности; сквозь темноту и холод зимней ночи, часто на большие расстояния, верующие идут поклониться Младенцу Спасителю в блеске освещенной церкви. Это повторение посещения пастухами пещеры в Вифлееме, сияющей сверхъестественным светом.

Средневековые писатели давали различные символические объяснения трем мессам. Предполагалось, что полуночное празднование представляет собой состояние человечества до Закона Моисея, когда землю покрывала густая тьма; второе, на рассвете, - время Закона и Пророков с его растущим светом; третье, при полном дневном свете, - христианскую эру света и благодати. Другое толкование, принятое святым Фомой Аквинским, более мистическое: три Мессы означают трижды рождение Христа, первая из которых символизирует темную тайну вечного порождения Сына, вторая - рождение Христа как утренней звезды в сердцах людей, третья - телесное рождение Сына от Марии. {8}

На рождественских мессах вновь звучит "Gloria in excelsis". Эта песнь ангелов сначала исполнялась только на Рождество; она была введена в Риме в пятом веке на полуночной мессе в подражание обычаю Иерусалимской церкви. {9}

Действительно, именно из подражания иерусалимским и вифлеемским службам, по-видимому, и возникли три римские рождественские мессы. Из документа конца IV века, известного под названием "Peregrinatio Silviae", повествующего о паломничестве по святым местам Востока одной знатной дамы из южной Галлии, следует, что на праздник Богоявления, когда в Палестинской Церкви отмечалось Рождение Христа, совершались две последовательные "станции": одна в Вифлееме, другая в Иерусалиме. В Вифлееме вокзал совершался ночью накануне праздника, затем процессия шла в церковь Анастасии или Воскресения, где находился Гроб Господень, прибывая "около того часа, когда один человек начинает узнавать другого, *то есть* ближе к рассвету, но до полного разгара дня". Там пели псалом, читали молитвы, а катехумены и верующие получали благословение епископа.

Позже была отслужена месса в Великой церкви на Голгофе, и процессия вернулась в Анастасис, где была отслужена еще одна месса. {10}

В Вифлееме в настоящее время проводятся впечатляющие службы в день латинского Рождества. Патриарх прибывает из Иерусалима с отрядом кавалерии и кавасами в великолепном вооружении. Служба длится с 10 часов кануна Рождества до глубокой полуночи. "По прочтении Евангелия духовенство и все прихожане, кто может, покидают церковь и идут по ступеням и извилистому вырубленному в скале ходу в Грот Рождества Христова, подземную камеру неправильной формы, длинную и узкую. Они несут с собой восковое изображение младенца - *bambino* - заворачивают его в пелену и кладут на место, которое, как говорят, является яслями." {11}

Полуночная месса появилась в Риме, по-видимому, в первой половине V века. Папа совершал ее в церкви Санта-Мария-Маджоре, вторую мессу он пел в церкви Святой Анастасии - возможно, из-за сходства названия с Анастасией в Иерусалиме, а третью - в соборе Святого Петра. {12} В канун Рождества Папа провел торжественную "станцию" в Санта-Мария-Маджоре, и были исполнены две вечерни, первая очень простая, вторая, на которой Папа понтифицировал, с тщательно продуманным церемониалом. Перед второй вечерней в XII веке кардинал-епископ Альбано готовил для папского дома хороший обед. После заутрени и полуночной мессы в Санта-Мария-Маджоре папа отправлялся с процессией в Сант-Анастасиа на обедню и заупокойную мессу. Третья месса, в соборе Святого Петра, была событием большой торжественности, и на ней в 800 году произошло то глубоко значимое событие, коронация Карла Великого Львом III - поворотный момент в европейской истории. {13}

Позднее у Папы появился обычай вместо того, чтобы отправляться в собор Святого Петра, возвращаться в Санта-Мария-Маджоре на третью мессу. По прибытии ему давали трость с прикрепленной к ней зажженной свечой, с помощью которой он должен был поджечь несколько поленниц, размещенных на капителях колонн. {14} Церковное объяснение этой странной церемонии заключалось в том, что она символизировала конец света через огонь, но можно предположить, что в ее основе лежал какой-то языческий обычай. С 1870 года Папа, как "узник Ватикана", разумеется, перестал совершать богослужения в Санта-Мария-Маджоре или Сант-Анастасии. Однако в Миссале все еще можно найти следы папского визита в Санта-Мария-Маджоре в праздновании памяти этой святой, которое совершается в виде любопытной скобки в Рассветной мессе.

На Рождество в Ватикане Папа благословляет шляпу и меч, и они отправляются в подарок какому-нибудь принцу. Говорят, что эта практика возникла из средневекового обычая, согласно которому император Священной Римской империи или какой-либо другой государь читал один из уроков на рождественской заутрене в папской часовне, держа меч наготове. {15}

Празднуемая в странах, столь далеких друг от друга как географически, так и по характеру, как Ирландия и Сицилия, Польша и Южная Америка, полуночная месса, естественно, сильно различается по своему тону и обстановке. Иногда это не более чем модный прием, иногда преданность тех, кто на ней присутствует, проявляется в блуждании по милям снега в темноте и на горьком ветру.

В очаровательных воспоминаниях о Рождестве своего детства мадам Th. Бентзон так описывает поход на полуночную мессу во французской деревне около шестидесяти лет назад:-97

"Я вижу себя маленькой девочкой, закутанной до кончика носа в меха и вязаные шали, в крошечных деревянных башмачках на ногах, с фонарем в руке, отправляющейся вместе с родителями на полуночную мессу в канун Рождества..... Мы отправились в путь, несколько человек, вместе в потоке света..... Наши фонари отбрасывали большие тени на белую дорогу, хрустящую от мороза. По мере того как наша маленькая группа продвигалась вперед, она видела других людей, идущих по дороге, людей с фермы и с мельницы, которые присоединились к нам, и, оказавшись на площади Эглиз, мы обнаружили, что все прихожане собрались вместе. Никто не говорил - ледяной северный ветер прерывал наше дыхание; но голос курантов наполнял тишину..... Мы вошли, сопровождаемые порывом ветра, который ворвался в паперть одновременно с нами; и великолепие алтаря, усыпанного огнями, зеленого от сосновых и лавровых ветвей, ослепило нас с порога." {16}

В благочестивом Тироле сцены в канун Рождества перед полуночной мессой часто бывают чрезвычайно впечатляющими, особенно в узких долинах, где дома разбросаны по горным склонам. Задолго до полуночи начинают мерцать факелы, освещающие верующих на пути к мессе; они движутся вниз, то скрываясь в соснах и оврагах, то вновь появляясь на открытом склоне холма. Все больше и больше огней появляется и бросает румяные блики на снег, пока наконец, достигнув дна долины, они не исчезают, и только окна церкви светятся сквозь темноту, а торжественные звуки органа и песнопения нарушают тишину ночи. {17}

Не везде великая месса совершается среди столь спокойных и набожных сцен. В Мадриде, пишет писатель начала XIX века, "едва стемнеет вечер бдения, как на улицах появляются мужчины, женщины и мальчики с факелами, многие из них снабжены бубнами, в которые они громко бьют, двигаясь в некоем подобии вакхической процессии. Существует предание, что у пастухов, посетивших Вифлеем в день Рождества Христова, были подобные инструменты, с помощью которых они выражали чувство радости, охватившее их при известии о рождении Спасителя". На полуночной мессе толпы людей, которые, возможно, всю ночь бродили по улицам, входили в церковь 98 с бубнами и гитарами и аккомпанировали органу. Когда месса закончилась, они начали танцевать в самом теле церкви. {18} Более поздний автор говорит о полуночной мессе в Мадриде как о модном мероприятии, на которое ходило много молодых геев, чтобы познакомиться друг с другом. {19} Таков характер службы в испано-американских городах. В Лиме улицы в канун Рождества переполнены нарядно одетыми и шумными людьми, многие из них в масках, и все идут на мессу. {20} В Париже сложная музыка привлекает огромные и часто не очень серьезные толпы. На Сицилии на полуночных службах иногда царит необычайная непочтительность: люди берут с собой еду, чтобы поесть в церкви, и время от времени выходят в трактир выпить, а между службами подражают пению птиц. {21} В таких вещах мы можем увидеть лицензию языческих праздников, проникающих в самые стены святилища.

В Рейнской области полуночная месса была отменена, потому что веселье в канун Рождества привело к непристойному поведению на торжественной службе, но месса по-прежнему совершается очень рано - в четыре или пять часов, и на нее приходят огромные толпы верующих. Это волнующее зрелище - первая рождественская месса в каком-нибудь старинном городе, когда из пронизывающего холода и напряженной тишины раннего утра вы входите в огромную церковь, заполненную людьми, освещенную свечами, согретую человеческим общением, и слышите, как огромная община вступает в медленный торжественный хорал, полный благочестивой радости, что

"В Вифлееме родился
Ist uns ein Kindelein".

Интересно проследить, как сохранились ночные рождественские службы в протестантских странах. В восемнадцатом веке в немецких "евангелических" церквях были распространены полуночные или ранние утренние службы, но в некоторых местах они были запрещены из-за беспорядков и пьянства, которыми они сопровождались. Люди, похоже, рассматривали их как часть рождественских гуляний, а не как священные функции; один писатель сравнивает прихожан с толпой диких пьяных матросов в 99таверне, другой приводит отвратительные подробности беспорядков в церкви, где единственным трезвым человеком был проповедник. {22}

В Швеции рождественская служба совершается очень рано утром, алтарь освещается множеством свечей, а празднующий облачается в белую мантию с золотыми сиротами. {23}

Полуночная месса сегодня совершается во многих англиканских церквях, но это чисто современное возрождение. Наиболее отчетливо британская *традиция сохранилась* в Уэльсе в ранней службе, известной как *Plygain* (рассвет), которая иногда является празднованием Причастия. В Тенби в четыре часа утра на Рождество было принято, чтобы молодые люди города сопровождали настоятеля с зажженными факелами от его дома до церкви. Погасив факелы на паперти, они шли на раннюю службу, а по ее окончании вновь зажигали факелы, и процессия возвращалась в ректорский дом. В церкви Святого Петра, Кармартен, ранняя служба проходила при свете цветных свечей, принесенных прихожанами. В церкви Святого Асафа в Каэрвисе в 4 или 5 часов утра проводился *Плигейн*, состоящий из колядок, исполняемых вокруг церкви в процессии. *{24} Плигейн* продолжался в валлийских церквях примерно до восемнадцати пятидесятых годов, и, что весьма любопытно, после того, как от него отказалась официальная церковь, его стали отмечать в нонконформистских часовнях. {25}

На острове Мэн в канун Рождества, или *Ойль Верри* (канун Марии), "несколько человек собирались в каждой приходской церкви и начинали выкрикивать колядки или "карвалы". В пении не было унисона или концерта, но один человек вставал с зажженной свечой в руке и мрачным монотонным голосом произносил стих за стихом какой-нибудь старой манксской "Карвал", пока свеча не догорала. Затем в игру вступал другой человек и повторял аналогичное представление. После того как часы пробили полночь, нельзя было зажигать новые свечи" {26}.

Можно предположить, что распространенная в Англии практика звонить в колокола до полуночи в канун Рождества также имеет некоторое отношение к старинной полуночной мессе.

Для греческой церкви Рождество - сравнительно неважный праздник, наравне с Богоявлением, празднованием Крещения Христа; рождественские службы, однако, полны прекрасной поэзии. В греческих богослужебных книгах гораздо меньше сдержанности, гораздо меньше следования словам Писания, гораздо больше богатства оригинальной композиции, чем в римских, и, хотя здесь меньше остроты, здесь больше амплитуды и великолепия. Рождество у греков - это празднование прихода волхвов, а также Рождества Христова и поклонения пастухам, и Мудрецы занимают очень важное место в богослужениях. Следующий гимн святого Анатолия (пятый век) из первой вечерни праздника довольно типичен для характера рождественских служб: - "Когда родился Иисус, Господь наш".

"Когда Иисус Господь наш родился от Нее,
Святая Дева, вся вселенная
Просветилась.
Ибо когда пастухи наблюдали за своими стадами,
И волхвы пришли помолиться,
и Ангелы пели свой гимн.
Ирод смутился, ибо явился Бог во плоти,
Спаситель душ наших.

Царство Твое, Христос, Бог наш, Царство есть
Всех миров, и владычество Твое
Над всеми поколениями владычествует,
Воплотившийся от Духа Святого,
Человек Приснодевы Марии,
Присутствием Твоим, Христос Бог наш,
Ты озарил нас Светом.
Свет от Света, Сияние Отца,
Ты озарил все творение.
Все, что имеет дыхание, славит Тебя,
Образ славы Отца.
Ты, Который есть и был прежде,
Бог, сияющий из горницы,
Смилуйся над нами.

Какой дар мы принесем Тебе,
Христос, поскольку Ты, как Человек на земле
ради нас явил Себя?101
Поскольку каждая тварь, созданная Тобой.
приносит Тебе свою благодарность.
Ангелы приносят свои песни,
Небеса приносят свою звезду,
Волхвы приносят свои дары,
Пастухи приносят свой трепет,
Земля дает пещеру, пустыня - ясли,
А мы Деву-Мать приносим.
Боже перед всеми мирами, помилуй нас!" {27}

Красивый обряд под названием "Божий мир" совершается в славянских церквях в конце "литургии" или мессы в рождественское утро - люди целуют друг друга в обе щеки, говоря: "Христос родился!" На это отвечают: "Воистину родился!" и целуют друг друга. Так повторяется до тех пор, пока каждый не поцелует и не будет поцелован всеми присутствующими. {28}

Мы должны быстро пройти мимо праздников святых, входящих в октаву западного Рождества, - святого Стефана (26 декабря), святого Иоанна Богослова (27 декабря), святых Иннокентия (28 декабря) и святого Сильвестра (31 декабря). Ни один из них, кроме праздника Святых Невинных, не имеет особой связи с Рождеством Христовым или

Младенчеством, и связанные с ними народные обычаи мы рассмотрим во второй части нашей книги.

Празднование Обрезания ("когда восемь дней совершалось обрезание младенца") приходится, естественно, на 1 января, октаву Рождества. Он не римского происхождения, и в Риме его стали отмечать только после того, как он давно утвердился в Византийской и Галльской церквях. {29} В Галлии, как следует из постановления Турского собора 567 года, в Обрезание и два следующих за ним дня соблюдался торжественный пост, чтобы отвратить верующих от языческих празднеств календ. {30}

Праздник Богоявления 6 января, как мы видели, является в восточной Церкви воспоминанием Крещения Христова. На Западе он стал прежде всего праздником поклонения 102 волхвов, явлением Христа язычникам. В римских канцеляриях сохранилось много следов крещения, и память о еще одном проявлении славы Христа содержится в антифоне "Magnificat" на второй вечерне праздника: - "Мы храним святой день, украшая его.

> "Мы святим день, украшенный тремя чудесами: сегодня звезда привела волхвов к яслям; сегодня на браке вода превратилась в вино; сегодня ради нашего спасения Христос сподобился креститься от Иоанна в Иордане. Аллилуйя".

В октаву Богоявления на утрене крещение является главной идеей, и Евангелие на мессе посвящено той же теме. В самом Риме даже Освящение воды, отличительная церемония восточного Богоявленского обряда, совершается в некоторых церквях по латинскому ритуалу. {31} В Сант-Андреа делла Валле (Рим) во время октавы Богоявления каждое утро совершается торжественная месса на латинском языке, а затем, в каждый из дней с 7 по 13 января, следует месса по одному из восточных обрядов: Греко-славянскому, армянскому, халдейскому, коптскому, греко-рутенийскому, греко-мельхитскому и греческому. {32} Это неделя больших возможностей для литургиста и любителя необычного церемониала.

Освящение воды - важное событие во всех странах, где преобладает греческая церковь. В Греции "Великое освящение", как его называют, совершается по-разному в зависимости от местности; иногда освящается море, иногда река или водохранилище, иногда просто вода в церкви. В портовых городах, где жизнь людей зависит от воды, праздник проходит с большой помпой и тщательностью. В Пирее собираются огромные и восторженные толпы, и происходит торжественное шествие епископа и духовенства к гавани, где епископ бросает маленький деревянный крест, удерживаемый длинной голубой лентой, в воду, вынимает его, мокрый от капель, и окропляет прохожих. Так делается три раза. В Науплии и других местах существует любопытный обычай: архиепископ бросает деревянный крест в воды гавани, и рыбаки, живущие в этом месте, ныряют за ним и борются за обладание им; тот, кто побеждает, имеет право посетить все дома города и собрать сбор, который часто приносит большую сумму. На Самосе все женщины посылают в церковь сосуд, наполненный водой, чтобы священник благословил его; этой водой окропляют поля и деревья. {33}

Смысл, придаваемый этой церемонии Церковью, отражен в следующей молитве: - "Ты освятил воду.

> "Ты освятил потоки Иордана, послав с неба Святого Духа Твоего, и сокрушил головы драконов, скрывавшихся там. Поэтому, Царь, Любимец человеков, будь и ныне присутствуй здесь, посетив Духом Твоим Святым, и освяти эту воду. Даруй ей также благодать выкупа, благословение Иордана: сделай ее источником нетления; даром освящения; омовением грехов; отвращением болезней; уничтожением бесов;

отражением враждебных сил; исполненной ангельской силы; чтобы все, кто берет и принимает ее, имели ее для очищения душ и тел, для исцеления болезней, для освящения домов и для удовлетворения всякой нужды." {34}

Хотя для Церкви погружение креста представляет собой Крещение Христа, и благословения, вытекающие из этого события, должны передаваться людям через окропление водой, некоторые студенты считают, что вся эта практика является христианизацией примитивного дождевого амулета - кусочка симпатической магии, призванного вызвать дождь, имитируя промокание, которое он дает. Богоявленская песня из Имброса связывает благословение дождя с Крещением Христа, а другая рассказывает, как на реке Иордан "спустился голубь, белый и пернатый, с раскрытыми крыльями; он послал дождь на Господа, и снова дождь и дождь на нашу Богородицу, и снова дождь и дождь на его крыльях". {35}.

Благословение вод совершается в греческой церкви Святой Софии, Бейсуотер, Лондон, утром в день Богоявления, который, из-за разницы между старым и новым "стилями", приходится на наше 19 января. Все совершается в церкви; вода для освящения ставится на стол под куполом и освящается погружением в нее маленького креста; затем ею окропляются все присутствующие, а часть верующие уносят домой в маленьких сосудах. {36}.

В Москве и Санкт-Петербурге освящение - это очень пышное действо, но, пожалуй, еще интереснее оно в русских деревенских местах. Каково бы ни было православное значение обряда, для деревенских людей это прогнание "лесных демонов, духов и фей, некогда богов, которым поклонялись крестьяне, но теперь свергнутых со своего высокого сана", которые в долгие темные зимние ночи околдовывают и досаждают сынам человеческим. Яркий и образный рассказ об этой церемонии и ее значении для крестьян дает мистер Ф. Х. Э. Палмер в своей книге "Русская жизнь в городе и деревне". Район, в котором он наблюдал эту церемонию, состоял из лесов и озер, замерзавших зимой. На одном из этих озер был воздвигнут "огромный крест, сложенный из глыб льда, которые сверкали, как бриллианты в лучах зимнего солнца..... Вскоре вдали послышались человеческие голоса, исполнявшие странную, дикую мелодию. Вскоре среди деревьев на снегу возникло движение, и показались развевающиеся знамена: приближалась процессия, возглавляемая папой в облачении и окруженная деревенскими сановниками, почтенными седобородыми патриархами." Широкое пространство в процессии было оставлено для "странной и пестрой группы гномов и спрайтов, фей и лесных нимф", которые, как полагали крестьяне, были привлечены святым пением и священным знаком на развевающемся знамени. Пение все еще продолжалось, когда толпа образовала круг вокруг сверкающего креста, и все с благоговением смотрели, пока полдюжины крестьян с топорами прорубали большую дыру во льду. "И вот уже слышен голос священника, глубокий и звучный, произносящий слова обреченности. Увы, бедные спрайты! В эту зияющую пропасть они должны прыгнуть и погрузиться глубоко, глубоко под поверхность этой ледяной воды." {37}

Следуя этим восточным обрядам Богоявления, мы далеко отошли от цикла идей, обычно ассоциирующихся с Рождеством. Теперь мы должны перейти к тем народным посвящениям Младенцу Христу, которые, хотя они и не являются частью литургии Церкви, она допускает и поощряет. Именно на Западе мы найдем их; латинская церковь, как мы уже видели, делает гораздо больше для Рождества, чем греческая.

Рим часто осуждают за использование в литургии мертвого латинского языка, но не следует забывать, что в каждой стране он предлагает верующим богатый запас богослужебной литературы на их родном языке, и что, в дополнение к литургическим службам, существует

много публичных молитв и славословий на просторечии. Не ограничиваясь таинственным символизмом таинств и ритуалом, который их окружает, она дает людям конкретные, живописные образы для укрепления их веры. Как ритуал перерос в средневековье в полноценную драму, мы увидим в следующей главе; здесь же рассмотрим тот культ Младенца Христа, в котором вифлеемская сцена представлена не живыми актерами, а пластикой, часто самой простой и домашней.

Использование "кроватки" (французское *crèche*, итальянское *presepio*, немецкое *krippe*) на Рождество теперь повсеместно распространено в Римской церкви. Большинство читателей этой книги наверняка видели одну из таких конструкций, изображающих хлев в Вифлееме, с Младенцем в яслях, Его матерью и святым Иосифом, волом и ослом, а также, возможно, пастухами, тремя царями или поклоняющимися ангелами. Они вызывают восторг у детей, которые на протяжении всего сезона Рождества и Богоявления в любое время суток забредают в открытые церкви, чтобы поглазеть на ожившие сцены и вознести молитву своему Маленькому Брату. Ни один человек, в котором есть что-то от детского духа, не может не быть тронут очарованием рождественской колыбели. Часто встречаются недостатки художественного вкуса, но они обычно смягчаются мерцанием лампад, сиянием рубиновых огней среди полумрака придела или часовни, а сцена нежной человечности, мягко, таинственно сияющая, словно "яркими побегами вечности", полна религиозных и поэтических предложений.

Учреждение *презепио* часто приписывают святому Франциску Ассизскому, который в 1224 году праздновал Рождество в Греччо 106 с вифлеемской сценой с настоящим волом и ослом. За пятнадцать дней до Рождества Христова, по словам Фомы Челанского, блаженный Франциск послал за неким дворянином, по имени Иоанн, и сказал ему: "Если ты желаешь, чтобы мы праздновали нынешний праздник Господа в Греччо, поспеши отправиться туда раньше и прилежно приготовить то, что я тебе скажу. Ибо я хотел бы помянуть Младенца, родившегося в Вифлееме, и как бы воочию увидеть Его младенческие тяготы, как Он лежал в яслях на сене, а рядом стояли вол и осел". Добрый человек приготовил все, что повелел Святой, и наконец приблизился день радости. Братья были созваны из многих монастырей; мужчины и женщины города приготовили светильники и факелы, чтобы осветить ночь. Найдя все готовым, Франциск смотрел и радовался: ясли были приготовлены, сено принесено, вола и осла ввели внутрь. "Таким образом, простота была почтена, бедность возвеличена, смирение похвалено, и из Греччо был создан как бы новый Вифлеем. Ночь была освещена, как день, и была восхитительна для людей и зверей..... Леса звенели голосами, скалы отвечали ликующей толпе". Франциск стоял перед яслями, "охваченный нежностью и исполненный дивной радости"; была отслужена месса, и он, облаченный в дьяконское одеяние, пропел Святое Евангелие "искренним, сладостным и громким голосом". Затем он проповедовал народу о "рождении бедного Царя и маленьком городе Вифлееме". "Произнося слово "Вифлеем" на манер блеяния овцы, он наполнял им свой рот", а называя имя Младенца Иисуса, "он как бы облизывал губы, с удовольствием смакуя и проглатывая сладость этого слова". Наконец, торжественное бдение заканчивалось, и каждый с радостью возвращался на свое место. {38}

Графиня Мартиненго {39} предположила, что эта прекрасная церемония была "кристаллизацией воспоминаний, унесенных Святым Франциском из реального Вифлеема"; ведь он посетил Восток в 1219-20 годах, а празднование в Греччо состоялось в 1224 году. Святой Франциск и его последователи, возможно, в значительной степени способствовали популяризации *презепио*, но его использование можно отнести к гораздо более раннему периоду, чем их время. В литургической драме, известной как "Officium Pastorum", которая,

вероятно, сформировалась в одиннадцатом веке, мы находим *презепио* за алтарем как центр действия {40}; но задолго до этого нечто подобное, похоже, существовало в церкви Санта Мария Маджоре в Риме - в свое время она называлась "Beata Maria ad praesepe". Здесь папа Григорий III. (731-41) поместил "золотой образ Богоматери, обнимающей Бога Спасителя, в различных драгоценных камнях". {41} Согласно взглядам Усенера, эта церковь была основана папой Либерием (352-66) и должна была стать особым домом для введенного им нового праздника Рождества, а важной частью раннего рождественского ритуала там было совершение мессы над "яслями", в которых лежало освященное Воплощение, как некогда тело Святого Младенца в яслях в Вифлееме. {42} Кроме того, восточная гомилия конца IV века предполагает, что проповедник имел перед глазами изображение Рождества Христова. Такие материальные изображения, по предположению Усенера, могли возникнуть в результате посвящений верующих в предполагаемом месте реального рождения в Вифлееме, которое, естественно, должно было быть украшено священными фигурами Святой ночи. {43}

В четырнадцатом и пятнадцатом веках кроватки можно увидеть в Милане, Парме и Модене, а один итальянский образец, вырезанный в 1478 году, до сих пор существует. {44} В Баварском национальном музее в Мюнхене собрана прекрасная коллекция кроваток разных периодов и из разных стран - Германии, Тироля, Италии и Сицилии, - показывающая, с какой тщательностью готовились эти модели. Среди них - огромное сооружение, сделанное в Ботцене в первой половине XIX века и достаточно большое, чтобы заполнить комнату немалых размеров. На ней изображена центральная площадь города с внушительными зданиями, включая великий собор, не похожий на наш собор Святого Павла. Фигуры разных размеров были расставлены в соответствии с перспективой, а сама кроватка, вероятно, была установлена на паперти церкви, в то время как процессии кукол расположились на широкой открытой площади. Другая картина, сделанная в Мюнхене, изображает поклонение пастухов в некоем подобии разрушенного замка, а другие, из Неаполя, помещают сцену среди остатков классических храмов. Одна тирольская кроватка имеет широкий пейзажный фон с деревней и горами, характерными для этой страны. Фигуры часто многочисленны и, поскольку их создатели обычно одевают их в костюмы своих современников, иногда очень причудливы. Ангел с осиной талией, в напудренном парике, шляпе, отороченной большими перьями, и красном бархатном платье с тяжелой золотой вышивкой кажется нам, современным, комичным, но именно так представляли себе небесного посланника монахини-урсулинки из Инсбрука. Однако многие кроватки и фигурки, особенно из Неаполя и Сицилии, отличаются прекрасным художественным качеством, а для изучающего костюм различные типы нарядов представляют большой интерес. {45}

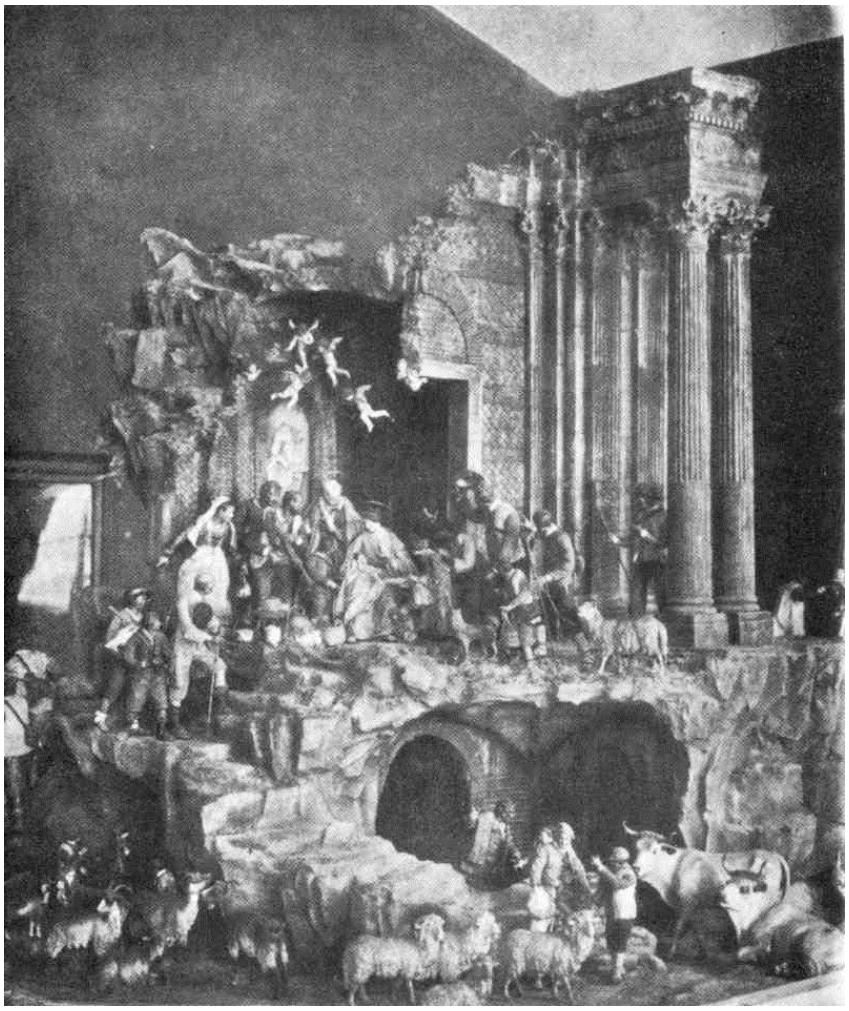
Рождественские кроватки используются отнюдь не только в церквях; они распространены в домах во многих католических регионах и, по крайней мере, в одном протестантском районе, саксонском Эрцгебирге. {46} В Германии *криппа* часто сочетается с рождественской елкой; в Тревесе, например, настоящий писатель видел великолепное дерево, покрытое сверкающими огнями и украшениями, а под ним - пещеру Рождества Христова с маленькими фигурками святых. Таким образом, языческие и христианские символы встретились вместе.

Примерно в XIV веке в Германии возник чрезвычайно популярный рождественский обычай "качания колыбели" - ответ на потребность людей в живом и домашнем представлении христианства. С помощью *Kindelwiegen* миряне приобщались к Младенцу Христу самым тесным образом; колыбель становилась колыбелью (*wiege*), которую можно было качать, и богомольцы таким образом могли выразить в физическом действии свою преданность новорожденному Младенцу. Качание колыбели, по-видимому, сначала осуществлялось

священниками, которые изображали Деву и Святого Иосифа и пели над Младенцем дуэтом: - "Иосиф, милый мой, я не знаю, что делать".

"Иосиф, милый, милый, милый,
Hilf mir wiegen daz kindelîn.

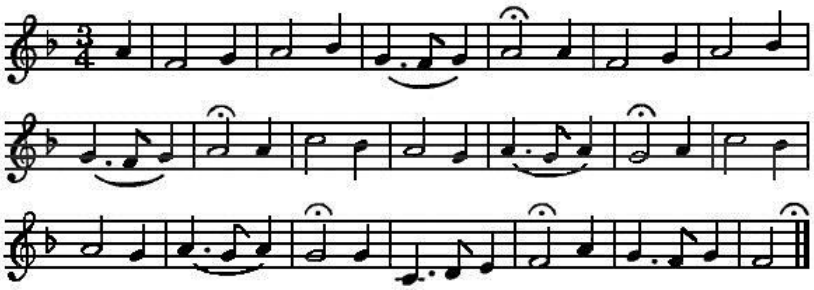
Герне, любимая Муоме Мина,
Hilf ich dir wiegen dîn kindelîn." [37]



НЕАПОЛИТАНСКОЕ "ПРЕЗЕПИО".

Фото] [*Мейзенбах, Риффарт и Ко, Мюнхен*.

109 Хор и народ принимали участие в пении; а танцы, для старых немцев естественный аккомпанемент праздничной песни, стали обычным явлением вокруг колыбели, которую со временем разрешалось качать собственными руками. {47} "In dulci jubilo" имеет характер танца, и то же самое можно сказать о другой восхитительной старой колядке, "Lasst uns das Kindlein wiegen", которая до сих пор используется, в форме, измененной более поздними редакторами, в церквях Рейнской области. Настоящий автор слышал, как ее поют, очень медленно, в унисон, огромные толпы, и очень красива эта смесь торжественности, праздничной радости и нежных чувств: -



"Оставьте нам Kindlein wiegen,
Das Herz zum Krippelein biegen!
Lasst uns den Geist erfreuen,
Das Kindlein benedeien:
O Jesulein süss! O Jesulein süss!

* * * * *

Позвольте нам зазвучать Хенделю и Фюссе,
Sein feuriges Herzlein grüssen!
Und ihn demütiglich eren
Als unsern Gott und Herren!
O Jesulein süss! O Jesulein süss!" [38] {48}

Два латинских гимна, "Resonet in laudibus" и "Quem pastores laudavere", {49} также исполнялись *в Киндельвигене*, и до нас дошла 110 очаровательная и совершенно непереводимая немецкая колыбельная песня:...

"Sausa ninne, gottes minne,
Nu sweig und ru!
Как ты хочешь, так и мы будем тебя укачивать,
Hochgelobter edler furst, nu schweig und wein auch nicht,
Tûste das, so wiss wir, dass uns wol geschicht." {50}

Именно благодаря таким призывам, как этот *Kindelwiegen*, к естественным, домашним инстинктам людей, церковь получила реальную власть над массами, сделав христианство в пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веках подлинно народной религией в Германии. У доктора Александра Тилле, лучшего историка немецкого Рождества, есть интересный отрывок на эту тему: "В танцах и ликовании вокруг колыбели, - пишет он, - религия Креста, как бы она ни противоречила по своему внутреннему характеру природе немецкого народа и его сущностному здоровью, больше не воспринималась как нечто чуждое. Она натурализовалась, но потеряла при этом свою суть. Подготовка к жизни после смерти, которая была ее альфой и омегой, отошла на второй план. Не радость по поводу обещанного "искупления" выражалась в танцах вокруг колыбели, ибо немец так и не научился чувствовать себя абсолютно мерзким и грешным: это была радость от простого факта рождения в мир человека, конкретного человека в особых обстоятельствах..... Средневековье проявило в качании колыбели "истинно немецкую и самую милую детскость".

Младенец Христос был "всеобщим младшим братом всех детей земли", и они вели себя соответственно: убаюкивали Его сном, ласкали и укачивали, танцевали перед Ним и прыгали вокруг Него *в dulci jubilo*." {51} Многое здесь соответствует культу Младенца Христа в других странах, кроме Германии, хотя, возможно, доктор Тилле недооценивает религиозное чувство, которое часто соединяется с человеческими чувствами.

Пятнадцатый век был великим периодом *для Kindelwiegen*, временем, когда он, кажется, практиковался во всех церквях Германии; в шестнадцатом он стал казаться более строгим представителям духовенства, и фигура младенца Иисуса во многих местах уже не качалась в колыбели, а возносилась на алтарь. {52} Этот обычай описывает Наогеоргус (1553 г.):- "Деревянный ребенок в колыбели".

"Деревянный ребенок в клобуках установлен на алтаре,
Около которого и мальчики, и кречеты весело и задорно резвятся,
А кэрролы поют в молитве о Христе и, чтобы помочь им слышать,
Органы исполняют каждый стих со сладкой и торжественной радостью.
Священники ревут во весь голос; а вокруг стоят родители.
Чтобы видеть спорт, и своим воем помогать им и их рукам." {53}

Во многих римско-католических церквях до сих пор принято ставить "Святого ребенка" над алтарем на Рождество.

Протестантизм выступал против *Kindelwiegen*, ссылаясь как на суеверие, так и на сопровождающие его беспорядки, но даже в лютеранских церквях этот обычай был полностью искоренен еще долго. В католических церквях этот обычай не совсем угас, хотя непристойное поведение, которое часто сопровождало его, и рост псевдоклассического вкуса привели к его отмене в большинстве мест. {54}

В Тюбингене еще в 1830 году в полночь в канун Рождества на башне главной церкви качали изображение Младенца Христа в маленькой колыбели, окруженной огнями, а зрители внизу пели колыбельную песню. {55} По словам одного из недавних авторов, "качание" до сих пор продолжается в Верхнем Иннтале. {56} В тирольском кафедральном городе Бриксен оно когда-то проводилось каждый день между Рождеством и Рождеством Христовым священником или мальчиками-аколитами. О том, что это действо было склонно к беспорядку, свидетельствует инструкция для ризничего XVIII века: "Обязательно возьмите палку или веревку из воловьей шкуры, потому что мальчики часто ведут себя очень плохо". {57}

Есть записи и о других любопытных церемониях в немецких и австрийских церквях. В церкви Святого Петра ам Виндберге в Мюлькрайсе в Верхней Австрии во время службы в ночь на Рождество прихожанам была предложена деревянная фигурка Святого Младенца в натуральную величину в корзине 112a; каждый благоговейно целовал ее и передавал своему соседу. Это делалось вплоть до 1883 года. {58} В Криммитшау в Саксонии мальчика, одетого в костюм ангела, спускали с крыши, распевая "Vom Himmel hoch" Лютера, и от этого обычая отказались только тогда, когда обрыв веревки, поддерживавшей певца, привел к серьезному несчастному случаю. {59}

Вероятно, именно в Италии культ Младенца Христа наиболее яростно практикуется в наши дни. Ни у одного народа нет большей любви к детям, чем у итальянцев, ни у одного нет большего драматического инстинкта, которого требует такая форма поклонения. "Пасха, -

говорит графиня Мартиненго-Чезареско, - является самым популярным праздником в восточной церкви, Рождество - в латинской, особенно в Италии. Один из них - праздник будущего мира, а другой - этого. Итальянцы любят этот мир"{60}. Рождество для бедных итальянцев - это подведение итогов человеческих дней рождения, повод излить на *Бамбино* родительскую и братскую привязанность, а также религиозное поклонение.

В Риме Рождество возвещалось появлением за десять дней до окончания Адвента калабрийских менестрелей или *пифферари* с их дудками (*zampogne*), напоминающими шотландскую волынку, но менее резкими по звучанию. Этих менестрелей можно было увидеть на каждой улице Рима, они играли свою дикую плаксивую музыку перед святилищами Мадонны, по традиционному представлению, для того чтобы отвлечь ее от трудовых мук. Часто они останавливались в лавке плотника "per politezza al messer San Giuseppe." {61} С 1870 года *пифферари* стали редкостью в Риме, но совсем недавно их видела одна английская леди. В Неаполе перед Рождеством тоже появляются *зампогнари*, хотя их гораздо меньше, чем раньше; за одну *лиру* они будут выводить свои деревенские мелодии перед уличной Мадонной любого хозяина в течение всей *новеллы*. {62}

КАЛАБРИЙСКИЕ ПАСТУХИ ИГРАЮТ В РИМЕ НА РОЖДЕСТВО.

С гравюры Д. Аллана.

Из "Книги на каждый день" Хоуна (Лондон, 1826).

На Сицилии за девять дней до Рождества мужчины спускаются с гор, чтобы спеть *новену* под заунывную мелодию в сопровождении виолончели и скрипки. "Весь день, - пишет синьора Кайко о Монтедоро в Кальтаниссетте, - по всей деревне, из дома в дом, поют меланхоличный дирдж 113was, всегда одну и ту же минорную мелодию, слова каждый день разные, так что за девять дней вся песня была спета..... Я часто выглядывал из окна, чтобы увидеть их на небольшом расстоянии, сгруппировавшихся перед домом, поющих свои строфы, хорошо закутанных в шали, потому что воздух холодный, несмотря на яркий солнечный свет..... Ровные белые дома вокруг, чистое небо над головой придавали сцене восточный колорит".

Другим рождественским обычаем в этом же месте было пение *новена* не на улице, а в некоторых деревенских домах перед своеобразным алтарем, богато украшенным и несущим на вершине восковое изображение младенца Иисуса. "Рядом с ним расположился оркестр - виолончель, две скрипки, гитара и тамбурин. Стоящие на коленях женщины сгрудились перед алтарем. На головах у всех были черные *мантильи*. Они сразу же начали петь назначенные на этот день строфы ; мелодия была примитивной и очень странной: первая половина строфы была быстрой и веселой, вторая превращалась в плаксивый дирг". Полный перевод длинной и очень интересной и патетической *новены* дан синьорой Кайко. [39] {63}

Презепио как в Риме, так и в Неаполе является особым символом Рождества в доме, как и зажженная елка в Германии. В Риме на площади Навона продаются маленькие глиняные фигурки святых. (Может быть, здесь сохранились *сигиллярии* - маленькие глиняные куколки, продававшиеся в Риме *во время Сатурналий*?) Их покупают на рынке по два *сольди* за штуку, а *презепи* или "Вифлеемы" делают дома из картона и мха. {64} Домашние *презепи* в Неаполе хорошо описаны Матильдой Серао; они представляют собой картонные модели вифлеемского пейзажа - холм со священной пещерой под ним и двумя-тремя тропинками, ведущими вниз к гроту, маленькая таверна, хижина пастуха, несколько деревьев, иногда ручей в сверкающем стекле. Земля поросшая мхом, в пещере 114 соломинок для упокоения младенца Иисуса, поющие ангелы подвешены на тонких проволочках, а звезда Мудрецов висит на невидимой нити. Здесь почти нет попыток воплотить пейзажи Востока; Младенец рождается, и волхвы поклоняются Ему в кампанском или калабрийском окружении. {66}

Итальянские церкви, как и итальянские дома, имеют свои *presepi*. "Сюда приходят люди, неся скромные дары - каштаны, яблоки, помидоры и т. п., которые они вкладывают в руки фигур в качестве подношений. Очень часто они выполнены в натуральную величину. Мария обычно одета в голубой атлас, с малиновым платком и белым головным убором. Иосиф стоит рядом с ней, одетый в обычную рабочую одежду. Зрители наряжены как итальянские contadini. Волхвы всегда очень заметны в своих величественных одеждах, с атласными шлейфами, которые несут черные рабыни, украшенными драгоценностями тюрбанами и атласными туниками, усыпанными драгоценностями." {67}

СВ. ФРАНЦИСК УЧРЕЖДАЕТ "ПРЕЗЕПИО" В ГРЕЧЧО.

Работа Джотто.

(Верхняя церковь Святого Франциска, Ассисси)

БАМБИНО" ИЗ АРА КОЭЛИ.

В Риме два великих центра рождественского почитания - церкви Санта-Мария-Маджоре, где хранятся реликвии из колыбели Христа, и Ара-Коэли, где живет самый известный в мире *Бамбино*. Яркое представление об обстановке в Санта-Мария-Маджоре в начале XIX века дает леди Морган. Она вошла в церковь в полночь в канун Рождества, чтобы дождаться процессии *culla*, или колыбели. "Три обширных нефа, разделенные рядами ионических колонн из белого мрамора, создавали великолепный вид. Тысячи восковых светильников обозначали их форму и контрастировали с их тенями; некоторые пылали от золотых подсвечников на превосходных алтарях боковых капелл. Золотые и пунцовые драпировки украшали колонны, а тени от межколумний распространялись по мраморному тротуару. Посреди этого впечатляющего церковного великолепия прогуливалось или отдыхало население, которое демонстрировало самую убогую нищету. Сморщенные уроженцы гор... были смешаны со всеми нищими Рима..... Некоторые из этих ужасающих групп лежали кучей на земле, собираясь, чтобы согреться; и когда их темные глаза хмурились из-под мантии,

наполовину скрывавшей овчину, они имели вид бандитов, поджидающих свою добычу; другие с женами и детьми стояли на коленях, полусонные, 115 вокруг часовни Санта-Кроче..... В центре нефа прогуливались, смеялись и громко разговаривали толпы веселых и шумных людей - мелкие лавочники, лакеи и *пополаччо* города". Около трех часов началась служба, с хоровым пением, пылающими факелами и многолюдной процессией священников всех рангов и орденов. Она продолжалась два часа; затем началось шествие к келье, где лежала колыбель, освещенная светом факелов и охраняемая группами почитателей. Затем ее с торжественными песнопениями понесли в часовню *Санта-Кроче*. Затем последовала музыкальная месса, и, наконец, *кулла* была возложена на главный алтарь, а измученные зрители вышли как раз в тот момент, когда купол собора Святого Петра озарился первым утренним светом. {68}

И по сей день сцена в церкви на пятичасовой мессе в рождественское утро необычайно впечатляет: толпы бедняков, бесчисленные огни, на которые дети смотрят с удивлением в глазах, множество низких месс, совершаемых в боковых часовнях, внушительная процессия и возложение серебряного гроба на Главный алтарь. История реликвий *culla* - пяти длинных узких кусков дерева - неясна, но даже некоторые ортодоксальные римские католики признают, что нет достаточных доказательств, чтобы связать их с Вифлеемом. {69}

Знаменитый *Бамбино* во францисканской церкви Ара Коэли в цитадели Рима - это "кукла телесного цвета, туго обтянутая золотой и серебряной тканью, увенчанная короной и сверкающая драгоценными камнями", не красавица, но, как считается, обладающая чудодейственной силой. Надпись в ризнице церкви гласит, что она была сделана благочестивым миноритом из дерева с Елеонской горы, а телесный цвет ей придал сам Бог. У него есть свои слуги и своя карета, в которой он ездит навещать больных. Существует странная история о похищении чудотворного образа женщиной, которая притворилась больной, получила разрешение оставить *Бамбино* у себя, а затем отправила обратно к монахам другой образ, облаченный в его одежды. В ту ночь францисканцы услышали сильный звон колоколов и стук в дверь церкви и обнаружили снаружи настоящего *Бамбино*, обнаженного под ветром и дождем. С тех пор его никогда не выпускали одного. {70}

116В течение всего сезона Рождества и Богоявления Ara Coeli переполнена посетителями *Бамбино*. Перед *презепио*, где он лежит, воздвигается деревянный помост, на котором маленькие мальчики и девочки всех сословий следуют друг за другом с маленькими речами - "проповедями", как это называется, - в похвалу младенцу Господу. "Они произносят свои речи, - пишет графиня Мартиненго, - с бесконечным очарованием, вызывающим полуулыбку-полуслезу". Они обладают ярким драматическим даром, необыкновенным отсутствием самосознания, характерным для итальянских детей, и их "проповедь" - это не просто деревянное повторение заученного наизусть урока. Нет и раздражающей скованности; более того, северянам сцена в церкви может показаться непочтительной, ведь дети дуют в игрушечные дудочки, а их родители свободно разговаривают на самые разные темы. К церкви ведут сто двадцать четыре ступени, представляющие собой необычайно живописное зрелище в это время года, когда они заполнены поднимающимися и спускающимися людьми, а также продавцами всевозможных рождественских гравюр и изображений. В октаву Богоявления проходит большая процессия, завершающаяся благословением Рима Святым Младенцем. *Бамбино* выносят на площадку на вершине головокружительной лестницы из мраморных ступеней, священник поднимает его ввысь и торжественно благословляет Вечный город. {71}

В Лондоне увидеть южное Рождество можно в итальянской колонии на Эйр-стрит-хилл и вокруг нее, недалеко от Клеркенуэлл-роуд, - маленьком городке бедных итальянцев,

расположенном посреди мегаполиса. Крутой, узкий Эйр-стрит-Хилл с его магазинами, полными южных товаров, достаточно мрачен днем, но после наступления темноты в канун Рождества он выглядит как кусочек Неаполя. Окна пестрят огнями и разноцветными фестонами, стоят украшенные фонарями киоски со сладостями, у одного старика в комнате *стоит презепио*, у других - маленькие алтари или святилища с горящими свечами, а стены украшают яркие изображения святых. Странно жалкое зрелище - этот *праздник* детей Юга, эта попытка сохранить итальянское Рождество среди холодной сырости лондонских трущоб. В колонии есть своя церковь, Сан-Пьетро, скопированная с какой-то базилики эпохи Возрождения в Риме, здание наполовину безвкусное, наполовину великолепное, которое переносит того, кто в него входит, далеко на Юг. Как и любая итальянская церковь, она одновременно является дворцом великого короля и прибежищем скромных людей - ни одна другая церковь в Лондоне не является столь близким домом для бедняков. Ближе к двенадцати часам в канун Рождества колокол Сан-Пьетро с глубоким звоном разносится над колонией, а люди толпятся на полуночной мессе и воздают почести у большого *презепио*, установленного для почитания верующих. Когда в октаву Богоявления [40] приходит время закрывать колыбель, происходит впечатляющая и трогательная церемония. По окончании дневного бенедикта священник вместе с аколитами идет в *презепио* и возвращается в алтарь с *Бамбино*. Держа его на руке, он читает проповедь на итальянском языке об истории Младенца Христа. Проповедь заканчивается, звучат ноты "Adeste, fideles", и во время пения латинских слов верующие опускаются на колени у алтарных перил и благоговейно целуют Святого Младенца. Это их прощание с *Бамбино* до следующего Рождества.

Здесь можно привести несколько подробностей о религиозных обычаях на Рождество в Испании. Полуночная месса является там главным событием праздника. О ее праздновании в Мадриде уже было сказано. Английский путешественник так описывает сцену на полуночной службе в небольшом андалузском городке: "Церковь была полна, служба шла чинно, люди были всех сословий. Здесь были погонщики мулов, закутанные в свои синие и белые клетчатые ковры; здесь испанские джентльмены, закутанные в свои изящные капы, или плащи... здесь снова были толпы самых простых людей, - шахтеры, торговцы фруктами, слуги и тому подобное, - женщины, стоящие на коленях на камышовых ковриках в тускло освещенной церкви, мужчины, стоящие темной массой позади или группирующиеся вокруг каждого столба..... Наконец, из-под алтаря старший священник... благоговейно и медленно достал образ Новорожденного Младенца и поднял его в руках для поклонения. Мгновенно все перекрестились и упали на колени в молчаливом поклонении." {72} Кроватка очень популярна в испанских домах и является предметом восторга детей, о чем можно узнать из интересного очерка Фернана Кабальеро "Ночь Навидада", посвященного кануну Рождества в Испании. {73}

118 В Англии рождественские кроватки сегодня можно встретить в большинстве римских и некоторых англиканских церквей. В последних она, конечно, имитируется, а не сохраняется. Однако возможно, что обычай носить кукол в коробке во время Адвента или Рождества, распространенный в некоторых частях Англии в XIX веке, - это пережиток Средневековья, что-то вроде кроватки. Так называемый "сосуд-чашка" представлял собой "коробку, в которой находились две куклы, наряженные так, чтобы изображать Деву и младенца Христа, украшенные лентами и окруженные цветами и яблоками". Коробка обычно имела стеклянную крышку, покрывалась белой салфеткой и переносилась женщиной от двери к двери. {74} Считалось несчастьем для любой семьи, если ее не посетили "адвентские образы" перед сочельником, а носильщики пели известную песню "Радости Марии". {75} В Йоркшире носили только один образ. {76} В Гилмортоне, Лестершир, друг настоящего писателя вспоминает, что дети носили с собой так называемую "рождественскую вазу" -

открытую коробку без крышки, в которой лежали три куклы бок о бок, с апельсинами и веточками вечнозеленых растений. Некоторые люди считали их изображениями Девы Марии, Младенца Христа и Иосифа. [41]

В этом исследовании праздника Рождества Христова, представленного в литургии и церемониале, мы уже приблизились к тому, что можно строго назвать драмой; в следующей главе мы пересечем границу и рассмотрим религиозные пьесы Средневековья и их реликты или параллели, найденные в более поздние времена.

119120121

ГЛАВА V

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА

Истоки средневековой драмы - драматические тенденции в литургии - латинские литургические пьесы - драма становится лаицизированной - характеристики народной драмы - Рождество Христово в английских циклах чудес - рождественские мистерии во Франции - поздние французские свидетельства рождественской драмы - немецкие рождественские пьесы - средневековые итальянские пьесы и представления - испанские рождественские пьесы - современные свидетельства в разных странах - звездные певцы и т. д.

ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТУХОВ.

С бродсайда № 305 из коллекции Общества антикваров в Берлингтон-Хаусе (с разрешения).

(Фотография предоставлена мистером Ф. Сиджвиком, который опубликовал гравюру на современном рождественском бродсайде).

В этой главе мы рассмотрим только христианскую сторону рождественской драмы. Вокруг праздника собралось много народной драмы языческого происхождения, но ее мы рассмотрим во второй части. Наша тема - драматическое представление истории Рождества Христова и событий, непосредственно связанных с ней. Рождественская драма прошла те же стадии, что и поэзия Рождества. Сначала был монастырский и иератический этап, когда драма была лишь расширением литургии, церемониалом, исполняемым клириками без особых попыток к правдоподобию и с латинскими словами, взятыми в основном из Библии или церковного устава. Затем, по мере того как миряне начинают проявлять более личный интерес к христианству, мы видим, как фантазия начинает обыгрывать сюжет, выявляя его человеческий пафос и очарование, пока, после переходного этапа, драма не покидает святилище, переходит с латыни на вульгарный язык, разыгрывается светскими исполнителями на улицах и площадях города, и, хотя ее рамки остаются религиозными, вбирает в себя эпизоды более или менее светского характера. Латинские литургические пьесы относятся к "чудесам" и "мистериям" позднего Средневековья так же, как романская церковь, торжественная, гнетущая, иератическая, к готическому собору, вздымающемуся, дерзкому, отражающему все фазы народной жизни.

Средневековая религиозная драма {1} была естественным развитием католической литургии, а не подражанием классическим образцам. Классическая драма прекратила свое существование после распада Римской империи; ее смерть была вызвана в основном враждебностью христианства, а также грубым равнодушием варваров-захватчиков. Какие бы светские драматические импульсы ни оставались в Темные века, они проявлялись не в публичных и организованных представлениях, а в неясных песнях и мимике менестрелей и в традиционных народных обычаях. Оба эти вида практики были решительно отвергнуты церковью из-за их связи с язычеством и разнузданности, к которой они склоняли. Однако драматический инстинкт подавить не удалось. Народная драма в таких формах, как Праздник дураков, как мы увидим, проникла даже в святилище, и, что самое примечательное, церковные службы все больше и больше приобретали драматический характер.

В то время как светская сцена приходила в упадок, церковь создавала величественную систему ритуалов. Нет необходимости подробно останавливаться на драматических элементах католического богослужения. Центральный акт христианского благочестия, Евхаристия, по своей сути является драмой, представлением смерти Искупителя и участия верующих в ее благах, и вокруг этого в Мессе собрано множество драматических действий, выражающих различные аспекты Искупления. Разумеется, здесь нет и чисто символических *действий*; церковные службы в значительной степени представляют собой *диалоги* между священником и народом или между двумя группами певцов. Именно из антифонного пения, чередования стиха и респонсория, возникла религиозная драма Средневековья. В IX веке "Антифонарий", традиционно приписываемый папе Григорию Великому, стал недостаточным для амбициозных хоров, и возникла практика дополнения его новыми мелодиями и словами, вставляемыми в начало, конец или даже в середину старых антифонов. Новые тексты назывались "тропами", и с девятого по тринадцатый век их было написано множество.

Интересным примером 123 Рождества является следующий троп девятого века, приписываемый Тутило из Сент-Галла:.

> "Hodie cantandus est nobis puer, quem gignebat ineffabiliter ante tempora pater, et eundem sub tempore generavit inclyta mater". (Сегодня мы должны петь о Младенце, которого неизреченно мудрый Отец родил прежде всех времен, а во времени славная Мать произвела на свет).
>
> Int[errogatio].
>
> Quis est iste puer quem tam magnis praeconiis dignum vociferatis? Dicite nobis ut collaudatores esse possimus. (Кто этот Младенец, которого вы провозглашаете достойным столь великих похвал? Скажи нам, чтобы и мы могли прославить Его).
>
> Resp[onsio].
>
> Hic enim est quem praesagus et electus symmista Dei ad terram venturum praevidens longe ante praenotavit, sicque praedixit. (Это Тот, чье пришествие на землю пророческие и избранные посвященные в тайны Бога предвидели и указали задолго до этого, и таким образом предсказали)".

Тут же последовал интроит к третьей мессе Рождества: "Puer natus est nobis, et filius datus est nobis, &c. (Нам дитя рождается, нам сын дается)". Вопрос и ответ, несомненно, исполнялись разными хорами. {2}

Можно представить, что это могло бы перерасти в обычную маленькую драму. Однако на самом деле литургическая драма возникла из пасхального тропа в той же рукописи, "Quem quaeritis", диалога между тремя Мариями и ангелом у гроба. Троп стал очень популярным и постепенно был переработан в короткую символическую драму, а его популярность привела к созданию подобных пьес на Рождество и Вознесение. Вот рождественский тропарь из манускрипта Сент-Галла:.

> "*В Рождество Господне на мессе пусть будут готовы два дьякона, одетые в далматики, за алтарем, говоря*:
>
> Quem quaeritis in praesepe, pastores, dicite? (Кого ищете в яслях, скажите, пастыри?)124.
>
> *Пусть два кантора в хоре отвечают*:
>
> Salvatorem Christum Dominum, infantem pannis involutum, secundum sermonem angelicum. (Спаситель, Христос Господь, младенец, завернутый в пелены, по ангельскому слову).
>
> *И диаконы*:
>
> Adest hic parvulus cum Maria, matre sua, de qua, vaticinando, Isaias Propheta: ecce virgo concipiet et pariet filium; et nuntiantes dicite quia natus est. (Здесь присутствует Младенец с Марией, Его Матерью, о Которой пророк Исаия предсказал: Се, Дева зачнет, и родит Сына; и скажете и возвестите, что Он родился).
>
> *Затем пусть кантор возвысит свой голос и скажет*:
>
> Alleluia, alleluia, jam vere scimus Christum natum in terris, de quo canite, omnes, cum Propheta dicentes: Puer natus est! (Аллилуйя, аллилуйя. Теперь мы знаем, что на земле родился Христос, о Котором все вы поете, говоря с пророком: "Родится нам дитя". {3}

Драматический характер этого очень заметен. Сравнение с более поздними литургическими пьесами позволяет предположить, что два дьякона в своих широких одеяниях должны были изображать повитух, упомянутых в апокрифическом Евангелии от святого Иакова, а канторы - пастухов.

Развитием этого тропа, очевидно, стал "Офис пастухов", который, вероятно, сформировался в одиннадцатом веке, хотя впервые приводится в руанском манускрипте тринадцатого года. Должно быть, это была впечатляющая церемония, исполняемая в большом соборе, тускло освещенном свечами и полном таинственных черных углублений и намеков на бесконечность. За главным алтарем была приготовлена *praesepe* или "колыбель" с изображением Богородицы. После пения "Te Deum" пять каноников или их викариев, одетых в альбы и амики, входили в большую дверь хора и направлялись к апсиде. Это были пастыри. Вдруг с высоты над ними раздался чистый мальчишеский голос: "Не бойтесь, вот я несу вам благую весть о великой радости" и прочее ангельское послание. Множество небесного воинства" было представлено другими мальчиками, разместившимися, вероятно, на галереях трифория, которые разразились ликующей "Gloria in excelsis". Напевая гимн "Pax in terris nunciatur", пастухи направились к колыбели, где их ожидали два священника - повивальные бабки. Они обратились к пастухам с вопросом "Кого вы ищете в яслях?", а затем последовала уже известная нам часть "Quem quaeritis" - гимн Богородице, который пели, пока пастухи благоговели перед Младенцем. Сразу же следовала месса, и эта маленькая драма была лишь прелюдией. {4}

Более важной, чем эта служба пастухов, является Богоявленская пьеса, называемая по-разному: "Стелла", "Tres Reges", "Волхвы" или "Ироды", и встречающаяся в различных формах в Лиможе, Руане, Лаоне, Компьене, Страсбурге, Ле-Мане, Фрайзинге в Баварии и других местах. Мистер Э. К. Чемберс предполагает, что его ядром является драматизированный оффертoрий. У христианских королей был обычай преподносить золото, ладан и мирру на Богоявление - это подношение до сих пор совершается по доверенности в Королевской часовне Сент-Джеймса, и мистер Чемберс считает, что "пьеса служила заменой этой церемонии, когда на ней не присутствовал король, фактически царствующий" {5}. Самыми существенными ее чертами были появление Вифлеемской звезды перед волхвами и принесение ими мистических даров. Звезда, ярко освещенная свечами, свисала с крыши церкви, и иногда ее заставляли двигаться.

В руанской версии пьесы предписывается, что в день Богоявления, после того как будет пропета Терция, три клирика, одетые как короли, должны прийти с востока, севера и юга и встретиться перед алтарем со своими слугами, несущими подношения волхвов. Король с востока, указывая на звезду своим посохом, восклицает: - "Stella fulgore nimim".

> "Stella fulgore nimio rutilat. (Звезда сияет с необычайной яркостью)".

Второй монарх отвечает:

> "Quae regem regum natum demonstrat. (Которая показывает рождение Царя царей) "126.

А третий:

> "Quem venturum olim prophetiae signaverant. (На пришествие которого указывали пророчества древних)".

Затем волхвы целуют друг друга и вместе поют:

"Eamus ergo et inquiramus eum, offerentes ei munera: aurum, thus, et myrrham. (Итак, пойдем и будем искать Его, принося Ему дары: золото, ладан и мирру)".

Поют антифоны, формируется процессия, и волхвы идут к определенному алтарю, над которым помещен образ Богородицы с зажженной звездой перед ним. Два священника в далматиках - видимо, повитухи - стоят по обе стороны алтаря, спрашивают, кто эти волхвы, и, получив ответ, откидывают занавес и предлагают им подойти поклониться Младенцу, "ибо Он есть искупление мира". Три царя совершают поклонение и приносят свои дары, каждый из которых произносит несколько заветных слов: - "Suscipe, rex".

"Suscipe, rex, aurum. (Прими, о царь, золото)".
"Tolle thus, tu vere Deus. (Прими благовония, Ты, Бог)".
"Myrrham, signum sepulturae. (Мирра, знак погребения)".

Затем духовенство и народ делают свои подношения, а волхвы засыпают, и ангел предупреждает их о необходимости вернуться домой другим путем. Это они делают символически, возвращаясь на хоры по боковому проходу. {6}

В более поздних формах пьеса Богоявления включает в себя появление Ирода, которому суждено занять очень важное место в средневековой драме. Высказывание Гамлета "он превзошел Ирода" в достаточной степени наводит на мысль о яростном тиране, которого любили драматурги Средневековья. Его появление знаменует собой, возможно, первое введение в христианскую религиозную пьесу принципа зла, столь необходимого для драматического эффекта. Вначале Ирод ведет с волхвами лишь легкий разговор, прося их сообщить ему, когда они найдут новорожденного царя; в более поздних версиях пьесы, однако, его гнев проявляется, когда он узнает, что волхвы ушли домой другим путем; он разражается кровожадными тирадами, приказывает убить невинных, а в одном из вариантов берет меч и размахивает им в воздухе. Он становится фактически выдающейся фигурой в драме, и можно понять, почему она иногда называлась в его честь.

В лаонской "Стелле" реальное убийство Невинных было представлено символической фигурой Рахили, плачущей над своими детьми. Следует отметить, что плач и утешение Рахили, по-видимому, сначала составляли самостоятельную пьесу, исполнявшуюся, вероятно, в день Святых Невинных. {7} Позднее она объединилась со "Стелой", как и пьеса о пастухах, а еще позднее - с другой литургической драмой, которую мы сейчас рассмотрим, - "Пророчествами".

Она возникла из проповеди (ошибочно приписываемой святому Августину) против иудеев, язычников и ариан, часть которой использовалась во многих церквях в качестве рождественского урока. Она начинается с риторического обращения к иудеям, которые отказываются принять Иисуса как Мессию, несмотря на свидетельства их собственных пророков. Десять пророков дают свои свидетельства, а затем призываются три язычника - Вергилий, Навуходоносор и Эритрейская сивилла. Проповедь носит ярко выраженный драматический характер, и при церковном пении роли проповедника и пророков, возможно, распределялись между разными хористами. Со временем она превратилась в регулярную драму, и в нее было введено больше пророков. По сути, это был зародыш великих ветхозаветных циклов позднего Средневековья. {8}

Продолжением "Пророков" стала нормандская или англо-нормандская пьеса "Адам", которая начиналась с грехопадения, продолжалась Каином и Авелем и заканчивалась свидетельством пророков. В другом направлении "Пророки" были расширены за счет

добавления "Стелы". Так получилось, что не существует текста латинской драмы, содержащей оба эти продолжения одновременно, но такая пьеса, вероятно, существовала. С середины XIII до середины XIV века, действительно, наблюдалась тенденция к тому, что пьесы сбивались в циклы и становились слишком длинными и слишком сложными для исполнения в церкви. Даже в одиннадцатом веке они стали выходить на церковный двор или рыночную площадь, и играть их стали не только священнослужители, но и миряне. Эти изменения оказали чрезвычайно важное влияние на их характер. Прежде всего, в них проник вульгарный язык. Уже в двенадцатом веке, возможно, появляются норманнский "Адам" и испанский "Мистерио де лос Рейес Магос", первый, как мы уже видели, представляет собой расширенную вернакулярную "Пророчества", второй - фрагмент высокоразвитой вернакулярной "Стелы". Это первые народные пьесы, отличающиеся от литургических; они предназначались, как показывает их язык, для обучения и наслаждения народа; их не слушали, как таинственную латынь литургии, с непонятным благоговением, но они должны были быть понятны народу.

В тринадцатом и четырнадцатом веках латынь постепенно вытеснялась обычной речью, пока в больших циклах не оставалось лишь несколько обрывков церковного языка, свидетельствующих о литургическом происхождении драмы. Процессу популяризации, превращению пьес из религиозного церемониала в живую драму, вероятно, немало способствовали *голиарды* или бродячие ученые, молодые, бедные и любящие развлечения, которые скитались по Европе от учителя к учителю, от монастыря к монастырю в поисках знаний. Их влияние проявилось не только в расширении драмы, но и в ее переходе с латыни монастырей на язык простого народа.

Следствием представления пьес на открытом воздухе стало то, что Рождество, во всяком случае, в северных странах, стало неподходящим временем для их проведения. Естественно, предпочтение отдавалось лету, и в позднее Средневековье мы находим сравнительно мало упоминаний о пьесах на Рождество. Уитсунтид и Корпус Кристи стали более популярными датами, особенно в Англии, и пьесы, которые тогда исполнялись, представляли собой огромные космические циклы, такие как пьесы Йорка, Честера, Таунли и "Ковентри", в которых эпизоды Рождества и Богоявления были лишь звеньями огромной цепи, простирающейся от Сотворения до Страшного суда и представляющей всю схему спасения. Однако именно в этих сценах Рождества мы имеем единственное английское драматическое воплощение рождественского сюжета {9}, и хотя на самом деле они исполнялись не на зимнем празднике [42], а летом, они настолько ярко передают чувства, точку зрения наших средневековых предков на Рождество, что мы вправе рассмотреть их здесь более подробно.

По мере того как драма становилась лаицизированной, она отражала то странное смешение противоречивых элементов, языческих и христианских, материалистических и духовных, которое было реальной религией народа, в отличие от философской теологии докторов и соборов и мистицизма аскетов. Популяризация христианства достигла своего апогея в большинстве стран Западной Европы в пятнадцатом веке, примерно в период великих "мистерий". Как бы мало ни воплощалось в жизнь этическое учение Иисуса, внешняя сторона христианской религии была тщательно усвоена людьми и превратилась в многоцветный политеизм, являющийся истинным отражением их сознания.

Фигуры драмы - современники зрителей и по одежде, и по характеру; это не восточные люди древности, а европейцы конца Средневековья. Вифлеем - "светлый бор", Ирод - "скромный царь", похожий на какого-нибудь надменного, капризного и жестокого монарха того времени, пастухи - деревенские жители Англии, Германии, Франции или Италии, волхвы - могущественные властители с роскошными шлейфами, а сам Младенец - маленькое

существо, подверженное всем болям и нуждам младенчества, но радующееся сладким и приятным вещам, как вишня или мяч. Реализм писателей иногда поражает, а комические элементы часто появляются - для людей Средневековья религия была настолько реальной и естественной вещью, что они могли смеяться над ней, не переставая верить в нее и любить ее.

Можно с уверенностью сказать, что английские драматурги Средневековья не превзошли никого из иностранцев в обращении с рождественскими сюжетами. Чтобы проиллюстрировать их манеру обращения со сценами, я могу собрать из четырех великих циклов несколько наиболее интересных отрывков.

Из так называемого "Ludus Coventriae" я беру прибытие Иосифа и Марии в Вифлеем; они спрашивают у человека на улице, где им найти постоялый двор: - "Иосиф.

"*Иосиф*. Приветствую вас, уважаемый сир, и доброго дня!
Ты, похоже, из этого цитла;
Из Герборве [43] за нас с женой молю,
Ибо эта женщина очень верна,
И в покое, сирая, будет она;

Мы хотим, чтобы она стала байдынгом нашего императора,
чтобы платить дань, как положено нам,
И оберегать нашу страну от доларов,
Мы пришли к этому ците.

Цивес. Сир, в этом городе я не знаю ни одной сцены,
Тонкий вайф и ты в нем, чтобы спать;
В этом городе каждый победил пепила,
И все же в этом городе есть все, что нужно.

В пределах своего кошелька, человек, не выходи из дома,
Будь ты [44] внутри ворот цитэ;
Onethys [45] in the strete a place may be sowth,
Theron to reste, withowte debate.

Joseph. Нет, сир, спорьте, что я говорю;
Alle suche thyngys passyn my powerere:
Но все мои заботы и все мои мысли
О Марии, моей любимице.

A! swete wyff, what xal we do?
Куда мы пойдем в эту ночь?
О ffадыре геффне молимся мы,
Мы убережемся от всякого зла.

Цивес. Добрый человек, о слово, я хочу сказать,
Если ты хочешь поступить по моему совету;

Yondyr is an hous of haras [46] that stant be the wey,
Amonge the bestys herboryd may ye be.131

Мария. Теперь фадыр хефне он мут йоу йелде!
Его сын в моей утробе, и он там;
He kepe the and thi good be fryth and ffelde!
Go we hens, husbond, for now tyme it is." {11}

Сцена сразу после Рождества Христова деликатно и благоговейно представлена в Йоркском цикле. Дева Мария поклоняется Младенцу, приветствуя Его так: - "Хайле, господине мой, Боже!

"Хайль, господин мой Бог! Хайль, князь морей!
Хайль фадир мой, и хайль сын мой!
Хайле суерейне сеге все синне сесе!
Hayle God and man in erth to wonne! [47]
Хейл! Через чей-то михт
Весь этот мир был впервые создан,
смирение [48] и свет.

Соне, как я сочувствую тебе,
Клянусь, молю тебя,
Чтоб я мог взять в армию мою,
И в этом порыве вступить в бой;
Graunte me thi blisse!
Как я моделью твоей избран
in sothfastnesse".

Иосиф, вышедший за светильником, возвращается, и следует следующий диалог: - "Иосиф.

"*Жозеф*. Скажи, Мари Дохтир, что с тобой?
Мария. Все хорошо, Иосиф, как и было.
Иосиф. О, Мари! Что это за свита на твоем колене?
Мария. Это мой сын, как бы это сказать, такой хороший.
Иосиф. Это я просил в этот день увидеть эту еду! [49]
Я благодарен за этот свет.
Который избавляет от стыдливости в этом месте,
Ибо это само по себе [50] зрелище! 132
Мария. Это - указ его милости, мой сын так говорит,
Звезду, чтобы она занимала место у его пристанища.

* * * * *

Иосиф. Приветствую тебя, прекраснейшая из женщин,
Я буду мужскую [51] с могуществом и силой.
Хайль! Мой создатель, хайль Христос Иисус!

Хейл, король, король всех правд!
Хейл, сауэр.
Хейл, мой господин, лемер [52] света,
Хейл, благословенный цветок!

Мэри. Господи! Чтоб весь этот мир сгинул,
Моему сыну я говорю,
Здесь нет ложа, чтобы лечь в него,
Поэтому, мой дорогой сын, я молюсь, чтобы это было так,
Здесь, в этой кроватке, я могу лечь между двумя лучшими.
И я сделаю счастливым [53] своего собственного ребенка,
В такой одежде, как у нас здесь.

Жозеф. О Мари! Посмотри на эти бестии,
В них отдыхают, как в мужчинах.
Так что, похоже, мы станем для них лучшим повелителем, которого они знают.

Мэри. Ther lorde thai kenne, that wate I wele,
Они поклоняются ему с мигом и радостью;
Клин холодный, как вы понимаете,
To halde hym warme thei are full fayne, with thare warme breth." {12}

Лучше всего драматурги проявили себя в сценах с пастухами; это действительно самые оригинальные части циклов, ведь здесь авторы не нашли помощи в теологических традициях и были вынуждены полагаться на собственное остроумие. В юмористических диалогах и наивных чувствах похотливые бюргеры XV века чувствовали себя как дома, и комедия и пафос этих сцен, должно быть, были таким же желанным облегчением для зрителей, как и для современных читателей, после 133-долларовой торжественности многих пьес. В Йоркских мистериях пастухи издают нечленораздельные восклицания на песню ангелов и нелепо пытаются подражать ей. Честерские пастухи очень естественно рассуждают о таких вещах, как болезни овец, с большим удовольствием садятся за трапезу из "эля Гальтона", кислого молока, лука, гарлики и лука-порея, зеленого сыра, овечьей головы, вымоченной в эле, и других продуктов; затем они зовут своего отрока Троула, который ворчит, что ему не заплатили жалованье, отказывается есть, борется с хозяевами и швыряет их всех. Они сидят удрученные; затем появляется Вифлеемская звезда, наполняя их удивлением, которое растет, когда они слышат песню ангелов "Gloria in excelsis". Они обсуждают, что это были за слова: "glore, glare with a glee", или "glori, glory, glorious", или "glory, glory, with a glo". Наконец они отправляются в Вифлеем, и, подойдя к хлеву, первый пастух восклицает.

"Сим, сим, больной.
Вижу я Марию,
И Иисус Христос рядом,
Lapped in haye." {13}

Странно описывается Иосиф: - "Что бы это ни был за ульдинец, что бы это ни было за человек".

"Каков бы ни был этот упитанный человек, что он слышит,
Послушайте, как у него голова блудлива,
Его голова похожа на охапку бретеров,
С фунтом хейра во рту и больше." {14}

Их подарки Младенцу - колокольчик, фляга, ложка, чтобы есть похлебку, и плащ. Слуга Троул не может предложить ничего, кроме пары старых шлангов своей жены; за ним следуют четыре мальчика с подарками в виде бутылки, колпака, трубки и крючка для орехов. Причудливы слова двух последних дарителей:...

"*Третий мальчик*.

О, благородное дитя твое!
Увы! Что есть у меня для тебя,
Кроме трубки моей?134
Эллес - ничто,
Будь я в скалах или в,
Я мог бы сделать этот пип.
Чтоб весь этот лес зазвенел,
И дрожать, как тогда.

Четвертый мальчик.

Теперь, дитя, хоть ты и от Бога,
И в мужестве своем ты сам Бог,
Но я знаю, что в детстве твоем
Ты желаешь сладкой пищи,
Чтоб срывать с плеч, с горошин и с плюмажей,
И Иосиф не должен ранить свои гробницы,
Потому что у тебя нет большого количества крошек,
I geve you heare my nutthocke." {15}

Пусть никто не сочтет это непочтительным; дух этого поклонения пастухам чрезвычайно благочестив; они уходят, желая рассказать всему миру об увиденном чуде; один становится паломником; даже грубый Троул восклицает, что оставит пастушеское ремесло и поселится у какого-нибудь якоря, в молитвах "бодрствования и пробуждения".

Более известными, чем честеровские "Пасторы", являются две пастушеские пьесы из цикла Таунли. {16} Первая начинается с пикантных разговоров, которые приводят к ссоре между двумя пастухами о каких-то воображаемых овцах; затем приходит третий и высмеивает их обоих; следует пир с множеством домашних подробностей; они ложатся спать и пробуждаются от ангельского послания; После долгих споров о ее смысле и о предсказаниях пророков - один из них, как ни странно, цитирует латинский отрывок из Вергилия - они отправляются в Вифлеем и преподносят Младенцу "литилл спруз кофер", мяч и тыквенную бутылку.

Вторая пьеса превосходит по юмору все остальные средневековые драмы любой страны. Сначала пастухи жалуются на холод и свое тяжелое положение; они "al lappyd in sorow". Они говорят, почти как современные социалисты, о притеснениях богатых: - "For tylthe our ourtylthe".

"Ибо тильт нашей земли падает, как пол,
As ye ken.135
We ar so hamyd, [54]
[54] [55] For-taxed and ramyd,
We ar mayde hand-tamyd,
С твоими нежными людьми.

Так они лишают [56] нас покоя, Богородица их остерегает! [57]
Эти люди, которые являются господами-праздниками, [58] они вызывают плаху".

К этим пастухам присоединяется Мак, сосед-воробей. Ложась спать, они заставляют его лечь между ними, так как сомневаются в его честности. Но несмотря на все их предосторожности, ему удается украсть овцу и отнести ее домой к своей жене. Она придумывает хитроумный план, как скрыть ее от пастухов, если они придут в домик в поисках пропавшего имущества: она притворится, что находится в детской постели, а овца - это новорожденный младенец. Ее заворачивают и кладут в колыбель, а Мак поет колыбельную. Пастухи подозревают Мака и приходят обыскать его дом; его жена ругает их и не пускает к колыбели. Они уходят, но вдруг одному из них приходит в голову мысль:...

"*Первый пастух*. Есть ли у вас чалд?
Второй. Не думаю, что хоть один фартинг.
Третий. Я быстро улечу,
Abyde ye me there. (*Он возвращается*.)
Мак, не обижайся, если я приду к тебе в барну".

Мак пытается его отговорить, но пастух добивается своего.

"Гыф я леф хим к кыс, и лефт вверх клоут.
Что это за дьявол? У него длинный снег".

Так секрет раскрылся. Жена Мака дает отчаянное объяснение: - "Его взяли с собой.

"Он был взят с эльфом,
Я сама видела.
Когда плащ погладил двенадцать
Он был в форме".

136 Естественно, это ничего не дало, и пастухи изрядно поиздевались над ее мужем, пока не устали и не легли отдохнуть. Затем звучит "Gloria in excelsis" и призыв ангела: - "Ryse, hyrd men".

"Райз, гирд мен хенд! Ибо теперь он рожден
Который отнимет у Адама фейнд:

That warloo [59] to sheynd, [60] this nyght is he born,
Бог стал твоим другом: теперь в это утро
He behestys,
At Bedlem go se,
Ther lygys that fre [61]
In a cryb fulle poorely,
Betwyx two bestys."

Пастухи удивляются этой песне, и один из них пытается подражать ей; затем они идут в Вифлеем, и там следует самая причудливая и восхитительная из рождественских песен: - "Primus Pastor".

"*Primus Pastor*.

Радуйся, милый и ясный,
Радуйся, юное дитя!
Радуйся, создатель, как я понимаю,
Безумца, что так мил!
Ты воевал, [62] я знаю,
Войну [63] столь дикую;
Фальшивый гилер подростка, [64]
Now goes he begilde.
Lo! he merys, [65]
Lo! he laghës, my sweting.
Благополучная встреча!
I have helden my heting. [66]
Выпейте чери!

Secundus Pastor.

Радуйся, страдалец Спаситель!
ибо у тебя есть мы!
Радуйся, свободный [67] foyde [68] и floure,
Что все имеет силу! 137
Радуйся, полный благосклонности,
Который создал все из нохт!
Радуйся, я преклоняю колени и трушу.
Птицу я подхватил
К моей барне.
Радуйся, маленькая швабра! [69]
Of oure crede thou art crop; [70]
Я хочу пить на твоей копе,
Litel day starne.

Терций Пастор.

Приветствую тебя, дерлинг Дере,
Полный благочестия!
Я молю тебя, будь неладен
Когда и я не буду.
Радуйся, что ты в восторге; [71]
My hart woldë blede
Видеть, как ты сидишь здесь
В такой бедной свадьбе,
Без гроша в кармане.
Слава! Put forth thy dall! [72]
Я приношу тебе бот бал;
Возьми и играй со всеми,
And go to the tenis!" {17}

Очарование этого рассказа почувствует каждый читатель; оно заключается в любопытном несоответствии - чрезвычайная домашность сочетается с благоговением; Бесконечное заключено в самые узкие человеческие рамки; сам Бог, Творец и Содержатель вселенной, - слабое, беспомощное дитя. Еще шаг, и все было бы непочтительно; а так мы имеем преданность, человеческую, наивную и трогательную.

Было бы интересно показать, как в английских чудо-пьесах обыгрываются другие сцены, связанные с Рождеством: Как Октавиан (кесарь Август) отправил указ о том, что весь мир должен быть обложен налогом, и узнал от сивиллы о рождении Христа; как волхвы были приведены звездой и принесли свои символические дары; как рассматривается ярость хвастливого тирана Ирода, 138 убийство невинных и бегство в Египет; но эти сцены, хотя и полны красок, в целом менее примечательны, чем пастух и Рождество, и пространство не позволяет нам останавливаться на них. В них много любопытных анахронизмов, например, когда Ирод призывает Махаунде и говорит о своих князьях, прелатах, баронах, баронетах и бюргерах. [73]

Религиозная игра в Англии недолго пережила Реформацию. Под влиянием протестантизма с его бдительным страхом перед сквернословием и суевериями циклы лишились многих сцен, представления стали нерегулярными, а к концу XVI века они и вовсе перестали существовать. Отныне материалом для драмы становилась не священная история, а игра человеческих характеров. Богатая, пестрая религия народа, общинная в своем выражении, повсюду окрашенная в человеческий цвет, уступила место более суровой, холодной, индивидуальной вере, боящейся загрязнения внешним и видимым.

В народных рождественских пьесах практически нет следов прямого перевода с одного языка на другой, хотя мотивы заимствовались. Таким образом, рождественская драма каждого народа имеет свой особый колорит.

Если мы обратимся к Франции, то обнаружим замечательный цикл XV века, который относится исключительно к зимнему празднику и демонстрирует сугубо рождественскую драму в ее наиболее полном развитии. Эта великая мистерия "Воплощение и рождение нашего Спасителя и Искупителя Иезухриста" была представлена под открытым небом в Руане в 1474 году, что является исключительным событием для северного города в зимнее время. Двадцать четыре *заведения* или "особняка", установленные для различных сцен, простирались по всей рыночной площади от трактира "Топор и корона" до "Ангела".

139После пролога, кратко объясняющего цель мистерии, она начинается, как и старые литургические пьесы, со свидетельства пророков; затем следует сцена в Лимбе, где Адам оплакивает свою судьбу, и еще одна в Раю, где обсуждается искупление человечества и принимается решение о Воплощении. Благовещением и Посещением Девы Марии завершился первый день. Второй день открылся указом Октавиана о всемирной переписи населения. Эдикт адресован следующим образом.

"Всем королям, маркизам, герцогам и коннетаблям,
коннетаблям, бейлифам, виконтам
И всем остальным.
Qui sont desoubz le firmament".

Иосиф, чтобы выполнить приказ Кирения, правителя Сирии, отправляется из Назарета в Вифлеем. Затем следует комическая сцена с пастухами, сопровождаемая деревенской песней:.

"Радуйся, пастух,
Chantons en venant a la veille,
Puisque nous avons la bouteille
Nous y berons jusques a bo".

Когда Иосиф и Мария добираются до хлева, где должно произойти Рождество Христово, происходит очаровательный диалог. Иосиф сетует на убогость хлева, Мария принимает его со спокойной покорностью.

Иосиф.

"Las! vecy bien povre merrien
Pour edifier un hostel
Et logis a ung seigneur tel.
Il naistra en bien povre place.

Мари.

Я хочу, чтобы у нее было лицо.

* * * * *

Жозеф.

Ou sont ces chambres tant fournies
Саржи, тапикерии140
Batus d'or, ou luyt mainte pierre,
Et nates mises sur la terre,

Affin que le froit ne mefface?

Мари.

Il plait a Dieu qu'ainsy se face.

* * * * *

Иосиф.

Helas! cy gerra povrement
Le creatur du firmament
Celui qui fait le soleil luire,
Qui fait la terre fruis produire,
Qui tient la mer en son espace.

Мари.

Il plait a Dieu qu'ainsy se face".

Наконец Христос рождается, приветствуемый песнями ангелов, обожаемый Своей Матерью. В языческих капищах падают идолы; разверзается адская пасть и показывает ярость демонов, которые издают ужасный шум; огонь вырывается из ноздрей, глаз и ушей ада, который затыкается вместе с дьяволами внутри него. А затем ангелы в хлеву поклоняются Младенцу Иисусу. Поклонение пастухов было показано со многими наивными подробностями на радость публике, а заканчивалось представление принесением в Риме императором Октавианом жертвы образу Пресвятой Девы. {19}.

Французские драматурги, как и английские, любят комические пастушеские сцены с обилием еды, питья и потасовок. Традиционная фигура - пастух Риффларт, всегда смешной тип. В сугубо средневековых пьесах пастухи - настоящие французские деревенщины, но с наступлением эпохи Возрождения в пасторальные сцены вкрадываются классические элементы; в мистерии, напечатанной в 1507 году, появляется Орфей с нимфами и ореадами. Как и следовало ожидать, часто встречаются анахронизмы; особенно пикантный пример можно найти в мистерии С. Женевьевы, где Цезарь Август для своего удобства переводит часть латинского текста на французский.

ВИФЛЕЕМСКИЕ ПАСТУХИ.

Из "Гранта Календрие компоста Бержье" (Н. ле Руж, Труа, 1529).

(Воспроизведено с современного широкоформатника, изданного г-ном Ф. Сиджвиком).

141Последними примерами французских рождественских мистерий являются так называемые "комедии" Рождества Христова, Поклонения царей, Резни невинных и Бегства в Египет, содержащиеся в "Маргаритах" (опубликованы в 1547 г.) Маргариты, королевы Наваррской, сестры Франциска I. Вместе с традиционными фигурами, трактуемыми более или менее традиционным образом, в пьесах присутствуют олицетворенные абстракции, такие как Философия, Скорбь, Вдохновение, Божественный разум и Созерцание, которые в значительной степени лишают пьесы драматического эффекта. В этих пьесах есть немного истинной поэзии, но слишком много богословской учености и слишком мало простоты, а в одном месте, кажется, проявляются идеи Кальвина. {20}

Французская мистерия начала приходить в упадок примерно в середине шестнадцатого века. Она подвергалась нападкам со всех сторон: со стороны новых поэтов Возрождения, которые предпочитали классические сюжеты христианским; со стороны протестантов, которые считали религиозную драму пустяком, нарушающим торжественные истины Священного Писания; и даже со стороны католического духовенства, которое, будучи побуждено к большей строгости вызовом протестантизма, находило комические элементы в пьесах оскорбительными и опасными и, возможно, боялось, что слишком большое знакомство с Библией, представленной в мистериях, может ввести народ в ересь. {21} Тем не менее, мы периодически слышим о рождественских драмах во Франции в XVII, XVIII и XIX веках. Например, в окрестностях Нанта в первой половине XIX века часто ставили пьесу Клода Маке, отшельника, посвященную Рождеству Христову, написанную, вероятно, в XVII веке. {22} В Клермоне поклонение пастухов все еще исполнялось в 1718 году, а в епархии Камбрэ некоторые виды представления этой сцены продолжались до 1834 года, когда они были запрещены епископом. На юге, особенно в Марселе, "пасторали" стали играть к концу XIX века; они, однако, в значительной степени утратили свой священный характер и превратились в своего рода обзор событий года. {23} В Динане, в Бретани, в 1886 году было

представлено некое подобие пьесы об Ироде, хотя оно уже угасало. Ее играли молодые люди на Богоявление, и там был "невинный", чье горло они притворились, что перерезают деревянным мечом. {24}

142Интересное описание очень полного рождественского спектакля, разыгрываемого в церквях Верхней Гаскони в канун Рождества, приводит графиня Мартиненго-Чезареско. {25} Он охватывает все этапы: от прибытия Иосифа и Марии в Вифлеем до бегства в Египет и убийства невинных, но, пожалуй, самыми интересными являются сцены с пастухами. После послания ангела - ребенка в рясе, с прикрепленными к плечам крыльями, сидящего на стуле, поднятом к потолку и поддерживаемом веревками, - пастухи выходят из церкви, которая теперь рассматривается как хлев Божественного рождения. Они стучат, чтобы их впустили, и Иосиф, сожалея, что комната "так плохо освещена", впускает их. Они падают ниц перед яслями, как и пастушки, которые "кладут на ступени алтаря покрытое цветами и зеленью знамя, с которого свисают нити с маленькими птичками, яблоками, орехами, каштанами и другими плодами. Это их рождественское подношение куре; пастухи уже положили перед алтарем целую овцу в таком же духе". Пьеса не просто немое шоу, а имеет полное либретто.

Похожую драматическую церемонию описывает Бартелеми в своем издании Дюрандуса, {26} как обычную в XVIII веке в Ла-Вилленев-ан-Шеври, близ Мантов. На полуночной мессе в хоре ставили *ясли* с восковой фигурой Святого Младенца, вокруг которых горели светильники. После пения "Te Deum" празднующий в сопровождении своих служителей освящал *ясли* под звуки скрипок, контрабасов и других инструментов. Затем перед яслями распростерся пастух, держащий в руках овцу с чем-то вроде седла, на котором стояло шестнадцать зажженных свечей. За ним следовали две пастушки в белом с растопырками и светильниками. Второй пастух, между двумя пастушками, нес лавровую ветвь, к которой были привязаны апельсины, лимоны, печенье и сладости. Двое других принесли огромные *бола-бениты* и зажженные свечи; затем появились четыре пастушки, которые совершили поклонение, и, наконец, еще двадцать шесть пастухов, по двое, неся в одной руке свечу, а в другой - украшенную фестонами костыль. Та же церемония совершалась на аффертории и после окончания мессы. Говорят, что все это происходило с таким благочестием и назиданием, что слова святого Луки о вифлеемских пастухах оказались верны и для этих французских лебедей: они "вернулись, прославляя и восхваляя Бога за все, что слышали и видели".

На немецком языке сохранилось очень мало рождественских пьес, написанных ранее XV века. Однако более поздние периоды породили множество, и драматические представления на Рождество продолжаются в немецкоязычных странах вплоть до наших дней.

В Оберуфере под Прессбургом - немецкой протестантской деревне в Венгрии - около пятидесяти лет назад под руководством старого фермера, чей пост наставника перешел от отца к сыну, был разыгран рождественский спектакль. Спектакль проходил с интервалом от трех до десяти лет и разыгрывался во все воскресные и праздничные дни от Адвента до Богоявления. Актеры должны были соблюдать строжайшее благочестие и нравственность, а в сезон представлений в заведении не должно было звучать никакой светской музыки. Практика начиналась уже в октябре. В первое воскресенье Адвента к залу, арендованному для спектакля, отправлялась торжественная процессия. Сначала шел человек с гигантской звездой - его называли "мастер-певец", - а другой нес елку, украшенную лентами и яблоками; затем шли все актеры, распевая гимны. Не было ни декораций, ни театральных приспособлений, кроме соломенного кресла и деревянного табурета. Когда использовался первый, местом действия считался Иерусалим, когда второй - Вифлеем. Рождественская драма, которой сразу предшествовала пьеса "Адам и Ева", а после нее - пьеса "Розовый

вторник", следовала средневековым традициям и включала странствия Иосифа и Марии по вифлеемским трактирам, ангельскую весть пастухам, их визит в ясли, поклонение трем королям и различные сцены с Иродом. Протестантское влияние проявилось во введении песни Лютера "Vom Himmel hoch", но общий характер был очень похож на старые мистерии, а диалог полон причудливой наивности. {27}

В Брикслеге, в Тироле, в 1872 году под эгидой католической церкви была поставлена длинная рождественская пьеса; часть ее диалогов была написана на 144 тирольском *наречии* и была смешной и юмористической, другие же части, особенно речи Марии и Иосифа, из уважения к этим святым личностям, были переписаны в XVIII веке в очень скованном и недраматичном стиле. Говорят, что некоторые простые пастушеские пьесы до сих пор ставятся в церквях саксонского Эрцгебирге. {28}

Немецкий язык, пожалуй, как никакой другой богат настоящими рождественскими пьесами, в отличие от рождественских и богоявленских эпизодов в больших космических циклах. Есть несколько примеров в средневековых рукописях, но наиболее интересны короткие пьесы, исполнявшиеся в сельской местности в сравнительно недавние времена и, вероятно, во многом традиционные по своей сути. К XIV веку христианство наконец-то прочно вошло в жизнь немецкого народа, или, скорее, следует сказать, что немецкий народ прочно вошел в христианство, превратив его в нечто очень человеческое и конкретное, часто материалистическое, но не лишенное духовной значимости. В колыбельных и религиозных танцах на Рождество выражались инстинкты похотливой, добродушной расы, и тот же характер проявляется в коротких популярных рождественских драмах , собранных Вайнхольдом и другими. {29} Многие из этих пьес - некоторые из них скорее дуэты, чем пьесы - пелись или исполнялись в церкви или у камина в XIX веке, и, возможно, даже сейчас могут задерживаться в отдаленных уголках. Они написаны на диалекте, и простоватость языка хорошо гармонирует с их наивными, домашними чувствами. В них мы видим вифлеемские сцены в исполнении крестьян, а смесь грубого юмора и нежных чувств полностью соответствует теме.

Очень ярко ощущается изумление пастухов перед чудесным и внезапным появлением ангелов: - Riepl.

"*Riepl*. Как это похоже на Гетюммеля,
I versteh mi nit in d'Welt.
Jörgl. Is den heunt eingfalln der Himmel,
Fleugn d'Engeln auf unserm Feld?
R. Thuen Sprüng macha
J. Von oben acha!145
R. I turft das Ding nit noacha thoan,
that mir brechn Hals und Boan." [74] {30}

Холод остро доносится до нас, когда они подходят к яслям: "J. Mei Kind".

"*J*. Mei Kind, kanst kei Herberg finden?
Muest so viel Frost leiden schoan.
R. Ligst du under kalden Windeln!
Lägts ihm doch a Gwandl oan!
J. Machts ihm d'Füess ein,
Hüllts in zue fein!" [75] {31}

Очень по-домашнему выглядят их подарки Ребенку: "Ein drei Eier".

"Ein drei Eier und ein Butter
Принесите нам тоже, не забудьте!
Einen Han zu einer Suppen,
Wanns die Mutter kochen kann.
Giessts ein Schmalz drein, wirds wol guet sein.
Weil wir sonsten gar nix han,
Sind wir selber arme Hirten,
Nemts den guten Willen an." [76] {32}

Один из диалогов заканчивается любопытным фрагментом обычной человеческой доброты, как будто Божественная природа Младенца была на время забыта:-.

"*J.* Bleib halt fein gsund, mein kloans Liebl,
Если ты хочешь, чтобы я тебя любил, пусть будет так.

* * * * *

J. Pfüet di Gôt halt!146
R. Wär fein gross bald!
J. Kannst in mein Dienst stehen ein,
Wann darzu wirst gross gnue sein." [77] {33}

Эти маленькие пьесы простых людей гораздо интереснее по своей реалистичности и естественности, чем замысловатые рождественские драмы более ученых немецких писателей, католиков и лютеран, которые в XVI и XVII веках становились все более ходульными и напыщенными.

Итальянская религиозная драма {34} развивалась несколько иначе, чем в северных странах. В конце XIII века вспыхнул фанатизм флагеллантов или *battuti*, огромных толп людей всех сословий, которые шли процессией от церкви к церкви, от города к городу, бичевали свои обнаженные тела в ужасе и раскаянии, пока не потекла кровь. Когда дикий энтузиазм этого движения утих, оно оставило неизгладимые следы в основании светских общин по всей стране, продолживших в более трезвом виде покаянную практику флагеллантов. Одним из средств набожности было пение или декламация народной поэзии, менее формальной, чем латинские гимны литургии, и известной *как laude*. [78] Эти *laude* развили более или менее драматическую форму, которая получила название *divozioni*. [79] Возможно (хотя и не наверняка, поскольку, похоже, существовала и другая традиция, производная от обычной литургической драмы), они стали источником, из которого возникли великолепно исполненные *sacre rappresentazioni* пятнадцатого века.

Sacre rappresentazioni соответствовали, хотя и со значительными различиями, чудотворным пьесам Англии и Франции. Их большой период - пятьдесят лет с 1470 по 1520 год, и 147 они, как и *divozioni*, исполнялись конфедерациями религиозных мирян. Актерами были мальчики, принадлежащие к братствам, а пьесы предназначались для назидания молодежи. Они более изысканны, чем северные религиозные драмы, но слишком часто впадают в глупость.

Среди текстов, приведенных д'Анконой в его сборнике *священных представлений*, есть тосканская "Natività", {36} открывающаяся пасторальной сценой, напоминающей северные мистерии, но гораздо менее энергичной. По характеру и юмору она не может сравниться с пьесами Таунли. Тем не менее пастухи, которых зовут Боби дель Фаруккьо, Ненсио ди Пуччио, Ранделло, Ненсиетто, Джордано и Фальончелло, по крайней мере, наделены определенной деревенскостью, поскольку они пируют хлебом, сыром и вином, играют Спасителю на волынке или свистульке и приносят скромные подарки, такие как яблоки и сыр. Последующие сцены - приход волхвов и убийство невинных - по своей сути не представляют большого интереса.

Не исключено, что эта пьеса могла быть спектаклем, который показывали во Флоренции в 1466 году, как записал Макиавелли, "чтобы людям было чем отвлечься от государственных дел". Оно "представляло приход трех волхвов с Востока, следовавших за звездой, указывающей на Рождество Христово, и было столь пышным и великолепным, что весь город в течение нескольких месяцев был занят его устройством и подготовкой" {37}.

Более ранним свидетельством итальянского представления волхвов является рассказ летописца Гальвано Фламма о том, что происходило в Милане в 1336 году

> "Там были три короля, коронованные, на больших конях, ... и очень большой поезд. И была золотая звезда, бегущая по воздуху, которая шла перед этими тремя королями, и они пришли к колоннам Сан-Лоренцо, где находился царь Ирод в чучеле, с книжниками и мудрецами. И увидели они, что спрашивают царя Ирода, где родился Христос, и, перелистав множество книг, отвечают, что Он должен родиться в городе Давидовом, в пяти милях от Иерусалима. Услышав это, те три царя, увенчанные золотыми коронами, держа в руках золотые чаши с золотом, ладаном, 148 и миррой, пришли в церковь Святого Евсторгия; звезда шла за ними по воздуху, ...и дивный поезд, с громогласными трубами и рогами шел перед ними, с обезьянами, павианами и разными животными, и дивное веселье народа. Там, у главного алтаря, стояли ясли с волами и ослами, а в яслях лежал маленький Христос на руках у Девы Марии. И те короли принесли дары Христу; затем их увидели спящими, и крылатый ангел сказал им, чтобы они возвращались не через Сан-Лоренцо, а через Порта-Романа; что и было сделано. Было такое большое скопление народа, солдат, дам и клириков, что едва ли можно было когда-либо увидеть что-либо подобное. И было приказано каждый год устраивать это праздничное представление" {38}.

Как это напоминает картины волхвов XV века с их великолепными восточными монархами и свитами из бесчисленных слуг и диковинных животных. Ни одна другая история в Новом Завете не дает такой возможности для пышности, как сцена с волхвами. Все чудеса, богатство и романтику Востока, все великолепие западных принцев эпохи Возрождения можно было с полным правом включить в поездку трех королей. У Джентиле да Фабриано и Беноццо Гоццоли это превратилось в великолепную процессию; трубачи, пажи, шуты, карлики, экзотические звери - вся пестрая, великолепная свита монархов того времени, а сами короли - романтические фигуры в богатейших нарядах, бархате, парче, кованом золоте и драгоценных камнях. Возможно, многое из этого великолепия было подсказано художникам драматическими зрелищами, которые происходили на их глазах.

Я уже упоминал об испанской "Мистерии царей-волхвов", всего лишь фрагменте, но представляющем особый интерес для историка драмы как одна из двух самых ранних религиозных пьес на современном европейском языке. Хотя известно, что в средние века в

Испании ставились пьесы на Рождество и Пасху, {39} мы не имеем более поздних текстов до очень короткого "Представления о рождении Господа" Гомеса Манрике, сеньора де Вильясопека (1412-91), поставленного в монастыре Калабазанос, настоятельницей которого была сестра автора. В качестве персонажей 149 представлены Богородица, святой Иосиф, святой Гавриил, святой Михаил, святой Рафаил, еще один ангел и три пастуха. {40}

Духом Возрождения, особенно влиянием Вергилия, проникнут Хуан дель Энсина из Саламанки (1469-1534), придворный поэт герцога Альбы и автор двух рождественских эклог. {41} Первая представляет четырех пастухов, которые носят имена евангелистов - Матфея, Марка, Луки и Иоанна - и являются любопытными смешанными персонажами: их слова наполовину соответствуют тому, что можно было бы ожидать от вифлеемских пастухов, а наполовину - высказываниям, принадлежащим только авторам Евангелий. Заканчивается она *вилланчико* или колядкой. Вторая эклога гораздо более реалистична и напоминает английские и французские пасторальные сцены. Пастухи ропщут на погоду - дождь идет уже два месяца, наводнения ужасны, не осталось ни бродов, ни мостов; они говорят о смерти священника, прекрасного певца; играют в каштаны; затем приходит ангел, которого один из них называет "нарядно одетым мальчиком" (*garzon repìcado*), чтобы сообщить им о Рождении, и они идут поклониться Младенцу, взяв Ему ребенка, лепешки с маслом, яйца и другие подарки.

Бесконечно более грандиозным является "Рождение Христа" {42} великого Лопе де Вега (1562-1635). Она открывается в раю, сразу после сотворения мира, и заканчивается поклонением трех королей. Полная аллегорических затей и олицетворенных качеств, она вряд ли придется по вкусу современным умам. Другое произведение Лопе, "Вифлеемские пастухи", длинная пастораль в прозе и стихах, опубликованная в 1612 году, содержит, среди множества несоответствий, некоторые из лучших его коротких стихотворений; одна колыбельная, которую поет Дева в пальмовой роще, пока ее Ребенок спит, была переведена Тикнором так:...

"Святые ангелы и блаженные,
Сквозь эти пальмы проведите,
Держите их ветви в покое,
ибо младенец мой спит.

И вы, вифлеемские пальмы,
Как бурные ветры мчатся150
В буре и ярости,
Затихните в своем гневе;
Двигайтесь осторожно, двигайтесь осторожно,
Сдерживайте свой дикий порыв;
Держите ветви в покое,
Мой младенец спит.

Мой младенец божественный,
От земных печалей подавленный,
Ищет в дремоте мгновенья
Его скорби отдохнуть;
Он дремлет, он дремлет,
О, тише, тише, тише

Ветви свои не шевели,
My babe is asleep!" {43}

Помимо таких современных возрождений рождественской драмы, как "Вифлеем" мистера Лоуренса Хаусмана, "Жаждущее сердце" мисс Бактон, "Душа мира" миссис Перси Дирмер и подобных экспериментов в Германии и Франции, в некоторых частях Европы подлинная традиция сохранилась до наших дней. Мы уже привели несколько французских и немецких примеров; к ним можно добавить несколько примеров из других стран.

В Неаполе не бывает Рождества без "Кантаты пастора"; ее ждут не меньше, чем полуночной мессы. Два или три театра соревнуются за расположение публики в исполнении этой пьесы в грубых стихах. Она начинается с Адама и Евы и заканчивается рождением Иисуса и поклонением пастухов. На сцену выводят множество дьяволов, их руки и ноги обвешаны медными цепями, которые ужасно гремят. Их имена ужасны: Люциферо, Сатанассо, Бельфегор, Бельзебу и т. д. Они не только искушают Адама и Еву, но и досаждают Деве Марии и святому Иосифу, пока не приходит ангел и не отпугивает их. В спектакль введены две небиблейские фигуры - Раззулло и Сарчиапоне, которых искушают черти и которым помогают ангелы. {44} На Сицилии рождественская пьеса также до сих пор существует под названием *"Пастораль"*. {45}

151 Испанский вариант "Стелы" XIX века описан в эскизе Фернана Кабальеро "La Noche de Navidad". {46} Согласно этому рассказу, у подножия алтаря деревенской церкви были установлены изображения Девы Марии и Святого Иосифа, между которыми на соломе лежал Святой Младенец. По обеим сторонам стоял на коленях маленький мальчик в ангельском одеянии. Торжественно в церковь вошли несколько мужчин в костюмах пастухов, неся свои приношения Младенцу; затем они танцевали перед алтарем с медленными и величественными движениями. За пастухами следовали самые богатые люди деревни, одетые как цари-волхвы, верхом на лошадях, а за ними следовал их поезд. Перед ними сияла звезда. Достигнув церкви, они сошли с коней; первый, изображавший величественного старца с белыми волосами, поднес Младенцу благовония; остальные, Каспар и Мельхиор, - мирру и золото соответственно. Это происходило в праздник Богоявления.

Пережиток, возможно, "Стелы" можно найти в рождественском обычае, чрезвычайно распространенном в Европе и сохранившемся даже в некоторых протестантских странах, - ношении звезды в память о Вифлеемской звезде. Обычно ее несет компания мальчиков, которые поют какую-нибудь колядку и ожидают взамен подарок.

Эта практика существует - или существовала - вплоть до севера Швеции. В течение всего рождественского сезона "звездные юноши" ходят из дома в дом. Трое из них одеты как цари-волхвы, четвертый несет на палке бумажный фонарик в виде шестиконечной звезды, который вращается и освещается свечами. Есть также Иуда, который несет кошелек для сбора денег, и, иногда, царь Ирод. Поется стишок, рассказывающий о Рождестве Христовом и содержащий добрые пожелания. {47} Подобные шествия были известны в Норвегии и Дании. {48}

В Нормандии на Рождество дети ходили с пением по деревенским улицам, неся фонарь из цветной бумаги на длинном осиновом пруте. {49} В Плейдихене в Бретани трое молодых людей, изображавших волхвов, пели колядки в коттеджах, одетые в праздничные одежды, украшенные лентами. {50}

152 В Англии, похоже, не сохранилось никаких следов этого обычая, который, однако, встречается в Германии, Австрии, Голландии, Италии, Богемии, Румании, Польше и России. {51}

В Тюрингии поют любопытную колядку, в которой рассказывается о том, как Ирод пытался соблазнить мудрецов.

"О, добрые мудрецы, входите и обедайте;
Я дам вам и пива, и вина,
И сена, и соломы, чтобы постелить вам постель,
И ничего не надо платить".

Но они отвечают: "...

"О, нет! О, нет! Мы должны уйти,
Мы ищем сегодня маленького ребенка,
Маленькое Дитя, могущественный Царь,
Того, кто создал все". {52}

В Тироле "звездное пение" очень живо и по сей день. В Верхнем Иннтале три мальчика в белых одеждах, с черными лицами и золотыми бумажными коронами, ходят по всем домам в канун Крещения, один из них несет на шесте золотую звезду. Они поют колядку, наполовину религиозную, наполовину комическую - почти маленькую драму, и получают деньги, пирог и выпивку. В Илсетале мальчики приходят в канун Рождества, и зажиточные люди дарят им подарки. В некоторых районах есть только один певец - старик с белой бородой и тюрбаном, который крутит вращающуюся звезду. Примечательно, что тирольские певцы-звездочеты, прежде чем что-то подарить, велят им топтать заснеженные поля возле домов, чтобы способствовать росту урожая летом. {53}

В Малороссии "звезда" делается из картона и имеет прозрачный центр с изображением Христа, через который просвечивает свет свечи. Один мальчик несет звезду, а другой вертит ее в руках. {54} В Румании его делают из дерева и украшают оборками и маленькими колокольчиками. В центре находится изображение "яслей", освещенных сзади, а на звезде также изображены Адам и Ева и ангелы. {55}

153 Любопытная традиционная драма, в которой языческие элементы, по-видимому, смешались с историей Ирода, до сих пор разыгрывается румынами во время рождественского праздника. В Валахии она называется "Виклеим" (от Вифлеема), в Молдавии и Трансильвании - "Ирози" (множественное число от *Ирод* = Ирод). В нем участвуют не менее десяти человек: "император" Ирод, старый ворчливый монарх, разговаривающий в резких тонах со своими приверженцами; офицер и два солдата в римском одеянии; три волхва в восточных одеждах, ребенок и "две комические фигуры - *паяц* (клоун) и *мошул*, или старик, первый в арлекинском облачении, второй - с маской на лице, длинной бородой, горбом на спине и одетый в овчину с шерстью снаружи". Сюжет пьесы довольно прост. Офицер приносит весть о том, что пойманы три странных человека, отправившихся в Вифлеем поклониться новорожденному Мессии; Ирод приказывает их ввести: они входят, распевая хором. Между ними и Иродом завязывается долгий диалог, в конце концов он приказывает отвести их в темницу. Но затем они обращаются к Отцу Небесному и произносят проклятия в адрес Ирода, призывая на него небесную кару, при этом раздаются непонятные звуки, как бы возвещающие об исполнении проклятия. Ирод

падает духом и просит у мудрецов прощения, откладывая свой гнев до более подходящих времен. Мудрецы уходят на пенсию.... Затем вводится ребенок, который становится на колени перед Иродом, сложив руки на груди, и просит о жалости. Он дает умные ответы на различные вопросы и предсказывает будущую карьеру Христа, после чего Ирод закалывает его. Теперь вся труппа заводит укоризненную мелодию для Ирода, который падает на колени в глубоком раскаянии". Иногда пьеса исполняется не живыми актерами, а марионетками. {56}

Рождественские спектакли с участием марионеток можно встретить и в других странах. В Польше "в течение недели между Рождеством и Новым годом показывают *Яселькн* или ясли, передвижной ряд сцен из жизни Христа или даже современных крестьян, маленький передвижной кукольный театр, великолепный с мишурой и свечами, и что-то вроде нашего шоу "Панч и Джуди". Краковский рынок, особенно ночью, представляет собой очень красивое зрелище, его тротуары сплошь уставлены этими сверкающими Яселькамн." {57} В Мадриде 154 на Богоявление часто устраивали кукольный спектакль, в котором события Рождества и Младенчества имитировались деревянными фигурками {58}, а в Провансе в середине XIX века рождественские сцены представлялись таким же образом. {59}

Наконец, можно упомянуть любопытную мексиканскую смесь религии и развлечений, своего рода драму под названием "Посадас", описанную мадам Кальдерон де ла Барка в ее "Жизни в Мексике" (1843). {60} В основе обычая лежат странствия Девы Марии и святого Иосифа по Вифлеему в поисках покоя. В течение восьми дней представлялись эти странствия святой пары по разным *посадам*. В канун Рождества, рассказывает рассказчик, "каждой даме в руку вложили зажженную свечу [это было на каком-то празднике], и образовалась процессия, две за двумя, которая прошла через весь дом... все пели литании..... К процессии присоединилась группа маленьких детей, одетых как ангелы..... Наконец процессия остановилась перед дверью, и над нашими головами пронесся ливень фейерверков, я полагаю, чтобы изобразить спуск ангелов; появилась группа дам, одетых в костюмы пастухов..... Затем голоса, предположительно Марии и Иосифа, завели гимн, в котором они умоляли о входе, говоря, что ночь холодная и темная, что дует сильный ветер, и что они молят о ночном пристанище. Хор голосов изнутри отказал им в приеме. И снова те, кто был внутри, просили приюта, и в конце концов объявили, что та, кто стоит у дверей, блуждая в ночи и не имея, где приклонить голову, - Царица Небесная! При этих словах двери широко распахнулись, и Святое Семейство с пением вошло в дом. Сцена внутри была очень красивой: *рождение* ребенка. Один из ангелов держал на руках воскового младенца..... Падре взял младенца у ангела и положил его в колыбель, *после чего posada* была завершена. Затем мы вернулись в гостиную - ангелы, пастухи и все остальные - и танцевали до самого ужина".{60} Здесь религиозная драма опустилась до уровня игры в "Общество".

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ. MASACCIO

(*Берлин: Музей кайзера Фридриха*)

ПОСТСКРИПТ

Прежде чем перейти к языческим аспектам Рождества, давайте соберемся с мыслями и попытаемся осознать особую привлекательность праздника Рождества Христова, как она ощущалась в прошлом и как ощущается сегодня даже теми современниками, которые не верят в историческую достоверность истории, которую он отмечает.

Эта притягательность Рождества, по-видимому, заключается в соединении двух видов чувств, которые можно назвать *духом колядки* и *мистическим духом*. *Колядный дух* - под ним мы понимаем простую, человеческую радость, нежное и изящное воображение, добрую, интимную привязанность, которые собрались вокруг колыбели Младенца Христа. Народная мелодия, светская песня, адаптированная к священной теме - такова колядка. Какое чувство доброты, не сентиментальности, а подлинного человеческого чувства дарят нам эти старые песни, как будто люди, которые их пели, были более настоящими товарищами, более тесно связанными друг с другом, чем мы в условиях современного индустриализма.

Одним из элементов духа колядок является деревенская нота, которая находит свое подтверждение в отношении Рождества в истории святого Луки о пастухах, сторожащих свои стада по ночам. Мы думаем о тишине над полями, об оленях с их грубым говором, "просто болтающих в деревенском ряду", о резком воздухе и большом всплеске света и песен, который ошеломляет их простые умы, об их путешествии в Вифлеем, где "рожденный на небесах Младенец, скромно завернутый в грубые ясли, лежит", о воле и осле, связывающих полевых зверей с рождественским поклонением человечеству. [80]

Для многих людей очарование Рождества неразрывно связано с деревней; в Лондоне оно теряется - город слишком огромен, слишком современен, слишком изыскан. Оно связано с мыслями о морозных полях, о колоколах, звучащих вдалеке, о голых деревьях на фоне звездного неба, о колядках, которые поют не обученные хоры, а деревенские люди с грубым акцентом, неровным временем и мелодиями, выученными на слух, а не по книгам.

Опять же, без идеи зимы половина очарования Рождества исчезла бы. Перенесенные в воображении западного христианства из неопределенного времени года на жарком Востоке в Европу в середине зимы, сцены Рождества приобрели новый пафос при мысли о лютом холоде, которому подвергался великий Младенец в грубом хлеву, о контрасте между холодом и темнотой ночи и огнем любви, скрытым под этим младенческим обликом. *Lux in tenebris* - одна из самых сильных нот Рождества: в мрачной середине зимы сквозь тьму пробивается свет; когда все вокруг холодно и мрачно, небо вспыхивает великолепием, и в темной пещере рождается Свет мира.

Здесь также присутствует идея королевской власти со всеми ее цветами и великолепием, хотя не столько в литературе, сколько в живописи представлена эта сторона рождественской истории. Богоявление - прекрасная возможность для образного развития царственной идеи. Здесь можно увидеть соединение полной нищеты с высочайшей царственностью; монархи Востока приходят, чтобы склониться перед скромным Младенцем, для которого мир не нашел места в гостинице. Как наводят на мысль своими долгими, медленными слогами итальянские имена волхвов. Гаспарре, Бальдассарре, Мельхиорре - мы представляем себе восточных монархов в одеяниях, таинственно великолепных, испещренных странными узорами, усыпанных золотом и драгоценными камнями. Медленной процессией они идут

вперед, неся Царю царей свои символические дары: золото для Его коронации, ладан для Его поклонения, мирру для Его погребения, а вместе с ними - тайну, цвет и благоухание Востока, оккультную мудрость, склонившуюся перед откровением в Младенце.

Прежде всего, как было показано на предыдущих страницах, именно *детство* Искупителя завоевало сердце Европы для Рождества; именно обращение к родительскому инстинкту, любовь к нежному, слабому, беспомощному, но всепотенциальному младенцу, обеспечили церковному празднику самую сильную поддержку. И в эту сторону Рождества часто проникает *мистический дух* - то ощущение Бесконечного в конечном, без которого невозможна самая высокая человеческая жизнь.

157Ощущение Рождества варьируется от простого восторга перед Младенцем Христом как репрезентативным символом, на который можно расточать любовь, как ребенок радуется кукле, до мистической философии Экхарта, в рождественских проповедях которого Рождество рассматривается как прообраз Рождения Бога в глубинах человеческого существа. Однако даже самые малодуховные формы культа Младенца редко обходятся без намека на сверхчувственное, Бесконечное, и даже Экхарту свойственна любовь к конкретному символизму. Рождество особенно ярко выражает сакраментальный принцип, согласно которому внешнее и видимое является знаком и тенью внутреннего и духовного. Оно означает видение обычных, земных вещей, пронизанных славой Бесконечного. "Его нота, - как было сказано об одной из стадий мистического сознания, Просветительском Пути, - сакраментальна, а не аскетична. Она влечет за собой ... открытие совершенного Единого, пылающего во множестве, а не отказ от множества, чтобы найти Единое... Непередаваемое сияние, красота и реальность, о которых раньше не подозревали, воспринимаются своего рода ясновидением, сияющим в самых убогих вещах". {1} Рождество - праздник Божественной Имманентности, и вполне естественно, что он был любим святым и мистиком, чья жизнь была высшим проявлением *Via Illuminativa*, Франциском Ассизским.

Рождество - самый человечный и любимый из церковных праздников. Пасха и Вознесение говорят о восхождении и возвышении славного существа, облеченного в духовное тело, утонченное сверх всякого сравнения с нашей естественной плотью; Утренник повествует о приходе таинственной, неосязаемой Силы - подобно ветру, мы не можем сказать, откуда она приходит и куда уходит; Троица предлагает для созерцания невыразимый парадокс чистого бытия. Но Бог Рождества - это не бесплотная форма, не просто духовная сущность, а самый настоящий человеческий ребенок, чувствующий холод и грубость соломы, нуждающийся в том, чтобы его согревали, кормили и лелеяли. Рождество - это праздник естественного тела, этого мира; он означает освящение обычных вещей жизни, привязанности и товарищества, еды, питья и веселья; и в какой-то степени память о Воплощении смогла смешаться с языческой радостью Нового года.

158159

Часть II - Выжившие язычники

160161

ГЛАВА VI

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Церковь и суеверия - Природа языческих выживаний - Расовые истоки - Римские праздники *Сатурналии* и Календы - Существовал ли тевтонский праздник середины зимы?-Тевтонский, кельтский и славянский Новый год - Обычаи, привлекающие Рождество или 1 января - Зимний цикл *фестивалей* - Обоснование фестивального ритуала: (*а*) жертвоприношения и таинства, (*б*) культ мертвых, (*в*) приметы и чары для Нового года - Компромисс в позднее Средневековье - Пуритане и Рождество - Отказ от старых традиций.

НОВОГОДНИЕ МУММЕРЫ В МАНЬЧЖУРИИ.

Азиатский пример масок животных.

Теперь мы должны оставить празднование Рождества Христова и обратиться к другой стороне Рождества - его многочисленным традиционным обрядам, которые, хотя иногда и окрашены христианством, не имеют ничего общего с Рождением Искупителя. Этот класс обычаев часто, особенно в первом тысячелетии нашей эры, становился объектом осуждения со стороны церковников и представляет собой старое язычество, которое христианство не смогло уничтожить. Церковь сыграла двойную роль: роль полного антагонизма, вытесняя языческие обычаи в тень, в более или менее скрытую и непрогрессивную жизнь, и роль адаптации, крестив их во Христа, дав им христианское название и толкование, а также часто изменяя их форму. Общее влияние христианства на языческие обычаи хорошо описано доктором Карлом Пирсоном:...

> "То, что миссионер мог подавить, он подавлял, тем больше, чем сильнее становилась его церковь; то, что он не мог подавить, он перенимал или просто оставлял без внимания..... То, что миссионер пытался подавить, превратилось в средневековое колдовство; то, что он благоразумно игнорировал, сохранилось до наших дней в крестьянских свадьбах и народных праздниках, приуроченных к большой смене времен года." {1}

Мы видим множество языческих обычаев, скрытых под поверхностным христианством - часто под мантией какого-нибудь святого, - но бок о бок с ними существует множество

обычаев, никогда не христианизированных даже внешне, и явно идентичных языческим обычаям, против которых Церковь гремела в дни своей юности. Старая и терпимая - за исключением новинок - она уже давно перестала нападать на них, да и сами они в большинстве своем утратили всякий определенный религиозный смысл. По мере того как старая языческая вера приходила в упадок, они становились в прямом смысле "суеверием", чем-то застывшим, как раковины, из которых ушли живые обитатели. Теперь они часто представляют собой просто "пережитки" в техническом фольклорном смысле, фрагменты обычаев, оторванные от верований, которые когда-то придавали им смысл, и исполняемые только потому, что в каком-то смутном смысле они должны приносить удачу. Во многих случаях те, кто их практикует, не смогут объяснить, как и почему они работают на благо.

Психическая инерция, инстинкт делать и верить в то, что всегда делалось и во что верилось, иногда сохраняет одушевляющую веру, а также внешнюю форму этих практик, но часто все серьезное значение утрачивается. То, что когда-то было религиозным или магическим ритуалом, от соблюдения которого, как считалось, зависело благополучие общества, превратилось в простое празднество и развлечение, часто в детскую игру. {2}

Иногда дух более поздней эпохи воздействует на эти языческие обычаи, оживляя и преображая их, придавая им очарование. Однако часто в них не найти ни поэзии, ни теплой человечности, ни юмора, которыми отмечены творения народного католицизма. Это окаменелости, и их интерес заключается в том, что они представляют собой записи исчезнувшего мира и помогают нам вообразить его реконструкцию. Но, как на пластах горной породы, богатой окаменелостями, могут быть прекрасные луга, сады и рощи, жизнь которых зависит от денудации породы под ними, так и эти древние религиозные продукты в значительной степени послужили почвой для расцвета более духовных и более 163красивых вещей. Среди них, как хорошо сказано, "они все еще появляются, неизменные и неизменные, как причудливые выступы древней скалы среди богатой растительности и благоухающих цветов". {3}

Пережитки языческой религии на христианских праздниках связаны не столько с поклонением определенным божествам - против этого миссионеры прилагали самые решительные усилия, и имена старых богов практически исчезли, - сколько с культами, которые предшествовали развитию антропоморфных богов с именами и атрибутами. Эти культы, воздаваемые менее личностным духам, были более древними и, несомненно, имели более глубокие корни в народном сознании. Связанные в основном с сельскохозяйственной и пастушеской жизнью, они во многих случаях сохранились у наиболее консервативного элемента населения - крестьянства.

Многие из обычаев, с которыми мы встретимся, скорее магические, чем религиозные в собственном смысле слова; они не направлены на примирение с духовными существами, а проистекают из веры первобытного человека в то, "что для того, чтобы произвести великие явления природы, от которых зависела его жизнь, он должен только подражать им". {4}. Даже когда они имеют определенно религиозный характер и связаны с каким-то духом, в них часто встречаются магические элементы.

Прежде чем рассматривать эти обычаи в деталях, необходимо провести обзор языческих праздников, кратко упомянутых в главе I., отметить различные идеи и практики, характерные для них, и изучить отношение Церкви к сохранившимся до наших дней подобным обычаям во время обращения Европы, а также в Средние века.

Развитие религиозных обычаев и верований в Европе - вопрос настолько сложный, что в книге такого рода я не могу попытаться дать лишь самые грубые очертания вероятного

происхождения чисто языческих или полухристианских праздников, сгруппировавшихся вокруг Рождества. При нынешнем уровне знаний трудно четко определить вклад различных народов в традиционные обычаи Европы, а во многих случаях даже сказать, является ли тот или иной обычай "арийским" или доарийским. Доля арийской военной аристократии по отношению к завоеванным народам не была одинаковой во всех странах и, вероятно, часто была небольшой. Хотя семьям завоевателей удалось навязать свои языки, из этого отнюдь не следует, что народные обычаи стран, где сейчас говорят арии, полностью или даже в основном пришли из арийских источников. Религиозная традиция обладает удивительной силой живучести, и следует помнить, что земли, завоеванные людьми с арийской речью, были ранее заняты в течение огромных периодов времени. {5} Точно так же в таких странах, как наша, куда последовательно вторгались кельты, римляне, англосаксы, датчане и норманны, зачастую чрезвычайно трудно сказать, к какому *национальному* источнику следует отнести тот или иной обычай.

Ученые пытаются разделить расовые корни в народных традициях Европы, и здесь я едва ли могу сделать больше, чем указать на три формирующих элемента в христианских обычаях: церковный, классический (греческий и римский) и варварский, взяв последний в широком смысле и без подробного расового анализа. Действительно, пока ритуал, за исключением мифологии, имеет общую основу для традиций арианоязычных народов. Насколько это связано с общим происхождением, мы здесь не пытаемся решить. Фольклор всего мира, как следует отметить, "обнаруживает для одних и тех же стадий цивилизации удивительное единообразие и однородность..... Это единообразие, однако, объясняется не необходимым единообразием происхождения, а в значительной степени тем, что оно представляет собой состояние равновесия, достигнутое между умами определенного уровня и их окружением." {6}

Научное изучение первобытной религии все еще находится почти в зачаточном состоянии, и в любом объяснении народных ритуалов, которое может быть предложено, обязательно должна присутствовать большая доля предположений. Поэтому, пытаясь объяснить рождественские обычаи, мы должны помнить о предварительном характере выдвигаемых теорий. Опять же, важно помнить, что ритуальные практики гораздо более долговечны, чем объяснения, которые им даются. "Античные религии, - цитируя слова Робертсона Смита, - по большей части не имели вероучения; они целиком состояли из институтов и практик... как правило, мы обнаруживаем, что, хотя практика была 165ригорически фиксированной, значение, придаваемое ей, было крайне туманным, и один и тот же обряд объяснялся разными людьми по-разному" {7}.

Таким образом, если мы можем прийти к значению обряда в определенный период, из этого отнюдь не следует, что те, кто его начал, имели в виду то же самое. К моменту конфликта языческих религий с христианством вокруг их традиционных обрядов выросли сложные мифологические структуры, наделявшие их значениями, которые зачастую имели мало общего с их первоначальной целью. Часто, когда цель менялась, добавлялись новые церемонии, так что обряд мог выглядеть совсем не так, как вначале.

С этими предостережениями и оговорками мы должны теперь попытаться проследить связь между современными или недавними событиями, связанными с Рождеством, и праздничной практикой дохристианской Европы.

Рождество, как мы видели в главе I., стало датой *Natalis Invicti*. Нам нет нужды задерживаться на этом празднике, поскольку он не был связан с народными обычаями, и нет ничего, что связывало бы его с современными выживаниями. Римские праздники, которые

действительно имеют значение для нашей цели, - это январские Календы и, возможно, *Сатурналии*. Влияние Календ наиболее сильно, естественно, в латинских странах, но также наблюдается по всей Европе. Влияние *Сатурналий* менее определенно; этот праздник не упоминается в церковных осуждениях после учреждения Рождества, и, возможно, его популярность не была столь широкой, как у Календ. Тем не менее, есть несколько любопытных рождественских параллелей с его обычаями.

Строго религиозный праздник *Сатурналии* {8} проходил 17 декабря, но праздничные обычаи сохранялись в течение семи дней, таким образом, продолжаясь до дня, предшествующего нашему сочельнику. Среди них была ярмарка, называемая *sigillariorum celebritas*, для продажи маленьких изображений из глины или пасты, которые раздавались в качестве подарков. [81] Свечи, похоже, также раздавались, возможно 166 как символы или даже талисманы, обеспечивающие возвращение силы солнца после солнцестояния. Однако наиболее примечательной и характерной чертой *сатурналий* было объединение всех классов в общем веселье. О характере праздника (в эллинизированной форме) можно судить по "Кронии" или "Сатурналиям" Лукиана, диалогу между Кроносом или Сатурном и его жрецом. Из него мы узнаем, что празднества были отмечены "пьянством, шумом, играми и костями, назначением царей и пиршеством рабов, пением нагишом, хлопаньем дрожащих рук, случайным окунанием закупоренных лиц в ледяную воду", и что рабы имели право поносить своих господ. {9}.

О духе сезона можно судить по законодательству, которое Лукиан приписывает Кроносолону, жрецу и пророку Кроноса, подобно тому, как современный писатель мог бы заставить Деда Мороза или Санта-Клауса устанавливать правила для надлежащего соблюдения Йоля. Вот некоторые из этих законов:.

> "*Все дела, будь то государственные или частные, запрещены в дни праздника, кроме тех, что направлены на спорт, утешение и наслаждение. Пусть никто не занимается своими делами, кроме поваров и пекарей.*
>
> *Все люди должны быть равны, рабы и свободные, богатые и бедные, друг с другом.*
>
> *Гнев, недовольство, угрозы противоречат закону.*
>
> *Ни одна речь не должна быть ни сочинена, ни произнесена, если она не будет остроумной и пылкой, способствующей веселью и радости.* "

Далее следуют указания относительно посылки богатыми людьми бедным друзьям подарков в виде денег, одежды или сосудов, а также относительно ответных подарков бедным людям. Если у бедняка есть образование, его ответным подарком должна быть "древняя книга, но с добрым предзнаменованием и праздничным настроением, или сочинение его собственного сочинения по его способностям..... Для неученого пусть пошлет гирлянду или зерна ладана". Завершается "Кроносолон" "Законами правления", среди которых можно выделить следующие.

> "*Каждый человек должен занимать место по воле случая; достоинства, рождение и богатство не должны иметь никакого* преимущества167.
>
> *Всем должно подаваться одно и то же вино..... Порция мяса для каждого должна быть одинаковой.*
>
> *Когда богатый пирует своих рабов, пусть друзья его служат вместе с ним.* " {11}

Над всем праздником витала мысль о золотом веке в далеком прошлом, когда правил Сатурн, справедливый и добрый монарх, когда все люди были добрыми и все люди были счастливы.

Яркой особенностью *Сатурналий* был выбор по жребию шуточного царя, который руководил весельем. Его слово было законом, и он мог отдавать смешные приказы гостям; "один, - говорит Лукиан, - должен выкрикивать пасквили на себя, другой танцевать голым, или взять флейтистку и трижды пронести ее по дому" {12}. Возможно, этот царь изначально был представителем самого бога Сатурна. Во времена классиков он был просто "властелином беспорядка", но доктор Фрейзер выдвинул очень интересную теорию о том, что это время привилегий и веселья когда-то было лишь прелюдией к мрачному жертвоприношению, в котором он должен был умереть в образе бога, отдав свою жизнь за весь мир. {13} Теория доктора Фрейзера, опирающаяся в своих доказательствах на рассказ о мученичестве святого четвертого века по имени Дасий, подверглась резкой критике со стороны доктора Уорда Фаулера. Он считает, что нет ничего, что могло бы показать, что "Сатурн", который в IV веке, согласно рассказу, был принесен в жертву солдатами на Дунае, имел какое-либо отношение к обычаям Древнего Рима. {14} И все же, как бы ни объясняли царя *сатурналий*, интересно отметить его существование и сравнить с веселыми монархами, которых мы встретим на Рождество и Двенадцатую ночь.

Насколько сатурналийские обычаи в целом имели древнелатинское происхождение, сказать трудно; имя Saturnus (связанное с корнем *serere*, сеять) и дата указывают на настоящий римский праздник посева зерновых, но на него сильно наложились греческие идеи и практика. {15} Это особенно важно иметь в виду при рассмотрении высказываний Лукиана.

То же самое можно сказать и о празднике январских Календ, через несколько дней после *Сатурналий*. 1 января, в римский Новый 168 год, вступали в должность новые консулы, и в течение как минимум трех дней продолжался высокий праздник. Дома украшали огнями и зеленью - именно они, как мы увидим, отчасти послужили причиной появления современной рождественской елки. Как и на *Сатурналиях*, хозяева пили и играли в азартные игры с рабами. Были приняты *вота*, или торжественные пожелания процветания императору в Новом году, а народ и сенат даже должны были преподнести ему денежные подарки. Император Калигула вызвал большое отвращение, издав указ о необходимости таких подарков и встав на крыльце своего дворца, чтобы лично принять их. Такие подарки, не только преподносимые императору, но и часто обмениваемые между частными лицами, назывались *strenae*, название, сохранившееся во французском *étrennes* (новогодние подарки). {16}

Интересный и очень полный рассказ о праздновании Календ содержится в двух рассуждениях Либания, знаменитого греческого софиста IV века

> "Праздник Календ, - говорит он, - празднуется повсеместно, вплоть до пределов Римской империи. Повсюду можно видеть карусели и хорошо накрытые столы; роскошное изобилие наблюдается в домах богачей, но и в домах бедняков на стол ставится еда лучше, чем обычно. Импульс к тратам охватывает каждого. Тот, кто весь год с удовольствием экономил и копил свои пенсы, вдруг становится экстравагантным. Тот, кто раньше привык и предпочитал жить бедно, теперь на этом празднике наслаждается настолько, насколько позволяют его средства..... Люди щедры не только по отношению к себе, но и к своим ближним. Поток подарков льется со всех сторон..... Дороги и тропинки покрыты целыми процессиями груженых людей и зверей..... Как тысячи цветов, распускающихся повсюду,

являются украшением весны, так и тысячи подарков, сыплющихся со всех сторон, являются украшением праздника Календ. Можно с полным правом сказать, что это самое прекрасное время года..... Праздник Календ изгоняет все, что связано с трудом, и позволяет людям предаться беззаботному наслаждению. В умах молодых людей он устраняет два вида страха: страх перед школьным учителем и страх перед суровым педагогом. Рабам он также позволяет, насколько это возможно, дышать воздухом свободы..... 169Еще одно замечательное свойство праздника заключается в том, что он учит людей не держаться слишком крепко за свои деньги, а расставаться с ними и передавать их в другие руки." {17}

Сходство с современными рождественскими обычаями очень поразительно. В другой беседе Либаний рассказывает о шествиях в канун праздника. Мало кто, по его словам, ложится спать; большинство ходит по улицам с пением, прыжками и всевозможными насмешками. Самый суровый моралист не выскажет порицания по этому поводу. С наступлением утра они украшают свои дома лаврами и другой зеленью, а на рассвете могут лечь спать, чтобы отойти от опьянения, так как многие считают необходимым в этот праздник следовать за текущей чашей. 1 января населению раздают деньги; 2-го числа подарков уже не делают: принято сидеть дома и играть в кости, хозяева и рабы вместе. 3-го числа устраиваются скачки; 4-го числа празднества идут на убыль, но не заканчиваются совсем 5-го числа. {18}

Еще одной особенностью Календ, зафиксированной не на страницах классических писателей, а в церковных осуждениях, был обычай наряжаться в шкуры животных, в женские одежды и в маски различных видов. {19} Доктор Тилле {20} считает этот обычай итальянским по происхождению, но представляется вероятным, что он был исконным в Греции, Галлии, Германии и других странах, завоеванных римлянами. В Греции одетые в кожу муммеры, возможно, принадлежали к зимним праздникам Диониса, вытесненным *Календами*. {21}

Обличения Церковью языческих праздников в зимнее время направлены в основном против празднования Календ и показывают, в каких регионах распространилось празднование этого праздника. Жалобы на продолжение его соблюдения встречаются в трудах церковников и постановлениях соборов. Во втором томе своей книги "Средневековая сцена" {22} Г-н Чемберс сделал интересную подборку из сорока выдержек из таких обличений, датируемых от IV до XI века и происходящих из Испании, Италии, Антиохии, Северной Африки, Константинополя, Германии, Англии и различных районов нынешней Франции.

170 В качестве примера я могу перевести отрывок, в котором подробно описывается осуждаемая практика. It is from a sermon often ascribed to St. Augustine of Hippo, but probably composed in the sixth century, very likely by Caesarius of Arles in southern Gaul:—

"В эти дни, - говорит проповедник, говоря о январских календах, - язычники, нарушая порядок всех вещей, наряжаются в непристойные уродства..... Эти несчастные, и что еще хуже, некоторые крещеные, надевают на себя поддельные формы и чудовищные лица, от которых скорее должно быть стыдно и грустно. Ибо какой разумный человек поверит, что кто-нибудь из здравомыслящих людей, сделав оленя (*cervulum*), превратит себя в подобие животных? Одни облачаются в шкуры скота, другие надевают головы зверей, радуясь и ликуя, что так преобразили себя в облике животных, что уже не кажутся людьми..... Как мерзко, далее, то, что те, кто родился мужчинами, одеваются в женские платья, и путем гнусных изменений унижают свою мужскую силу, принимая облик девушек, не стесняясь облачать свои воинственные руки в женские одежды; у них бородатые лица, и все же они хотят

казаться женщинами..... Есть и такие, которые в январские календы занимаются предсказаниями, не выпускают огонь из своих домов и не оказывают никакой другой помощи тому, кто просит. Также они получают и дарят дьявольские подарки (*strenas*). Некоторые деревенские жители, кроме того, накрывают столы с большим количеством необходимых для еды вещей... думая, что таким образом январские календы станут гарантией того, что весь год их пиршества будут в такой же степени обильными. Что же касается тех, кто в эти дни соблюдает какие-либо языческие обычаи, то следует опасаться, что имя христианина им ничего не даст. Поэтому наши святые отцы издревле, учитывая, что большинство людей в эти дни становятся рабами чревоугодия и разгульной жизни и неистовствуют в пьянстве и нечестивых плясках, постановили для всего мира, чтобы во всех церквях был провозглашен общественный пост..... Итак, постимся, возлюбленные братья, в эти дни..... Ибо тот, кто в Календы проявляет какую-либо любезность по отношению к глупцам, беспечно занимающимся спортом, несомненно, является причастником их греха." {23}

Здесь следует отметить несколько моментов. Во-первых, ревность Церкви против празднования Календ как нечестивых пережитков 171геатства: чтобы искоренить их, она даже сделала первые три дня года торжественным постом с литаниями. {24} Далее следует обратить внимание на особые проступки. Это: во-первых, переодевание мужчин в шкуры животных и женские одежды; во-вторых, новогодние предсказания и суеверия об огне, дарение подарков и накрывание столов с благами; и, наконец, пьянство и разгул в целом. Все это мы найдем в полной мере представленным в современных рождественских обычаях.

О том, что римские обычаи либо распространились в Германии, либо были заимствованы там, свидетельствует любопытное письмо, написанное в 742 году святым Бонифацием папе Захарию. Святой жаловался, что некоторые аламанны, баварцы и франки отказываются от различных языческих обычаев, потому что видели, как это делается в священном городе Риме, рядом с собором Святого Петра, и, как они считали, с санкции духовенства. Утверждалось, что в канун Нового года по улицам Рима проходят процессии с нечестивыми песнями и языческими криками, устанавливаются гадальные столы, и в это время никто не может дать соседу огня, железа или какого-либо другого предмета. Папа ответил, что эти вещи омерзительны для него и должны быть таковыми для всех христиан; и в следующем году все подобные обычаи на январских Календах были официально запрещены Римским собором. {25}

Вот вам и римские обычаи; если, конечно, такие обычаи, как маскирование зверей, являются римскими, а не заимствованы из религии народов, завоеванных имперскими легионами. Теперь мы должны обратиться к зимним праздникам варваров, с которыми Церковь начала контактировать вскоре после установления Рождества.

Много внимания было уделено предполагаемому празднику середины зимы у древних германцев. В середине XIX века было принято говорить о Рождестве и Двенадцати ночах как о продолжении священного сезона, который наши предки соблюдали во время зимнего солнцестояния. Праздничные костры Рождества рассматривались как символы солнца, которое начинает свое восходящее путешествие по небесам, а название Yule восходило к англосаксонскому слову *hwéol* (колесо) и было связано с круговым 172-кратным движением солнца через точки колес солнцестояний и равноденствий. Однако более поздние исследования поставили под большое сомнение существование какого-либо тевтонского праздника зимнего солнцестояния. [82] Из филологии и изучения сохранившихся обычаев следует, что тевтонские народы не имели представления о солнцестояниях и равноденствиях

и до введения римского календаря делили свой год не на четыре части, а на две, три и шесть, проводя свой Новый год с сопутствующими праздниками не в конце декабря или начале января, а ближе к середине ноября. В это время в Центральной Европе обычно выпадал первый снег, и пастбища закрывались для стад. Тогда происходил большой забой скота, поскольку невозможно было держать животных в стойлах всю зиму, и это время забоя, естественно, становилось сезоном пиров, жертвоприношений и религиозных праздников. [83] {26}

Кельтский год, как и тевтонский, начинался в ноябре с праздника *Самхейн* - название, которое может означать либо "конец лета", либо "собрание". Судя по всему, изначально он был "пастушеским и сельскохозяйственным праздником, который со временем стал рассматриваться как помощь силам роста в их противостоянии с силами зла", и имел много общих черт с тевтонским праздником в то же время года, например, жертвоприношение животных, поминовение умерших, а также предзнаменования и заклинания на Новый год. {27}

Есть также основания полагать, что новогодний 173фестиваль у славян проходил осенью и что его обычаи были перенесены на праздник Рождества Христова. {29} Описание этих варварских праздников, основанное на современных документах, невозможно; нам приходится реконструировать их по сохранившимся народным обычаям. В конце этой книги, когда такие реликвии будут изучены, мы, возможно, получим некоторое представление о том, что происходило в эти дохристианские священные дни. Именно тевтонские обычаи были наиболее полно зафиксированы и обсуждены учеными, и они будут занимать наибольшее место в нашем обзоре; в то же время будут рассмотрены кельтские и славянские обычаи, и мы обнаружим, что они часто очень похожи на те, что существовали в тевтонских землях.

Обычаи старых новогодних праздников часто отклонялись от своей первоначальной ноябрьской даты, и именно этому факту мы обязаны теми элементами северного язычества, которые можно обнаружить в Рождестве. Некоторые обычаи, похоже, были перенесены на Михайлов день; одна сторона праздников, культ мертвых, особенно представлена днями Всех Святых и Всех Душ (1 и 2 ноября). День святого Мартина (11 ноября), вероятно, максимально приближен к старой тевтонской дате и до сих пор является в Германии важным народным праздником, сопровождаемым многими обычаями, заимствованными из праздника начала зимы. Другие обычаи можно найти в различных святых днях между Мартинмасом и Епифанией, и прежде всего они сосредоточены в церковном празднике Рождества Христова и римском Новом году, 1 января, которые, естественно, обладали большой силой притяжения. {30}

Прогресс сельского хозяйства, как отмечает доктор Тилле, {31} стремился уничтожить празднование середины ноября. В эпоху Каролингов улучшилось возделывание лугов, а увеличение количества сена позволило держать животных на откорме в стойлах, вместо того чтобы забивать их, как только пастбища закрывались. Таким образом, время убийства с его праздниками становилось все более поздним. День святого Андрея (30 ноября) и день святого Николая (6 декабря) могут обозначать этапы продвижения к зиме. В дне святого Николая мы находим праздник, который очень похож на Мартинмас и, похоже, является тем же народным праздником, перенесенным на более поздний срок. Опять же, что касается Англии, мы 174 должны помнить о разнице между ее климатом и климатом Центральной Европы. Середина ноября здесь не была бы датой, после которой пастьба была бы невозможна, и, таким образом, резня и пиршество, устраиваемые тогда англами и саксами на их старой германской родине, были бы отложены. {32}

Рождество, как следует из вышесказанного, по своей языческой сути не может быть отделено от народных праздников ноября и декабря. Поэтому в данном случае значение термина будет расширено настолько, чтобы охватить весь период между Днем всех святых и Богоявлением. В том, что это не слишком резкий шаг, мы убедимся позже.

Для целей этой книги лучше всего рассматривать зимние праздники, так сказать, календарно: начать с начала ноября и показать их в виде процессии, предполагая, насколько это возможно, вероятное происхождение соблюдаемых обычаев. Таким образом, мы можем избежать расчленения, вызванного выделением определенных практик из различных праздников и группировкой их под вероятным происхождением, - метод, который, к тому же, был бы опасен ввиду весьма предположительного характера предлагаемых теорий.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению праздников, необходимо сказать об общем характере и *обосновании* связанных с ними обычаев. Для удобства эти обычаи можно разделить на три группы: - I.

I. *Жертвенные или сакраментальные обычаи.*
II. *Обычаи, связанные с культом мертвых и семейным очагом.*
III. *Приметы и талисманы на Новый год.*

Хотя эти три класса пересекаются, и иногда трудно отнести ту или иную практику исключительно к одному из них, они образуют полезную основу для краткого описания примитивного ритуала, сохранившегося на зимних праздниках.

I. Жертвенные и сакраментальные практики.

Для большинства людей, вероятно, слово "жертва" означает подношение, что-то, что преподносится божеству, чтобы получить его благосклонность. Именно такое значение, по-видимому, обычно придавалось жертвенным обрядам в Европе, когда христианство вступило в конфликт с язычеством. Однако многие ученые считают, что первоначальная цель жертвоприношения была сакраментальной - приобщение поклоняющегося к божественной жизни, присутствующей в жертве, а не принесение дара божеству. {33}

Весь вопрос о священных животных неясен, и особенно в отношении тотемизма, определяемого доктором Фрейзером {34} как "вера в родство определенных семей с определенными видами животных", и практик, основанных на этой вере, ученые придерживаются самых разных мнений. Религиозное значение, которое одни видят в тотемистических обычаях, другие отрицают, а в отношении вероятности их широкого распространения в Европе существуют большие разногласия. Тем не менее, какой бы ни была правда о тотемизме, многое указывает на то, что в Европе когда-то существовали жертвоприношения, которые были не подношениями, а торжественными праздниками общения с плотью и кровью поклоняемого животного. {35} О том, что идея жертвенного общения предшествовала жертвоприношению, говорит тот факт, что во многих обычаях, которые кажутся пережиточными жертвоприношениями, тело жертвы обладает некой сакраментальной эффективностью; оно передает благословение тому, кто с ним соприкасается. Фактическое поедание и питье плоти и крови - наиболее совершенный способ контакта, но та же цель, по-видимому, преследовалась в таких обычаях, как окропление кровью верующих, ношение жертвы в процессии от дома к дому, закапывание плоти в борозды, чтобы урожай рос, и ношение шкур, голов или рогов принесенных в жертву зверей. {36} Во время рождественского сезона мы встречаемся с различными обычаями,

которые, по-видимому, возникли либо во время жертвенного пира, либо во время некоторых из тех обрядов, которые только что были описаны. Так необычно выделяются маски животных, которые, очевидно, произошли от ношения шкур, голов и рогов, что мы можем немного остановиться на них в этом месте.

Мы уже видели, сколько хлопот доставлял церковникам календский обычай носить звериные маски. Робертсон Смит высказал предположение о его вероятном происхождении

> "Это... уместно, чтобы поклоняющийся облачился в 176 шкуру жертвы и, таким образом, как бы окутал себя ее святостью. Для грубых народов одежда - это не просто физическое удобство, а неизменная часть общественной религии, вещь, с помощью которой человек постоянно носит на своем теле знак своей религии, и которая сама по себе является очарованием и средством божественной защиты..... Когда одежда из жертвенной кожи, которая сразу же объявляла религию человека и его священное родство, перестала использоваться в обычной жизни, она все еще сохранялась в священных и особенно в пиарических функциях; ... примеры дают дионисийские мистерии и другие греческие обряды, а также почти все грубые религии; в то время как в более поздних культах старый обряд сохранился, по крайней мере, в религиозном использовании масок животных." [84] {37}

Если мы примем теорию поклонения животным и жертвенного общения, то многие рождественские обычаи перенесут нас мысленно на более раннюю стадию религии, чем греческая и римская классика или кельтская и тевтонская мифология периода обращения: мы перенесемся во времена, когда у людей еще не было антропоморфных богов, когда они не осознавали своего превосходства над полевыми зверями, а рассматривали эти существа, загадочные в своих действиях, необычные в своей силе, как воплощения могущественных духов. На этом этапе развития мысли, по-видимому, еще не существовало определенных божеств с личными именами и характерами, но мир был полон духов, имманентных животным, растениям или избранным человеческим существам и способных переходить из одного воплощения в другое. Или же, возможно, жертвоприношение животных возникло на стадии религии до появления идеи об определенных "духах", когда человек осознавал скорее смутную силу, подобную меланезийской *мане*, в себе и почти во всем, и "постоянно дрожащую на грани личности". {38} "*Мана*" лучше, чем "бог" или "дух", может выражать то, с чем изначально искал контакта участник общинного пира. "Когда вы приносите жертву, - процитируем слова мисс Джейн Харрисон, - вы строите как бы мост между вашей *маной*, вашей волей, вашим желанием, которое слабо и бессильно, и 177 той невидимой внешней *маной*, которую вы считаете сильной и действенной. В плодах земли, которые растут благодаря какой-то невидимой силе, много *маны*; вам нужна эта *мана*. В громком реве быка и громе много *маны*; вам нужна эта *мана*. Было бы хорошо получить немного, съесть кусок этого быка сырым, но это опасно, не стоит делать это в одиночку; поэтому вы освящаете первые плоды, вы приносите в жертву быка и затем в безопасности общаетесь"{39}. "Святость" - качество ужаса и тайны, а не божественность или индивидуальность, - возможно, это то, что первобытный человек видел в зверях и птицах, которых он почитал в "их молчаливом, отстраненном движении, в совершенстве их ограниченных поступков". {40} Когда мы используем слово "дух" в связи с языческими сакраментальными практиками Рождества, следует помнить о том, что в основе этих обычаев могло лежать не представление об общении с сугубо личными существами, а некая идея *маны*, о которой говорилось выше.

Вероятно, культы животных возникли на этапе человеческой жизни, предшествовавшем земледелию, когда человек жил не культурными растениями и не прирученными зверями, а

кореньями, плодами и продуктами охоты. Некоторые ученые, правда, считают, что приручение животных для практического использования было следствием священного, неприкосновенного характера некоторых существ: возможно, изначально их щадили не из соображений удобства, а потому что убивать их считалось преступлением - за исключением некоторых торжественных случаев - и они могли стать дружелюбными по отношению к человеку, живя рядом с ним. {41} С другой стороны, возможно, что тотемы изначально были основными продуктами питания, что они были священными, потому что их ели с удовольствием, и что само благоговение и уважение к ним из-за их живительной силы выводили их из общего употребления и ограничивали их потребление редкими торжественными случаями.

С поклонением животным тесно связано поклонение растениям, особенно деревьям, и есть много свидетельств, указывающих на сакраментальные культы, связанные с растительным миром. {42} Некоторые пироги и специальные растительные блюда, употребляемые в праздничные дни, могут быть свидетельствами сакраментальных пиршеств, параллельных пиршествам с плотью и кровью жертвы животного. На освящение при внешнем контакте указывает и широко распространенное использование в различных целях веток, веточек или целых деревьев. Рождественская елка и вечнозеленые украшения - самые очевидные примеры; в ходе нашего исследования мы увидим и другие, а в связи с растениями, равно как и с животными, мы встретим процессии, призванные передать благословение каждому дому, неся с собой священные элементы - заимствуя термин из христианской теологии. Даже привычная практика пения колядок может быть христианизированной формой такого обхода.

Не исключено, что изначально у мужчин и женщин были отдельные культы. Культ животных, согласно теории, изложенной мистером Чемберсом, сначала принадлежал мужчинам, которые, будучи охотниками, поклонялись убитым ими зверям, извиняясь перед ними, как это делают некоторые первобытные люди в наши дни, за убийство, которое они были вынуждены совершить. Другие животные, очевидно, считались слишком священными, чтобы их убивать, за исключением редких и торжественных случаев, и отсюда, как мы видели, возникло одомашнивание и пастушеская жизнь, которая, с ее религиозными обрядами, была делом мужчин. Женщины, с другой стороны, занимались сельским хозяйством; культ Матери-Земли и духов растительности, по-видимому, изначально принадлежал им. Позже эти два культа объединились, но намек на то время, когда некоторые обряды практиковались только женщинами, можно найти в том переодевании мужчин в женские одежды, которое встречается не только в старых обычаях Календов, но и в некоторых современных. [85] {43}

Помимо какой-либо специальной теории происхождения жертвоприношений, можно отметить ассоциацию рождественского физического пиршества с религиозным ликованием. В этом современный европеец является наследником давней традиции. "Повсюду, - говорит Робертсон Смит, 179 - мы видим, что жертвоприношение обычно сопровождается пиром, и что пир не может быть обеспечен без жертвоприношения. Ведь пир не может быть полным без плоти, и в ранние времена правило, согласно которому любое убийство является жертвоприношением, не ограничивалось семитами. Идентичность религиозных поводов и праздничных сезонов действительно может быть принята за определяющую характеристику типа древней религии в целом; когда люди встречают своего бога, они пируют и радуются вместе, и всякий раз, когда они пируют и радуются, они желают, чтобы бог был на празднике." {45} В язычестве, предшествовавшем христианству, мы должны искать истоки

того рождественского пиршества, которое нередко становилось предметом скандала для более суровых церковников.

> [Примечание транскриптора: маркер для примечания {44} отсутствовал на скане страницы].

Письмо, адресованное в 601 году папой Григорием Великим аббату Меллиту, с инструкциями, которые он должен был передать Августину Кентерберийскому, бросает яркий свет на процесс, посредством которого языческие жертвенные праздники были превращены в христианские фестивали. "Поскольку, - говорит папа об англосаксах, - они имеют обыкновение закалывать много быков в жертву демонам, вместо этого следует ввести какое-нибудь торжество, чтобы в день посвящения церквей или в дни рождения святых мучеников, чьи мощи там находятся, они могли устраивать для себя скинии из ветвей деревьев вокруг тех церквей, которые были переделаны из языческих храмов, и отмечать это торжество религиозным пиршеством. И пусть они теперь не приносят животных в жертву дьяволу, но в похвалу Богу убивают животных для собственного употребления в пищу и благодарят Дарителя всего за их изобилие; чтобы, сохранив для себя некоторые внешние радости, они могли с большей готовностью откликаться на радости внутренние. Ибо от упрямых умов, несомненно, невозможно отсечь все сразу, потому что тот, кто стремится взойти на высшее место, поднимается по степеням или ступеням, а не скачками." {46}

Мы ясно видим здесь мысли церковного компромисса. Прямое жертвоприношение языческим богам Церковь, конечно, не могла терпеть; оно было центром ее нападок со времен святого Павла, и отказ участвовать в нем стоил жизни мученикам. Тем не менее, празднества и веселье, к которым они давали повод, должны были быть оставлены на 180 жителей, во всяком случае, на время. У этой политики были свои преимущества: она сделала церковные праздники популярными; но были и свои опасности: она способствовала вторжению языческого плотского элемента в их строгие и чопорные радости. Появилась некая оргиастическая свобода, разнузданность физических аппетитов, которая всегда была источником печали и гнева для самых искренних христиан и даже заставила пуритан семнадцатого века осудить все праздники как дьявольские.

Прежде чем мы оставим тему жертвоприношений, следует добавить, что некоторые рождественские обычаи могут происходить, как подозревают те, кто их практикует, от самого мрачного из религиозных обрядов - человеческих жертвоприношений. Мы уже упоминали о взглядах доктора Фрейзера на сатурналийского царя и его ужасное происхождение. В рождественский сезон мы встретимся с различными похожими фигурами - например, с "Королем бобов" и "Епископом дураков". Если принять теории о человеческих жертвоприношениях, изложенные в "Золотой ветви", то можно считать, что эти персонажи когда-то были шуточными королями, избранными для страданий вместо настоящих королей, которые сначала должны были погибнуть насильственной смертью, чтобы сохранить от разложения возрастом воплощенную в них божественную жизнь. Такие шуточные монархи, по словам доктора Фрейзера, на короткое время возвышались до славы и роскоши царствования, прежде чем на них обрушивалась гибель; {47} в рождественских "королях" сохранилось только великолепие, темная сторона забыта.

II. Культ мертвых и семейный очаг.

Вокруг зимнего праздника группируются определенные обычаи, очевидно, связанные с ярко выраженной домашней религией, а не с такими общественными и общинными культами, которые мы рассматривали под заголовком "Жертвоприношения и таинства". Семейный

праздник - вот, пожалуй, чем в наши дни в наибольшей степени является Рождество: это великое время для сборов "у старого огня"; это радостное время для детей в доме, и память об ушедших жива, хотя и невыразима. Кроме того, обычаи, связанные с йольским поленом, и некоторые другие церемонии, до сих пор практикуемые в отдаленных уголках Европы, переносят нас на ту стадию мышления, когда мертвые считались витающими вокруг или 181 посещающими жилища живых. Духи предков, похоже, когда-то верили, что они имманентно присутствуют в огне, горящем на очаге, и их нужно было умилостивить возлияниями, а в других местах считалось, что души умерших возвращаются в свои старые дома на Новый год, и для них нужно было приготовить мясо и питье. Установление церковью Дня всех душ во многом способствовало тому, что практика поминовения усопших осталась в начале ноября, но иногда она переходила на более поздние даты и особенно на Рождество. В народных практиках, направленных на умерших, можно обнаружить две тенденции: с одной стороны, сохраняется привязанность или, во всяком случае, внимание к усопшим, и прилагаются усилия, чтобы сделать их удобными; с другой стороны, к ним относятся с ужасом, и живые избегают их видеть.

В цитируемом отрывке из Цезария Арльского упоминается накрытие столов с изобилием еды на Календах. Та же практика осуждается святым Иеронимом в пятом веке, и он особо связывает ее с Египтом. {48} Он, как и Цезарий и другие, рассматривает это как своего рода талисман, обеспечивающий изобилие в наступающем году, но вполне возможно, что его реальная цель была иной, что пища была подношением сверхъестественным существам, хранителям и представителям умерших. {49} Бурхард из Вормса в начале XI века определенно говорит, что в его время накрывали столы с едой и питьем и тремя ножами для "тех трех сестер, которых древние в своей глупости называли *Parcae*." {50} *Парки*, очевидно, отождествлялись с тремя "странными" сестрами, известными в Англии и других тевтонских регионах, и, по-видимому, имели какое-то отношение к феям. Как мы увидим далее, в некоторых местах до сих пор существует обычай накрывать столы для сверхъестественных существ, будь то, как в праздник Всех Душ, явно для мертвых, или для фрау Перхты, или для Девы Марии, или для какой-либо другой христианской фигуры. Возможно, с этой практикой связано название *Modranicht* (ночь матерей), которое Беда дает кануну Рождества {51}.

Не менее далеким, вероятно, по происхождению от веры в "призраков" является изгнание духов, которое иногда происходит около 182 Рождества. У многих народов, как показал доктор Фрейзер, существует ежегодное изгнание гоблинов, призраков, дьяволов, ведьм и злых сил, обычно в конце старого или начале нового года. Иногда изгоняемые существа оказываются духами усопших. Ужасающий шум и яркое пламя факелов - обычные черты этих изгнаний, и мы встретимся с подобными обычаями во время рождественского сезона. Таким очищениям, по словам доктора Фрейзера, часто предшествуют или за ними следуют периоды свободы, поскольку, когда бремя зла вот-вот будет или только что было снято, возникает ощущение, что можно безнаказанно позволить себе немного временной свободы от моральных ограничений. {52} Отсюда, возможно, отчасти и та разнузданность, которая часто сопутствует рождественскому сезону.

III. Приметы и чары на Новый год.

Обычаи предсказаний встречаются в разные дни, что может означать постепенное смещение новогоднего праздника с начала ноября на 1 января, в то время как реальные чары, призванные обеспечить процветание, чаще всего встречаются на само Рождество или на современный Новый год. Магические, а не религиозные по своему характеру, они представляют собой попытки узнать или повлиять на будущее с помощью своего рода

грубого научного метода, основанного на предполагаемых аналогиях. Под этими чарами скрываются примитивные представления о том, что подобное порождает подобное и что вещи, которые когда-то соприкасались, продолжают действовать друг на друга и после того, как они разделены в пространстве. {53} Те же идеи, очевидно, лежат в основе многих сакраментальных практик, о которых говорилось несколько страниц назад, и они часто имеют характер талисманов. Вероятно, к новогодним талисманам следует отнести и такие институты, как костры на Хэллоуин в кельтских странах, на День Гая Фокса в Англии и на Мартинмас в Германии, поскольку, судя по всему, они призваны обеспечить имитацию должного притока солнечного света. {54} Принцип "хорошо начал - хорошо кончил" - или, как говорят немцы, "*Anfang gut, alles gut*" - является основополагающим в новогодней практике: отсюда обычай дарить подарки как предзнаменование богатства в наступающем году; отсюда, возможно, отчасти и обильная еда и питье - своего рода талисман для обеспечения изобилия.

183Об достаточноотношении ранней Церкви к традиционным народным обычаям уже было сказано . О позиции, занятой духовенством позднего Средневековья, мы можем получить интересное представление в "Largum Sero" некоего монаха Алссо из Брёвнов, рассказе о рождественских обычаях в Богемии, написанном около 1400 года. Он служит связующим звеном между современными обычаями и запретами Календ в Темные века. Алссо рассказывает о ряде похвальных обычаев кануна Рождества, дает им подробное христианское толкование и противопоставляет их тем, которые совершаются плохими католиками с неблагочестивыми намерениями. Вот некоторые из его претензий:.

> Подарки, вместо того чтобы дариться, как это должно быть, в память о великом Божьем Даре человеку, посылаются потому, что тот, кто не дает даром, будет неудачлив в наступающем году. Деньги, вместо того чтобы раздавать бедным, как это подобает, кладут на стол, предвещая богатство, и открывают кошельки, чтобы в них вошла удача. Вместо того чтобы использовать фрукты как символ Христа Драгоценного Плода, люди разрезают их, чтобы предсказать будущее [вероятно, по косточкам]. Похвальный обычай - печь на Рождество большие белые хлебы как символ Истинного Хлеба, но злые люди раскладывают такие хлебы, чтобы боги могли ими полакомиться".

Алссо исходит из того, что плохие католики дьявольски извращают почтенные рождественские обычаи, но можно не сомневаться, что на самом деле все было как раз наоборот - христианская символика была всего лишь наведением лоска на языческие обычаи. В одном случае Альссо признает, что церковь переняла и трансформировала языческий обычай: старые *календы* или процессии с идолом Бэлом были заменены на процессии священнослужителей и хористов с распятием. В канун и октаву Рождества по деревням ходили эти посланники Божьи, облаченные в белые одежды, как и подобает служителям Господа чистоты; они пели радостные гимны Рождества и получали взамен деньги от народа - по сути, это были певцы колядок. Кроме того, своим ладаном они изгоняли дьявола из каждого угла. {55}

Позиция Алссо - это компромисс, или, по крайней мере, многие из старых языческих обычаев допускаются им, если их переосмыслить в 184 христианском смысле. Такова, по-видимому, была общая тенденция поздней католической церкви, а также англиканства в той мере, в какой оно продолжало католическую традицию. Однако из того, что уже было сказано , становится ясно, что английские пуритане, нападая на язычество, проявлявшееся в Рождество, всего лишь следовали раннехристианским прецедентам.

Сильный натиск пуритан можно найти в "Анатомии злоупотреблений" кальвиниста Филиппа Стаббса, впервые опубликованной в 1583 году. "Особенно, - говорит он, - в рождественское время не существует ничего другого, кроме карт, костей, столов, масок, мумий, боулинга и тому подобных дурачеств; и причина в том, что они думают, что в это время у них есть комиссия и прерогатива делать то, что они перечисляют, и следовать тому, что им вздумается. Но (увы!) думают ли они, что в это время им предписано делать все? Чем святее время (если бы одно время было святее другого, а это не так), тем святее должны быть их упражнения. Может ли какое-нибудь время обойтись без них или дать им свободу грешить? Нет, нет; душа, которая грешит, умрет, в какое бы время она ни согрешила..... Notwithstandyng, who knowseth not that more mischeef is that tyme committed than in all the yere besides?" {56}

Когда пуритане одержали верх, они перешли к пресечению не только злоупотреблений, но и самого праздника. Прекрасная возможность превратить праздник в пост, как это сделала ранняя Церковь с праздником Календ, представилась в 1644 году. В тот год Рождество выпало на последнюю среду месяца, день, назначенный лордами и общинами для поста и смирения. В своем рвении против плотских удовольствий парламент опубликовал следующий "Ордонанс для лучшего соблюдения праздника Рождества Христова":- "В то время как некоторые сомневаются в том, что праздник Рождества Христова будет соблюдаться.

> "Поскольку возникли некоторые сомнения в том, следует ли праздновать следующий пост, поскольку он приходится на день, который прежде обычно назывался праздником Рождества нашего Спасителя; лорды и общины приказывают и постановляют, чтобы было сделано публичное уведомление о том, что пост, назначенный на последнюю среду каждого месяца, должен соблюдаться до тех пор, пока обе палаты не примут иного решения; 185 и что этот день особенно должен соблюдаться с более торжественным унижением, поскольку он может призвать к воспоминанию наших грехов и грехов наших предков, которые превратили этот праздник, притворяющийся памятью Христа, в крайнее забвение о нем, дав свободу плотским и чувственным удовольствиям; что противоречит жизни, которую сам Христос вел здесь на земле, и духовной жизни Христа в наших душах; для освящения и спасения которой Христу было угодно и принять человеческую жизнь, и снова отдать ее." {57}

Но любовь английского народа к Рождеству не удалось уничтожить. "Эти бедные простые существа созданы после суеверных фестивалей, после нечестивых праздников", - сказал один из ораторов в Палате общин. "Я знал некоторых, которые предпочитали день Рождества дню Господнему, - сказал Калами в проповеди перед лордами в Вестминстерском аббатстве, - я знал тех, кто обязательно принимал Таинство в день Рождества, хотя не принимал его весь последующий год. Таково было суеверие этого дня, и осквернение было столь же велико. Были и такие, кто не играл в карты весь год, но на Рождество они должны были играть". Против подавления праздника были выдвинуты различные протесты. Хотя парламент заседал каждое Рождество с 1644 по 1656 год, в 1644 году все магазины в Лондоне были закрыты, а в 1646 году люди, открывшие свои магазины, подверглись такому грубому обращению, что на следующий год они обратились в парламент с просьбой защитить их в будущем. В 1647 году магазины действительно были закрыты, но в Сити были установлены вечнозеленые украшения, и лорд-мэру и городскому маршалу пришлось скакать, чтобы поджечь их. В сельской местности, в частности в Кентербери, даже произошли беспорядки. После Реставрации Рождество, естественно, вернулось к полному

признанию, хотя можно сомневаться, что оно когда-либо было таким, как после пуританской революции. {58}

Протестантизм, в меру своей основательности и силы пуританских элементов, везде стремился уничтожить старые языческие традиции и праздники, за которые они цеплялись. Кальвинизм, естественно, был более разрушительным, чем лютеранство, которое в скандинавских странах оставило многие внешние черты католицизма, а также многие рождественские обычаи, которые являются чисто языческими, в то время как в Германии оно терпело и даже освящало 186 рождественскую елку. Но более сильным, чем религиозное влияние, в искоренении старых обычаев оказались современное образование и рост современной промышленности, разрушившие старую традиционную деревенскую жизнь и поставившие на ее место подвижную, беспокойную жизнь большого города. Многие из обычаев, которые нам предстоит рассмотреть, по сути, принадлежат деревне и не имеют никакого отношения к жизни современного города. Если они носят общинный характер, человек не может выполнять их в отрыве от своих деревенских соседей. Обычаи, бытовые по своему назначению, действительно могут быть перенесены в современный город, но, по опыту фольклористов, они редко переходят ко второму поколению.

Именно в таких регионах, как Бавария, Тироль, Штирия, славянские части Австрийской империи, Румания и Сервия, сегодня можно найти наиболее богатую коллекцию праздничных обычаев. Здесь меньше вмешивались в старую сельскохозяйственную жизнь, и в то же время церковь, римская или греческая, сумела оградить народ от современных идей и сохранить народное благочестие, которое в значительной степени политеистично в своем поклонении святым и воплощает в себе большое количество традиционного язычества. В нашей полузаброшенной Англии мало что осталось от этих пережитков первобытной религии и магии, интерес и важность которых были осознаны студентами только в конце XIX века, когда волна "прогресса" стремительно сметала их.

Старые традиции имеют свойство неожиданно обнаруживаться в отдаленных уголках, и трудно с уверенностью сказать, что какой-либо обычай полностью исчез; однако каждый год делает свою работу по разрушению, и вполне может быть, что некоторые из описанных здесь практик в настоящем времени перешли в лимб выброшенных вещей.

187188189

ГЛАВА VII

ОТ СВЯТОГО ДО МАРТИНМАСА

Дни всех святых и всех душ, их связь с новогодним праздником - Канун всех душ и почитание усопших - Пирожки с душой в Англии и на континенте - Языческие параллели Дня всех душ - Приметы и амулеты на Хэллоуин - Костры на Хэллоуин - День Гая Фоукса - "Старый Хоб", *Шиммельрайтер* и другие маски животных - Мартинмас и его убийство - Питье на Мартинмас - Св. Костры Мартина в Германии - Зимние гости в Низких странах и Германии - Святой Мартин как даритель - Жезл Мартина.

Дни всех святых и всех душ.

В царствование Карла I молодые джентльмены из Среднего храма привыкли считать начало Рождества - All Hallow Tide (1 ноября). {1} Мы можем поступить так же и начать наш обзор зимних праздников с ноября, на раннюю половину которого, очевидно, приходились кельтские и тевтонские новогодние дни. Невозможно установить точные даты, но есть основания полагать, что кельтский год начинался около 1 ноября, [86] {2} а тевтонский - около 11 ноября. {3}

На 1 ноября приходится один из величайших праздников западной церкви, праздник Всех Святых (или, если дать ему старое английское название, All Hallows), а на следующий день - торжественное поминовение усопших - All Souls'. В этих двух праздниках Церковь сохранила 190 или близкую к первоначальной дату одной из частей старого праздника начала зимы - части, связанной с культом мертвых. Некоторые из обычаев, относящихся к этой части праздника, были перенесены на Рождество и Двенадцать дней, но они часто теряют свой первоначальный смысл, и именно в Дне всех душ мы должны искать наиболее осознанные пережитки той заботы об усопших, которая была столь заметной чертой первобытной религии. Начало ноября, когда опадают листья и все вокруг говорит о смертности, - подходящее время для поминовения усопших.

Первое четкое свидетельство о Дне всех душ встречается в конце X века, причем во Франции. Однако День всех святых, несомненно, отмечался в Англии, Франции и Германии в восьмом веке {5} и, вероятно, представляет собой попытку Церкви обратить умы верующих от языческой веры в "призраков" и склонности к созерцанию святых в славе Рая. Похоже, что эта попытка не удалась, что людям нужен был способ действительно сделать что-то для своих мертвых, и День всех душ с его торжественной мессой и молитвами за усопших был призван удовлетворить эту потребность и заменить традиционные практики. {6} И здесь попытка оказалась успешной лишь отчасти, поскольку наряду с церковными обрядами сохранился ряд обычаев, связанных не с христианским учением о загробной жизни, а с распространенным среди многих народов языческим представлением о том, что в один день или ночь в году души умерших возвращаются в свои старые дома и должны быть развлечены.

Таким образом, День всех душ обращается к инстинктам, более древним, чем христианство. Насколько сильна власть древнего обычая даже над скептиками и нерелигиозными людьми, очень наглядно видно на примере римско-католических стран: даже те, кто никогда не ходит в церковь, в канун Дня всех душ посещают могилы своих родственников, чтобы украсить их цветами.

Особыми литургическими особенностями церковного празднования являются вечерня, утреня и лауды по умершим вечером 1 ноября и торжественная заупокойная месса 2 ноября, с величественным "Dies irae" и часто повторяющимся стихом "Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat 191eis", этой самой прекрасной из молитв. Священник и алтарь облачены в черное, а в теле церкви стоит катафалк с горящими вокруг него светильниками. Что касается народных обычаев в канун праздника, то мы можем привести общее описание доктора Тайлора: "В Италии этот день отведен под праздник.

> "В Италии этот день отдан пиршествам и пьянству в честь мертвых, а черепа и скелеты из сахара и пасты служат подходящими детскими игрушками. В Тироле бедные души, освобожденные на ночь из чистилища, могут прийти и смазать свои ожоги растопленным жиром "душевного огня" на очаге, или для них на столе

оставляют пирожные, а в комнате поддерживают тепло для их комфорта. Даже в Париже души усопших приходят отведать пищи живых. В Бретани вечером толпа стекается на церковный двор, чтобы босиком преклонить колени у могил умерших родственников, наполнить углубление надгробия святой водой или возлить на него молоко. Всю ночь звонят церковные колокола, а иногда торжественная процессия священнослужителей обходит могилы. Ни в одном доме в эту ночь не снимают покрывало, потому что ужин должен быть оставлен для душ, которые придут и примут участие в нем, и не гасят огонь, куда они придут погреться. И наконец, когда все уходят на покой, за дверью раздается тоскливое пение - это души, которые, заимствуя голоса приходских бедняков, пришли просить молитв у живых" {7}.

К этому можно добавить еще несколько рассказов о кануне Дня всех душ как о единственной ночи в году, когда духи усопших, как считается, возвращаются в свои старые дома.

В горах Вогезов во время звона колоколов в Сочельник принято расстилать кровати и открывать окна, чтобы бедные души могли войти и отдохнуть. Молитва за умерших совершается до глубокой ночи, и когда произносится последнее "De profundis", "глава семьи аккуратно накрывает кровати, окропляет их святой водой и закрывает окна". {8}.

Эстонцы в День всех душ устраивают трапезу для умерших и приглашают их по именам. Души приходят с первыми петухами и уходят со вторыми, их выводит из дома глава семьи, который машет им вслед белой тканью и просит прийти в следующем году. {9}

В Бретани, как мы уже видели, считается, что мертвые возвращаются в 192-й сезон. Считается, что в ночь между праздниками Всех Святых и Всех Душ церковь освещается, и усопшие посещают ночную мессу, которую совершает призрачный священник. В течение всей недели в одном районе люди боятся выходить на улицу после наступления темноты, чтобы не увидеть какого-нибудь мертвеца. {10} В Тироле считается, что "бедные души" присутствуют в завывающих ветрах, которые часто дуют в это время. {11}

В Абруцци в канун Дня всех душ "перед сном люди ставят на стол зажженную лампу или свечу и едят экономную пищу из хлеба и воды. Мертвые выходят из своих могил и проходят процессией по всем улицам деревни..... Сначала проходят души хороших людей, а затем души убитых и проклятых." {12}

На Сицилии с Днем всех душ (*jornu di li morti*) связано странное поверье: считается, что умершие члены семьи, подобно Санта-Клаусу на Севере, приносят детям подарки; умершие родственники становятся добрыми феями для малышей. В ночь с 1 на 2 ноября маленькие сицилийцы верят, что усопшие покидают свою страшную обитель и приходят в город, чтобы украсть у богатых лавочников сладости, игрушки и новую одежду. Их они отдают своим родственникам, которые были "хорошими" и молились за них. Часто они одеты в белое и носят шелковые туфли, чтобы скрыться от бдительности лавочников. Они не всегда заходят в дома; иногда подарки оставляют в детской обуви, выставленной за двери и окна. Утром прелестные подарки дети приписывают тому *morti*, в приход которого их научили верить родители. {13}

Очень распространенный обычай в это время года - жечь свечи, возможно, для того, чтобы осветить темноту для бедных душ. В католической Ирландии свечи горят в окнах в бдение Всех Душ, {14} в Бельгии святая свеча горит всю ночь, или люди идут в процессии с зажженными факелами, а во многих римско-католических странах и даже в протестантских деревнях Бадена могилы украшают не только цветами, но и огнями. {15}

Еще один обычай в дни Всех Святых и Всех Душ, который, как ни странно, был распространен в протестантской Англии, - это приготовление и раздача "пирожных для души". Они и их поиск детьми были обычным делом в различных английских графствах и в Шотландии. {16} Молодые люди выпрашивали не только пироги, но иногда и такие вещи, как "яблоки и крепкое пиво", предположительно для того, чтобы сделать "wassail-bowl" из "lambswool", горячего эля со специями и жареными яблоками в нем. {17} Вот любопытный стишок, который пели в Шропшире, когда ходили по соседям, собирая пожертвования: - "Душа!

"Душа! Душа! За пирог души!
Я прошу, добрая миссис, пирог для души!
Яблоко или грушу, сливу или вишню,
Любая вещь, чтобы сделать нас веселыми.
Раз для Петра, два для Павла,
Три - за Того, Кто всех нас создал.
Поднимайте чайник и опускайте сковородку,
Подайте нам милостыню, и мы уйдем". {18}

Шропшир - графство, особенно богатое традициями "сулинга", и одна пожилая леди до самой своей смерти в 1884 году пекла пироги, чтобы раздать их детям-сулингам. К тому времени обычай "сулинга" в графстве значительно сократился, а там, где он еще существовал, наградой обычно служили яблоки или деньги. Взрослые мужчины, как и дети, иногда ходили по кругу, а исполняемые частушки часто содержали стихи с добрыми пожеланиями для домочадцев, практически идентичные тем, что поют вассалы на Рождество. {19}

Название "пирог для души", конечно, предполагает, что пироги были каким-то образом связаны с усопшими, давались ли они в награду за молитвы о душах в чистилище, или в качестве благотворительности в пользу "бедных душ", или выпекались, чтобы умершие могли ими полакомиться. [87] Кажется наиболее вероятным, что это были реликвии пира, когда-то устроенного для душ. С другой стороны, вполне возможно, что первоначально они были причастием кукурузного духа. 194B североуэльской традиции, записанной Пеннантом, возможно, сохранилось смутное воспоминание о какой-то сельскохозяйственной связи: он рассказывает, что, получая душегубки, бедняки молили Бога благословить следующий урожай пшеницы. {20}

Не только в Великобритании встречаются душегубы; их можно встретить в Бельгии, на юге Германии и в Австрии. В западной Фландрии дети устанавливают в канун Дня всех душ маленькие уличные алтари, ставят распятие или Мадонну со свечами на стул или табуретку и просят у прохожих денег "на пирожные для душ в чистилище". В утро Дня всех душ во всей фламандской части Бельгии принято печь маленькие пирожки из тончайшей белой муки, называемые "хлеб для души". Их едят горячими, одновременно читая молитву за души в чистилище. Считается, что за каждый съеденный пирожок освобождается душа. В Антверпене пирожные окрашивают в желтый цвет с шафраном, чтобы изобразить чистилищный огонь. На юге Германии и в Австрии пекут маленькие белые булочки особого вида; они обычно овальной формы и называются каким-нибудь именем, в которое входит слово "душа". В Тироле их дарят детям крестные родители; мальчикам они придают форму лошадей или зайцев, девочкам - кур. В Тироле пирожные, оставшиеся после ужина, остаются на столе и, как говорят, "принадлежат бедным душам". {21}

Во Фриули, на северо-востоке Италии, существует обычай, близко соответствующий нашим "душевным пирогам". В День всех душ каждая семья отдает некоторое количество хлеба. Это не считается благотворительностью; все жители деревни приходят, чтобы получить его, и перед едой молятся за усопших из семьи дарителя. Самые зажиточные люди не стесняются стучать в дверь и просить этот *pane dei morti*. {22}

В Тироле День всех душ - это день разрешенного попрошайничества, которое превратилось в серьезное злоупотребление. Шумный сброд оборванных и беспорядочных людей, с мешками и корзинами для подаяний, бродит из деревни в деревню, требуя по праву подарки провизии, которые изначально были бесплатным приношением в пользу усопших, и злобно издеваясь над теми, кто отказывается давать. {23}

Новый год - это время для праздника мертвых во многих частях света. {24} Я могу процитировать рассказ доктора Фрейзера о том, что происходит в Тонкине в 195 году; он демонстрирует удивительное сходство с некоторыми европейскими обычаями [88]:-.

> "В Тонкине, как и в Сумбе, умершие на Новый год навещают своих родственников и старые дома. С полуночи, когда начинается Новый год, никто не осмеливается закрыть дверь своего дома, боясь пропустить призраков, которые начинают приходить в это время. Готовятся все приготовления, чтобы принять и освежить их после долгого путешествия. Готовятся кровати и коврики, на которых они могут отдохнуть, вода, чтобы омыть их пыльные ноги, тапочки, чтобы утешить их, и трости, чтобы поддержать их слабые шаги." {25}

В Литве, последней стране Европы, принявшей христианство, языческие традиции сохранялись долго, и путешественники XVI-XVII веков рассказывают о языческом новогоднем празднике, который представляет большой интерес. По одним сведениям, в октябре, по другим - 2 ноября, вся семья собиралась вместе, устилала столы соломой и клала на солому мешки. Затем на стол ставили хлеб и два кувшина пива, после молитвы богу Зимиеннику (возможно, духу предков) с просьбой о защите в течение года и подношения животных, на огне жарили по одному из всех видов домашних животных. Порции разбрасывали по углам комнаты со словами: "Прими нашу жертву всесожжения, о Зимиенник, и будь добр принять ее". Затем следовал большой пир. Далее духи умерших приглашались покинуть свои могилы и посетить баню, где расставлялись тарелки с едой и оставлялись на три дня. По истечении этого срока остатки трапезы выставлялись над могилами и возливались возлияния. {26}

Начало ноября - не только время поминовения усопших; с ним связаны или до недавнего времени были связаны обычаи другого рода, особенно в Шотландии, северной Англии, Ирландии, Корнуолле, Уэльсе и Уэст-Мидлендсе. Можно предположить, что они сохранились от кельтского Нового года, поскольку большинство из них имеют характер предзнаменований или талисманов. Яблоки и орехи занимают видное место в Хэллоуин, канун всех 196 святых; [89] их можно рассматривать либо как своего рода таинство растительного духа, либо просто как предназначенное гомеопатической магией для того, чтобы принести полноту и плодовитость их получателям. Обычай, некогда распространенный на севере Англии {27} и в Уэльсе {28}, состоял в том, чтобы ловить ртом яблоки, причем плоды подвешивались на веревке или на одном конце большой поперечной балки с зажженной свечой на другом конце. На севере яблоки и орехи были особенностью вечернего праздника, отсюда и название "ореховая ночь". {29}

В Сент-Айвсе в Корнуолле каждому ребенку в канун Оллхаллоуза - "Дня Аллана", как его называют, - дарят большое яблоко. {30} Орехи и яблоки также использовались как средство

предсказания будущего. В Шотландии, например, орехи клали в огонь и называли в честь определенных парней и девушек. "Как они тихо сгорят вместе или начнут друг от друга, таков будет ход и результат ухаживания" {31}. На Хэллоуин в Ноттингемшире, если у девушки было два любовника и она хотела узнать, кто из них будет более постоянным, она брала два яблока, прикладывала по одному к каждой щеке (называя их именами своих любовников) и ждала, пока одно из них не упадет. Поэт Гей упоминает об этом обычае: - "Видишь из сердцевины два ядра.

"Видишь, из сердцевины два зернышка я беру,
Это на моей щеке для Лабберкина,
А с другой стороны несет Балбес Клод;
Но Сиськастый Клод вскоре падает на землю,
Как знак того, что любовь его непрочна;
А Лабберкин держится до последнего;
О, если бы его губы соединились с моими, но так быстро." {32}

В Ноттингемшире яблоки поджаривают, а огрызки бросают через левое плечо. "При этом обращают внимание на форму, которую принимают ошметки, когда падают на землю. Какая бы буква ни напоминала стружку, она будет начальной буквой христианского имени мужчины или женщины, за которых вы выйдете замуж." {33}

197Hallowe'en действительно является на Британских островах любимым временем для предсказания будущего, и для этого используются различные методы.

Девушка может скрестить свои туфли на полу в спальне в форме буквы "Т" и произнести такие слова: "Я скрещиваю свои туфли в форме буквы "Т".

"Я скрещиваю свои туфли в форме буквы Т,
Надеясь этой ночью увидеть свою настоящую любовь,
Не в лучшей или худшей одежде,
Но в одежде каждого дня".

Затем пусть она ляжет в постель задом наперед, не говоря больше ни слова в эту ночь, и она увидит своего будущего мужа во сне. {34}

"В канун Хэллоуина или Нового года, - говорит мистер У. Хендерсон, - девушка из Приграничья может выстирать свой сарк и повесить его сушиться на стул, стараясь никому не говорить о том, что она собирается делать. Если она будет долго спать, то увидит, как в комнату войдет ее будущий супруг и развернет сарк". Нам рассказывают об одной девушке, которая, выполнив этот обряд, выглянула из постели и увидела за сарком гроб; он оставался видимым некоторое время, а затем исчез. Девушка поднялась в агонии и рассказала о случившемся родным, а на следующее утро узнала о смерти своего возлюбленного" {35}.

В Шотландии {36} и Ирландии {37} на Хэллоуин практикуются и другие способы предсказания будущего; нам нет необходимости рассматривать их здесь, поскольку в дальнейшем нам будет достаточно таких предзнаменований. (Некоторые шотландские обычаи Бернс ввел в свою поэму "Hallowe'en"). Однако я могу упомянуть об обычае, распространенном в Уэльсе, когда женщины собирались в церкви в эту "Ночь зимних календ", чтобы узнать, кто из прихожан умрет в течение года. {38} К востоку от валлийской границы, в Дорстоуне в Херефордшире, существовало поверье, что в канун Всех святых в полночь те, кто отважится

заглянуть в окна, увидят церковь, освещенную неземным сиянием, и Сатану в монашеском одеянии, произносящего с кафедры анафемы и называющего имена тех, кто должен отдать свои души. {39}

198Еще есть многочисленные огненные обычаи Хэллоуина, вероятно, это солнечные амулеты для Нового года, своего рода гомеопатическая магия, призванная помочь солнцу в его борьбе с силами тьмы. По сей день в Горных горах разжигают большие костры, а раньше в каждом доме носили бренды и зажигали новый огонь. {40} По-видимому, с этим новым зажиганием домашнего огня, перенесенным на Рождество, связаны обычаи, связанные с Йольским поленом (см. главу X.).

В Ирландии огонь в это время зажигали в месте под названием Тлахтга, откуда, как говорят, ежегодно снабжались все очаги в Ирландии. {41} В Уэльсе привычка зажигать костры на холмах, возможно, еще не исчезла. {42} На памяти людей, когда пламя гасло, кто-нибудь поднимал крик: "Пусть бесхвостая черная свиноматка схватит самую заднюю", и все присутствующие убегали, спасая свою жизнь. {43} Это может указывать на бывшее человеческое жертвоприношение, возможно, жертвы, отягощенной накопленным злом за прошедший год. {44}

В Северном Уэльсе, согласно другому рассказу, каждая семья разводила большой костер на видном месте рядом с домом. Каждый человек бросал в пепел белый камень с пометкой; утром камни искали, и если какой-либо из них пропадал, то человек, бросивший его, умирал, как считалось, в течение года. {45} То же поверье и практика были обнаружены в Калландере в Пертшире. {46}

Хотя, вероятно, изначально огненные обряды Хэллоуина были как-то связаны с солнцем, сознательное намерение тех, кто практиковал их в современную эпоху, часто заключалось в том, чтобы отгородиться от колдовства. С этой целью в одном месте хозяин семьи носил пучок горящей соломы вокруг кукурузы, в Шотландии размахивали в воздухе красным концом огненной палки, в Ланкашире носили зажженную свечу по лесам, а на острове Мэн разжигали костры. {47}

День Гая Фоукса.

Вероятно, сожжение Гая Фоукса 5 ноября - это пережиток новогоднего костра. Есть все основания полагать, что празднование избавления от "пороха и заговора" - это всего лишь современное значение, придаваемое древней традиционной практике, ведь сжигание чучела имеет множество параллелей в народных обычаях. Доктор Фрейзер {48} считает такие чучела представителями духа растительности: сжигая их в огне, олицетворявшем солнце, люди думали, что обеспечивают солнечный свет для деревьев и урожая. Позже, когда идеи, на которых основывался этот обычай, угасли, люди стали отождествлять эти изображения с людьми, к которым они относились с отвращением, такими как Иуда Искариот, Лютер (в католическом Тироле) и, очевидно, Гай Фоукс в Англии. Интересно отметить, что в Ладлоу в Шропшире, если какой-либо известный местный житель вызывал вражду населения, его чучело заменяли или добавляли к чучелу Гая Фоукса. День костра в Ладлоу отмечается факельным шествием и огромным пожаром. {49} В Хэмпстеде костер и шествие Гая Фокса по-прежнему в большом ходу. Это мероприятие превратилось в регулярный карнавал, и в туманную ноябрьскую ночь шествие по круто изгибающейся Хит-стрит с отблесками факелов, освещающих лица плотной толпы, представляет собой необычайно живописное зрелище. [90]

Маски животных.

В День всех душ в Чешире начали разносить диковинную конструкцию под названием "Старый Хоб", представляющую собой лошадиную голову, завернутую в простыню; ее носили от двери к двери, сопровождая пением просительных стишков. {50} Старый Хоб, который продолжал появляться до Рождества, является английской параллелью немецкого *Schimmel* или белой лошади. Здесь мы имеем дело с одним из тех странных животных, которые, по-видимому, являются реликтами жертвенных обычаев. Они появляются в разные дни сезона зимних праздников, а также в другое время, и их вполне можно рассмотреть на этом этапе. В одних случаях они определенно имитируют животных и, возможно, заменяют настоящих жертвенных зверей, которых несут в процессии, в других - это просто люди, надевающие на себя голову, рог, шкуру или хвост зверя, как это делают сегодня поклонники на многих языческих жертвоприношениях 200a. (Об *обосновании* маскировки уже говорилось в главе VI).

Смешение римских и неримских обычаев затрудняет разделение различных элементов в зимних праздниках. В частности, в отношении масок животных трудно высказаться в пользу одного расового происхождения, а не другого; однако мы можем с определенной вероятностью предположить, что если обычай связан не с Рождеством или январскими Календами, а с одним из ноябрьских или ранних декабрьских праздников, то он не имеет римского происхождения. Ведь с течением веков Рождество и Календы - римские праздники, церковные и светские, - все больше вытесняли старые северные праздники, и перенос, например, тевтонского обычая с Мартинмаса на Рождество или 1 января гораздо более вероятен, чем привлечение римской практики к одному из ранних и угасающих праздников.

Рассмотрим сначала лошадиные формы, по-видимому, связанные с тем жертвенным использованием лошади у тевтонов, о котором свидетельствуют Тацит и другие авторы. {51} "Старый Хоб" - это, несомненно, одна из форм лошади-хоббита, так хорошо знакомая по старым английским праздничным обычаям. Его немецкий аналог, *Шиммель*, в основном формируется на севере: решето с длинным шестом, к концу которого прикреплена голова лошади, привязывается под грудью молодого человека, который встает на четвереньки, и на все это набрасывается несколько белых полотнищ. В Силезии *Шиммель* состоит из трех или четырех юношей. Всадник обычно покрыт вуалью, а на голове у него часто надет горшок с раскаленными углями, которые светят через отверстия, изображающие глаза и рот. {52} В Померании его называют просто *Schimmel*, {53} в других частях акцент делается на всаднике, и его называют *Schimmelreiter*. Некоторые мифологи видят в этом всаднике на белом коне олицетворение Водена на его огромном скакуне; но более вероятно, что эта практика просто возникла в результате объезда настоящего жертвенного коня. *{54} Шиммельрейтера* часто сопровождает "медведь" - юноша, одетый в солому, который играет роль медведя, привязанного к столбу. {55} Возможно, он связан с каким-то почитанием этого животного, о котором говорит сохранившийся в Берне обычай содержать медведей за государственный счет.

Если вернуться к Великобритании, то вот рассказ о так называемой церемонии "ходенинга", которую однажды проводили на Рождество в Рамсгейте: "Группа молодых людей добывает голову мертвой лошади, которую прикрепляют к шесту длиной около четырех футов, к нижней челюсти привязывают веревку, затем к ней прикрепляют лошадиную шкуру, под которую пролезает один из участников и, часто дергая за веревку, издает громкий щелкающий звук, сопровождаемый остальными участниками, одетыми в гротескные одежды

и звонящими в ручные колокольчики. Так они переходят от дома к дому, звоня в колокольчики и распевая колядки и песни" {56}.

Опять же, в Уэльсе существо под названием "Mari Llwyd" было известно на Рождество. Лошадиный череп "наряжен лентами и поддерживается на шесте человеком, который скрыт под большой белой тканью. Есть приспособление для открывания и закрывания челюстей, и фигура преследует и кусает всех, до кого может дотянуться, и отпускает их только после уплаты штрафа" {57}. Подвижные челюсти здесь придают изделию сходство с некоторыми континентальными фигурками, изображающими другие виды животных и, вероятно, свидетельствующими об их прежнем жертвенном использовании. На острове Узедом изображен *Клаппербок* - юноша, который несет шест с накинутой на него шкурой животного и деревянной головой на конце. Нижняя челюсть двигается вверх-вниз и лязгает, и он бросается на детей, которые не знают наизусть молитвы. {58} В Верхней Штирии мы встречаем *хабергайсов*. Четверо мужчин держатся друг за друга и накрыты белыми одеялами. Самый старший из них держит деревянную голову козла с подвижной нижней челюстью, которая гремит, и бьет детей. {59} В Ильзенбурге в Гарце находится *хаберсак*, образованный человеком, который берет шест, заканчивающийся вилкой, и вставляет метлу между зубцами так, что получается подобие головы с рогами. Носитель скрыт простыней. {60}

В связи с рогами мы не должны забывать о "танце рогов" в Абботс Бромли в Стаффордшире, который сейчас проводится в сентябре, а раньше на Рождество. Шестеро исполнителей носят наборы рогов, которые из года в год хранятся в церкви. {61} Плот в своей "Естественной истории Стаффордшира" (1686, с. 434) называет его "*танцем лошади* от человека, который носил между ног изображение лошади, сделанное из тонких досок". {62}

202B Дании, Швеции и Норвегии на Рождество встречаются или встречались существа, напоминающие как *Schimmelreiter*, так и *Klapperbock*. Название *Julebuk* (yule buck) используется для обозначения различных объектов: иногда для человека, одетого в шкуру и рога или с головой человека, который "ходит" за маленькими мальчиками и девочками; иногда для соломенной куклы, которую устанавливают или бросают из рук в руки; иногда для торта в форме бакса. Похоже, у людей была нечистая совесть по поводу этих вещей, так как существуют истории, связывающие их с дьяволом. Например, девушка, танцевавшая в полночь с соломенным *жулебуком*, обнаружила, что ее партнером была не кукла, а сам лукавый. А один парень, нарядившийся в черное, с рогами на голове, когтями на руках и огненной тягой во рту, был унесен Князем Тьмы, чей облик он имитировал. {63}. Ассоциация масок животных с инфернальными силами, несомненно, дело рук церкви. Для ревностного миссионера старый языческий ритуал был не просто глупым суеверием, а служением вполне реальным и ужасным существам, самим дьяволам ада, и можно даже предположить, что традиционный христианский тип дьявола, наполовину животного, наполовину человека, был косвенно заимствован у облаченных в кожу поклонников на языческих праздниках.

Мартинмас.

Между Днем всех душ и Мартинмасом (11 ноября) нет народных праздников, имеющих большое значение, хотя в День святого Губерта, 3 ноября, во фламандской Бельгии пекут специальные маленькие пирожные, украшенные рогом святого, покровителя охоты, и их едят не только люди, но и собаки, кошки и другие домашние животные. {64} Английский День Гая Фокса уже был рассмотрен, а 9 ноября, День лорд-мэра, начало муниципального года, может напомнить нам о старом тевтонском Новом годе.

Вокруг Мартинмаса, как и следовало ожидать, сгруппировались народные обычаи, поскольку он максимально приближен к дате старого праздника начала зимы, возможно, того самого, на котором Германик удивил марсиан в 14 г. н. э. {65}.

Наиболее очевидной особенностью Мартинмаса является его физический пир. 203Экономические причины, как мы видели в Главе VI, должны были сделать середину ноября большим сезоном убийств у старых германцев, потому что начавшийся снег не позволял больше пасти скот, и не было достаточно корма, чтобы сохранить все стадо в течение зимы. Таким образом, это было время пиршеств и жертвоприношений животных, о чем говорит англосаксонское название, данное ноябрю Бедой*: Blot-monath*, sacrifice-month. {66}

Рождество, по-видимому, не вытеснило быстро середину ноября в качестве популярного праздника в тевтонских странах; скорее, в развитии Мартинмаса можно найти результат примирительной политики, проводимой Григорием Великим (см. главу VI.). Основанный в V веке, он был превращен в великий церковный праздник папой Мартином I (649-654), {67} и, вполне возможно, был призван вобрать в себя и христианизировать новогодние празднества тевтонских народов. Почитание святого Мартина быстро распространилось в церквях Северной Европы, и он стал считаться одним из самых главных святых. {68} Его день уже не является церковным праздником высокого ранга, но его значение как народного праздника велико.

Традиция заклания сохранилась в британском обычае убивать скот в день святого Мартина - "говядина Мартлемаса" {69} -и в немецком поедании гусей и свиней в день святого Мартина. {70} Гусь святого Мартина, действительно, является в Германии таким же элементом праздника, как английский гусь Майклмаса - сентябрьского праздника ангелов.

В Дании тоже едят гуся на Мартинмас, и по его грудной кости можно предугадать характер грядущей зимы. Белое в ней - знак снега, коричневое - сильного холода. Аналогичные идеи прослеживаются и в Германии, хотя там не всегда согласны с тем, что обозначают белый и коричневый цвета. {71}

В храме Святого Петра в Атлоне, Ирландия, в XIX веке существовал очень очевидный жертвенный обычай. В каждом доме убивали какое-нибудь животное и окропляли порог его кровью. Корова или овца, гусь или индейка, или просто петух или курица использовались в зависимости от средств семьи. {72} Похоже, что животное действительно приносили в жертву святому Мартину, видимо, как 204 преемнику какого-то бога, и в случае несоблюдения обычая наступало несчастье. Вероятно, эти обряды были перенесены на Мартинмас со старого кельтского праздника *Самайн*. Опять же, в одной странной ирландской легенде говорится, что сам святой был разрезан и съеден в виде быка. {73}

В винодельческих регионах Германии Мартинмас был днем первого употребления нового вина, а пиршества в этот день создали святому репутацию гуляки и обжоры; стало даже принято говорить о человеке, растратившем свое состояние в беспорядочной жизни, как *о Мартинсмане*. {74} Как мы видели пережитки жертвоприношения в мартинмасском побоище, так и тост *Мартинсминн* можно рассматривать как возникший из жертвоприношения спиртного. {75} В Бёмервальде считается, что вино, выпитое на Мартинмас, приносит силу и красоту, и парни и девушки собираются в трактирах, чтобы выпить, а распространенная немецкая пословица гласит: - "Heb an Martini".

"Heb an Martini,
Trink Wein per circulum anni." [91] {76}

Здесь, кстати, есть слабый намек на то, что Мартину считают началом года; в этом качестве она, безусловно, фигурирует в ряде правовых обычаев, английских, французских и немецких, существовавших в Средние века, а в некоторых случаях и в совсем недавние времена. Часто именно в Мартинмас заканчивалась аренда, нужно было платить ренту, а фермерские слуги меняли место жительства. {77}

Возможно, жертвоприношение или таинство из злаков сохранилось в так называемых "рожках Мартина" - пирожных в виде подковы, которые подают на Мартину во многих частях Германии. {78} На другой вид жертвоприношения наводит голландский обычай бросать корзины с фруктами в костры Мартинама, а также немецкий обычай бросать пустые корзины с фруктами. {79} В Венеции крестьяне оставляют после сбора винограда несколько виноградин, которые входят в состав ужина на Мартину, а на юге Сицилии считается обязательным попробовать новое вино на этом празднике. {80}

На Мартинмас в Германии, как и на прилив всех святых на Британских островах, разводят костры. В канун Святого Мартина в долине Рейна между Кельном и Кобленцем на возвышенностях и на берегу реки разводят множество маленьких костров, {81} молодежь прыгает через пламя и танцует вокруг него, а пепел разбрасывают по полям, чтобы сделать их плодородными. {82} Пережитки огненных обычаев встречаются и в других регионах. В Бельгии, Голландии и на северо-западе Германии в канун праздника Святого Мартина проходят шествия детей с бумажными или репными фонариками. В районе Айхсфельда маленькая речка Гайследе светится свечами, помещенными в плавающие ореховые скорлупки. Даже практика прыжков через огонь сохранилась в измененном виде, так как в северной Германии нередко люди в день или канун святого Мартина перепрыгивают через зажженные свечи, расставленные на полу в гостиной. {83} В XV веке на Мартину было так много пожаров, что праздник получил название *Funkentag* (День искры). {84}

В канун Святого Мартина в Германии и Низких странах мы начинаем встречать тех зимних гостей, светлых святых и ангелов с одной стороны, насмешливых ужасных богов и чудовищ с другой, которые придают столько романтики и таинственности детскому Рождеству. Таких гостей можно встретить во многих странах, но именно в странах немецкой речи они принимают наиболее яркие и живописные формы. Святой Мартин, Святой Николай, Кристкинд, Кнехт Рупрехт и другие - очень реальные и личные существа для детей, которых ждут с приятным ожиданием или легким страхом. Часто их видят не только воображением, но и телесным взором, когда отец или друг чудесным образом превращается в сверхъестественную фигуру.

Каково происхождение этих святых или чудовищных существ? Трудно сказать с уверенностью, ведь здесь, похоже, тесно смешались многие элементы, языческие и христианские. Однако совершенно ясно, что гротескные полуживотные формы являются прямыми реликтами язычества, и весьма вероятно, что формы святых или ангелов - даже, возможно, Самого Младенца Христа - представляют собой попытки Церкви преобразовать и освятить чуждые вещи, которые она не смогла подавить. Какими могли быть некоторые из них, мы попытаемся предположить по ходу дела. Хотя в наши дни ни один взрослый человек не воспримет всерьез 206мимику Мартина или Николая , в их основе, похоже, лежат вещи, которые когда-то считались жизненно важными. Как сказки, которые изначально были серьезной попыткой объяснить природные факты, теперь превратились в детское чтение, так

и ритуальные обряды, которые наши предки считали чрезвычайно важными для человеческого благополучия, стали просто игрой, чтобы развлечь молодых.

В канун дня святого Мартина, если вернуться от домыслов к фактам народного обычая, святой появляется в детских садах Антверпена и других фламандских городов. Это человек, одетый как епископ, с пастырским посохом в руке. Его дело - спросить, хорошо ли вели себя дети, и если результат его расспросов удовлетворителен, он бросает яблоки, орехи и пирожные. Если нет, то он оставляет только удочки. В Ипре он не появляется зримо, но дети вешают чулки, наполненные сеном, и на следующее утро находят в них подарки, оставленные святым в благодарность за корм для его лошади. Там его представляют как всадника на белом коне, и такое же представление преобладает в австрийской Силезии, где он приносит уже упоминавшиеся "рога Мартина". {85} В Силезии, когда на Мартинмас выпадает снег, люди говорят, что святой приезжает на белом коне, и там, можно отметить, в это же время появляется *Шиммельрайтер*. {86} В некоторых отношениях, как предполагают, святой Мартин мог занять место Водена. {87} Возможно, не лишено значения то, что, как и бог, он является военным героем и задуман как всадник на коне. В Дюссельдорфе в праздничной процессии его представлял человек, сидящий верхом на спине другого человека. {88}

В Мехлине и других местах дети ходят от дома к дому, поют и собирают подарки. Часто четверо мальчиков с бумажными колпаками на головах, одетые как турки, несут что-то вроде подстилки, на которой сидит святой Мартин. У него длинная белая борода из льна, бумажная митра и посох, а в руках большая деревянная ложка для приема яблок и других съестных припасов, которые дают детям, а также кожаный кошелек для подношения денег. {89}

В районе Ансбаха часто появлялся другой тип существа - Пельцмартен (Кожный Мартин) по имени; он бегал и пугал детей, а потом бросал им яблоки и орехи. В некоторых местах Швабии тоже был известен Пельцмартен; 207 него у было черное лицо, на лице висел коровий колокольчик, и он раздавал удары, а также орехи и яблоки. {90} В нем явно больше языческого муммера, чем христианского епископа.

В Бельгии святой Мартин известен главным образом как разносчик яблок и орехов для детей; в Баварии и Австрии он имеет другой аспект: с его днем связан *герте* или жезл, который должен способствовать плодовитости скота и процветанию в целом. Жезлы несут в обход фермеров, и один дается каждому - два богатым владельцам; они должны использоваться, когда наступает весна, для первого выгона скота. В Баварии их делают из березы с ободранными листьями и сучьями, кроме верхушки, к которой прикрепляют дубовые листья и можжевеловые веточки. В Этцендорфе любопытный старый стишок показывает, что пастух с жезлом считается представителем святого Мартина. {91}

Можно ли связать этот обычай со святым, который приносит подарки детям? [92] Кажется, что здесь есть точка соприкосновения, когда мы отмечаем, что в Антверпене святой Мартин бросает прутья для непослушных детей, а также орехи и яблоки для хороших, и что у Пельцмерте в Швабии есть дуновения, чтобы дарить, а также подарки. Главные функции святого Мартина и, как мы увидим, святого Николая - бить плохих детей и награждать хороших яблоками, орехами и пирогами. Может ли быть, что этическое различие сравнительно недавнего происхождения, возможно, придуманное детьми, когда обычаи стали исполняться исключительно для их блага, а побои и подарки изначально были общими для всех и носили сакраментальный характер? С другими обычаями порки мы познакомимся позже, они достаточно распространены в народной обрядности и являются не наказаниями, а добрыми услугами; их цель - отогнать дурное влияние и принести порке живительные

свойства дерева, с которого сняты ветки или сучья. {92} И порка, и поедание плодов могут, действительно, быть средствами контакта с растительным духом, один из которых - внешний, а другой - более внутренний. Или, возможно, жезл и плод когда-то были соединены, и порка производилась ветвями, усыпанными плодами, для достижения процветания. Примечательно, что в Этцендорфе фермеру предвещают столько голов скота и сена, сколько ягод *можжевельника* и веток на *герте* святого Мартина. {94}

Попытки объяснить фигуры Св. Мартина и Николая в северных народных обычаях предпринимались по разным направлениям. Некоторые ученые считают их христианизацией языческого бога Водена; но их также можно рассматривать как родственников "первых ног", которых мы встретим 1 января, как посетителей, приносящих удачу, или как масочников, связанных с жертвоприношениями животных (Pelzmärte предполагает это), или снова как родственников Мальчика-епископа, Владыки Непорядка и Короля Двенадцатой ночи. Могу ли я предположить, что по крайней мере некоторые из их аспектов можно объяснить, если предположить, что они представляют администраторов примитивных растительных таинств, и что эти администраторы, когда-то бывшие обычными людьми, приняли имя и атрибуты святого, который в христианской диспенсации председательствует на празднике? В любом случае, это странная ирония истории, что вокруг праздника Мартина Турского, ревностного воина Христа и смертельного врага язычества, должно было собраться так много безошибочно языческого.

209210211

ГЛАВА VIII

СВ. КЛЕМЕНТ - СВ. ТОМАСУ

Квесты и шествия в день святого Климента - День святой Екатерины как праздник прях - Аугурации в канун Андрея Первозванного - *Клепфельняхта* - День святого Николая, святой как даритель и его помощники - Выборы мальчика-епископа - День святого Николая в Бари - День святой Люсии в Швеции, Сицилии и Центральной Европе - День святого Фомы как школьный праздник - Его жуткий канун - "Иду на Томассин".

День святого Клемента.

Следующим после Мартинмаса народным праздником является День святого Климента, 23 ноября, который когда-то считался первым днем зимы в Англии. {1} По всей видимости, он знаменует собой один из этапов продвижения зимнего праздника к его нынешней солнцестоятельной дате. В Англии в этот день существовало несколько интересных народных обычаев. В Стаффордшире дети ходили по деревенским домам, выпрашивая подарки, с рифмами, во многом напоминающими уже цитированные мною стихи "souling". Вот одна из стаффордширских песен "clemencing":...

"Клемани! Клемани! Клемани!
Хорошее красное яблоко и пинта вина,
Немного вашей баранины и немного вашей телятины,
Если это вкусно, дайте мне сделку;
Если нет, дайте мне немного соли.

Дворецкий, дворецкий, наполни свою чашу;
Если ты наполнишь ее лучшим,
Господь отправит твою душу на покой;
Если же ты наполнишь ее малым,
Уходит дворецкий, миска и все остальное212.

Молись, добрая госпожа, пошли ко мне
Одну для Петра, одну для Павла,
Один для Того, Кто всех нас создал;
Яблоко, грушу, сливу или вишню,
Любую хорошую вещь, чтобы нас повеселить;
Прыгающего бакса и бархатное кресло,
Клемент приходит только раз в год;
С кастрюли на сковородку,
Good red apple and I'll be gone." {2}

В Вустершире в День святого Клемента мальчики распевали похожие рифмы, а по окончании сбора поджаривали полученные яблоки и бросали их в эль или сидр. {3} На севере Англии мужчины ходили и просили пить, а в Рипон-Минстере хористы обходили церковь, предлагая каждому розовое яблоко с веточкой коробочки на нем. {4} Кембриджские пекари устраивали в этот день свой ежегодный ужин, {5} в Тенби рыбаки получали ужин, {6} а подмастерья кузнецов в Вулвиче проводили замечательную церемонию, напоминающую, возможно, обычаи Бой Бишопа. Один из них был выбран на роль "старого Клема", одет в большой плащ, носил маску, длинную белую бороду и парик из пакли. Сидя в большом деревянном кресле и окруженный сопровождающими со знаменами, факелами и оружием, он носился по городу на плечах шести человек, посещая многочисленные публичные дома, кузнецов и служащих верфи. Перед ним была деревянная наковальня, а в руках - щипцы и деревянный молот, знаки отличия кузнечного ремесла. {7}

День святой Екатерины.

25 ноября отмечается День святой Екатерины, и в Вулвичском арсенале в этот день проводилась подобная церемония: мужчина был одет в женский наряд, с большим колесом на боку, чтобы изобразить святую, и его возили по городу {8} на деревянном стуле. В Чатеме в день Святой Екатерины устраивали факельное шествие, и женщину в белом муслине с позолоченной короной везли в кресле. Говорили, что она изображает не святую, а королеву Екатерину. {9}

213 День святой Екатерины раньше был праздником кружевниц Нортгемптоншира, Бакингемшира и Бедфордшира. Она была покровительницей девиц как в прямом, так и в современном смысле этого слова, а в Питерборо в ее день воспитанницы работного дома обходили город процессией, одетые в белое с цветными лентами; самая высокая из них выбиралась королевой и несла корону и скипетр. Когда они шли просить денег у главных жителей, то пели причудливую балладу, которая начиналась так

"Идет королева Екатерина, прекрасная, как любая королева,
В карете и с шестью лошадьми, чтобы быть замеченной,
И, кружась, мы поедем, поедем, поедем,

And a-spinning we will go." {10}

Возможно, в этой святой или королеве Екатерине мы видим женский аналог мальчика-епископа, который начал свою карьеру в день святого Николая. Екатерина, следует помнить, является покровительницей девочек, как Николай - мальчиков. В Бельгии ее день до сих пор является праздником для "юной особы" как в школах, так и в семьях. {11} Даже в современном Париже девушки-портнихи празднуют его, причем весьма очаровательным образом.

"В полдень девушки каждой мастерской дарят маленькие шапочки, украшенные желтыми лентами, тем из них, кому больше двадцати пяти и кто еще не женат. Затем они сами надевают маленькие шапочки с желтыми цветами, желтыми лентами и веточкой апельсина на них, и выходят, взявшись за руки, на улицы и собирают дань цветов с каждого встречного мужчины. Вместо того чтобы работать всю вторую половину дня, мидинетки развлекают всех своих друзей (мужчин не пускают, потому что это день Святой Екатерины) концертами и даже драматическими представлениями в рабочих комнатах, где рабочие столы превращаются в сцены, а работодатели обеспечивают ужин." {12}

День святого Андрея.

В последний день ноября отмечается праздник Святого Андрея. Из английских обычаев в этот день наиболее интересны, пожалуй, те, что связаны с весельем "Тандер" или "Тандрю" 214 кружевниц из Нортгемптоншира. День всеобщего веселья обычно заканчивался маскарадом. Женщины ходили в мужском наряде, а мужчины и мальчики - в женском. {13} В Кенте и Сассексе в этот день практиковалась охота на белок {14} -очевидно, пережиток какого-то старого жертвенного обычая, сравнимого с охотой на крапивника на Рождество (см. главу XII.).

В Германии канун Святого Андрея - прекрасный повод для предсказаний будущего. Действительно, как и Хэллоуин в Великобритании, *Андреасабенд* в Германии, похоже, сохранил обычаи предсказаний, связанные со старым ноябрьским праздником Нового года. {15} В значительной степени эти обряды проводятся девушками, желающими узнать, какой муж им достанется. Методы разнообразны и многочисленны.

Иногда достаточно перед сном повторить какую-нибудь рифму, например, следующую, и будущий муж явится во сне:-.

"Канун святого Андрея - это день,
Спите все люди,
Спите все дети человеческие,
Кто между небом и землей,
Кроме этого единственного мужчины,
Который может быть моим в браке." {16}

Опять же, в сумерках пусть девушка закроется нагой в своей спальне, возьмет два стакана и в один нальет чистой воды, в другой вина. Все это пусть она поставит на стол, который должен быть покрыт белым, и пусть произнесет следующие слова:...

"Мой дорогой святой Андрей!
Пусть сейчас передо мной предстанет
Самый дорогой моему сердцу возлюбленный.

Если он будет богат,
Он нальет чашу вина;
Если он будет беден,
Пусть нальет чашу воды".

Сделав это, будущий муж входит и отпивает из одного из кубков. Если он беден, то возьмет воду, если богат - вино. {17}

Один из самых распространенных обрядов - вылить расплавленный свинец или олово через ключ в холодную воду и по форме, которую он примет, узнать призвание будущего мужа, который будет представлять инструменты его профессии. Иногда для этой же цели используется белок яйца. {18} Еще один очень распространенный обычай - пускать по воде ореховые скорлупки с горящими в них маленькими свечками. Скорлупок вдвое больше, чем девушек; каждая девушка берет свою скорлупку, а остальным называют имена возможных женихов. Тот мужчина и та девушка, чьи ракушки окажутся вместе, поженятся друг на друге. Иногда тот же метод практикуется с маленькими чашечками из серебряной фольги. {19}

На границе Саксонии и Богемии девушка, желающая узнать телосложение своего будущего мужа, подходит в темноте к штабелю дров и вытягивает кусок. Если дерево гладкое и прямое, то мужчина будет стройным и хорошо сложенным; если кривое или с сучками, то он будет плохо развит или даже горбат. {20}

Это лишь некоторые из многочисленных способов, с помощью которых девушки пытаются заглянуть в будущее и узнать что-то о самом важном событии в своей жизни. Гораздо менее многочисленны, но не совсем отсутствуют в этот вечер другие виды предсказаний. Например, человек, желающий узнать, умрет ли он в наступающем году, должен в канун святого Андрея перед сном разложить на столе небольшую остроконечную кучку муки. Если к утру она рассыплется, то ее создатель умрет. {21}

Ассоциация сочельника с предвидением будущего не ограничивается германской расой; она встречается также на славянской и румынской почве. В Хорватии тот, кто постится в этот день, увидит во сне свою будущую жену, {22} а у румын матери, беспокоящиеся об удаче своих детей, отламывают маленькие веточки от фруктовых деревьев, связывают их в пучки, по одному на каждого ребенка, и ставят в стакан с водой. Ветка того, кому повезет, расцветет. {23}

В Румании канун Святого Андрея - жуткое время, ведь в этот день вампиры должны восстать из могил и с гробами 216 на голове ходить по домам, в которых они когда-то жили. Перед наступлением ночи каждая женщина берет немного чеснока и мажет им дверные замки и оконные створки - это отпугивает вампиров. На перекрестках до первого петуха идет великая битва этих отвратительных существ, в которой участвуют не только мертвецы, но и некоторые живые люди, которые являются вампирами с самого рождения. Иногда в схватке участвуют только души этих живых вампиров; душа выходит через рот в виде голубоватого пламени, принимает облик животного и бежит к перекрестку. Если тело при этом сдвигается с места, человек умирает, ибо душа не может найти дорогу назад. {24}

День святого Андрея - иногда последний, иногда первый важный праздник в году западной церкви. В некоторых районах Германии он считается началом зимы, о чем свидетельствует поговорка

"Sünten-Dres-Misse,
es de Winter gewisse." [93] {25}

Ночи теперь почти самые длинные, и по мере того, как ноябрь уходит, уступая место последнему месяцу года, Рождество ощущается как близкое.

В северной Богемии принято, чтобы крестьянские девушки оставляли себе всю пряжу, которую они прядут в канун Святого Андрея, а *хаусфрау* дарит им также немного льна и денег. На эти деньги они покупают кофе и другие угощения для парней, которые приходят в салоны, где долгими зимними вечерами женщины сидят за прядением. Эти вечера, когда многие собираются вместе в ярко освещенной комнате, поют песни и рассказывают истории, пока прядут, достаточно веселы, а пикантности им добавляют визиты деревенских парней, которые в некоторых местах приходят проводить девушек домой. {26}

Клёпфельняхте.

В четверг вечером в дни Адвента в южной Германии принято, чтобы дети или взрослые ходили из дома в дом, распевая гимны и стуча в двери прутьями или маленькими молоточками, а также бросая в окна горох, чечевицу и тому подобное. Отсюда эти вечера получили название *Klöpfel* или *Knöpflinsnächte* (Стучащие ночи). {27} Эта практика описана Наогеоргом в шестнадцатом веке:...

"За три недели до того дня, когда родился Господь Благодати,
А в четверг мальчики и девочки бегают по всем местам,
И подпрыгивают и бьются в каждой двери, с ударами и похотливыми щелчками,
И кричат, что приход Господа еще не наступил.
И пожелать всем соседям, что в домах живут,
Счастливого года, и чтобы все было хорошо:
Вот у них есть горох, и сливы, и пенсы, каждый человек дает охотно,
Ибо эти три ночи всегда считаются неудачными;
В эти три ночи всегда считаются несчастными,
И страшных дьяволов черных и мрачных, что тогда имеют наибольшую силу." {28}

С этим можно сравнить македонский обычай деревенских мальчишек в канун Рождества в сумерках собираться компаниями, стучать палками в двери домов, кричать *"Колянда! Kolianda!* и получать подарки, {29} а также с тем, что было в моде в Голландии между Рождеством и Богоявлением. Там "дети выходят парами, каждый мальчик несет глиняный горшок, над которым натянут пузырь, с привязанным посередине куском палки. Когда эту палку крутят, из приспособления доносится не очень мелодичный ворчащий звук, который известен под названием "Роммельпот". Расхаживая таким образом, дети могут собрать несколько пенсов." {30}

Могла ли такая практика возникнуть в результате попыток изгнать злых духов из домов с помощью шума? Подобные методы используются для этой цели различными европейскими и другими народами. {31} Как бы то ни было, в *Клёпфельнахте* есть нечто загадочное. На них девушки узнают о своих будущих мужьях, а в Швабии на них ходит Пельцмарте, которого мы уже знаем. {32}

218B Тироле устраиваются любопытные муммерии. В Пиллерзее в Нижнем Иннтале двое молодых людей образуют имитацию осла, на котором едет третий, а за ними следует пестрый

поезд. Осел заболевает, и его приходится лечить у "ветеринара", а также отпускать всевозможные сатирические шутки по поводу того, что произошло в приходе в течение года. В другом месте двое мужчин наряжаются в солому как муж и жена и выходят на улицу с компанией в масках. Они переругиваются друг с другом и ведут игру ума с крестьянами, чей дом они посещают. Иногда сатира бывает настолько язвительной, что возникает постоянная вражда, и по этой причине от этой практики постепенно отказываются. {33}

День святого Николая.

6 декабря наступает самый характерный детский праздник за весь год - День святого Николая. В Англии он вышел из употребления, а на равнинном севере Германии протестантизм в значительной степени искоренил его, как слишком напоминающий поклонение святым, и перенес его празднование на более евангелическое Рождество. {34} Однако в западной и южной Германии, а также в Австрии, Швейцарии и Низких странах он по-прежнему остается днем радости для детей, хотя в некоторых регионах даже там его сияние меркнет перед более великой славой рождественской елки.

Нелегко выяснить исторические факты о святом Николае, епископе четвертого века из Миры в Малой Азии, или установить, почему он стал покровителем мальчиков. Легенды о его младенческом благочестии и его последующих чудесных делах на благо молодежи могли либо породить, либо сами быть обусловлены его связью с детьми. {35} В Восточной Европе и Южной Италии он, прежде всего, является святым мореплавателей, а среди греков его культ, возможно, заменил культ Артемиды как морского божества. {36} Однако в немецких праздничных обычаях, с которыми мы имеем дело в первую очередь, этот аспект не проявляется.

Уже было намекнуто, что в некоторых отношениях Святой Николай является дубликатом Святого Мартина. Его праздник, действительно, вероятно, является более поздним праздником начала зимы, относящимся к тому периоду, когда 219 усовершенствованных методов ведения сельского хозяйства и другие причины сделали начало декабря, а не середину ноября, временем для большого ежегодного забоя скота и сопутствующих ему ликований. Как и святой Мартин, он приносит сладости для хороших детей и розги для плохих.

Канун Святого Николая - время праздничного ажиотажа в Голландии и Бельгии; магазины полны приятных подарков: печенья разных форм, золоченые пряники, иногда с изображением святого, сахарные картинки, игрушки и прочие мелочи. Во многих местах, когда наступает вечер, люди одеваются в костюм святого Николая, с митрой и пастырским посохом, спрашивают о поведении детей и, если оно было хорошим, произносят благословение и обещают им награду на следующее утро. Перед тем как лечь спать, дети выставляют свои башмаки, положив в них сено, солому или морковку для белой лошади или осла святого. Когда они просыпаются утром, если они были "хорошими", корм убирают, а на его место кладут сладости или игрушки; если же они плохо себя вели, корм остается нетронутым и никаких подарков, кроме розги, там нет. {37}.

В разных частях Германии, Швейцарии и Австрии Святому Николаю подражает человек в костюме епископа. {38} В Тироле дети молятся святому в сочельник, оставляют сено для его белой лошади и стакан *шнапса* для слуги. А он приходит во всем великолепии церковного образа, преподобный седовласый, с ниспадающей бородой, расшитым золотом плащом, сверкающей митрой и пастырским посохом. Детей, знающих катехизис, награждают сладостями из корзины, которую несет его слуга; тех, кто не может ответить, обличают, а

святой Николай указывает на страшную фигуру, стоящую позади него с жезлом - ужасного Клаубауфа, лохматое чудовище с рогами, черным лицом, огненными глазами, длинным красным языком и цепями, которые звенят при его движении. {39}

В Нижней Австрии за святым следует похожая фигура, называемая Крампус или Грампус; {40} в Штирии этого ужасного помощника зовут Бартель; {41} все они, несомненно, связаны с такими монстрами, как *Клапербок* (см. главу VII.). Их языческое происхождение очевидно, хотя проследить их точную родословную довольно сложно. Иногда сам Святой Николай появляется в нецерковной форме, как Пельцмарте, с колокольчиком, {42} или с мешком пепла, что дает ему имя Ашенклас. {43}

220 Не только отвратительные фигуры сопровождают Святого Николая. Иногда, как в Варнсдорфе под Румбургом, с ним приходят сам Христос, святой Петр, ангел и знаменитый Кнехт Рупрехт, с которым мы еще встретимся в канун Рождества. Их представляют дети, и разыгрывается небольшая драма: один персонаж входит за другим и вызывает следующего, как в английской пьесе муммеров. Святой Николай, Святой Петр и Рупрехт обвиняют детей во всех видах непослушания, "Хайлигер Христос" заступается и в конце концов бросает орехи вниз и получает деньги от родителей. {44} В Тироле существуют пьесы Святого Николая более комического характера, которые исполняются публично большими труппами игроков и представляют ряд юмористических персонажей и много грубого народного остроумия. {45}

Иногда появлялся женский бугай: Будельфрау в Нижней Австрии, Берхтель в Швабии, Бузебергт в окрестностях Аугсбурга. {46} Последние два - явные варианты Берхте, которая особенно связана с Богоявлением. Берхтель наказывала непослушных детей розгами, а хороших награждала орехами и яблоками; Бузебергт носила черные лохмотья, лицо ее было почерневшим, волосы висели неопрятно, и она носила с собой горшок с крахмалом, которым мазала людям лица. {47}

Как Санта-Клаус Святой Николай, конечно, известен каждому английскому ребенку, но скорее как некое воплощение Рождества, чем как святой с собственным днем. Санта-Клаус, вероятно, пришел к нам *через* Соединенные Штаты, куда его завезли голландцы, и где он до сих пор пользуется огромной популярностью.

В средние века в Англии, как и в других странах, канун Святого Николая был днем большого волнения для мальчиков. Именно тогда маленькие хористы и прислужники в соборах и других церквях обычно избирали своего "мальчика-епископа" или "Николая". {48} В некоторых местах он должен был служить на первой вечерне и на службах в сам праздник. Однако, как правило, праздник Святых Иннокентиев, 28 декабря, был, вероятно, самым важным днем в карьере мальчика-епископа, и поэтому мы можем отложить его рассмотрение. Мы лишь отметим его связь с праздником святого покровителя мальчиков, связь, возможно, подразумевающую общее происхождение его и 221 святого Николая, который в епископских облачениях совершает обход с подарками.

Праздник святого Николая, естественно, с особой пышностью отмечается в месте, где покоится его тело, - морском порту Бари на юго-востоке Италии. Кости святого хранятся в усыпальнице под криптой богатой сарацинской архитектуры, над которой возвышается великолепная церковь. Легенда гласит, что в одиннадцатом веке они были украдены некоторыми купцами из Бари из собора, принадлежавшего святому в Мире в Малой Азии. Гробница Святого Николая является известным центром паломничества, а 6 декабря многие тысячи верующих, неся шесты, обвязанные оливой и сосной, посещают ее. Интересной церемонией в этот праздник является вынос образа святого в море моряками порта. Они возвращаются с ним в сумерках, и большая процессия сопровождает его обратно в собор с

факелами, фейерверками и песнопениями. {49} Здесь можно увидеть другой, мореходный, аспект Святого Николая; культ мореплавателей уводит нас далеко от святого, дарящего подарки и радующего маленьких детей Севера.

День Святой Люсии.

Единственные значимые народные праздники между Днем святого Николая и Рождеством - это праздники святой Люсии (13 декабря) и святого Фомы Апостола (21 декабря).

В Швеции день святой Люсии раньше отмечался с некоторыми интересными обычаями. Он был, так сказать, вступлением к рождественскому празднику и назывался "малым Йолем". {50} С первыми петухами, между 1 и 4 часами ночи, самая красивая девушка в доме выходила к спящим, одетая в белый халат, красный поясок и проволочную корону, покрытую брусничными париками, в которой было закреплено девять зажженных свечей. Она будила спящих, угощала их сладким напитком или кофе, [94] пела особую песню и получала имя "Lussi" или "Lussibruden" (Люси-невеста). Когда все одевались, принимались за завтрак, причем комната освещалась множеством свечей. Домашние животные 222 были не забыты в этот день, им давали особые порции. Особенностью шведского обычая является наличие огоньков на короне Лусси. Огни действительно являются особым знаком праздника; в День святой Люси было принято стрелять и ловить рыбу при свете факелов, салоны, как уже говорилось, ярко освещались ранним утром, в Западном Готланде Лусси обходила деревни в сопровождении факельщиков, а в одном приходе ее представляла корова с короной из огней на голове. В школах этот день отмечался иллюминацией. {51}

Чем объясняется этот праздник огней? В легенде о святой нет ничего, что могло бы его объяснить; ее имя, однако, сразу наводит на мысль о *lux* - свет. Возможно, как предполагает д-р Фейльберг, это имя послужило причиной особого использования светильников среди монахов, изучавших латынь и принесших христианство в Швецию, и от них этот обычай перешел к простым людям. Особую уместность этому придавало то, что день Святой Люсии по старому стилю был самым коротким днем в году, точкой поворота солнечного света. {52}

На Сицилии праздник Святой Люсии также является праздником огней. После захода солнца в канун длинная процессия мужчин, юношей и детей, каждый из которых размахивает толстым пучком длинных соломинок, охваченных огнем, бешено несется по улицам горной деревни Монтедоро, как будто спасаясь от какой-то опасности, и хрипло кричит. "Темнота ночи, - рассказывает очевидец, - была освещена этой дикой процессией танцующих, пылающих факелов, а костры на всех боковых улицах создавали иллюзию, что горит вся деревня". В конце процессии появился образ Санта-Люсии, держащий блюдо, в котором находились ее глаза. [95] Посреди *площади* была приготовлена большая гора соломы; на нее каждый бросал свой горящий факел, а святую ставили на такое место, с которого она могла обозревать огромный костер. {53}

В Центральной Европе мы видим Святую Лючию в других аспектах. В Бёмервальде она обходит деревни в виде няни-козы с рогами, дает фрукты хорошим детям и грозится вспороть живот непослушным. Здесь она, очевидно, связана 223 с уже описанными языческими чудовищами. В Тироле она играет более изящную роль: она приносит подарки девочкам, а Святой Николай, как предполагается, делает это только для мальчиков. {55}

В Нижней Австрии канун святой Люсии - это время, когда опасаются особой опасности от колдовства, которую нужно предотвратить с помощью молитв и благовоний. Процессия проходит через каждый дом, чтобы окурить каждую комнату. В этот вечер девушки также боятся прясть, чтобы утром не обнаружить, что их мотки скручены, нити порваны, а пряжа

перепутана. (В полночь девушки совершают странный обряд: идут к заросшему ивами ручью, частично срезают кору дерева, не отрывая ее, делают ножом крест на внутренней стороне срезанной коры, смачивают его водой и тщательно закрывают отверстие. В Новый год срез открывают и по найденным меткам предсказывают будущее. Парни же в полночь высматривают таинственный свет, *Luzieschein*, формы которого указывают на грядущие события. {56}

В Дании канун Святой Люсии также является временем прозрения будущего. Вот молитва датских служанок: "Сладкая Святая Люсия дай мне знать: чье полотно я постелю, чью постель я застелю, чье дитя я рожу, чьей дорогой я буду, в чьих объятиях я буду спать." {57}

День святого Фомы.

С праздником святого Фомы (21 декабря) связано множество разнообразных обычаев и поверий. Раньше в Дании это был большой детский день, единственный в году и напоминающий средневековый праздник Бой Бишопа. В этот день заканчивались занятия в школах; дети приносили хозяину свечи и деньги, а он в ответ устраивал им пир. В некоторых местах он имел еще более восхитительную сторону: в этот единственный день в году детям разрешалось быть хозяевами в школе. Выдавались свидетельства их учености и трудолюбия, к их именам добавлялись замысловатые титулы, такие же возвышенные, как "Папа", "Император" или "Императрица". Бедные дети ходили по улицам, показывая эти 224 документы и собирая деньги. В школах без единого слова упрека проходили всевозможные игры и забавы, а дети были склонны сжигать жезл своего хозяина. {58}

В окрестностях Антверпена дети рано приходят в школу в день святого Фомы и запирают хозяина, пока он не пообещает угостить их элем или другим напитком. После этого они покупают петуха и курицу, которым разрешается убежать, и их должны поймать мальчики или девочки соответственно. Девочку, поймавшую курицу, называют "королевой", а мальчика, поймавшего петуха, - "королем". В других городах Бельгии дети запирают своих родителей, слуги - своих хозяев, а школьники привязывают учителя к стулу и несут его в трактир. Там он вынужден выкупать свою свободу, угощая своих учеников пуншем и пирожными. Вместо погони за птицами до 1850 года в Арденнах было принято, чтобы учитель давал детям кур и позволял им отрубать головы. {59} В основе этой варварской практики, несомненно, лежит языческое жертвоприношение, которое имеет множество параллелей в фольклоре Западной и Южной Европы. {60}

Что касается посиделок школьников со своими учителями, то обычай "отгонять учителя" существовал в Англии и практиковался перед Рождеством {61}, а также в другое время года, в частности в масленичный вторник. В Бромфилде в Камберленде в масленичный вторник регулярно устраивалась осада, двери школы были крепко забаррикадированы внутри, а мальчики-защитники вооружены ружьями. Если хозяин побеждал, на него возлагались тяжелые обязанности, но если, как это чаще всего случалось, он терпел поражение в попытках восстановить свою власть, ему приходилось договариваться с мальчиками о часах работы и игр. {62}

Канун святого Фомы в некоторых регионах является одной из самых отвратительных ночей в году. В некоторых богемских деревнях считается, что в полночь святой разъезжает на огненной колеснице. На церковном дворе его ждут все покойники, которых зовут Томас; они помогают ему сойти на землю и сопровождают к церковному кресту, который светится красным сверхъестественным сиянием. Там святой Томас преклоняет колени и молится, а затем поднимается, чтобы благословить своих тезок. После этого он исчезает под крестом, а

каждый Томас возвращается в свою могилу. Кажется, что святой здесь принял на себя 225 образ какого-то языческого бога, который, подобно тевтонскому Одину или Водену, управлял душами усопших. В домах люди с трепетом ожидают звука его колесницы и, услышав его, возносят к нему тревожные молитвы о защите от всех бед. Перед тем как лечь на покой, отец-домовой идет в коровник со святой водой и освященной солью, обрызгивает ее снаружи, а затем, войдя, окропляет каждую корову. Соль также бросают на голову каждого животного со словами: "Святой Томас, храни тебя от всех болезней". В Бёмервальде скот в эту ночь кормят освященными лавровыми ягодами, хлебом и солью, чтобы предотвратить болезни. {63}

В Верхней и Нижней Австрии канун святого Фомы считается одним из так называемых *Rauchnächte* (дымных ночей), когда дома и хозяйственные постройки должны быть освящены ладаном и святой водой; другие ночи - это кануны Рождества, Нового года и Богоявления. {64}

В Германии день святого Фомы, как и канун святого Андрея, является временем для предсказания будущего, и уже описанные методы иногда используются девушками, которые хотят увидеть своих будущих мужей. Широко распространен обычай перебрасывать обувь через плечи назад. Если они оказываются повернутыми к двери, то бросающему суждено покинуть дом в течение года; если же они оказываются повернутыми от нее, то еще один год будет проведен в нем. В Вестфалии распространено поверье, что в эту ночь нужно обильно есть и пить, чтобы избежать скудости. {65}

В Нижней Австрии считается, что нерасторопные люди могут излечиться от недосыпания, прочитав специальную молитву перед сном в канун Святого Фомы, а в Вестфалии в середине XIX века та же ассоциация дня с дремотой проявилась в обычае школьников называть ребенка, пришедшего в школу последним, *Domesesel* (Томас осел). В Голландии, опять же, того, кто дольше всех пролежит в постели в День святого Фомы, встречают криками "лентяй". Вероятно, это объясняется тем, что 21 декабря - самый короткий день. {66}

В Англии существовало гадание с помощью "лука святого Фомы". Девушки чистили луковицу, заворачивали ее в платок и клали на ночь под голову с молитвой к атласу 226, чтобы он показал им во сне их настоящую любовь. {67} Однако самым примечательным английским обычаем в этот день были странствия бедняков, просящих денег или провизии на Рождество. Их называли "a-gooding", "a-Thomassin'" или "a-mumping". Иногда в обмен на оказанную благотворительность давали веточку остролиста или омелы. {68} Возможно, веточка изначально была таинством здорового духа роста: ее можно сравнить с оливковыми или кизиловыми ветвями, которые несли в канун Нового года македонские мальчики {69}, а также с жезлом святого Мартина (см. последнюю главу).

Следует упомянуть еще один английский обычай 21 декабря - он указывает на жертвоприношение, которое практиковалось до 1821 года в Уокингеме в Беркшире. Его отмена в 1822 году вызвала большое недовольство населения, хотя плоть продолжала должным образом раздаваться. {70}

До праздника Рождества Христова осталось четыре дня, и многие вещи, которые принято считать отличительными чертами Рождества, уже стали заметны. Например, мы познакомились с несколькими видами дарения подарков, с предсказаниями на Новый год, с процессиями колядовщиков и доброжелателей, с церемониальными пиршествами, предваряющими рождественскую еду и питье, и с различными фигурами, святыми или чудовищными, мимическими или просто воображаемыми, которые мы вновь увидим на величайшем из зимних праздников. Эти вещи, по-видимому, были привлечены к празднику

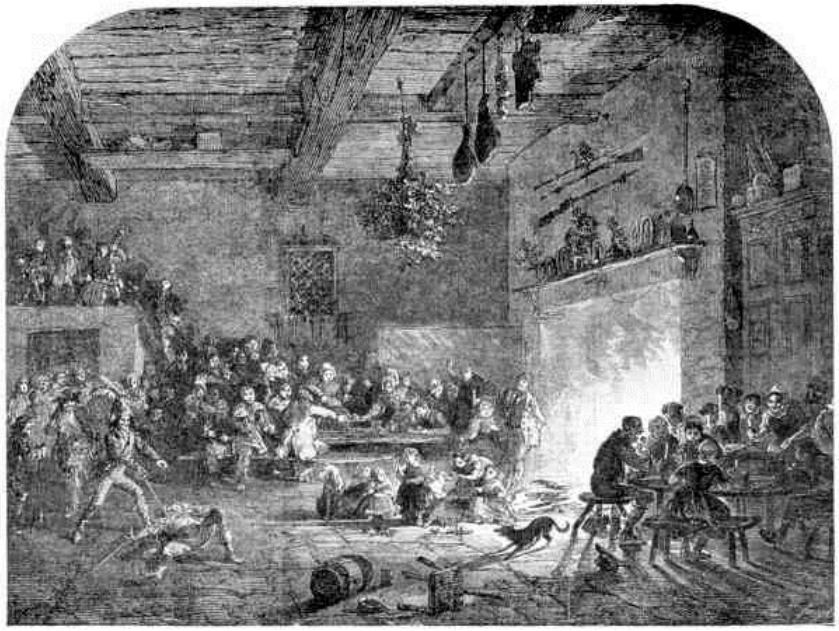
Рождества из более ранних дат, и вероятность того, что Рождество многое позаимствовало у старого ноябрьского праздника, постепенно переместившегося в декабрь, является нашим оправданием для того, чтобы так долго останавливаться на праздниках, которые предшествуют Двенадцати дням.

227228229

ГЛАВА IX

КАНУН РОЖДЕСТВА И ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Кристкинд, Санта-Клаус и Кнехт Рупрехт - Говорящие животные и другие чудеса кануна Рождества - Скандинавские поверья о троллях и возвращении мертвых - Традиционные рождественские песни в Восточной Европе - Двенадцать дней, их христианское происхождение и языческие суеверия - Разъяренный хозяин - Намеки на сверхъестественных посетителей в Англии - Немецкие *фрау* - Греческая *Калликанцарой*.



КАНУН РОЖДЕСТВА В ДЕВОНШИРЕ - ПРИЕЗД МУМИЙ

Канун Рождества.

Рождество в самом узком смысле слова должно считаться начинающимся вечером 24 декабря. И хотя в современной Англии канун Рождества практически не отмечается, во всей остальной Европе его значение с точки зрения народных обычаев гораздо больше, чем значение самого дня. Тогда в Германии рождественская елка предстает во всем своем великолепии; тогда, как и в Англии прошлого, во многих странах торжественно зажигается йольское полено; тогда часто происходит самая характерная рождественская трапеза.

Мы рассмотрим эти и другие учреждения позже; хотя они появляются в первую очередь в канун Рождества, они в большей или меньшей степени относятся к Двенадцати дням в целом. Давайте сначала посмотрим на сверхъестественных гостей, которые, подражая людям, радуют умы детей, особенно в Германии, вечером 24 декабря, и на поверья, которые связаны с этой самой торжественной ночью в году.

Прежде всего, деятельность святого Николая не ограничивается его собственным праздником; он часто появляется в канун Рождества. Мы уже видели, как его сопровождают различные спутники, включая 230 Христасамого , и как он приходит то в одежде епископа, то в маске и лохматой фигуре. Имена и атрибуты рождественских и адвентских гостей довольно запутаны, но в целом можно сказать, что в протестантской Северной Германии епископальный Святой Николай и его канун были заменены кануном Рождества и Младенцем Христом, а имя Клас стало прилагаться к различным несвятым формам, появляющимся на Рождество или незадолго до него.

Мы можем проследить намеренную замену Младенца Христа на Святого Николая как приносящего дары. В начале XVII века один протестантский пастор жалуется на то, что родители кладут подарки в кроватки своих детей и говорят им, что их принес Святой Николай. "Это, - говорит он, - плохой обычай, потому что он указывает детям на святого, в то время как мы знаем, что не святой Николай, а святой Младенец Христос дает нам все блага для души и тела, и только к Нему мы должны обращаться." {1}

Способы, которыми фигура или, во всяком случае, имя самого Христа вводится в немецкие рождественские обычаи, часто удивляют. Младенец Христос, "Christkind", так хорошо знакомый немецким детям, теперь стал своего рода мифической фигурой, продуктом чувств и воображения, работающего так свободно, что почти забывается священный характер оригинала. Кристкинд мало похож на Вифлеемского младенца; он довольно высокий ребенок и часто изображается девочкой, одетой в белое, с длинными светлыми волосами. В действительности он находится между характером Божественного Младенца и ангелом и воспринимается скорее как добрая фея, чем как что-то другое.

В Эльзасе девушка, изображающая Христкинда, "гримирует" лицо мукой, надевает корону из золотой бумаги с зажженными свечами - аналог головного убора шведских Лусси; в одной руке она держит серебряный колокольчик, в другой - корзину со сладостями. За ней следует страшный Ганс Трапп, одетый в медвежью шкуру, с почерневшим лицом, длинной бородой и грозным жезлом. Он "идет за" непослушными детьми, которых спасает только заступничество Христа. {2}

В Миттельмарке имя *de hêle* (святой) *Христос* странным образом 231 дается человеку в коже или соломе, которого в других местах называют Knecht Ruprecht, Klas или Joseph. {3} В районе Руппин мужчина одевается в белое с лентами, несет большой мешок и называется *Christmann* или *Christpuppe*. Его сопровождают *Schimmelreiter* и другие парни, одетые как женщины, с почерневшими лицами и называемые *Feien* (мы можем видеть в них сходство с масочниками Календса, осужденными ранней Церковью). Процессия ходит от дома к дому. *Шиммельрейтер*, входя в дом, должен перепрыгнуть через стул; это делается, и *кукла Христа* впускают в дом. Присутствующие девушки начинают петь, и *Шиммельрейтер* танцует с одной из них. Тем временем *Христорождественник* заставляет детей повторять какой-нибудь стих из Писания или гимн; если они хорошо его знают, он награждает их пряниками из своего кошелька, если нет - бьет их пучком, наполненным пеплом. Затем и он, и *Шиммельрайтер* танцуют и проходят дальше. Только когда они уходят, *Фейн* разрешают войти; они дико прыгают и пугают детей. {4}

Кнехт Рупрехт, о котором уже шла речь, - видная фигура в немецком Рождестве. В канун Рождества на севере он ходит в шкурах или соломе и осматривает детей; если они умеют правильно читать молитвы, он награждает их яблоками, орехами и пряниками, если нет - наказывает. В Миттельмарке, как мы видели, соответствующее ему лицо иногда называют "святым Христом"; в Мекленбурге - "rû Klas" (грубый Николай - обратите внимание на его

отождествление со святым); в Брауншвейге, Ганновере и Голштинии - "Klas", "Klawes", "Klas Bûr" и "Bullerklas"; а в Силезии - "Joseph". Иногда он носит колокольчики и несет длинный посох с мешочком пепла на конце - отсюда и название "Ашенклас", которое ему иногда дают. {5} Гениальная теория связывает этот аспект *с полазником* славян, который на Рождество в кривошеих хозяйствах идет к очагу, берет пепел от йольского полена и бросает его в котел-крюк сверху так, что летят искры (см. главу X.). {6} Что касается имени "Рупрехт", то древние мифологи толковали его как означающее "сияющий славой", *hruodperaht*, и отождествляли его владельца с богом Воденом. {7} Доктор Тилле, однако, относит его 232 только к XVII веку. {8} Вряд ли можно сказать, что до сих пор не было удовлетворительного рассказа о происхождении этого персонажа или о его связи со Святым Николаем, Пельцмартом и чудовищными существами вроде *Клаппербока*.

В юго-западной части Нижней Австрии и Святой Николай - настоящий епископ с митрой, посохом и кольцом - и Рупрехт появляются в канун Рождества, и церемония их появления довольно тщательно продумана. Дети приветствуют святого гимном, затем он идет к столу и заставляет каждого ребенка повторить молитву и показать учебники. Тем временем Рупрехт в шкуре, со светящимися глазами и длинным красным языком, стоит у двери, чтобы напугать молодежь. Затем каждый ребенок преклоняет колени перед святым и целует его кольцо, после чего Николай велит ему выставить ботинки за дверь и заглянуть в них, когда часы пробьют десять. После этого святитель кладет на стол жезл, смоченный известью, торжественно благословляет детей, окропляя их святой водой, и бесшумно удаляется. Дети выходят в сад, расчищают место под снегом и расставляют свои башмаки; когда звучит последний удар десяти, они находят их наполненными орехами, яблоками и всякими сладостями. {9}

В округе Троппау в австрийской Силезии в канун Рождества три фигуры обходят вокруг - Христкиндель, архангел Гавриил и святой Петр - и разыгрывают небольшой спектакль перед тем, как вручить принесенные ими подарки. Кристкиндл объявляет, что у него есть подарки для хороших детей, но плохие должны почувствовать на себе удар розги. Святой Петр жалуется на непослушание малышей: они играют на улицах, вместо того чтобы сразу идти в школу, рвут учебники и делают много других нечестных вещей. Однако мать детей ратует за них, и святой Петр смиряется и раздает подарки. {10}

В Эрцгебирге появляются Святой Петр и Рупрехт, одетый в кожу и солому, с маской на лице, жезлом, цепью вокруг тела и мешком с яблоками, орехами и другими дарами; и происходит примерно такое же представление. {11}

Если мы отправимся на восток России, то найдем параллель с девушкой Христкинд в Коляде, белокурой девой, которую в канун Рождества возили на санях из дома в дом. Молодые люди, сопровождавшие ее, пели колядки, а взамен получали подарки 233. *Коляда* - это название Рождества, которое, по-видимому, происходит от *имени Календа*, попавшего в славянские языки, вероятно, из Византии. Дева - одно из тех существ, которые, подобно итальянской Бефане, получили свои имена от праздника, на котором они появляются. {12}

Ни одно время из всех двенадцати ночей и дней не несет в себе столько сверхъестественного, как канун Рождества. Несомненно, это связано с тем, что Церковь освятила ночь с 24 на 5 декабря больше всех остальных в году. Именно пастухам, сторожившим *ночью* свои стада, согласно третьему евангелисту, пришла ангельская весть о Рождении, и в гармонии с этим находится уникальная полуночная месса Римской церкви, придающая особую святость часу ее празднования. И все же во многих поверьях, связанных с этой ночью, заметна большая примесь язычества.

Во-первых, существует представление о том, что в полночь в канун Рождества животные обретают дар речи. Это суеверие существует в разных частях Европы, и никто не может безнаказанно слышать, как звери разговаривают. Эта идея породила несколько любопытных и довольно мрачных историй. Вот одна из них из Бретани:.

"Жила-была женщина, которая морила голодом своих кошку и собаку. В полночь в канун Рождества она услышала, как собака говорит кошке: "Пора бы нам потерять нашу хозяйку, она постоянная скупердяйка". Ночью придут грабители, чтобы украсть ее деньги, а если она закричит, они проломят ей голову". "Это будет добрый поступок", - ответил кот. Женщина в ужасе встала и пошла к соседям; когда она выходила, грабители открыли дверь, а когда она закричала о помощи, проломили ей голову." {13}

Снова рассказывается история о слуге на ферме в немецких Альпах, который не верил, что звери могут говорить, и в канун Рождества спрятался в хлеву, чтобы узнать, что там происходит. В полночь он услышал удивительные вещи. "На этой неделе нам предстоит тяжелая работа", - сказала одна лошадь. "Да, слуга фермера тяжел", - ответил другой. "А путь к церковному двору длинный и крутой", - сказал первый. Слугу похоронили в тот же день недели. {14}

234Вполне возможно, что традиционная ассоциация вола и осла с Рождеством Христовым прикрепила это суеверие к кануну Рождества, но концепция говорящих животных, скорее всего, языческая.

С этой идеей связана, но более христианская по форме, вера в то, что в полночь весь скот встает в своих стойлах или опускается на колени и поклоняется новорожденному королю. Читатели "Тэсс" мистера Харди помнят, как это привнесено в восхитительную историю, рассказанную уэссекским крестьянином. Эта идея широко распространена в Англии и на континенте, {15} и дошла даже до североамериканских индейцев. Хоуисон в своих "Очерках Верхней Канады" рассказывает, что один индеец сказал ему, что "в рождественскую ночь все олени встают на колени и смотрят вверх на Великого Духа" {16}. Несколько похожее поверье о пчелах бытовало на севере Англии: считалось, что они собираются в канун Рождества и напевают рождественский гимн. {17} В фольклоре пчелы вообще кажутся особенно близкими к человечеству по своим чувствам.

Широко распространено представление о том, что в полночь в канун Рождества вся вода превращается в вино. Одна женщина из Гернси однажды решила проверить это; в полночь она зачерпнула ведро из колодца. И тут раздался голос:...

"Toute l'eau se tourne en vin,
Et tu es proche de ta fin."

Она слегла со смертельной болезнью и умерла до конца года. На Сарке существует суеверие, что вода в ручьях и колодцах превращается в кровь, и если вы пойдете посмотреть, то умрете в течение года. {18}

Существует также французское поверье, что в канун Рождества, во время пения родословной Христа на полуночной мессе, открываются спрятанные сокровища. {19} В России считается, что в вечера между Рождеством и Богоявлением открываются всевозможные зарытые сокровища, а в кануны этих праздников разверзаются небеса, и воды источников и рек превращаются в вино. {20}

Еще один пример сверхъестественного характера ночи можно найти в бретонской истории о кузнеце, который продолжал работать после того, как зазвонил колокол на полуночной мессе. К нему подошел высокий, сутулый человек с косой, который попросил его вбить гвоздь. Он так и сделал, а посетитель в ответ попросил его послать за священником, поскольку эта работа будет для него последней. Фигура исчезла, кузнец почувствовал, что у него отказывают конечности, и в час петуха он умер. Он починил косу *Анкоу* - Смерть жнеца. {21}

В скандинавских странах у простых людей в канун Рождества возникает яркое ощущение близости сверхъестественного. В ночь на Йоль никто не должен выходить на улицу, так как может встретиться со всевозможными жуткими существами. В Швеции считается, что тролли празднуют Сочельник танцами и весельем. "По пустошам ездят ведьмы и маленькие тролли, одна на волке, другая на метле или лопате, на свои сборища, где они танцуют под своими камнями..... На горе тогда слышны веселье и музыка, танцы и пьянство. В утро Рождества, в период между петушиным кукареканьем и рассветом, очень опасно находиться вне дома." {22}

В скандинавских народных верованиях канун Рождества - это также время, когда умершие возвращаются в свои старые дома, как и в канун Всех Душ в римско-католических странах. Живые готовятся к их приходу со смешанным страхом и желанием сделать их желанными. Когда празднование Сочельника заканчивается и все ложатся отдыхать, гостиная остается опрятной и украшенной: горит большой огонь, горят свечи, стол накрыт праздничной скатертью и обильно уставлен яствами, готов кувшин с йольским элем. Иногда перед сном люди протирают стулья чистым белым полотенцем; утром их снова протирают, и, если обнаруживается земля, на них сидит кто-то из родственников, только что поднявшийся из могилы. Забота об умерших даже заставляет людей готовить теплую ванну, полагая, что, как и живые люди, родственники захотят помыться перед праздничной трапезой. [96] Или опять же для них готовили постели, в то время как живые спали на соломе. Не всегда эти приготовления делаются сознательно для мертвых, иногда говорят, что они предназначены для троллей, а иногда даже для Спасителя и Его ангелов. {24} (С этой христианской идеей можно сравнить тирольский обычай оставлять немного молока для Младенца Христа и Его Матери {25} в час полуночной мессы, а также бретонскую практику оставлять еду на всю рождественскую ночь на случай прихода Девы Марии. {26}).

Трудно сказать, насколько другие сверхъестественные существа - их множество - которые, как считается, в Норвегии, Швеции, Дании и Исландии выходят из своих подземных укрытий в долгие темные рождественские ночи, изначально были призраками умерших. Двадцать лет назад многие студенты объяснили бы их всех именно так, но сейчас тенденция категорически против того, чтобы выводить все сверхъестественные существа из поклонения предкам. Эльфы, тролли, гномы, ведьмы и прочий жуткий народ - верований об их рождественских делах слишком много, чтобы рассматривать их здесь; читатели датского языка найдут длинную и очень интересную главу на эту тему в книге доктора Фейльберга "Джул." {27}. Я могу упомянуть только одну знакомую фигуру скандинавского Йоля, Томте Губбе, своего рода гения дома, очень похожего на "труженика-гоблина" из "L'Allegro" Мильтона, для которого нужно должным образом поставить чашку со сливками. Возможно, он является духом основателя семьи. В любом случае в канун Рождества для него ставят кашу и новое молоко, а иногда и другие вещи, например, костюм маленькой одежды, духи или даже табак. Таким образом нужно завоевать его благосклонность на предстоящий год. {28}

В одной из частей Норвегии верили, что в канун Рождества, через редкие промежутки времени, старые норвежские боги устраивали войну с христианами, спускались с гор с

сильным порывом ветра и дикими криками и уносили всех, кто мог оказаться рядом. В одном месте воспоминание о таком визите сохранилось в девятнадцатом веке. Люди готовились к празднику, как вдруг с гор донеслись предупреждающие звуки. "Через секунду воздух почернел, раскаты грома эхом прокатились по холмам, молнии заплясали по зданиям, и жители в затемненных комнатах услышали стук копыт и странные крики сонма богов" {29}.

237Скандинавские страны, хотя и протестантские, сохранили многие внешние формы католицизма, и крестное знамение часто используется в качестве защиты от визитеров-чудищ. Крест - возможно, первоначально это был молот Тора - наносится мелом, смолой или огнем на двери и ворота, делается из соломы или другого материала и ставится в хлевах и коровниках, или намазывается остатками йольской свечи на вымени животных - в общем, выставляется на каждом месте, открытом для нападения духа тьмы. {30}

Канун Рождества в Германии - время для предсказаний. В этот день практикуются некоторые из тех способов, которые уже были описаны в другие дни: например, выливание расплавленного свинца в воду, бросание ботинок, вырывание кусков дерева, плавание ореховых скорлупок и другие, описывать которые было бы утомительно. {31}

У южных славян, если девушка хочет узнать, какой муж ей достанется, она в канун Рождества накрывает стол, кладет на него белый каравай, тарелку, нож, ложку и вилку и ложится спать. В полночь явится дух ее будущего мужа и метнет в нее нож. Если он упадет, не поранив ее, она получит хорошего мужа и будет счастлива, но если ее ранят, она рано умрет. Похожий способ гадания существует и для молодых парней. В канун Рождества, когда все уже ушли в церковь, он должен голым и в темноте просеять пепел через сито. После этого появится его будущая невеста, трижды потянет его за нос и уйдет. {32}

В Восточной Европе Рождество, и особенно Сочельник, - время пения колядок, называемых по-русски *Колядками*, а в других славянских странах - аналогичными названиями, происходящими *от Kalendae*. {33} Чаще всего они не связаны с Рождеством Христовым; иногда они имеют христианскую форму и повествуют о деяниях Бога, Богородицы и святых, но чаще носят совершенно светский или даже языческий характер. В некоторые из них введены солнце, луна, звезды и другие природные объекты, и, похоже, они основаны на мифах, которым придали христианский облик, посыпав именами святых 238 Церкви. Вот, например, фрагмент из карпатской песни: - "Золотой плуг пашет.

"Золотой плуг пашет,
А за плугом - Сам Господь.
Святой Петр помогает Ему вести,
А Матерь Божья несет зерно,
Несет зерно, молится Господу Богу,
"Сделай, Господи, так, чтобы выросла сильная пшеница",
Сильную пшеницу и сильную кукурузу!
Тогда стебли будут как тростник!" {34}

Часто они содержат пожелания процветания семье и заканчиваются словами "на много лет, на много лет". Румынские песни часто бывают очень длинными, и типичный, часто повторяющийся припев таков

"Этот вечер - прекрасный вечер,
Белые цветы;
Великий вечер Рождества,

Белые цветы." {35}

Иногда это баллады о национальной жизни.

В России колядка, начинающаяся словами "Слава Богу на небе, слава!" и призывающая благословение на царя и его народ, является одной из самых заметных среди *колядок* и открывает пение песен, называемых *Подблюдными*. "На рождественском празднике стол накрывают скатертью и ставят на него блюдо или чашу (*блудо*) с водой. Молодые люди опускают кольца или другие безделушки в блюдо, которое затем накрывается тканью, и начинаются песни *Подблюднуя*. В конце каждой песни одна из безделушек вытягивается наугад, и ее владелец по характеру слов, которые только что были спеты, угадывает предзнаменование." {36}

Двенадцать дней.

Какими бы ни были границы начала и конца рождественского праздника, его ядром всегда остается период между 239-м Рождеством и Богоявлением - "двенадцать дней"[97] На это время приходится цикл праздников, и обычаи, характерные для каждого дня, будут рассматриваться в календарном порядке. Однако сначала стоит взглянуть на характер Двенадцати дней в целом и на суеверия, которые связаны с этим сезоном. Этих суеверий так много, это время так "заколдовано", что древние мифологи не без основания видели в нем тевтонский праздничный сезон, восходящий к дохристианским временам. На самом же деле это просто творение Церкви, естественное соединение Рождества и Богоявления. Впервые он упоминается в качестве праздничного прилива восточным отцом Ефремом Сиром в конце IV века и был объявлен таковым западным Турским собором в 567 году. {37}

Хотя канун Рождества - ночь *par excellence* сверхъестественного, весь сезон Двенадцати дней заряжен им. Трудно понять, откуда Шекспир мог почерпнуть идею, которую он вкладывает в уста Марцелла в "Гамлете":...

"Некоторые говорят, что всегда наступает время, когда
Где празднуется рожденье Спасителя нашего,
Птица рассвета поет всю ночь напролет;
И тогда, говорят они, ни один дух не смеет шевелиться за границей;
Ночи благодатны; тогда не бьются планеты,
Ни фея, ни ведьма не в силах очаровать,
So hallow'd and so gracious is the time." {38}

Против этого говорит тот факт, что в народном фольклоре Рождество - совершенно особенное, жуткое время. Неестественно, что в эту середину зимы, когда царит мрак, воют ветры и бушуют штормы, люди должны были увидеть и услышать таинственные очертания и голоса страшных существ, которых сторонятся живые.

По всему тевтонскому миру распространена вера в "бушующего 240хоста", "дикую охоту" или духов, с воем проносящихся по воздуху в бурные ночи. В Северном Девоне ее называют "Yeth (языческие) гончие"; {40} в других местах на западе Англии она называется "Гончие желания". {41} Это обоз несчастных душ тех, кто умер некрещеным, или от насильственных рук, или под проклятием, и часто их предводителем является Воден. {42} По крайней мере с XVII века это "бушующее воинство" (*das wüthende Heer*) в немецком фольклоре особенно ассоциируется с Рождеством, {43} а в Исландии оно носит название "воинство Йоля". {44}

В Гернси считается, что силы тьмы более чем обычно активны между днем святого Томаса и кануном Нового года, и после наступления ночи выходить на улицу опасно. Людей сбивает с пути Уилл из Мудрости, их преследуют большие черные собаки, или их путь преграждают белые кролики, которые скачут прямо под ногами. {45}

В Англии есть признаки того, что раньше во время Двенадцати дней искали сверхъестественных гостей. Во-первых, существовал обычай с особой тщательностью очищать дом и его утварь. В Шропшире, например, "оловянные и медные сосуды должны были быть настолько яркими, чтобы служанки могли видеть, как надевать в них чепцы, - иначе феи ущипнут их, а если все было идеально, работница могла найти монету в своей туфле". Опять же в Шропшире особое внимание уделялось тому, чтобы убрать все, что намокло или "бэк-ли" для стирки, и в течение двенадцати дней нельзя было заниматься прядением. {46} В других местах говорили, что если на прялке останется лен, то придет дьявол и срежет его. {47}

Запрет на прядение может быть связан с церковным освящением этого времени года и представлением о том, что всякая работа в это время является неправильной. Это церковное освящение может также лежать в основе датской традиции, согласно которой с Рождества до Нового года не следует приводить в движение ничего, что бегает вокруг, {48} и немецкой идеи о том, что в течение двенадцати дней нельзя молотить, иначе испортится вся кукуруза в пределах слышимости. Ожидание жутких гостей в английских традициях, однако, требует особого внимания; возможно, именно из-за их прихода дом должен быть безупречно чистым и в нем должно быть как можно меньше вещей, на которых они могут навести порчу. {49} Хотя я не знаю ни одного отдельного английского поверья о 241 возвращении семейных мертвецов на Рождество, возможно, феи, которых ждут в Шропшире, изначально были призраками предков. Такое происхождение эльфов и брауни, которые преследуют очаг, весьма вероятно. {50}

Поверье о дьяволе, режущем лен, оставленный на прялке, связывает английские суеверия с таинственной *Фрау* с разными именами, которая в Германии, как предполагается, совершает обход во время Двенадцати ночей. Она имеет особое отношение к прядению, часто наказывая девушек, оставляющих лен непряденным. В центральной Германии и в некоторых районах Австрии ее называют Фрау Холле или Хольда, в южной Германии и Тироле - Фрау Берхта или Перхта, на севере до Гарцских гор - Фрау Фрин или Фрик, Фру Годе или Фру Харке, есть и другие имена. {51} Предпринимались попытки оспорить ее притязания на звание древней тевтонской богини и доказать, что она - творение Средневековья, представительница толпы призраков, которые, как предполагается, особенно близки к живым на Рождество. {52} Сомнительно, чтобы ее можно было объяснить таким образом, и за разными именами, на которые, несомненно, наложились более поздние суеверия, может скрываться традиционная богиня, соответствующая той старой богине Фригг, которой мы обязаны именем Пятницы. Связь Фрика с Фригг весьма вероятна, и Фрик имеет общие черты с другими *фрау*. {53}

Все они связаны с прядением и пряхами (в прямом смысле). Фру Фрик или Фрин в Укермарке и северном Гарце не разрешает прясть в то время, когда она совершает обход, а если есть ленивые пряхи, то она пачкает непряденный лен на их дистах. Подобным образом наказывают ленивых девушек Хольда, Харке, Берхта и Годе. {54}

О характерах *фройн* лучше всего можно судить по тому, что о них рассказывают в разных регионах. Их больше боятся, чем любят, но если они суровы в своих наказаниях, то и щедро награждают тех, кто оказывает им услуги.

В Мекленбурге говорят, что фрау Гауде (также называемая Годе, Гауе или Воде) любит ездить по деревенским улицам в Двенадцать ночей с вереницей собак. Куда бы она ни открыла дверь, она посылает туда маленькую собачку. Наутро он виляет своим 242-хвостом перед жильцами, скулит и не желает уходить. Если его убьют, днем он превращается в камень, который, хотя его можно выбросить, всегда возвращается и к ночи снова становится собакой. Весь год он скулит и приносит несчастье в дом, поэтому люди стараются держать двери на улице закрытыми в течение двенадцати ночей. {55}

Однако удача сопутствует тем, кто оказывает услугу фрау Гауде. Человек, поставивший новый шест к ее карете, был блестяще отплачен - упавшие с шеста щепки превратились в сверкающее золото. Похожие истории о золотых щепках рассказывают о Хольде и Берхте. {56}

Поезд собак принадлежит не только фрау Гауде, но и фрау Харке; с этими воющими зверями они по ночам беснуются в воздухе. *{57} Фрау* в некоторых аспектах действительно являются лидерами "Дикого воинства".

Хольда и Перхта, как показывают некоторые странные истории, являются проводниками и хранителями *хеймхен* или душ детей, умерших некрещеными. В долине реки Заале, говорится в одной из историй, Перхта, королева *хеймхенов*, издревле имела свое жилище, и по ее приказу дети поливали поля, а она работала плугом. Но жители этих мест были неблагодарны, и она решила покинуть их землю. Однажды ночью паромщик увидел на берегу Заале высокую статную даму с толпой плачущих детей. Она потребовала, чтобы ее переправили, и дети, горько плача, затащили в лодку плуг. В награду за переправу Перхта, чинившая свой плуг, указала на щепки. Мужчина ворчливо взял три, и к утру они превратились в золотые. {58}

Хольда, чье имя означает "добрая", - самая дружелюбная из *фройн*. В Саксонии она награждает прилежных прях, а в канун Нового года, между девятью и десятью часами, проезжает в карете, полной подарков, по деревням, где к ней проявили уважение. По щелчку ее кнута люди выходят, чтобы принять ее подарки. В Гессене и Тюрингии ее представляют как прекрасную женщину в белом одеянии с длинными золотыми волосами, а когда идет сильный снег, люди говорят: "Фрау Холле отряхивает свою перину". {59}

243Море медведя в целом - это Берхте или Перхте (имя пишется по-разному). Она особенно связана с кануном Богоявления, и возможно, что ее имя происходит от старонемецкого *giper(c)hta Na(c)ht*, яркая или сияющая ночь, относящаяся к проявлению славы Христа. {60} В Каринтии Богоявление до сих пор называется *Berchtentag*. {61}

Берхте - это иногда бугай, которым пугают детей. В горах вокруг Траунштайна в Крещенский сочельник детям говорят, что если они будут непослушными, то она придет и разрежет им животы. {62} В Верхней Австрии девушки должны закончить прядение к Рождеству; если фрау Берх найдет лен на их мотках, она разгневается и пошлет им несчастье. {63}

В Орлагау (между Заале и Орле) в ночь перед Двенадцатым днем Перхта осматривает прядильни и приносит прядильщицам пустые катушки с указанием прокрутить их до конца в течение очень короткого времени; если этого не происходит, она наказывает их тем, что запутывает и пачкает лен. Она также разрезает тело того, кто в этот день не ел *земмеде* (постное блюдо из муки, молока и воды), вынимает из него всю остальную пищу, заполняет пустое место соломой и кирпичами и зашивает его заново. {64} И все же, как мы видели, у нее есть добрая сторона - во всяком случае, она вознаграждает тех, кто ей служит, а в

Штирии на Рождество она даже играет роль Санта-Клауса, выслушивая от детей повторение молитв и награждая их орехами и яблоками. {65}

С ней связана очаровательная тирольская история. В полночь в Крещенский сочельник крестьянин, не слишком трезвый, вдруг услышал позади себя "многоголосый шум, который приближался все ближе и ближе, и вот Берхтль в белой одежде, со сломанным лемехом в руке и со всей своей вереницей маленьких людей пронеслась мимо него, грохоча и болтая. Самый маленький был последним, на нем была длинная рубашка, которая мешала его маленьким босым ножкам и постоянно спотыкалась. У крестьянина хватило ума сжалиться, и он снял с себя подвязку и подпоясал ею младенца, а затем снова отправил его в путь. Когда Берхтль увидела, что он сделал, она обернулась, поблагодарила его и сказала, что в благодарность за его сострадание его дети никогда не будут нуждаться." {66}

244B Тироле, кстати, часто говорят, что Берхтль - это жена Понтия Пилата, Прокула. {67} В итальянских диалектах южного Тироля немецкое Frau Berchta превратилось в *la donna Berta*. {68} Если отправиться дальше на юг, в саму Италию, то можно встретить аналогичное существо, Бефану, чье имя явно является не чем иным, как изменением *Эпифании*. Она настолько явно является частью праздника Богоявления, что мы можем оставить ее для последующего рассмотрения.

Из всех сверхъестественных рождественских гостей самыми яркими, по всей видимости, являются греческие *Kallikantzaroi* или *Karkantzaroi*. {69} Они - ужас греческого крестьянина во время Двенадцати дней; в почве его воображения они пышно расцветают, а для него они - вполне реальная и живая помеха.

Предания о *Калликанцароях* варьируются от региона к региону, но в целом это полуживотные-полулюди, черные, волосатые, с огромными головами, сверкающими красными глазами, козлиными или ослиными ушами, свисающими кроваво-красными языками, свирепыми клыками, обезьяньими руками и длинными кривыми ногтями, и обычно у них ноги какого-нибудь зверя. "С рассвета до заката они прячутся в темных и сырых местах... а ночью выходят наружу и дико бегают туда-сюда, разрывая и сокрушая всех, кто попадается им на пути. Разрушение и расточительство, жадность и похоть - вот их путь". Если дом не подготовлен к их приходу, "и через дымоход, и через дверь они проникают внутрь и устраивают хаос в доме; в беспринципном озорстве они переворачивают и ломают всю мебель, пожирают рождественскую свинину, портят всю оставшуюся воду, вино и еду, и оставляют жильцов полумертвыми от испуга или насилия". Много подобных или гораздо худших проделок они устраивают, пока под крики третьего петуха не уводят их в свои норы. Сигнал к их окончательному уходу подается только на Богоявление, когда, как мы видели в главе IV, происходит "Освящение воды". Часть освященной воды наливают в сосуды, и с ними и с благовониями жрецы иногда обходят деревню, окропляя людей и их дома. Страх 245 *Калликанцароя* перед этим очищением выражен в следующих строках:-.

"Быстрее, уходите! Мы должны уйти,
Вот идет священник с горшком,
С кадильницей в руке
И сосуд для окропления тоже;
Он очистил ручьи
А он загрязнил нас".

Помимо церковного очищения, существуют различные христианские меры предосторожности против *Калликанцароя* - например, пометить дверь дома черным крестом

в канун Рождества, сжечь ладан и воззвать к Троице, а также ряд других средств отвращения: зажигание йольского полена, сжигание чего-то сильно пахнущего и, возможно, в качестве мирной жертвы - подвешивание свиных костей, сладостей или сосисок в дымоходе.

Считается, что вампиры иногда становятся вампирами на время своей жизни, так и живые мужчины, согласно одному из течений традиции, превращаются *в Калликанцароев*. В Греции считается, что дети, рожденные на Рождество, могут обладать этим нежелательным свойством в наказание за грех их матерей, родивших их в священное для Богоматери время. В Македонии {70} люди, имеющие "светлого" ангела-хранителя, подвергаются отвратительному превращению.

Было предпринято множество попыток объяснить *калликанцароев*. Возможно, наиболее правдоподобным объяснением, по крайней мере, внешнего вида этих жутких существ, является теория, связывающая их с маскарадами, которые были частью зимнего праздника Диониса и до сих пор встречаются в Греции на Рождество. Отвратительные звериные фигуры, шум и беспорядок вполне могли показаться демоническими простым людям, слегка "возвышенным", возможно, рождественскими пиршествами, в то время как человеческая природа маскеров не была полностью забыта. {71} Была выдвинута и другая, еще более прозаическая теория - "что Калликанцарои - это не более чем устоявшиеся кошмары, ограниченные, как несварение желудка, двенадцатью днями пиршества". Этой точки зрения придерживается Аллатий, который говорит, что калликантзарос обладает всеми характеристиками кошмара, буйствует за границей и прыгает на плечи людей, а затем оставляет их полубесчувственными на земле." {72}

Такие теории гениальны и наводят на размышления, и, возможно, в какой-то степени верны, но они вряд ли охватывают все факты. Не исключено, что *Калликанцарои* имеют какое-то отношение к усопшим; они определенно похожи на современного греческого и славянского вампира, "труп, наделенный некой полужизнью", и с глазами, сверкающими, как живые угли. {73} Однако они еще более тесно связаны с оборотнем - человеком, который, как предполагается, превращается в волка и ходит по улицам в поисках хищников. Следует отметить, что "люди-волки" (λυκανθρωποι) - именно так называются *калликанцарои* на юге Греции, а само слово *Kallikantzaros* было предположительно выведено Бернхардом Шмидтом из двух турецких слов, означающих "черный" и "оборотень". {74} Связь между Рождеством и оборотнями существует не только в Греции. Согласно поверью, еще не исчезнувшему на севере и востоке Германии, даже там, где настоящие животные давно вымерли, дети, рожденные во время Двенадцати ночей, становятся оборотнями, а в Ливонии и Польше этот период является особым сезоном для воронов-оборотней. {75}

Пожалуй, ни в одном вопросе, связанном с первобытной религией, нет большей неопределенности, чем в представлениях раннего человека о природе животных и их отношении к себе и миру. Когда мы встречаемся с полуживотными, полулюдьми, мы должны быть готовы к тому, что многое будет непонятно.

С *калликанцароями* можно сравнить некоторых гоблинов кельтского воображения; особенно похож на них манкский *Fynnodderee* (дословно "волосатый дун"), "нечто среднее между человеком и зверем, покрытый черной лохматой шерстью, с огненными глазами" и невероятно сильный. {76} Русский *Домовой*, или домовой-дух, также является волосатым существом, {77} а русские *Лешие*, козлоногие лесные духи, как и *Калликанцарои*, должны быть избавлены "Благословением вод" на Богоявление. {78} Некоторые из уже рассмотренных здесь чудовищных германских фигур 247 имеют сильное сходство с

греческими демонами. И, конечно, на греческой почве нельзя не вспомнить о Пане, сатирах и кентаврах. [98]

248249250251

ГЛАВА X

ЮЛЕВОЕ БРЕВНО

> Полено как центр домашнего Рождества - Обычаи южных славян - *Полазник* - Происхождение Йольского полена - Вероятная связь с растительными культами или поклонением предкам - *Суш де Ноэль* во Франции - Итальянские и немецкие рождественские полена - Английские обычаи - Йольская свеча в Англии и Скандинавии.

Народы Европы по-разному относятся к празднованию Рождества. В Испании и Италии колыбель часто является центром праздника как в доме, так и в церкви. В Англии - по старой традиции - в сельской Франции и у южных славян центром является большое полено, торжественно принесенное и зажженное на очаге, а в Германии, что уж говорить, высшим символом Рождества является украшенная светом елка. Колыбель уже была рассмотрена в первой части нашей книги, а йольское полено и рождественская елка - в этой и следующей главах.

Полено, положенное на огонь в Рождественское бдение, больше не является важной частью английского Рождества. Однако в памяти многих оно было очень важным элементом празднования праздника, не только как дающее долгожданное тепло в зимнюю стужу, но и как обладающее оккультными, магическими свойствами. В некоторых отдаленных уголках Англии он, вероятно, сохранился до сих пор. Мы вернемся к традиционному английскому йольскому полену после изучения некоторых континентальных обычаев того же рода.

Сначала мы отправимся в восточную часть Европы, где обряды с поленом представлены в самой изощренной форме. Среди сербов и хорватов в канун Рождества для каждого дома срубают два или три молодых дуба, которые с наступлением сумерек приносят в дом и кладут на огонь. (Иногда по одному на каждого 252 члена семьи, но центром ритуала является одно большое полено). В некоторых районах рубка происходит до восхода солнца, на деревья бросают кукурузу со словами: "Доброе утро, Рождество!" В Рисано и других местах Нижней Далмации женщины и девушки обматывают стволы дубов красным шелком и золотой проволокой, украшают их листьями и цветами. Пока их несут в дом, по обе стороны от двери держат зажженные светильники. Когда отец дома переступает порог в сумерках с первым поленом, один из членов семьи бросает на него кукурузу или, в некоторых местах, вино . Затем полено или *бадняк* кладут на огонь. В Рагузе отец дома посыпает *бадняк* кукурузой и вином и говорит, когда пламя разгорается: "Благополучно рождение твое!". В горах над Ризано он не только поливает бадняк вином, но и берет чашу с кукурузой, апельсин и лемех и кладет их на верхний конец бревна, чтобы кукуруза хорошо росла, а скот был здоров в течение года. В Черногории, вместо того чтобы бросать кукурузу, он чаще всего отламывает кусок пресного хлеба, кладет его на бревно и возливает на него вино. {1}

Первый визит на Рождество считается важным - мы можем сравнить это с "первым шагом" на Британских островах 1 января - и для того, чтобы пришел именно тот человек, который нужен, специально выбирают так называемого *поляника*. Никто посторонний, кроме этого

поляника, не может войти в дом на Рождество, где строго соблюдаются обряды. Он появляется рано утром, несет в перчатке кукурузу и вытряхивает ее перед порогом со словами: "Христос родился", после чего кто-то из домочадцев осыпает его кукурузой, отвечая: "Воистину родился". После этого *полазник* идет к костру и заставляет искры лететь из остатков *бадняка*, одновременно произнося пожелание удачи отцу-домохозяину, его хозяйству и дому. Затем на *бадняк* кладут деньги, а иногда и апельсин. Ему не дают догореть до конца; последние остатки огня тушат, а угли кладут между ветвями молодых фруктовых деревьев, чтобы способствовать их росту. {2}

Как мы должны интерпретировать эти практики? Маннхардт считает полено воплощением духа растительности, а его горящие 253 уголька - действенным символом солнечного света, призванным обеспечить благотворное живительное влияние солнца в течение предстоящего года. {3} Однако можно связать его и с другим кругом идей и увидеть в его сожжении торжественное ежегодное разжигание священного огня очага, центра семейной жизни и места обитания предков. Примитивные народы во многих частях света привыкли ассоциировать огонь с человеческим родом, {4} а среди арийских и других народов распространено поверье, что в очаге обитают духи предков. В России, например, "в Ниегородском правлении до сих пор запрещено разбивать тлеющие опилки в печи, потому что это может привести к тому, что предки провалятся в ад. А когда русская семья переезжает из одного дома в другой, огонь переносят в новый, где его принимают со словами: "Добро пожаловать, дедушка, в новый дом!" {5}.

Сэр Артур Эванс в трех статьях в *Macmillan's Magazine* за 1881 год {6} подробно описал рождественские обычаи сербских горцев над Рисано, которые совершают обряды с бревнами с тщательно продуманной церемонией, и объяснил их как так или иначе связанные с поклонением предкам, хотя сами люди придают многим из них христианское значение. Он указал на следующие факты, свидетельствующие о том, что сербское Рождество в основе своей является праздником мертвых: (1) В канун Рождества говорят: "Сегодня ночью Земля сливается с Раем" [*Радж* - обитель мертвых у языческих славян]. (2) Говорят, что некрещеные люди под порогом причитают, "чтобы им принесли восковой светильник и подношения; когда это сделано, они лежат спокойно" - здесь, возможно, сохранилось представление о том, что под дверью обитают духи предков. (3) После рождественской трапезы еду ни в коем случае нельзя убирать, ее оставляют на три дня, очевидно, для домашних духов. (4) Призываются благословения на "отсутствующих", что, по-видимому, означает усопших, и (5) произносится тост и разламывается хлебный пирог в память о "покровителе всех отцов дома", якобы Христа, но, возможно, первоначально основателя семьи. Некоторые из этих обычаев напоминают те, которые мы отмечали в канун Сочельника и в Скандинавии в канун Рождества; другие параллели мы встретим 254 позднее. Среди славянских рас хорошо сохранилась старая организация семьи под руководством выборного старейшины и совместного ведения хозяйства, и мы можем ожидать, что среди отдаленных сербских горцев мы найдем особенно явные следы старой религии очага. Сэр Артур Эванс заметил, что в кривосцианском коттедже, где он останавливался, огниво, стол и табуретки были убраны в укромный уголок, прежде чем были принесены поленья и начались рождественские обряды - что, очевидно, свидетельствует о чрезвычайной древности праздника, поскольку он относится к тому времени, когда подобные орудия были неизвестны. {7}

Если мы примем точку зрения, что духи предков являются центром соблюдения *бадняка*, мы можем рассматривать возлияния на огонь как предназначенные для их блага. По гипотезе солнца и растительности, однако, возлияния должны были бы обеспечивать, с помощью

гомеопатической магии, чередование солнечного света с дождем, необходимым для благополучия растений. [99] {8} Оплодотворяющая сила, которой обладают искры и пепел рождественского полена, часто встречается в фольклоре и может быть объяснена либо уже отмеченной связью огня с человеческим родом, либо, по другой версии, тем, что горящее полено является своего рода таинством солнечного света. Не стоит, пожалуй, исключать мысль о связи полена с растительным духом даже при гипотезе культа предков, поскольку дерево, дающее топливо, могло рассматриваться как источник жизни рода. {9} Сербские обряды, безусловно, очень сильно указывают на некое почитание как самого полена, так и огня, который оно питает.

Теперь мы можем вернуться в Западную Европу. Во Франции рождественское полено или *souche de Noël* распространено в менее модернизированных местах, особенно на юге. В Дофине его называют *chalendal*, в Провансе - *calignaou* (от *Kalendae*, конечно) или *tréfoir*, в Орне - *tréfouet*. В канун Рождества в Провансе вся семья торжественно выходит на улицу, чтобы принести полено. Тем временем поют песню, молясь о благословении для дома, чтобы женщины рожали детей, козы-няньки - детей, а овцы - ягнят, чтобы кукуруза и мука были в изобилии, а бочонок - полон вина. Затем младший ребенок в семье выливает вино на полено во имя Отца, Сына и Святого Духа. Затем полено бросают в огонь, а уголь хранят весь год и используют как средство от различных недугов. {11}

Другой рассказ приводит в своих "Мемуарах" Фредерик Мистраль, провансальский поэт. В канун Рождества все, говорит он, рассказывая о своем детстве, отправлялись за йольским поленом, которое должно было быть вырезано из фруктового дерева: - "Идя в ряд, мы несли его.

> "Выстроившись в ряд, мы несли его домой, во главе со старшим, а я, последний родившийся, шел позади. Трижды мы обошли кухню, затем, прибыв на камни очага, отец торжественно вылил на полено бокал вина со словами посвящения:
>
> "Радость, радость. Пусть Господь осыплет нас радостью, мои дорогие дети. Рождество приносит нам все блага. Дай Бог нам благодать встретить Новый год, и если мы не увеличиваемся в числе, пусть мы ни в коем случае не уменьшаемся".
>
> Мы хором ответили:
>
> "Радость, радость, радость!" и подняли полено на огненную собаку. Затем, когда вскидывалось первое пламя, отец перекрещивался, говоря: "Гори полено, о огонь", и с этим мы все садились за стол". {12}

В некоторых местах *трифоир* или *тисон де Ноэль* сжигают каждый вечер в течение Тринадцати ночей. Если положить уголь под кровать, то он круглый год защищает дом от молний; соприкосновение с ним предохраняет людей от обморожения, а животных - от различных болезней; смешанный с кормом, он заставляет коров телиться; брошенные в почву его зерна сохраняют кукурузу здоровой. В Перигоре часть, которая не была сожжена, используется как часть плуга, и считается, что это способствует процветанию семян; женщины также хранят некоторые фрагменты до Богоявления, чтобы их домашняя птица могла процветать. {13} В Бретани *тизон* служит защитой от молний, а его пепел кладут в колодцы, чтобы вода была хорошей. {14}

На севере Италии также известно (или было известно) полено - пьемонтцы называют его *suc* , а в Тоскане Рождество называется в честь него *Festa di Ceppo*. В Валь-ди-Кьяна в канун Рождества собирается вся семья, на огонь ставится большое полено, детям завязывают глаза и они должны бить его щипцами, при этом поется *Ave Maria del Ceppo*. {15} Под

названием в Ломбардии *zocco*, в Тоскане *ciocco*, *di Natale*, йольское полено было в давние времена распространено в итальянских городах; обычай можно проследить до одиннадцатого века. В небольшой книге, напечатанной, вероятно, в Милане в конце XV века, приводятся подробные сведения о соблюдаемом ритуале, и мы узнаем, что в канун Рождества отец или глава семьи собирал всех членов семьи и с великой преданностью, во имя Святой Троицы, брал полено и клал его на огонь. Под него клали можжевельник, а на верхушку клали деньги, которые потом отдавали слугам. Вино в изобилии трижды выливали на огонь, когда глава дома выпивал и угощал всех присутствующих. По старинному итальянскому обычаю, пепел от *зокко* хранился для защиты от града. Современное суеверие состоит в том, чтобы хранить несколько щепок дерева и сжигать их в кострах, разводимых для шелковичных червей; считается, что, сожженные таким образом, они отпугивают болезни от этих существ. {16}

Во многих частях Германии можно проследить обычаи, связанные с йольским поленом. Например, в Гессене и Вестфалии в канун или день Рождества было принято класть на огонь большой кусок дерева и, как только он немного обуглится, снимать его и сохранять. Когда грозила буря, его снова разжигали для защиты от молний. Это называлось *христовым брендом*. {17} В Тюрингии перед сном в костер кладут *христово* полено, чтобы оно горело всю ночь. Его остатки хранят, чтобы защитить дом от огня и несчастья. В некоторых районах Тюрингии, а также в Мекленбурге, Померании, Восточной Пруссии, Саксонии и Богемии огонь поддерживается всю ночь на Рождество или Новый год, а пепел используется для избавления скота от паразитов и защиты растений и фруктовых деревьев от насекомых. {18} В стране между реками Зиг 257 и Лан в течение тринадцати ночей на полях рассыпают пепел от дубового полена, чтобы повысить их плодородие. В Швеции также была известна некоторая форма йольского полена, {19} а в Греции, как мы уже видели, сжигание полена до сих пор считается защитой от *Калликанцароя*.

Что касается английских обычаев, то их вряд ли можно представить лучше, чем в словах Херрика

"Приходите, приходите, с шумом,
Мои веселые, веселые ребята,
Рождественское полено на растопку:
Пока моя добрая дама
Приказывает вам всем быть свободными,
И выпить за ваши желания".

С прошлогодней маркой
Зажгите новый блок, и
За успех в его тратах,
На псалтыри играйте,
Чтобы удача
Come while the log is a-teending." [100] {20}

Особо отметим, что полено должно быть разожжено прошлогодней маркой; здесь явно прослеживается мысль о том, что зажигание полена на Рождество - это уменьшенный остаток поддержания вечного огня, преемственность которого в какой-то степени сохраняется благодаря использованию марки из прошлогоднего пламени.

Другая традиция и ее происхождение описаны сэром Лоуренсом Гоммом так: "От того, что вечно горит огонь

> "Из того, что огонь должен быть вечно горящим, вытекает, что его нельзя гасить в последний день старого года, чтобы огонь старого года мог сохраниться в новом году. В Ланаркшире считается несчастливым давать кому-либо свет в утро нового года, и поэтому, если огонь в доме потух, приходится прибегать к помощи углей из деревенской кучи [ведь в канун Нового года разводится большой общественный костер]. В некоторых местах самозатухание йоль-лога на Рождество предвещает недоброе" {21}.

На севере Англии во времена зольников, если кто-то не мог раздобыть огонька, бесполезно было просить его у соседа, настолько ужасно невезучим было позволить любому огоньку покинуть дом между кануном Рождества и Новым годом. {22} Идея о несчастье разжигать огонь в январские календы восходит к VIII веку, когда, как мы видели в главе VI, святой Бонифаций упоминал об этом суеверии среди жителей Рима.

В Шропшире эта идея распространяется даже на пепел, который нельзя выбрасывать из дома на Рождество, "боясь бросить его в лицо Спасителю". Возможно, первоначально подобные суеверия были связаны с опасением, что "удача" семьи, домашний дух, может быть унесен с подарком в виде огня из очага. {23}

Когда мисс Берн писала в восьмидесятые годы, в Западном Шропшире еще было много людей, которые помнили, как "Рождественский бренд" подвозили на лошадях к двери фермерского дома и ставили у задней стенки широкого открытого очага, где перед ним разводили пламя. "Угли, - рассказывает один из информаторов, - подгребали к нему каждую ночь, и за ним тщательно следили, чтобы он не погас в течение всего сезона, когда нельзя было ни зажечь, ни дать, ни одолжить". В Клеобури Мортимер на юго-востоке графства молчание комендантского колокола во время "Рождества" указывает на то, что в этот сезон нельзя было тушить костры. {24}

Место йольского полена в Девоншире занимает "пепельный [иногда "пепельный"] огарок", который до сих пор сжигают на многих фермах в канун Рождества. Палочки пепла скрепляются между собой пепельными лентами, и по традиционному обычаю, когда каждая лента сгорает в пламени, для веселящейся компании наливают кварту сидра. {25}

В Англии йольское полено часто дополнялось или заменялось 259 большой свечой. В Рипоне в XVIII веке в канун Рождества чандлеры посылали своим клиентам большие свечи, а куперы - поленья дров. {26} Хэмпсон, писавший в 1841 году, пишет: "В некоторых местах свечи делают из дерева.

> "В некоторых местах свечи делают особого вида, потому что свеча, которую зажигают на Рождество, должна быть такой большой, чтобы гореть с момента зажигания и до конца дня, иначе она предвещает семье зло на весь последующий год". Бедные дарили богатым восковые свечи, а на севере Шотландии купцы до сих пор дарят их своим покупателям. Одно время дети в деревенских школах Ланкашира должны были принести каждому по формовой свече перед *расставанием* или уходом на рождественские каникулы." [101] {27}

В скандинавских странах йольская свеча занимает или занимала очень важное место. В Западной Ютландии (Дания) на праздничной доске стояли две большие таловые свечи. Никто не смел прикасаться к ним или гасить их, а если по какой-то случайности одна гасла,

это было предзнаменованием смерти. Они обозначали мужа и жену, и тот из супругов, чья свеча горела дольше, переживет другого. {28}

В Норвегии также ставили на стол два светильника. {29} Во всех скандинавских землях йольская свеча должна была гореть всю ночь; ее не гасили до восхода солнца или, как говорили в других местах, до начала службы на Рождество. Иногда тушить свечу должен был старейший член семьи или отец семейства. В Норвегии свечу зажигали каждый вечер до Нового года. Хотя она предвещала смерть, если гасла, но пока горела должным образом, проливала своим светом благословение, и, чтобы обеспечить изобилие благ, деньги, одежду, еду и питье раскладывали так, чтобы ее лучи падали на них. Остатки свечи использовались различными способами на благо людей и зверей. Иногда ими клеймили крест на животных в рождественское утро; в Швеции плуг смазывали 260-ю таловыми свечами, когда впервые использовали его весной. Или опять же сало давали птицам; и, наконец, в Дании концы салфетки сохраняли и сжигали в грозовую погоду, чтобы защитить дом от молнии. {30} Здесь есть аналогия с использованием рождественского полена, а также свечей Сретения (см. главу XVI.).

261262263

ГЛАВА XI

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА, УКРАШЕНИЯ И ПОДАРКИ

Рождественская елка - немецкое творение - очарование немецкого Рождества - ранние елки - рождественская пирамида - распространение елки в современной Германии и других странах - происхождение рождественской елки - поверья о цветущих деревьях на Рождество - вечнозеленые деревья на Календах - негерманские параллели с рождественской елкой - рождественские украшения, связанные с древними обычаями Календ - аромат остролиста и омелы - полы, устланные соломой - рождественские и новогодние подарки, их связь с римским *праздником Strenae* и St. Николая - Представления в разных странах - Рождественские открытки.

НЕМЕЦКАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА В XVIII ВЕКЕ.

С гравюры Джозефа Келлнера.

Рождественская елка.

Самым распространенным, а для детей и самым восхитительным из всех праздничных учреждений является рождественская елка. Благодаря своей живописности и веселому очарованию она быстро распространилась по всей Европе, не имея корней в национальных традициях, ведь, как известно, это немецкое творение, и даже в Германии она обрела свою нынешнюю огромную популярность только в XIX веке. В Германию, конечно же, нужно ехать, чтобы увидеть дерево во всей его красе. Многие утверждают, что ни одно другое Рождество не может сравниться с немецкой *елкой*. "Это, - пишет мисс И. А. Р. Уайли, - та детская, открытая простота, которая, как мне кажется, делает Рождество по сути немецким, или, во всяком случае, объясняет, почему нигде в мире оно не находит такого чистого выражения. Немец сам по себе прост, сердечен, непритязателен, в его основе есть что-то детское в лучшем смысле этого слова. Он - последний "Naturmensch" в цивилизации". Рождество подходит ему "так же, как пьеса подходит актеру, для характера и темперамента которого она была специально написана". {1}

264B Германии рождественская елка - не роскошь для обеспеченных людей, как в Англии, а необходимость, самый центр праздника; никто не слишком беден или слишком одинок, чтобы иметь ее. В немецком *Weihnachtsbaum* есть что-то романтическое и удивительное, чего нет в английских елках. С одной стороны, возможно, в стране лесов елка кажется более уместной; это своего рода таинство, связывающее человека с тайнами леса. Опять же, немецкое дерево - это просто предмет красоты и сияния; с его ветвей не свисают утилитарные подарки - они разложены на столе, и дерево - это чистое великолепие ради великолепия. Какой бы убогой она ни казалась днем, ночью это настоящее чудо, сияющее бесчисленными огнями и сверкающими украшениями, с плодами из золота и мерцающими фестонами из серебра. А еще - торжественность, которой он окружен; долгие тайные приготовления за закрытыми дверями и, когда наступает канун Рождества, внезапное раскрытие скрытого великолепия. Немцы относятся к своему *Weihnachtsbaum* с религиозным чувством, пришедшим, как можно предположить, из какого-то смутного почитания лесных деревьев предками.

Когда приближается Рождество, рыночная площадь немецкого города заполняется миниатюрным лесом елей; деревья продают старушки в причудливых костюмах, а витрины магазинов полны свечей и украшений для их украшения. Миссис Альфред Сиджвик в своей книге "Домашняя жизнь в Германии" дает восхитительную картину такого рождественского базара в "одном из старых немецких городов в горной стране, когда улицы и открытые места покрыты хрустящим чистым снегом, а горы белы от него..... Воздух холоден и неподвижен, в нем витает аромат елок, привезенных из леса на радость детям. С каждым днем ряды их редеют, и если вы пойдете на рынок в сам сочельник, то найдете лишь несколько деревьев, оставленных на морозе. Рынок пуст, крестьяне запрягают лошадей или волов, женщины собирают непроданный товар. В каждом доме города одно из деревьев, которое неделю назад благоухало под открытым небом, теперь сияет огнями и маленькими позолоченными орехами и яблоками, и способствует тому, что рождественский запах, весь компакт соснового леса, восковых свечей, пирожных и расписных игрушек, должен ассоциироваться у вас с Рождеством в Германии, пока вы живете." {2}

Даже в Лондоне можно получить представление о тевтонском Рождестве на полунемецких улицах вокруг Фицрой-сквер. Они достаточно лысые и унылые, но на Рождество то тут, то там в окнах сияет зажженная елка, а в самой прозаической лютеранской церкви на Кливленд-

стрит можно увидеть невиданное зрелище - две большие ели, украшенные белыми свечами, стоящие по одной с каждой стороны кафедры. В церкви немецких католиков, церкви Святого Бонифация в Уайтчепеле, тоже есть две рождественские ели, странно украшенные разноцветными блестящими шарами и длинными нитями золотых и серебряных *энгельсар*. Свечи зажигаются на Бенедикции во время праздника, и между сияющими деревьями совершается торжественный ритуал, который проводят священник и толпа мальчиков-служителей в алом и белом с лампадами и ладаном.

Существует красивая история об учреждении *Weihnachtsbaum* Мартином Лютером: как, побродив однажды в канун Рождества под ясным зимним небом, освещенным тысячей звезд, он поставил для своих детей елку с бесчисленными свечами - образ звездного неба, с которого сошел Христос. Однако это относится к области легенд; первое историческое упоминание о рождественской елке содержится в записках неизвестного горожанина из Страсбурга, написанных в 1605 году. "На Рождество, - пишет он, - в Страсбурге устанавливают ели в гостиных и вешают на них розы, вырезанные из разноцветной бумаги, яблоки, вафли, золотую фольгу, сладости и т. д." {3}.

В следующий раз мы встречаемся с деревом во враждебном упоминании у выдающегося страсбургского богослова, доктора Иоганна Конрада Даннхауэра, профессора и проповедника кафедрального собора. В своей книге "Молоко катехизиса", опубликованной в середине XVII века, он говорит о "рождественской или еловой ели, которую люди устанавливают в своих домах, увешивают куклами и сладостями, а затем трясут и сбрасывают". "Откуда взялся этот обычай, - говорит он, - я не знаю; это детская забава..... Гораздо лучше было бы указать детям на духовный кедр, Иисуса Христа." {4}

Ни в одной из этих ссылок нет упоминания о свечах - 266 самой очаровательной особенности современного дерева. Однако они появляются в латинской работе о рождественских подарках Карла Готфрида Кисслинга из Виттенбергского университета, написанной в 1737 году. Он рассказывает, как одна знакомая ему деревенская дама поставила по маленькой елочке для каждого из своих сыновей и дочерей, зажгла свечи на елках или вокруг них, разложила под ними подарки и позвала своих детей одного за другим в комнату, чтобы они взяли елки и подарки, предназначенные для них. {5}

С наступлением XVIII века упоминания о *Weihnachtsbaum* становятся все более частыми: Юнг Штиллинг, Гете, Шиллер и другие упоминают о нем, и к концу века его использование, по-видимому, стало довольно распространенным в Германии. {6} Во многих местах, однако, он не был распространен до конца восемнадцатых годов: это был скорее протестантский, чем католический институт, и он медленно пробивался в регионы, где придерживались более старой веры. {7} Зажиточные горожане принимали его первыми, а крестьяне - медленно. В Старой Баварии, например, в 1855 году она была совершенно неизвестна в сельской местности, да и сегодня она не очень распространена, разве что в городах. {8} "В целом, - писал доктор Тилле в 1893 году, - он более популярен на протестантском севере, чем на католическом юге" {9}, но в то время его популярность быстро росла.

В XIX веке в Саксонии елку часто заменяла так называемая "пирамида" - деревянное сооружение, украшенное разноцветной бумагой и гирляндами, которое до сих пор можно встретить в сельской местности. Эти пирамиды были очень популярны среди мелкой *буржуазии* и ремесленников, и их хранили от одного Рождества до другого. {10} В Берлине пирамида тоже была когда-то очень распространена. Там ее украшали зелеными веточками, а также свечами и цветной бумагой, и она больше напоминала рождественскую елку. {11} Тик упоминает об этом в своем рассказе "Weihnacht-Abend" (1805). {12}

Пирамиды без огней были известны в Англии до 1840 года. В Хартфордшире они были сформированы из позолоченных вечнозеленых растений, яблок и орехов, и их несли в качестве подарков перед Рождеством. В Херефордшире они были известны на Новый год. {13}

267Рождественская ель появилась во Франции в 1840 году, когда принцесса Элен Мекленбургская привезла ее в Париж. В 1890 году в Париже было продано от тридцати до тридцати пяти тысяч елок. {14}

В Англии о нем упоминается в 1789 году, {15} но его использование не стало всеобщим примерно до восемнадцати сороковых годов. В 1840 году королева Виктория и принц Альберт завели рождественскую елку, и мода распространилась, пока не стала полностью натурализованной. {16} В Дании и Норвегии она была известна в 1830 году, а в Швеции - в 1863 году (среди шведского населения на побережье Финляндии она, по-видимому, вошла в обиход в 1800 году). {17} В Богемии он упоминается в 1862 г. {18} Он также встречается в России, США, Испании, Италии, Голландии, {19} и, конечно же, в Швейцарии и Австрии, которые в значительной степени являются немецкими по языку и обычаям. В негерманских странах это скорее удел зажиточных слоев, чем народных масс.

Рождественская елка - это, по сути, домашний праздник. Тем не менее, она попала в протестантские церкви Германии, а из них - в католические. Даже швейцарские цвинглиане, при всем их пуританстве, не исключают ее из своих голых, выбеленных вееров. Например, в Мюнстертале, долине Ромоншской речи у Нижнего Энгадина, на Рождество в церкви стоит елка, украшенная свечами, фестонами, подарками и змеями-сквибами, и священнику трудно вести службу, потому что все время, кроме молитвы, народ пускает фейерверки. В один из дней между Сочельником и Новым годом в церкви происходит грандиозное вручение подарков. {20}

В Мюнхене, как, несомненно, и в других городах, елка появляется не только в церкви и в доме, но и на кладбище. Могилы умерших в канун Рождества украшают остролистом, омелой и маленькой елочкой с мерцающими огоньками - трогательный знак памяти, попытка, возможно, приобщить усопших к яркости праздника. {21}

Вопрос о происхождении рождественских елок представляет большой интерес. Хотя их родство с другими таинствами 268 вегетации-духа очевидно, трудно с уверенностью сказать об их точном происхождении. Доктор Тилле считает, что они произошли от соединения двух элементов: старого римского обычая украшать дома лаврами и зелеными деревьями на январские календы и народного поверья, что в канун Рождества яблони и другие деревья распускаются и приносят плоды. {22}

До появления собственно рождественской елки - ели с огнями и украшениями, часто имитирующими и всегда напоминающими цветы и фрукты, - было принято ставить деревья вроде вишни или боярышника в воду или в горшки в помещении, чтобы они распускались и цвели на Новый год или Рождество. {23} Даже сегодня в некоторых районах Австрии можно встретить практику сбора веток, чтобы они распустились на Рождество. В Каринтии девушки в день святой Люсии (13 декабря) втыкают ветку вишни в мокрый песок; если она расцветет на Рождество, их желания исполнятся. В других местах ветки груши и вишни собирают в День святой Варвары (4 декабря), а в Южном Тироле вишневые деревья удобряют известью в первый четверг Адвента, чтобы они расцвели на Рождество. {24} Возможно, этот обычай связан с легендарными преданиями о чудесном преображении природы в ночь рождения Христа, когда в реках вместо воды текло вино, а деревья стояли в полном цвету, несмотря на лед и снег. {25}

В Англии существовало старое поверье о цветущих на Рождество деревьях, связанное с известной легендой о святом Иосифе Аримафейском. Когда святой поселился в Гластонбери, он посадил свой посох в землю, и тот пустил листья, более того, он расцветал каждый сочельник. Этой особенностью обладал не только оригинальный терн в Гластонбери, но и деревья того же вида в других частях Англии. Когда в 1752 году новый стиль был заменен старым, в результате чего Рождество наступило на двенадцать дней раньше, людям стало любопытно посмотреть, как поведут себя терновые деревья. Говорят, в Куинтоне в Бакингемшире две тысячи человек вышли в канун нового Рождества, чтобы посмотреть на терновник, который имел рождественскую привычку цвести. Поскольку никаких признаков бутонов не было видно, они сошлись во мнении, что новое Рождество не может быть правильным, и отказались его хранить. В самом Гластонбери 24 декабря ничего не произошло, но 5 января, в правильный день по старому стилю, терновник расцвел как обычно. [102] {26}

Давайте обратимся к обычаям Римской империи, которые, возможно, отчасти ответственны за появление немецкой рождественской елки. Как мы узнаем из Либания, Тертуллиана и Хризостома, практика украшать дома вечнозелеными деревьями на январские календы была распространена по всей империи. Мрачное осуждение таких украшений и сопровождающих их огней можно процитировать у Тертуллиана; оно представляет собой беременный контраст языческого и христианского. "Пусть, - говорит он о язычниках, - зажигают светильники те, у кого нет света; пусть прикрепляют к косякам дверей лавры, которые впоследствии будут сожжены, те, для кого огонь близок; для них эти встречи - свидетельство тьмы и предзнаменование наказания. Но ты, - говорит он христианину, - свет мира и дерево вечнозеленое; если ты отрекся от храмов, не делай храма у дверей дома своего" {27}.

То, что эти новогодние обычаи империи имели отношение к *Weihnachtsbaum*, вполне возможно, но, с другой стороны, они имеют более близкие параллели в некоторых народных обычаях, которые никоим образом не предполагают римского или греческого влияния. Не только на Рождество в Германии можно встретить церемониальные "елки". В Эрцгебирге во время летнего солнцестояния танцуют вокруг "дерева святого Иоанна", пирамиды, украшенной гирляндами и цветами и освещаемой ночью свечами. {28} В середине лета "в городах Верхнего Гарца высокие ели, с ободранной корой на нижних стволах, ставились на открытых местах и украшались цветами и яйцами, которые раскрашивались в желтый и красный цвета. Вокруг этих деревьев днем танцевали молодые, а вечером - старые"; {29} а на голландской земле в Гелдерланде и Лимбурге в начале мая деревья украшали огнями. {30}

Ближе к Рождеству в некоторых 270 эльзасских деревнях встречается новогодний обычай: украшение фонтана "маем". Девушки, посещающие фонтан, покупают небольшую ель или куст остролиста и украшают его лентами, яичной скорлупой и маленькими фигурками, изображающими пастуха или мужчину, бьющего свою жену. Все это устанавливается над фонтаном в канун Нового года. Вечером следующего дня снег тщательно убирают, а девушки танцуют и поют вокруг фонтана. Парни могут участвовать в танцах только с разрешения девушек. Дерево хранится весь год как оберег для тех, кто его установил. {31}

В Швеции до появления немецкого типа деревьев было принято ставить молодые сосны, очищенные от коры и веток, возле домов на Рождество. {32} Английская параллель, которая не предполагает никакого заимствования из Германии, ранее встречалась в Бро в Уэстморленде в Двенадцатую ночь. Через город процессией проносили остролист с факелами, прикрепленными к его ветвям. В конце концов его бросили среди жителей, которые разделились на две партии, одна из которых пыталась отнести дерево в один трактир, а другая - в конкурирующий. {33} Мы имеем здесь довольно очевидную борьбу двух

фракций - возможно, двух кварталов города, которые когда-то были отдельными деревнями, - за обладание священным предметом. [103]

Наконец, мы можем найти параллели в двух отдаленных уголках Европы. На острове Хиос - здесь мы находимся на греческой земле - арендаторы имеют обыкновение предлагать своим хозяевам в рождественское утро *рамну* - шест с венками из миртовых, оливковых и апельсиновых листьев, обвязанных вокруг него; "к ним прикрепляются любые цветы, которые можно найти - герани, анемоны и тому подобное, и, в качестве дополнительного украшения, апельсины, лимоны и полоски золота и цветной бумаги." [104] {34} Во-вторых, у черкесов в начале половины XIX века на осеннем празднике под звуки музыки и радостные возгласы в каждый дом вносили молодое грушевое дерево. На нее ставили свечи, а к верхушке прикрепляли сыр. Вокруг него ели, пили и пели. После этого его 271 переносили во двор, где он оставался до конца года. {36}

Хотя в Германии до XVII века не зафиксировано ни одного случая использования елки на Рождество, *Weihnachtsbaum* вполне может быть потомком какого-то священного дерева, которое несли или устанавливали в начале зимнего праздника. В любом случае, он, по-видимому, принадлежит к классу примитивных таинств, наиболее знакомым примером которых для английских народов является майский шест. Это, конечно, ранний летний праздник, но во Франции и Германии известен также майский урожай - большая ветка или целое дерево, украшенное колосьями кукурузы, которое привозят домой на последней телеге с поля урожая и прикрепляют к крыше фермерского дома или амбара, где оно остается на целый год. {37}. Маннхардт показал, что подобные таинства воплощают дух дерева, воспринимаемый как дух растительности в целом, и, как считается, передают его животворящее, плодоносящее влияние. Вероятно, идея контакта с духом роста лежала и в основе римских вечнозеленых украшений, так что независимо от того, связываем мы с ними рождественскую елку или нет, принцип в основе один и тот же.

Наконец, некоторые христианские идеи, помимо идеи цветения деревьев в ночь Рождества Христова, могли повлиять на судьбу рождественской ели. В старых церковных календарях 24 декабря было днем Адама и Евы. Идея заключалась в том, что Христос, второй Адам, своим воплощением возместил ущерб, нанесенный грехом первого. Возникла легенда о том, что Адам, покидая рай, взял с собой яблоко или черенок с Древа познания, и из него выросло дерево, из которого был сделан Крест. Или же говорили, что на могиле Адама выросла веточка с Древа Жизни, и с нее Христос сорвал плод искупления. В раннехристианской поэзии Крест представлялся как Древо Жизни, посаженное заново, приносящее славные плоды тела Христа и исправляющее беду, причиненную неправильным использованием первого дерева. Можно вспомнить стих из "Pange, lingua" Страстной седмицы: - "Крест верный!

"Крест верный, превыше всех прочих,
Единственное и благородное дерево!
Ни в листве, ни в цвету,
Ни в плодах равных тебе нет:
Сладчайшее дерево и сладчайшее железо!
На тебе висит сладчайший груз".

В религиозных рождественских спектаклях райское дерево иногда показывали народу. В Оберуфере, например, это было прекрасное можжевеловое дерево, украшенное яблоками и лентами. Иногда Райским деревом считался сам Христос. {38} Мысль о том, что Он является

одновременно Светом мира и Древом жизни, по крайней мере, могла придать светоносному дереву христианский смысл и способствовать его популярности среди благочестивых людей.

Рождественские украшения.

Мы видели, что рождественская елка может быть развитием, по крайней мере частично, обычая украшать здания вечнозелеными растениями на Новый год, и что такие украшения были распространены по всей Римской империи. [105] Теперь можно рассмотреть тему рождественских украшений в разных странах. Зимой, когда все вокруг коричневое и мертвое, вечнозеленые растения являются проявлением жизни в растительном мире, и они вполне могли использоваться как сакраментальное средство контакта с духом роста и плодородия, которому угрожают силы морока. Особенно ценными были такие растения, как остролист, плющ и омела, которые действительно приносили плоды в зимнее время. {39}

Несмотря на церковные осуждения украшений календ - еще в VI веке *капитул* епископа Мартина Брагского запрещал украшать дома лаврами и зелеными деревьями {40} - этот обычай нашел свое применение даже в церквях, и нигде больше, чем в Англии. По крайней мере, еще в XV веке, согласно книге Стоу "Survay of London", было принято, чтобы на Рождество "каждый дом, а также приходские церкви" "украшались остролистом, плющом, лаврами и всем, что позволяло время года, чтобы быть зеленым". Также были украшены каналы и 273 штандарта на улицах". {41}. Многие люди последнего поколения помнят старый английский способ украшения, когда веточки остролиста и тиса, воткнутые в отверстия на высоких скамьях, превращали церкви в миниатюрные леса. Только на омеле сохранился след церковного табу, да и то не везде: в Йоркском минстере, например, ее клали на алтарь. {42}

Английский народный обычай связал определенные растения с зимним праздником особым восхитительным образом; при одном только упоминании остролиста или омелы в памяти всплывает картина Рождества с его деревенским очарованием - мы думаем о заснеженных полях и далеких колоколах, о теплых очагах и дружеском веселье.

Неудивительно, что омела занимает особое место в рождественских украшениях, ведь она ассоциируется как с тевтонским мифом, так и с кельтским ритуалом. Именно омелой был застрелен возлюбленный Бальдер, и это растение сыграло важную роль в друидической церемонии, описанной Плинием. Друид в белом одеянии взбирался на священный дуб и срезал омелу золотым серпом. Когда она падала, ее ловили в белую ткань, а затем с молитвой приносили в жертву двух белых быков. Омелу называли "всеисцеляющей" и считали, что она является средством против яда и делает бесплодных животных плодовитыми. {43} Значение этого ритуала найти нелегко. По мнению доктора Маккалоха, рассказ Плиния может быть неполным, и срезание омелы могло быть предварительной частью какой-то другой церемонии - возможно, срубания дерева, на котором она росла, чья душа, как предполагалось, находилась в нем, или, возможно, умерщвления представителя духа дерева; в то время как белые быки времен Плиния могли заменить человеческую жертву. {44}

Интересно, что в кельтской речи омелу до сих пор называют "всецелителем", [106] {45} а в разных странах Европы верят, что она обладает чудесной силой исцелять болезни или предотвращать несчастья. {46}

274 Трудно точно сказать, каково происхождение английского "поцелуя под омелой", но, по-видимому, эта практика объясняется воображаемой связью между любовью полов и духом

плодородия, воплощенным в священной ветви, и может быть пережитком вольностей, часто допускаемых на народных праздниках. Согласно одной из форм английского обычая, юноши срывали по ягодке с ветки, когда целовали девушку. Когда все ягоды были собраны, привилегия прекращалась. {48}

Иногда "целующаяся гроздь" принимает любопытную форму, напоминая одновременно немецкую елку и *криппу*. Вот рассказ из Дербишира: - "Целовальная гроздь".

> "Букет поцелуев" всегда представляет собой замысловатое действо. Размер зависит от пары обручей - один продет через другой, - которые образуют его каркас. Каждое из ребер украшается гирляндами из остролиста, плюща и веточек другой зелени, кусочками цветных лент и бумажных роз, розовощекими яблоками, специально припасенными для этого случая, и апельсинами. Также готовятся три маленькие куклы, часто с большим вкусом, которые изображают нашего Спасителя, мать Иисуса и Иосифа. Эти куколки обычно подвешиваются внутри целовальника на веревочках сверху и окружены яблоками, апельсинами, привязанными к веревочкам, и различными яркими украшениями. Иногда, однако, куклы располагаются в пучке поцелуев так, чтобы изобразить сцену яслей..... Омела не очень распространена в Дербишире, но, как правило, ее удается раздобыть, и она аккуратно привязывается к нижней части букета поцелуев, который затем вешается в центре дома, являясь центром внимания во время Рождества." {49}

Поцелуи под омелой кажутся чисто английскими. Однако в Нижней Австрии и Реатских Альпах существует новогодний обычай, несколько напоминающий наши обычаи с омелой. Люди допоздна засиживаются в трактирах, стены и окна которых украшены зелеными сосновыми веточками. В центре постоялого двора с балки крыши свисает венок из той же зелени, а в темном углу прячется фигура в маске, известная как "Сильвестр", старая и уродливая, с льняной бородой и *венком из омелы*. Если юноша или девушка случайно проходят под хвойным венком, Сильвестр выскакивает и грубо целует их. Когда наступает полночь, его изгоняют как представителя старого года. {50}

275B Британии есть следы святости остролиста, а также омелы. В Нортумберленде ее используют для гадания: берут девять листьев, завязывают их девятью узлами в платок и кладут под подушку человеку, который желает увидеть пророческие сны. {51} Для этой цели должны использоваться гладкие листья (без колючек), и следует отметить, что в Берфорде в Шропшире для рождественских украшений использовали только гладкий остролист. {52} Падуб ненавидят ведьмы, {53} но, возможно, это связано не с дохристианской святостью, а с ассоциацией его шипов и кроваво-красных ягод со Страстями - ассоциацией, которой он обязан своим датским названием *Kristdorn*.

В некоторых старых английских рождественских песнях остролист и плющ вступают в любопытный антагонизм, очевидно, связанный с соревнованием полов. Холли - мужское растение, плющ - женское, и в колядках ведутся споры о достоинствах каждого из них. Возможно, когда-то здесь разыгрывалась грубая драма. {54} Вот пример таких колядок пятнадцатого века:.

"Холли и Айви устроили большой праздник,
Кто должен быть хозяином,
В стране, куда они идут.

Тогда Холли сказала: "Я свободна и весела,
Я буду властвовать,
В стране, куда мы пойдем".

Затем заговорила Айви: "Я любима и проворна,
И я буду властвовать,
В стране, куда мы пойдем".

Тогда заговорила Холли, усадив его к себе на колени,
"Молю тебя, нежный Айви,
Не говори мне о злодействе,
In landës where we go." {55}

О святости рождественских украшений в Англии свидетельствует то, с какой тщательностью их убирают со стен. В Шропшире старомодные люди никогда не выбрасывали их, опасаясь несчастья, а либо сжигали, либо отдавали коровам; было очень несчастливо позволить куску 276 упасть на землю. По шропширскому обычаю, остролист и плющ оставляли до Рождества Христова, а ветки омелы бережно хранили до тех пор, пока не наступало время для новых в следующем году. Западно-Шропширская традиция, кстати, связывает омелу с Новым годом, а не с Рождеством; ветку не следует вывешивать до Нового года. {56}

В Швеции зеленые ветки, видимо, не используются для украшения, но пол в гостиной устилают веточками душистого можжевельника или ели-сосны, или ржаной соломой. {57} Солома, вероятно, первоначально предназначалась для того, чтобы посредством сакраментального контакта принести в дом благотворное влияние кукурузного духа, хотя простые люди связывают ее с хлевом в Вифлееме. Практика подкладывания соломы и то же христианское объяснение встречаются также в Польше {58} и в Кривошеи. {59} В Польше перед тем, как накрыть стол в канун Рождества, его покрывают слоем сена или соломы, а в углу ставят сноп. Много лет назад солому расстилали и на полу. Иногда ее дают скоту в качестве талисмана, а иногда используют для подвязывания фруктовых деревьев. {60}

Доктор Фрейзер предполагает, что шведская солома на Йоль частично, по крайней мере, происходит от последнего снопа при сборе урожая, которому, как олицетворению духа кукурузы, придается особое значение. Шведская, как и польская, йольская солома обладает множеством достоинств; рассыпанная по земле, она сделает бесплодное поле плодородным; ее используют для связывания деревьев и придания им плодовитости. {61} И снова крестьянин на Рождество садится на бревно и подбрасывает на крышу одну за другой йольские соломинки; сколько их попадет в стропила, столько и будет снопов ржи при жатве. {62}

Подарки на Рождество и Новый год.

Мы уже сталкивались с различными видами подарков на предрождественских праздниках; теперь, когда мы добрались до самого Рождества, мы можем немного остановиться на этом празднике как великом сезоне подарков в году и попытаться добраться до истоков этого обычая.

О римских *стренгах*, подносимых императору или обмениваемых между частными лицами на январских календах, мы уже упоминали. Согласно традиции, первоначально это были

просто ветки, сорванные в роще богини Стрении, и их назначение вполне могло быть схожим с назначением зелени, используемой для украшений, то есть для обеспечения контакта с растительным духом. Во времена империи, однако, *стрены* носили более привлекательный характер: "люди дарили медовые вещи, чтобы год получателя был полон сладости, светильники, чтобы он был полон света, медь, серебро и золото, чтобы богатство текло по стране" {63}. Такие подарки, очевидно, были своеобразным талисманом Нового года, основанным на принципе: каким было начало, таким будет и остаток года.

С принятием римского Нового года его обычаи дарения подарков, по-видимому, распространились далеко и широко. Во Франции, где латинский дух все еще силен, 1 января даже сейчас является великим днем для подарков, и они действительно называются *étrennes*, название, очевидно, происходит от *strenae*. В Париже холостяки дарят коробки со сладостями друзьям, которые развлекали их в своих домах в течение года - возможно, это пережиток "медовых вещей", которые дарили в римские времена.

Во многих странах, однако, вручение подарков привязано к церковному празднику Рождества. Это, несомненно, во многом объясняется тягой римского Нового года к празднику, освященному церковью, но читатели предыдущих страниц увидели, что Рождество также привлекло к себе многие обычаи ноябрьского праздника, и вполне вероятно, что рождественские подарки, по крайней мере в Германии, связаны с яблоками и орехами святого Мартина и святого Николая [107] в той же степени, что и римские *strenae*. Уже отмечалось, что немецкий Святой Николай как даритель подарков, по-видимому, дублирует Святого Мартина, а сам Святой Николай часто переходит из своего дня в Рождество или заменяется Младенцем Христом. Мы также обратили внимание на жезл, связанный с этими двумя святыми, и увидели основания полагать, что его первоначальное назначение было не дисциплинарным, а оздоровительным.

278 Интересно отметить, что, хотя, если верить традиции, римские *strenae* изначально были прутиками, рождественские подарки в Германии XVI века демонстрировали связь с прутиками или жезлами святого Мартина и святого Николая. Подарки связывались в пучок, и к ним добавлялась веточка. {65} Педагогический ум того времени рассматривал эту веточку не как счастливый прутик, а как жезл в зловещем смысле. В некоторых протестантских проповедях второй половины века встречаются любопытные подробные упоминания о рождественских подарках. Предполагается, что их приносит детям сам Спаситель, которого странно называют *Хаус-Христом*. Среди подарков, которые упоминаются как содержащиеся в "связках Христа", есть приятные вещи, такие как деньги, сахарные сливы, пирожные, яблоки, орехи, куклы; полезные вещи, такие как одежда; а также вещи, "которые относятся к обучению, послушанию, наказанию и дисциплине, как скрижали А.В.С., Библии и красивые книги, письменные принадлежности, бумага и т.д., *и "Христова удочка""* {66}.

Обычным подарком немецким детям на Рождество или Новый год было яблоко с монетой внутри; монета, возможно, является римским выживанием, {67} в то время как яблоко может быть связано с теми, которые приносил Святой Николай.

В Германии до сих пор считается, что подарки приносит Младенец Христос; во Франции тоже иногда приносят желанные подарки - *le petit Jésus*. {68} В Италии мы увидим, что самое большое время для детских подарков - это канун Богоявления, когда приходит Бефана, хотя в северных провинциях иногда дары приносит Санта-Лючия. {69} На Сицилии дни для подарков и предполагаемые приносящие их меняются; иногда, как мы уже видели, их приносят умершие, в канун Всех Душ; иногда это *la Vecchia di Natali* - рождественская старуха, которая приходит с ними в канун Рождества; иногда их приносит старуха Стрина -

обратите внимание на производное *om strenae* - на Новый год; иногда Бефана на Крещение. {70}

Любопытный способ дарить подарки в канун Рождества особенно характерен для Швеции, хотя он также встречается - возможно, заимствован - в Мекленбурге, Померании и других частях Германии. Так называемый *Julklapp* - это подарок, завернутый в бесчисленное множество покрывал. Тот, кто приносит его, шумно стучит в дверь и бросает или заталкивает *Julklapp* в комнату. Очень важно, чтобы он пришел совершенно неожиданно, появился и ушел как молния, не раскрыв своей личности. Прилагаются большие усилия, чтобы скрыть подарок, так что получателю после долгих хлопот по снятию покрова придется искать и искать его снова. Иногда в Швеции тонкое золотое колечко прячут в большую тяжелую коробку или кладут маленькое золотое сердечко в рождественский торт. Иногда мужчина умудряется спрятаться в *Julklapp* и таким образом преподнести себя в качестве рождественского подарка любимой даме. Подарок часто сопровождается каким-нибудь сатирическим стишком или имеет форму, призванную дразнить получателя. {71}

Другой обычай, который иногда встречается в шведских семьях "лучшего класса", заключается в том, что рождественские подарки дарят две фигуры в масках - старик и старуха. Старик держит в руке колокольчик и звонит в него, старуха несет корзину, полную запечатанных пакетов, которые она доставляет адресатам. {72}

В современных английских способах вручения подарков нет ничего особенно интересного. Однако, возможно, в обычае рождественских коробок, которые неумолимо требуют и не всегда охотно дарят, мы видим вырождение того, что когда-то было дружеским развлечением, которое дарили в обмен на добрые пожелания и удачу, принесенную вассалами. Случаи подарков зазывающим соседям уже попадались нам на глаза на нескольких предрождественских праздниках, в частности на праздниках Всех Душ, Святого Клемента и Святого Томаса. Что касается названия "рождественская коробка", то оно, по-видимому, произошло от сосудов, в которых хранились подарки. Согласно одному из рассказов, подмастерья, мастера и слуги носили с собой глиняные коробки с прорезями, а когда время сбора подарков заканчивалось, разбивали их, чтобы достать содержимое. {73}

Рождественская открытка, своего рода уменьшенный подарок, кажется, имеет довольно современное происхождение. По-видимому, она является потомком "школьных" или "рождественских" листов, популярных в Англии в первой половине XIX века - листов писчей бумаги с рисунками, выполненными пером и чернилами или заголовками на медной пластинке. Первая собственно рождественская открытка, по-видимому, была выпущена в 1846 году, но обычай посылать открытки закрепился лишь в 1862 году. {74}

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО В НИЖНЕЙ АВСТРИИ.

Фердинанд Вальдмюллер (р. 1793).

281282283

ГЛАВА XII

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИРЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Важная роль трапезы в английском Рождестве - голова кабана, гусь и другие рождественские блюда - фрументи, совенки, йольские пироги и чаша для вассала - рождественские блюда континентальных стран, их возможное происхождение - французские и немецкие пироги - рождественский пир животных - пироги в Восточной Европе - реликвии жертвоприношения животных - охота на крапивника - различные игры жертвенного происхождения.

Праздничные обычаи.

В сознании среднестатистического чувственного англичанина, пожалуй, самые яркие образы, вызываемые словом "Рождество", связаны с едой и питьем. "Ha più da fare che i forni di Natale in Inghilterra" [108] ,итальянская пословица, используемая в отношении очень занятого человека, в достаточной степени отражает характер нашего Рождества. [109] Возможно, рождественский ужин занимает большее место среди англичан, чем среди большинства других народов, но в каждой стране с этим сезоном ассоциируется какая-либо характерная трапеза. Мы уже видели, как это иллюстрирует извечную связь между материальным пиршеством и религиозным ликованием.

Давайте обратим внимание на некоторые формы "рождественского угощения" и попытаемся понять их происхождение. Сначала мы рассмотрим английские пиршественные обычаи, хотя, поскольку они были довольно полно описаны предыдущими авторами, нет необходимости в их подробном описании.

Грубое объедание и пьянство в прежние времена на Рождество, по сравнению с которым наше нынешнее легкое обжорство - лишь бледное отражение, по-видимому, связано со старым ноябрьским праздником, хотя и перенесенным на время, освященное рождением Христа. Демонстрация убитых животных, украшенных зелеными гирляндами, в одном из английских городов незадолго до Рождества сильно напоминает старое ноябрьское убийство. В подобных зрелищах свиная голова особенно заметна и указывает на то время, когда свинья была излюбленным жертвенным животным. {1} Здесь можно вспомнить традиционную песню, которую поют в Колледже королевы в Оксфорде, когда на Рождество торжественно приносят голову кабана, и которая встречается в других формах: - "Кабанья голова в Рождество".

"Кабанью голову в руках несу я,
Украшенную лаврами и розмарином;
И молю вас, мои хозяева, будьте веселы",
Quot estis in convivio.
Caput apri defero,
Reddens laudes Domino. " {2}

Рождественскую птицу, которую предоставляет знакомый "гусиный клуб", можно сравнить с немецким гусем Мартинама. Более роскошная индейка должна быть относительно нововведением, поскольку эта птица, похоже, появилась в Англии только в XVI веке. {3}

Торты и пирожные, частично или полностью растительного происхождения, конечно, столь же заметны на английском Рождестве, как и животная пища. Особая "удачливость" некоторых из них (например, когда пироги с фаршем, съеденные в разных домах в течение Двенадцати дней, приносят каждому счастливый месяц) заставляет подозревать какую-то более серьезную первоначальную цель, чем простое удовлетворение аппетита. Жертвенное или сакраментальное происхождение вполне вероятно, по крайней мере в некоторых случаях; например, пирог из муки вполне мог рассматриваться как воплощение духа, имманентного кукурузе. {4} Имел ли сливовый пудинг какое-либо мистическое значение, сказать трудно, хотя веточка остролиста, воткнутая в его 285 вершок, напоминает о счастливых зеленых ветках, которые мы так часто встречаем, а в горящем бренди можно усмотреть сходство с возлияниями на рождественском полене.

На Рождество часто подавали блюдо "фрументи" или "фурмети" (разные варианты написания, происходит от латинского *frumentum* - кукуруза). Его готовили из пшеничной шелухи, сваренной в молоке и приправленной корицей, сахаром и т. д. {5}. Это тоже могло быть зерновым причастием. В Йоркшире это было первое, что ели в рождественское утро, так же как эль-поссет был последним, что пили в канун Рождества. Эль-поссет представлял собой смесь пива и молока, и каждый член семьи по очереди должен был принять "суп", а также кусочек большого яблочного пирога. {6}

В горной Шотландии, среди тех, кто праздновал Рождество, характерным блюдом были новые совы (шелуха и просеянные овсяные хлопья), которые давали семье рано утром на Рождество в постели. Их варили до консистенции патоки и наливали в столько бикеров, сколько было желающих их отведать. Каждый, откушав, вскакивал с постели. {7} Здесь, как и в случае с йоркширскими фрументами, поедание носит ярко выраженный церемониальный характер.

В Восточном Райдинге Йоркшира в канун Рождества ели специальный йольский пирог, "сделанный из муки, бармы, крупного изюма, смородины, лимонной цедры и мускатного

ореха" и размером примерно с обеденную тарелку. {8} В Шропшире в канун Рождества ели "парики" или тминные булочки, обмакнутые в эль. {9} В других местах также существовали "йольские бабки" или "даусы" - маленькие изображения из теста, которые пекари преподносили своим клиентам. {10} Мы увидим множество параллелей с ними на континенте. Когда они имеют форму животных или даже людей, то в некоторых случаях могут занимать место настоящих жертв. {11}

В Ноттингемшире рождественский пирог ассоциировался с чашей wassail-bowl, что можно сравнить с македонским обычаем, описанным позже; его разламывали и клали в чашу, заливали горячим элем и так ели. {12}

Чаша для вассала - нельзя оставить тему английских новогодних праздников без нескольких слов об этой любимой чаше горячего эля со специями и поджаренных яблоках ("овечьей шерсти"). *Wassail* происходит от англосаксонского *wes hál* = быть целым, и по своей сути wassailing - это пожелание человеку крепкого здоровья. Происхождение питья здоровья не очевидно; возможно, оно имеет сакраментальный характер: возможно, сначала напиток был средством общения с каким-то божеством, а затем его употребление стало рассматриваться не только как благо для причастника, но и как обряд, который можно совершить ради благополучия другого человека. Помимо подобных рассуждений, мы можем отметить частое упоминание wassailing в старых английских песнях менее церковного типа; певцы несли с собой чашу или кубок, который они ожидали, что их более богатые соседи наполнят напитком. {13} Иногда чаша украшалась лентами и имела золотое яблоко на вершине, {14} и примечательно, что коробка с рождественскими изображениями, упомянутая в главе IV. (стр. 118), иногда называют "сосудом [Wassail] Cup." {15}

Различные рождественские блюда Европы могли бы стать интересным предметом для исчерпывающего исследования. Предполагать религиозное происхождение каждого из них было бы слишком далеко, так как в этом вопросе наверняка имели место чисто экономические соображения, но вполне вероятно, что в некоторых случаях они являются реликвиями жертвоприношений или таинств.

Свинья - любимое животное на Рождество не только в наших странах, но и в других, что, вероятно, связано с жертвенными обычаями. В Дании и Швеции свиная голова была одним из главных предметов большой трапезы в канун Рождества. {16} В Германии довольно распространен обычай убивать свинью незадолго до Рождества и есть ее в день Рождества; предполагается, что ее внутренности и кости, а также солома, которая была в контакте с ней, обладают оплодотворяющей силой. {17} В Румании свинья - рождественское животное *высшего сорта*, {18} в России свиные рысаки - любимое блюдо на Новый год, {19} а в каждом сербском доме жареный поросенок - главное рождественское блюдо. {20}

В Верхней Баварии существует обычай, который почти наверняка имеет в своей основе жертвоприношение: несколько бедняков собираются вместе на Рождество и покупают корову, чтобы убить ее и съесть на общем пиру. {21}

Более сомнительно жертвенное происхождение блюд из некоторых 287специальных видов рыбы в канун Рождества. В Саксонии и Тюрингии едят селедочный салат - тот, кто его испечет, будет иметь деньги весь год, - а во многих частях Германии, а также в Штирии едят карпа. {22} В окрестностях Эрке в Бретани семейным блюдом является треска. {23} В Италии на большом ужине *cenone*, который устраивается в канун Рождества, в качестве животной основы используется рыба, особенно популярны тушеные угри. Следует помнить, что в католических странах Рождественское бдение является постом, и в этот день не

разрешается есть мясо; только этим можно объяснить большое количество рыбы в канун Рождества.

Мы уже сталкивались со своеобразными пирогами, которые едят на различных предрождественских праздниках; в само Рождество на континенте в изобилии представлены особые виды хлеба, сдобы и тортов, которые, по крайней мере, в некоторых случаях могут иметь религиозное происхождение.

Во Франции в сезон *Noël* известны различные виды пирогов и булок. В Берри в рождественское утро бедным раздают буханки, называемые *cornabœux*, сделанные в форме рогов или полумесяца. В Лотарингии люди дарят друг другу *cognés* или *cogneux* - кондитерские изделия в форме двух полумесяцев, расположенных спина к спине, или же длинные и узкие, с полумесяцем на каждом конце. В некоторых частях Франции *cornabœux* известны как *hôlais*, и пахари раздают беднякам столько этих булок, сколько у них волов и лошадей. {24} Эти рога могут заменять жертвенных волов.

Иногда французские рождественские пироги имеют форму целых волов или лошадей - такими были тонкие пресные пироги, продававшиеся в начале XIX века в Ла-Шатре (Индр). В окрестностях Шартра продаются *кошенили* и *кокели* в форме животных и людей. Маленькие пирожные, называемые *naulets*, продаются французскими пекарями и на самом деле изображают Святого Младенца. С ними можно сравнить *коиньоли* французской Фландрии, пирожные продолговатой формы, украшенные фигуркой младенца Иисуса в сахаре. {25} Иногда рождественский каравай или пирог во Франции обладает целебными свойствами; определенный вид пирога в Берри и Лимузене хранится весь год, и кусок, съеденный в болезни, обладает чудесной силой. {26}

Корте рассказывает о необычном французском обычае, связанном с едой и питьем. В Муте (Дуб) на Рождество в церковь приносили пироги, торты и другие съестные припасы, а также вино из лучших сортов. Они назывались "De fructu", и когда на вечерне звучал стих "De fructu ventris tui ponam super sedem tuam", все прихожане бросались за этими угощениями, боролись за них и уносили их с пением и криками. {27}

Самым примечательным рождественским пирогом или хлебом является шведский и датский "Йольский кабан", буханка в форме кабана-свиньи, которая стоит на столе в течение всего праздничного сезона. Его часто делают из кукурузы последнего снопа урожая, и в нем доктор Фрейзер находит четкое выражение идеи духа кукурузы, воплощенного в форме свиньи. "Часто ее хранят до весенней посевной, когда часть ее смешивают с семенной кукурузой, а часть отдают пахарю и плужным лошадям или плужным лисицам, чтобы они ели, в надежде на хороший урожай". В некоторых районах эстонского острова Оэзель пирог не имеет формы кабана, но носит то же название, и в Новый год его дают скоту. В других частях острова "Йольский кабан" - это на самом деле маленький поросенок, которого зажаривают в канун Рождества и ставят на стол. {28}

В Германии в канун Рождества, помимо *штоллена* - своеобразного сливового рулета, - очень популярны бисквиты, часто в форме животных или людей. Любой, кто был свидетелем немецкого Рождества, вспомнит их необычайное разнообразие: *lebkuchen*, *pfeffernüsse*, *printen*, *spekulatius* biscuits и т. д. В Берлине огромная куча печенья, выложенная на вашей тарелке, является важной частью рождественского ужина. Конечно, в наши дни это просто роскошь, но, возможно, они имели какое-то жертвенное происхождение. Австрийский профессор, доктор Хёфлер, с бесконечными усилиями провел восхитительное и исчерпывающее исследование тевтонских рождественских пирогов и печенья,

воспроизведя некоторые любопытные старинные печенья, украшенные высокохудожественными узорами, которые хранятся в музеях. {29}

Среди неискушенных немецких крестьян существует вера в магическую силу, которой обладает хлеб, испеченный на Рождество, особенно если он смочен рождественской росой. (Эта роса считается особенно священной, возможно, из-за слов "Rorate, coeli, 289desuper", используемых на адвентских мессах). Во Франконии такой хлеб, брошенный в опасный огонь, гасит пламя; на севере Германии, если его положить во время Двенадцати дней в корм скоту, он делает его плодовитым и здоровым в течение всего года. {30}

Приятно отметить, что на Рождество о животных часто заботятся особо. Вплоть до начала XIX века скот в Шропшире всегда кормили на Рождество лучше, чем в другое время, а мисс Берн рассказывает о старом джентльмене в Чешире, который давал своей птице двойную порцию зерна, потому что, по его словам, "все творение должно радоваться Рождеству, а у бессловесных тварей нет другого способа сделать это". {31} Эта поговорка напоминает о таком любителе Рождества и животных, как святой Франциск Ассизский. Помните, как он пожелал, чтобы волы и ослы имели на Рождество побольше кукурузы и сена, "ради почитания Сына Божьего, которого в такую ночь Пресвятая Дева Мария положила в стойло между волом и ослом" {32}. Это была благодатная мысль, и, несомненно, у святого Франциска, как и у старого чеширца, она была чисто христианской; очень возможно, однако, что первоначальной целью такого внимания к бессловесным существам было желание вызвать у животных, с помощью кукурузы, влияние духа плодородия.

В Силезии в рождественскую ночь всем животным дают пшеницу, чтобы они процветали, и считается, что если пшеницу держать в кармане во время рождественской службы, а потом дать птицам, то она заставит их потолстеть и снести много яиц. {33} В Швеции в канун Рождества скоту дают лучший корм, который может позволить себе дом, а после - все яства, которыми угощали хозяев; лошадям дают самое лучшее сено, а позже - эль; и других животных угощают хорошими вещами. {34}

В Лобланге в Венгрии хранят последний сноп урожая и в новогоднее утро отдают его диким птицам. {35} В южной Германии в канун Рождества кукурузу для них кладут на крышу, или, {36} как и в Швеции, {37} немолотый сноп устанавливают на шесте. Возможно, в этих случаях еда изначально была подношением духам предков или другим духам.

Revenons à nos gâteaux. В Риме и других городах Италии важным рождественским блюдом является *панеттоне*, смородиновый каравай. 290 Такие буханки посылают в качестве подарков друзьям. В Восточной Европе рождественские буханки или пироги также очень заметны. У южных славян *ченица* и *колач* имеют плоскую форму, похожую на колесо, с круглым отверстием посередине и несколькими линиями, расходящимися от него. В центральное отверстие иногда помещают зажженную лампадку или маленькую елочку, увешанную лентами, мишурой и сладостями. Эти пироги, приготовленные с тщательной церемонией рано утром, торжественно разламываются отцом дома в день Рождества, и каждый член семьи съедает небольшой кусочек. В некоторых местах один из них закрепляют на роге "старшего быка", и если он его сбрасывает, это хороший знак. {38} Последний обычай можно сравнить с херефордширским обычаем, с которым мы познакомимся в "Двенадцатой ночи" (с. 346).

В южной Греции в канун Рождества пекут особый вид плоских хлебов с крестом на вершине. Они называются "Христовы хлебы". "Скатерть со стола не снимают, но все оставляют как есть, веря, что "Христос придет и будет есть" в течение ночи". {39} Вероятно, Христос здесь занял место духов предков.

В Тироле крестьяне едят на Рождество так называемый *зельтен* - пирог с начинкой из сушеных грушевых долек, орехов, инжира, изюма и тому подобного. Его пекут в канун дня святого Фомы, и его начинка - такое же важное событие для всей семьи, как приготовление сливового пудинга и фарша в старомодных английских семьях. Когда *зельтен* наполнен, на нем совершается крестное знамение, его окропляют святой водой и ставят в печь. После выпечки и остывания его кладут в семейный запас ржи и не едят до дня святого Стефана или Богоявления. Его разрезание отцом семейства - дело весьма торжественное. В то же время для служанок готовят пироги поменьше, и с ними связан любопытный обычай. Обычно во время рождественских праздников служанки навещают своих родственников и делятся с ними своими *зелтенами*. Молодой человек, желающий обручиться со служанкой, должен предложить ей нести за него пирог. Это его признание в любви, и если она принимает предложение, то тем самым выражает свое одобрение. На его долю выпадает обязанность или привилегия разрезать *зелтен*. {40}

291 Другие обычаи с пирогами связаны с Богоявлением и будут рассмотрены в связи с этим праздником. В заключение можно упомянуть еще несколько рождественских обычаев.

В Италии и Испании {41} на Рождество едят нугу, известную как *torrone* или *turron*. В Лондоне ее можно купить даже в итальянском квартале, а на Эйр-стрит Хилл она продается в канун Рождества на маленьких уличных лотках, украшенных праздничным декором. Вполне возможно, что его употребление является продолжением римского обычая дарить сладости на Календы, чтобы год был полон сладости.

Некоторые малороссийские пиршественные обычаи, вероятно, имеют языческое происхождение, но получили любопытную христианскую интерпретацию. В канун Рождества все малороссы садятся за стол с медом и кашей. Они называют это *кутьей* и бережно хранят этот обычай, как нечто, отличающее их от великороссов и белороссов. Считается, что каждое блюдо представляет собой Святки. Сначала кладут кашу - это как солома в ясли; затем каждый угощается медом и фруктами, что символизирует Младенца. В каше делается место, и туда наливают мед и фрукты; фрукты означают тело, мед - дух или кровь. {42}

Нечто подобное представляет собой особое блюдо, которое едят в каждом румынском крестьянском доме в канун Рождества - *тюрте*. Оно представляет собой стопку тонких сухих листьев теста с растопленным сахаром или медом, или пудрой грецкого ореха, или соком конопляного семени. Традиционно считается, что *тюрте* - это пеленальные одежды Святого Младенца. {43}

В Польше за несколько недель до Рождества монахи приносят небольшие упаковки вафель из муки и воды, благословленные священником, с напечатанными на них фигурками. Ни одна польская семья не обходится без этих *облаток*; их посылают в письмах родственникам и друзьям, как мы посылаем рождественские открытки. Когда в канун Рождества появляется первая звезда, вся семья, начиная со старшего члена, разламывает одну из этих облаток между собой, обмениваясь при этом добрыми пожеланиями. После этого хозяин и хозяйка идут в комнаты слуг, чтобы разделить облатку там. {44}

292Реликвии жертвоприношения.

Мы отметили связь, по крайней мере частичную, между рождественским весельем и жертвоприношением; давайте теперь рассмотрим несколько обычаев другого характера, но, похоже, жертвенного происхождения.

Следы жертвоприношений кошек и собак можно найти в Германии и Богемии. В Лауэнбурге и Мекленбурге в рождественское утро, перед тем как полить скот, в воду для питья бросают собаку, чтобы он не страдал от чесотки. В Укермарке вместо собаки может быть кошка. В Богемии черную кошку ловят, варят и закапывают на ночь под деревом, чтобы злые духи не повредили поля. {45}

Странный рождественский обычай - "охота на крапивника", некогда широко распространенный в Англии и Франции и до сих пор практикуемый в Ирландии. На острове Мэн очень рано утром в Рождество, когда церковные колокола отзвонили полночь, слуги выходили на охоту за крапивником. Они убивали птицу, прикрепляли ее к вершине длинного шеста и несли в процессии к каждому дому, распевая такие слова: - "Мы охотились на крапивника.

"Мы охотились на крапивника для Робина-шатуна,
Мы охотились на крапивника для Джека из банки,
Мы охотились на крапивника для Робина Шпульки,
Мы охотились на крапивника для каждого".

В каждом доме они пытались собрать деньги. Наконец, когда все дома были посещены, они положили крапивника на одр, отнесли его на церковный двор и похоронили с величайшей торжественностью, распевая манкские песнопения. В другом рассказе, относящемся к середине XIX века, описывается, как в День святого Стефана мальчики-манксы ходили от двери к двери с крапивником, подвешенным за лапки в центре двух обручей, пересекающихся под прямым углом и украшенных вечнозелеными деревьями и лентами. В обмен на мелкую монету они давали перо крапивника, которое бережно хранилось как оберег от кораблекрушений в течение года. [110] {46} 293Также сохранились следы обычая манксов варить и есть эту птицу. {48}

Крапивника в народе называют "царем птиц", и считается, что убить его в обычное время - большая удача. Вероятно, когда-то он считался священным, и рождественская "охота" - это пережиток ежегодного обычая убивать божественное животное, который встречается у первобытных народов. {49} Ношение тела птицы от двери к двери, очевидно, призвано передать в каждый дом часть ее добродетелей, а само поедание птицы - своего рода пиршество причастия. Возможно, обычай корнуэльской деревни есть пирог с черным дроздом на Двенадцатый день следует объяснить таким же образом. {50}

Вряд ли я смогу здесь сделать больше, чем просто упомянуть о многочисленных играх {51}, которые были традиционными в Англии на Рождество - худман-слепой, обувание дикой кобылы, горячие петухи, кража белого каравая, щелчок-дракон и другие. Попытка описать и объяснить их завела бы меня слишком далеко, но весьма вероятно, что происхождение некоторых из них, по крайней мере, может быть связано с жертвенным ритуалом. Деградация религиозных обрядов в простую игру - это, как мы видели, процесс, проиллюстрированный всей историей Рождества.

В этой книге можно рассмотреть только две британские рождественские игры: бафф для слепых и футбол. Рассказ о замечательном рождественском футбольном матче вы найдете в главе, посвященной обычаям Богоявления, где он рассматривается в связи с тесно связанной с ним игрой - "Haxey hood".

Что касается баффа слепцов, то это явно рождественский вид спорта, и он известен почти по всей Европе под названиями, происходящими от животных, *например*, "слепая корова" и

"слепая мышь". Мистер Н. В. Томас предположил, что "объяснение этих названий в том, что игроки первоначально носили маски; игра известна в некоторых случаях как "blinde Mumm", или слепая маска..... Игрок, который является "этим", по-видимому, является жертвоприносителем; он носит то же имя, что и жертва, так же как в сельскохозяйственных обычаях жнец последней кукурузы носит то же имя, что и последний сноп." {52}

Скандинавские страны очень богаты рождественскими играми и танцами, {53} которых было бы интересно попытаться объяснить, если бы позволило место. Одна из шведских песен и танцев - она 294может быть связана с танцем с мечом (см. главу XIII.) - явно жертвенная. Исполнителями выступают несколько юношей с почерневшими лицами и переодетыми людьми. Одного из них женщина в отвратительном наряде убивает ножом. После этого, с грубыми жестами, она танцует с жертвой. {54} Согласно другому рассказу, из Готланда, жертва сидит, одетая в шкуру, и держит во рту обрезки соломы, остро обрезанные на концах и торчащие наружу. Предполагают, что это напоминает свиную щетину, а человек изображает борова, принесенного в жертву Фрею. {55}

Наконец, можно упомянуть одну русскую игру, хотя она и не имеет жертвенного смысла. В рождественский сезон девушки играют в так называемое "погребение золота". Они образуют круг, в центре которого стоит одна девушка, и передают из рук в руки золотое кольцо, которое девица, находящаяся внутри, пытается обнаружить. При этом поется песня: "Золото я закапываю, золото я закапываю". Некоторые изобретательные мифологи интерпретируют кольцо как символ солнца, погребенного зимними тучами. {56}

295296297

ГЛАВА XIII

МАСКАРАД, ИГРА МУММЕРОВ, ПРАЗДНИК ДУРАКОВ И МАЛЬЧИК-ЕПИСКОП

Маскировка при английском дворе - "Властелин беспорядка" - Игра муммеров, танец с мечом и танец Морриса - Происхождение Святого Георгия и других персонажей - Маскировка в Восточной Европе - Праздник дураков, его история и подавление - Мальчик-епископ, его функции и проповеди - Современные представители мальчика-епископа.

ЙОРКШИРСКИЕ АКТЕРЫ МЕЧА: СВ. ГЕОРГИЙ В БОЮ СО СВ. ПЕТРОМ.

Из статьи мистера Т. М. Фэллоу в *"Антикваре"*, май, 1895.

(С разрешения мессира Эллиота Сток).

Мы уже видели много масок в связи со Святым Николаем, Кнехтом Рупрехтом и другими фигурами немецкого Рождества; далее мы можем уделить некоторое внимание английским обычаям того же рода во время Двенадцати дней, а затем перейти к странным бурлескным церемониям Праздника дураков и Мальчика-епископа, церемониям, которые показывают вторжение языческой мумификации в само святилище.

Рождественский маскарад.

Обычай рождественской маскировки, "мумификации" или "переодевания" можно проследить при английском дворе уже во времена правления Эдуарда III. По всей вероятности, он связан с ношением звериных голов и шкур, примеры которого мы уже приводили - его истоком в народных обычаях, по-видимому, было появление группы верующих, одетых в эту безвкусную, но благоприятную одежду, чтобы принести удачу в дом. {1} Самым непосредственным английским продолжением этого обычая являются деревенские муммеры, которые до сих пор называют себя "гизерами" или "гиз-танцорами" и заявляют о своем праве входить в каждый дом. О них мы расскажем вкратце, после рассмотрения более придворных обычаев того же рода.

298B XVI и начале XVII века английская придворная маска достигла своего наивысшего развития; основная идея была обставлена великолепными атрибутами, платья и аранжировки часто были чрезвычайно сложными, а введение диалогической речи сделало эти "переодевания" регулярными драматическими представлениями. Яркий пример - "Рождественская маска" Бена Джонсона. {2} Шекспир, однако, дает нам в "Генрихе VIII" {3} пример более простой импровизированной формы: король и партия, переодетые пастухами, врываются на банкет Вулси.

В этом томе мы больше занимаемся народным Рождеством, чем празднествами королей, дворов и вельмож. Однако нельзя не упомянуть о человеке, который играл важную роль в Рождестве при дворе Тюдоров, а также появлялся в колледжах, придворных иннах и дворянских домах, - "Лорде Непокорном" {4}. Он ежегодно избирался председателем празднеств, имел свиту придворных и был окружен тщательно продуманным церемониалом. Похоже, он был эквивалентом и, вероятно, прямым потомком "аббата" или "епископа" Праздника дураков, о котором речь пойдет далее в этой главе. Иногда его действительно называют "аббатом безрассудства". Параллель с ним - "король Двенадцатой ночи", и он представляется придворным примером временного монарха народного обычая, хотя его имя иногда распространяется на "королей" довольно вульгарного происхождения, избираемых не двором или дворянством, а простым народом. Властитель беззакония" был одним из реликтов язычества, наиболее яростно атакуемых пуританскими писателями, такими как Стаббс и Пренн, и Великое восстание, похоже, стало его смертью.

Пьесы муммеров и танцы моррисов.

Обратимся теперь к деревенским рождественским мумиям, которые сегодня быстро исчезают, но были достаточно распространены в середине девятнадцатого века. Их похождения действительно гораздо интереснее, потому что более традиционны, чем замысловатые шоу и наряды придворных. Их названия варьируются: "муммеры" и "гайзеры" - самые распространенные; в Сассексе они "типтеры", возможно, из-за 299 привилегий, которые они собирают; в Корнуолле "гуси-танцоры" ("гуси", несомненно, происходит от "маскировки"); в Шропшире "моррис" - или "веселые" - "танцоры"{5}. Следует отметить, что они являются незваными гостями и входят в ваш дом по праву. {6} Иногда они просто танцуют, поют и пируют, но чаще всего разыгрывают грубую драму. {7}

Пьесы, разыгрываемые муммерами {8}, настолько разнообразны, что трудно описать их в общих чертах. Нет оснований полагать, что слова имеют большую древность - самая ранняя форма, возможно, датируется XVII веком; они кажутся результатом грубого драматического и литературного инстинкта, работающего над остатками традиционного ритуала и манипулирующего им в целях развлечения. Центральная фигура - Святой Георгий (иногда его называют сэр, король или принц Георгий), а основное драматическое содержание, после пролога и представления персонажей, - это поединок и прибытие врача, чтобы вернуть к жизни убитого. В конце происходит *квесте* на деньги. Имя Джордж встречается во всех рождественских пьесах, но остальные персонажи носят самые разные имена - от Гектора и Александра до Бонапарта и Нельсона.

Мистер Чемберс в двух очень интересных и тщательно задокументированных главах проследил связь между этими игроками Святого Георгия и танцорами с мечами, которых можно встретить на Рождество или других праздниках в Германии, Испании, Франции, Италии, Швеции и Великобритании. Танец с мечами в его простейшей форме описан Тацитом в его "Германии": "У них, - говорит он о германцах, - есть только один вид публичного зрелища: в каждом собрании он один и тот же. Обнаженные юноши, исповедующие этот вид спорта, кувыркаются в танце среди мечей и выровненных копий" {9}. В некоторых формах танца есть фигуры, в которых мечи сведены вместе на головах исполнителей, или делается вид, что рубят головы и ноги, или мечи помещены в кольцо вокруг шеи человека. Это наводит на мысль, что в основе танцев лежит казнь, возможно, жертвоприношение. Кроме того, в ряде случаев они сопровождаются наборами стихов, в которых рассказывается о ссоре и насильственной смерти одного из исполнителей. В этом можно усмотреть сходство с центральным моментом пьесы "300 святых Георгия" - убийством. В одном из танцев есть даже врач, который оживляет жертву.

В Англии танец меча встречается в основном на севере, но с ним, по-видимому, идентичны танцы моррис, характеризующиеся ношением звенящих колокольчиков, которые распространены в южных графствах. В обоих танцах часто встречаются смуглые лица, и в обоих танцах присутствуют одни и те же гротескные фигуры, мужчина и женщина, которых часто называют Томми и Бесси в танце меча и "дурак" и дева Мэриан в моррисе. Более того, танцоры морриса в Англии иногда используют мечи, а в одном случае исполнителей несомненного танца с мечом в XVIII веке называли танцорами "морриса". Колокольчики, столь характерные для морриса, также упоминаются в некоторых континентальных описаниях танца с мечами. [111]

Промежуточным звеном между этими танцами и полноценными драмами Святого Георгия являются пьесы, исполняемые в Плужный понедельник в Линкольншире и Ист-Мидлендсе. Все они содержат большое количество танцев, насильственную смерть и возрождение, а также гротески, встречающиеся как в танцах, так и в рождественских пьесах.

Таким образом, танец с мечом постепенно переходит - танцы уменьшаются, а драматические элементы увеличиваются - в мумийные пьесы святого Георгия. Центральный мотив, смерть и возрождение, г-н Чемберс рассматривает как символ воскрешения года или духа растительности, [112] как тюрингский обычай казни "дикого человека", покрытого листьями, которого врач возвращает к жизни кровопусканием. Эта часть ритуала, очевидно, была перенесена на Рождество с раннего праздника весны, а Понедельник Плуга, когда проходят спектакли в Восточном Мидленде, как раз и является таким ранним весенним праздником. Опять же, в некоторых местах пьеса 301-го Сент-Джорджа исполняется на Пасху, на что намекает название пьесы - "Pace-eggers'" или "Pasque-eggers'". {13}

Две гротескные фигуры с разной степенью ясности и под разными именами появляются в танцах и пьесах - "дурак" (Томми), который носит шкуру и хвост лисы или другого животного, и мужчина, одетый в женскую одежду (Бесси). В них мы можем узнать одетых в кожу муммеров и мужчин, подражающих женщинам, которых мы встречаем в старых обличениях Календса. Иногда они сочетаются, нередко появляется и лошадь. {14}

Как именно Святой Георгий стал центральной фигурой рождественских пьес, точно неизвестно; возможно, они являются развитием танца, в котором появлялись "Семь чемпионов", английские национальные герои, о которых Ричард Джонсон написал историю в 1596 году, со Святым Георгием во главе. Однако более вероятно, что святой пришел из средневековых представлений, проводившихся в его день во многих английских городах. {15}

Может ли быть так, что немецкие пьесы о Святом Николае - это более христианизированные и утонченные формы народных драм, схожие по происхождению с теми, которые мы обсуждали? Они, безусловно, напоминают английские пьесы тем, что один актер вызывает другого по имени, а представленные гротескные фигуры имеют некоторое сходство с "дураком" из морриса.

Рождественское муминг, можно добавить, встречается как в восточной, так и в западной Европе. В Греции, где церковные осуждения подобных вещей прослеживаются с удивительной четкостью с ранних времен до двенадцатого века, оно принимает различные формы. "В Фарсале, - пишет мистер Дж. К. Лоусон, - на Богоявление устраивается своего рода спектакль, в котором мумий представляет невесту, жениха и "араба"; араб пытается увести невесту, а жених защищает ее..... Раньше также в "Козане и во многих других частях Греции", по словам греческого писателя начала XIX века, в течение двенадцати дней мальчики с колокольчиками обходили дома, пели песни и "один или несколько из их

компании наряжались в маски, колокольчики, лисьи кисти и другие подобные вещи, чтобы придать им странный и чудовищный вид". {16}.

302 В России на Рождество тоже ходили муммеры, посещали дома, танцевали и устраивали всевозможные представления. "Значительные роли всегда играли человеческие представители козла и медведя. Некоторые из них переодевались в "лазарей", то есть в слепых нищих". Некоторое количество мумий, как правило, должно было играть роль воров, желающих проникнуть в дом. {17} Читатели "Войны и мира" Толстого, возможно, помнят описание некоторых таких маскарадов в 1810 году.

Праздник дураков.

До сих пор, в этой второй части, мы рассматривали обычаи, практикуемые главным образом в домах, на улицах и в полях. Теперь мы должны обратиться к некоторым праздникам, которые следуют за Рождеством и которые, хотя и были языческими по происхождению, а иногда даже кощунственными, нашли свой путь в Средние века в стенах церкви.

Вскоре после Рождества различные низшие священнослужители и служители соборов и других церквей устраивали *трипудии* или пиршества. Эти праздники, из которых наиболее известны Праздник дураков и церемонии Мальчика-епископа, были так подробно описаны другими авторами, а мое место здесь так ограничено, что мне остается лишь вкратце рассказать о них, а за подробностями отсылать читателя к таким замечательным рассказам, которые можно найти в главах XIII, XIV и XV книги мистера Чембера "Средневековая сцена". {18}

Иоганн Белетус, ректор теологии в Париже в конце двенадцатого века, говорит о четырех *трипудиях*, проводимых после Рождества: дьяконы - в день святого Стефана, священники - в день святого Иоанна, хористы - в день святого Иннокентия, иподиаконы - в день Обрезания, Богоявления или в октаву Богоявления. Праздник иподиаконов, говорит Белеф, "мы называем праздником дураков". Именно этот праздник, хотя и не самый ранний по происхождению из всех четырех, был самым буйным и беспорядочным и наиболее ярко демонстрирует свой языческий характер. Первое ясное упоминание о нем содержится у Белета, хотя беспорядочные гуляния такого же рода, похоже, существовали в Константинополе уже в девятом веке. Вначале праздник дураков был присущ только иподиаконам, но впоследствии стал праздником не только этого ордена, но и всего низшего духовенства, хоральных викариев, капелланов и клириков, в отличие от каноников. Для этого сброда бедного и низкого духовенства это, несомненно, было желанной разрядкой, и не приходится удивляться, что они позволяли себе бурлескировать священные, но часто утомительные обряды, на которых им приходилось присутствовать долгие часы, или что они с удовольствием узурпировали на время функции, которые обычно выполняли их начальники. Низвержение сильных мира сего с их места и возвышение низких - таков был лейтмотив праздника. Пока на "Magnificat" пели "Deposuit potentes de sede: et exaltavit humiles", *бакулус* или посох прецентора передавали клерку, который должен был стать "владыкой праздника" на весь год, и на протяжении всех служб этого дня низшее духовенство преобладало под руководством этого избранного "владыки". Ему обычно давали какой-нибудь церковный титул: "епископ", "прелат", "архиепископ", "кардинал" или даже "папа", наделяли полными понтификальными полномочиями, а в некоторых случаях он восседал на настоящем епископском троне, давал благословения и выдавал индульгенции.

Следует помнить, что эти низшие священнослужители принадлежали к крестьянскому или *мелкобуржуазному* сословию и, вероятно, в большинстве своем были малообразованны.

Они могли принести с собой в Церковь суеверия, бытовавшие в народе, и Праздник дураков можно рассматривать как откат язычества к христианству в самом его святилище. Мистер Чемберс назвал его "излиянием естественного буйства под рясой", и многие из его обычаев можно объяснить реакцией грубых натур, освобожденных на время от сдерживания. Однако он выявил не только личную вульгарность, но и целый ряд традиционных обычаев, возникших, вероятно, в результате слияния римского праздника Календ января с тевтонскими или кельтскими языческими празднествами.

Общие сведения о его обычаях содержатся в письме, направленном в 1445 году Парижским теологическим факультетом епископам и капитулам Франции: "Священники и клирики могут быть вхожи в церковь.

> "Священников и клерков можно увидеть в масках и чудовищных обликах в часы службы. Они танцуют на клиросе, одетые как 304 женщины, сводники или менестрели. Они поют развратные песни. Они едят черные пудинги у рога алтаря, пока священник читает мессу. Там же они играют в кости. Они кадят вонючим дымом от подошв старых ботинок. Они бегают и прыгают по церкви, не краснея от собственного стыда. Наконец, они разъезжают по городу и его театрам в обшарпанных лотках и телегах и вызывают смех своих товарищей и зрителей позорными представлениями, с непристойными жестами и стихами, сквернословием и безвкусицей" {19}.

В письме также говорится о "епископах" или "архиепископах" юродивых, которые носили митры и держали пастырские посохи. Здесь мы ясно видим, помимо простого неуважения, отголоски языческой практики. Топси-турвидом, временным возвышением нижестоящих, было характерно для празднования Календ, а еще более примечательной чертой их было, как мы видели, ношение звериных масок и переодевание мужчин в женские одежды. А что такое "епископ" или "архиепископ", как не параллель и, как мы вполне можем полагать, пример короля-насмешника, которого доктор Фрейзер проследил во многих народных праздниках и который встречается *в Сатурналиях*?

Следует рассмотреть еще одну особенность Праздника дураков - асов, которые дали ему нередкое название *asinaria festa*. В Бурже, Сенсе и Бове в церкви пели любопытный полукомический гимн, так называемую "Прозу осла". Он начинается следующим образом: -

"Orientis partibus
Adventavit Asinus,
Pulcher et fortissimus,
Sarcinis aptissimus.
Хез, сэр Аснес, кар шантес,
Belle bouche rechignez,
Vous aurez du foin assez
Et de l'avoine a plantez".

И после восьми стихов, восхваляющих чудовище, с некоторыми упоминаниями о его связи с Вифлеемом и мудрецами, она заканчивается так: -

"Amen dicas, Asine,
Iam satur de gramine,305

Amen, Amen, itera,
Aspernare vetera.
Hez va, hez va! hez va, hez!
Bialx Sire Asnes, car allez:
Belle bouche, car chantez." {20}

Осел, похоже, действительно был внесен в церковь, во всяком случае, в Бове, во время исполнения этой песни в праздник Обрезания. 14 января там произошла необычная церемония. Девушка с ребенком на руках въехала на осле в церковь Святого Стефана, чтобы изобразить бегство в Египет. Интроит, "Kyrie", "Gloria" и "Credo" на мессе заканчиваются пением, а в конце службы священник, вместо того чтобы сказать "Ite, missa est", должен был трижды петь, а люди отвечать ему тем же. По версии мистера Чемберса, осел был потомком *cervulus* или hobby-buck, который так часто фигурирует в церковных осуждениях обычаев календов.

Страной происхождения праздника дураков была Франция. Его также можно проследить в Германии и Богемии, а в Англии тоже есть упоминания о нем, хотя и гораздо реже, чем во Франции. С XII по XV век церковные реформаторы часто осуждали его злоупотребления. Праздник был запрещен в разное время, в частности, Базельским собором 1435 года, но он был слишком популярен, чтобы его можно было быстро пресечь, и после осуждения на общем церковном соборе ему потребовалось полтора столетия, чтобы угаснуть. В одном соборе, Амьенском, он продержался до 1721 года.

Когда в XV веке и позже Праздник дураков был изгнан из церквей Франции, возникли ассоциации мирян, чтобы продолжить его традиции за ее пределами. Это была действительно форма развлечения, которую очень ценили как горожане, так и низшее духовенство, и они ни в коем случае не хотели позволить ей умереть. Место "епископа" занял *принц де Сот*, которого выбирали *общества веселья*, организованные молодежью городов для новогоднего веселья. Постепенно их деятельность расширялась, и празднования стали проводиться не только в Рождество, но и в другие праздничные дни. *Соты* отличались своеобразной одеждой, 306 наиболее характерной чертой которой был капюшон с ослиными ушами, вероятно, пережиток тех первобытных времен, когда головы принесенных в жертву животных носили празднующие. {21}

Мальчик-епископ.

Более древними, чем праздник дураков, были рождественские гуляния дьяконов, священников и хористов. Их можно отнести к началу X века, и, возможно, они возникли в великой песенной школе Святого Галла близ Констанца. Самым важным из трех праздников был праздник мальчиков в День святого Иннокентия - теоретически подходящая дата. Соответствующим "владыкой" праздника дураков был знаменитый "мальчик-епископ", мальчик из хора, выбранный самими мальчиками, который был облачен в мантию и митру, держал пастырский посох и произносил благословение. Другие мальчики тоже узурпировали достоинства своих старших и были облачены в одежды декана, архидиакона и каноника. Служебники, посвященные празднику, в которых мальчик-епископ играет важную роль, можно найти в английских, французских и немецких богослужебных книгах, а в нашей стране наиболее известны те, что содержатся в "Сарумской процессии" и "Бревиарии". В Англии эти церемонии были гораздо популярнее и продолжительнее, чем Праздник дураков, и, в отличие от него, они были признаны и одобрены властью, вероятно, потому, что мальчики были более поддатливы дисциплине, чем мужчины, и нежелательные черты можно

было отсечь сравнительно легко. Праздники должны были стать восхитительным перерывом в году средневекового школьника, для которого праздников, в отличие от святых дней для посещения церкви, почти не существовало. Праздник, как мы увидим, ни в коем случае не ограничивался стенами церкви; веселье и зарабатывание денег происходили и за ее пределами.

Сохранились мельчайшие подробности обычаев Бой-Бишопа в соборе Святого Павла в XIII веке. По всей видимости, "епископ" обычно заставлял соборных сановников выступать в роли носильщиков тапера и ладана, таким образом меняя ситуацию, чтобы великие выполняли функции низших. В 1263 году это было запрещено, и на эти должности могли быть избраны только дьяки низшего ранга. Но "епископ" имел право требовать 307 после Комплина в канун Невинных ужина для себя и своей свиты от декана или одного из каноников. Число его сопровождающих, однако, должно быть ограничено; если он отправлялся к декану, то мог взять с собой пятнадцать человек: двух капелланов, двух таперов, пять клерков, двух вергеров и четырех каноников-резидентов; если к менее высокопоставленному лицу, то его сопровождающих должно было быть меньше.

В день Иннокентия ему давали обед, после которого по городу проезжала кавалькада, чтобы "епископ" мог благословить народ. Он также должен был произнести проповедь - несомненно, написанную специально для него.

Примеры таких речей сохранились до наших дней {22} и не лишены причудливых штрихов. Например, в просительной молитве перед одной из них упоминаются "ryghte reverende fader and worshypfull lorde my broder Bysshopp of London, your dyoceasan" и "my worshypfull broder [the] Deane of this cathedrall chirche", {23} а в другой проповедник замечает, говоря о хористах и детях песенной школы: "Yt is not so long sens I was one of them myself." {24}

В некоторых местах кажется, хотя это ни в коем случае не точно, что мальчик действительно пел мессу. Должность "епископа" была очень желанной не только из-за пиров, но и потому, что он обычно имел право взимать взносы с верующих, и собранные суммы часто были очень большими. В Йорке, например, в 1396 году "епископ" получил около 77 фунтов стерлингов, все расходы были оплачены.

Общая параллель между обычаями "мальчика-епископа" и праздником дураков очевидна, и, несомненно, они имеют одни и те же народные корни. Следует особо отметить один момент, о котором уже говорилось: избрание мальчика-епископа обычно происходило 5 декабря, в канун Святого Николая, покровителя детей; его часто называли "Николаем-епископом"; иногда, как в Итоне и Мейенсе, он выполнял епископские функции на богослужении накануне и в сам праздник. Возможно, как предполагает мистер Чемберс, день святого Николая был более древней датой для праздника мальчиков, чем день святого Иннокентия, и что из связи со святым Николаем, святым епископом *par excellence* (говорят, что он был посвящен божественным повелением, когда еще был простым мирянином), возник 308 обычай давать титул "епископ" "владыке" сначала праздника мальчиков, а затем праздника дураков.

В позднем Средневековье мальчика-епископа можно было встретить не только в соборных, монастырских и коллегиальных церквях, но и во многих приходских церквях по всей Англии и Шотландии. До сих пор сохранились различные описи облачений и украшений, предназначенных для него. Вместе с началом Реформации пришло и его подавление: прокламация Генриха VIII, датированная 22 июля 1541 года, повелевает, "чтобы отныне все подобные суеверия были утеряны и чистосердечно погашены во всех этих его владениях, поскольку они скорее напоминают незаконное суеверие язычества, чем чистую и

искреннюю религию Христа." {25} В правление Марии Мальчик-епископ вновь появился, наряду с другими "папистскими" обычаями, но после воцарения Елизаветы он, естественно, канул в Лету. Несколько его следов сохранилось в XVII веке. "Школяры на западе, - говорит Обри, - до сих пор религиозно отмечают день святого Николая (6 декабря), он был покровителем школяров. В Карри-Йеовилле в Сомерсетшире, где в церкви есть хаушол (или шол), ежегодно в это время в церковь приносят бочонок хорошего эля; и в эту ночь они имеют привилегию открывать погреб своего хозяина" {26}.

Во Франции он, похоже, постепенно исчез, поскольку после Реформации католическая церковь становилась все более и более "респектабельной", но следы его можно найти в XVIII веке в Лионе и Реймсе; а в Сенсе даже в XIX веке мальчики из хора играли в епископов в День Иннокентия и называли своего "архиепископа" *âne* - память о старом *празднике асинарии*. {27} В Дании смутный след его сохранился в XIX веке в детской игре. Мальчика наряжали в белую рубашку и усаживали на стул, а дети пели куплет, начинающийся словами: "Здесь мы посвящаем епископа Йоля", и предлагали ему орехи и яблоки. {28}

309310311

ГЛАВА XIV

СТ. STEPHEN'S, ST. ДЖОНА И СВЯТЫХ НЕВИННЫХ

Лошадиные обычаи в день святого Стефана - шведский святой Стефан - вино святого Иоанна - чайлдермас и его избиения.

Три дня святых, следующих сразу за Рождеством - день святого Стефана (26 декабря), день святого Иоанна Евангелиста (27 декабря) и день святых Невинных (28 декабря) - до сих пор имеют различные народные обычаи, в одних случаях чисто светские, в других - освященные церковью.

День святого Стефана.

В тирольских церквях рано утром в день святого Стефана происходит освящение воды и соли, принесенных народом. Водой крестьяне окропляют еду, амбары и поля, чтобы отвратить влияние ведьм и злых духов, а хлеб, смоченный в ней, дают скоту, когда его выгоняют на пастбище в Белый понедельник. Соль также дают животным, а сами крестьяне принимают ее перед каким-либо важным путешествием, например, паломничеством. Кроме того, при угрозе бури часть соли бросают в огонь для защиты от града. {1}

Однако самое поразительное в Дне святого Стефана - это его связь с лошадьми. Святой Стефан - их покровитель; в Англии в прежние времена в его праздник пускали кровь, полагая, что это пойдет им на пользу. {2} И этот обычай до сих пор сохраняется в некоторых частях Австрии. {3} В Тироле принято не только пускать кровь лошадям в день Святого Стефана, но и давать им освященную соль и хлеб или овес и ячмень. {4}

В некоторых долинах Каринтии, где специально занимаются разведением лошадей, молодые люди приезжают в деревню на своих неоседланных конях, и четыре-пять раз обегают вокруг церкви, а священник благословляет животных, окропляя их святой водой и изгоняя ее. {5}

Подобные обычаи существуют или существовали в разных частях Германии. В Мюнхене во время службы в День святого Стефана более двухсот мужчин верхом на лошадях трижды объезжали внутреннюю часть церкви. Лошади были украшены разноцветными лентами, и эта практика была отменена только в 1876 году. {6} В Бакнанге в Швабии лошадей выводили как можно быстрее, чтобы защитить их от влияния ведьм, а в регионе Хоэнлоэ слугам-мужчинам хозяева разрешали ездить компаниями в соседние места, где происходило много пьянства. {7} В Гольштейне парни в канун Стефана ходили к соседям в компании, выпрягали лошадей и катались по дворам, производя шум, пока люди не просыпались и не угощали их пивом и спиртными напитками. {8} В деревне Вальсбюль под Фленсбургом крестьянская молодежь рано утром устраивала скачки, а победителя называли Штеффеном и развлекали в трактире. В Виоле под Бредштадтом ребенок, вставший 26 декабря последним, получал имя Штеффен и должен был ехать к соседу на вилах сена. В других районах Германии праздник называли "великим днем лошади", давали освященную пищу животным, водили их по полям, пока они не вспотеют, и, наконец, везли к кузнецу и пускали кровь, чтобы сохранить их здоровье на весь год. Кровь сохраняли как средство от различных болезней. {9}

Однако именно в Швеции "лошадиный" аспект праздника наиболее очевиден. {10} Раньше существовал обычай в час ночи на день святого Стефана гнать лошадей к воде, текущей на север; тогда они пили "сливки из воды" и процветали в течение года. К воде устроили неистовую гонку, и слуга, пришедший первым, был вознагражден напитком чего-нибудь покрепче. Опять же, рано утром один 313 крестьянин чистил конюшню другого, часто на некотором расстоянии от своего дома, кормил, поливал и натирал лошадей, а затем принимался за завтрак. В старину после службы в День святого Стефана устраивались скачки домой на лошадях, и считалось, что тот, кто приедет первым, первым соберет урожай. Но самый примечательный обычай - это ранняя утренняя прогулка так называемых "людей Стефана", компаний крестьянской молодежи, которые задолго до рассвета скачут наперегонки от деревни к деревне и будят жителей народной песней под названием *Staffansvisa*, ожидая, что в ответ их угостят элем или спиртными напитками.

Предполагается, что кавалькада представляет Святого Стефана и его последователей, однако этот святой - не первый мученик Нового Завета, как можно было бы предположить, а бесстрашный миссионер, который, согласно старым легендам, был одним из первых проповедников Евангелия в Швеции и был убит язычниками в темном лесу. С описанными обычаями его связывает особая черта - любовь к лошадям. По легенде, у него было пять коней: два рыжих, два белых, один пятнистый; когда один из них уставал, он садился на другого и каждую неделю совершал большой обход, чтобы проповедовать Слово. После смерти его тело прикрепили к спине необъезженного жеребенка, который не останавливался, пока не подъехал к Норрале, его дому. Там он был похоронен, а церковь, построенная над его могилой, стала местом паломничества, куда приводили больных животных, особенно лошадей, для исцеления.

Маннхардт и Фейльберг считают, что этот шведский Святой Стефан - не историческая личность, а мифическая фигура, как и многие другие святые, и что его легенда, так связанная с лошадьми, была попыткой объяснить народные обычаи, практикуемые в день, посвященный Святому Стефану-первому мученику. Интересно отметить, что легендарная традиция много обыгрывала новозаветного Стефана; например, в старой английской песне он был слугой в зале царя Ирода во время рождения Христа: - "Стефан из кухни пришел, из кухни вышел.

"Стефан из кухни вышел,
С кабаньей головой на руке,

Он увидел звезду яркую и светлую
Над Вифлеемом стояла".

314 После этого он оставил царя Ирода ради Младенца Иисуса и был побит камнями до смерти. {11}

Однако если вернуться к конным обычаям дня после Рождества, то совершенно очевидно, что они имеют нехристианское происхождение. Маннхардт предположил, что скачки, которые являются их наиболее заметной особенностью, когда-то были прелюдией к церемонии люстрации домов и полей священным деревом. Похожие "скачки" встречаются весной в разных частях Европы и связаны с процессией, которая, по-видимому, является церковной адаптацией дохристианского обряда люстрации. {12} Великое имя Маннхардта придает вес этой теории, но она кажется несколько окольным путем для объяснения фактов. Возможно, объяснение "лошадиности" этого дня можно искать в каком-то дохристианском жертвоприношении коней.

Мы уже отмечали, что день святого Стефана часто является датой "охоты на крапивника" на Британских островах; в Англии он также обычно посвящался охоте и стрельбе, поскольку считалось, что в этот день законы о дичи не действуют. {13} Это может быть лишь примером рождественской лицензии, но вполне возможно, что здесь сохранилась какая-то традиция жертвенного заклания.

День святого Иоанна.

Церковную адаптацию языческой практики можно увидеть в *Johannissegen*, который принято проводить в день святого Иоанна во многих частях католической Германии и Австрии. После мессы в церковь приносят вино, чтобы священник благословил его, а люди забирают его, чтобы выпить дома. Существует множество народных поверий о магической силе этого вина, которые можно проследить на протяжении как минимум четырех веков. В Тироле и Баварии считается, что оно защищает пьющего его от удара молнии, в рейнском Пфальце его пьют, чтобы уберечь от травм другое вино, которым владеет человек, или чтобы урожай следующего года был хорошим. В Нассау, Каринтии и других регионах его наливают в бочки для вина, чтобы уберечь драгоценный напиток от вреда, а в Баварии хранят для использования в качестве лекарства в болезни. 315В Сирии считается, что вино святого Иоанна сохраняет тело здоровым и крепким, и в его день даже младенцев в колыбели заставляют присоединиться к семейному питию. {14}

Судя по всему, в XVI и XVII веках в день святого Иоанна пили как обычное, так и освященное вино, часто до чрезмерности, и ученые того времени всерьез полагали, что *Weihnacht*, немецкое название Рождества, должно правильно писаться *как Weinnacht*. *{15} Йоханниссеген*, или *Йоханнисминн*, как его иногда называли, кажется, с учетом всех обстоятельств, выжившим старым жертвоприношением вина, как *Мартинсминн*. О том, что оно не обязано своим происхождением легенде о чаше с ядом, выпитой святым Иоанном, говорит тот факт, что подобный обычай в старину практиковался в Германии и Швеции в день святого Стефана. {16}

День Святых Невинных.

День Святых Невинных или Чайлдермас, независимо от того, связано ли это с массовым убийством Ирода, раньше был особенно несчастливым; это был день, в который никто, если он мог избежать этого, не должен был начинать никакой работы. Про суеверного монарха

Людовика XI Французского рассказывают, что он никогда не занимался никакими делами в этот день, а про нашего Эдуарда IV - что его коронацию отложили, потому что изначально назначенная дата была Чайльдермас. В Корнуолле ни одна хозяйка не станет чистить или мыть в Чилдермас, а в Нортгемптоншире считалось очень несчастливым начинать любое дело или даже стирать в течение года в тот день недели, на который выпал праздник. Чилдермас там называли Дайземас, и поговорка гласила: "Что начато в день Дыземаса, то никогда не будет закончено". В Ирландии его называли "крестовым днем года" и говорили, что все начатое в этот день должно иметь несчастливый конец. {17}

В народной обрядности этот день примечателен тем, что связан с обычаями порки. Писатель XVII века Грегори упоминает об обычае бичевать детей в День невинных утром и объясняет это тем, что это делается для того, чтобы память об "убийстве Ирода была сильнее; и, в умеренной пропорции, для того, чтобы жестокость снова перешла в доброту" {18}.

316 Это объяснение вряд ли выдержит критики; многочисленные и разнообразные примеры практики порки на Рождество, собранные Маннхардтом {19}, показывают, что она не ограничивается ни Днем невинных, ни детьми. Более того, часто это рассматривается не как жестокое наказание, а как услуга, за которую нужно отплатить хорошими продуктами.

В центральной и южной Германии этот обычай называется "пепперинг" (*pfeffern*), а также имеет другие названия. В Орлагау девушки в день святого Стефана и юноши в день святого Иоанна бьют своих родителей и крестных зелеными еловыми ветками, а слуги бьют своих хозяев палками с розмарином, говоря при этом:

"Свежая зелень! Долгой жизни!
Дай мне яркий *талер* [или орехи и т.д.]".

Их развлекают сливовым караваем или пряниками и бренди. В саксонском Эрцгебирге молодые парни в день святого Стефана хлещут женщин и девушек, по возможности еще в постели, березовыми прутьями, напевая при этом:

"Свежая зелень, честная и прекрасная,
Пряники и бренди-вино";

А в день святого Иоанна женщины расплачиваются с мужчинами. В нескольких местах Тюрингского леса дети в День Невинных бьют прохожих березовыми ветками, получая взамен яблоки, орехи и другие лакомства. Различные другие немецкие примеры такого же рода практики приводит Маннхардт. {20}

Во Франции дети, которые позволяли застать себя в постели утром в день Святых Невинных, подвергались порке со стороны родителей, а в одной из провинций, Нормандии, рано вставшие молодые люди сами избивали нерасторопных. Эта практика даже породила глагол "*инноцентировать*". {21}

Можно не сомневаться, что избиение в День невинных - это пережиток дохристианского обычая. Подобные ритуальные бичевания встречаются во многих странах в разное время года и отнюдь не ограничиваются Европой. {22} В нынешнем виде бичевание часто приобретает суровый вид или становится чем-то вроде дразнилки, как, например, в Богемии на Пасху молодые люди хлещут девушек, пока те не дадут им что-нибудь. Однако его первоначальная цель, как мы видели в связи с жезлом святого Мартина, была, по-видимому, совсем не доброй. Порка предназначалась не для наказания или искупления, не для того,

чтобы ожесточить людей к боли, а для того, чтобы изгнать вредные влияния и злых духов или передать через контакт добродетели какого-нибудь священного дерева.

318319320321

ГЛАВА XV

ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

Принцип новогодних обычаев - Новый год во Франции, Германии, Соединенных Штатах и Восточной Европе - "первая нога" в Великобритании - шотландские новогодние обычаи - горная дезинфекция и обычаи "полосатой груди" - Хогманай и Агилланнеф - новогодние процессии в Македонии, Румании, Греции и Риме - способы оберегов - суровые новогодние талисманы.

Переходя к 1 января, современному и римскому Новому году, мы обнаружим, что большинство его обычаев были предвосхищены более ранними праздниками; римские обычаи Календ часто переносились на Рождество, а старые кельтские и тевтонские новогодние обычаи часто переносились на римскую дату. [113]

Как уже говорилось в главе VI, празднование Нового года в основном основывается на принципе "хорошее начало - хороший конец", то есть как прошел первый день, так пройдет и остальные. Если вы хотите вдоволь поесть в течение года, обильно ужинайте в Новый год, если вы хотите быть богатым, следите за тем, чтобы ваши карманы не опустели в этот критический сезон, если вы хотите быть удачливым, избегайте, как яда, в это время всего, что имеет дурные предзнаменования.

"На границах, - говорит мистер У. Хендерсон, - следят за тем, чтобы никто не входил в дом с пустыми руками в Новый год. Посетитель должен принести с собой какое-нибудь съестное; ему будут рады вдвойне, если он принесет горячую похлебку или "плоти". Каждый 322 должен надеть в Новый год новое платье, и если в его карманах есть деньги всех видов, то они точно не будут пустыми в течение всего года." {2}

Придание особого значения тому, что происходит в Новый год, отнюдь не является специфически европейским. Индусы, например, как рассказывает мистер Эдгар Терстон, "очень стараются увидеть какой-нибудь благоприятный объект утром в день Нового года, так как считается, что влияние предзнаменований, увиденных по этому случаю, сохраняется в течение всего года". Считается, что все благополучие человека зависит от того, на что он случайно обратит свой взор. {3}

Чары, приметы и добрые пожелания, естественно, являются самыми заметными обычаями 1 января и его кануна. Новый год в Англии вряд ли можно назвать народным праздником; здесь нет государственных праздников, и это событие больше ассоциируется с покаянными ночными богослужениями и добрыми решениями, чем с ликованием. Но пусть читатель, если он окажется в Лондоне, заглянет в это время в Сохо, и он получит некоторое представление о том, что значит Новый год для иностранца. Маленькие ресторанчики украшены яркими фестонами всех цветов и заполнены весельчаками, витрины магазинов переполнены всевозможными деликатесами; это самый торжественный сезон в году.

Во Франции 1 января - гораздо более праздничный день, чем Рождество; именно тогда дарят подарки, устраивают семейные сборища и звонят по телефону. Утром дети находят свои

чулки, наполненные подарками, а затем спешат высказать добрые пожелания своим родителям. После обеда младшие обзванивают старших, а вечером все собираются на ужин в доме главы семьи. {4}

В Германии Новый год - это время огромной важности. Открыток гораздо больше, чем на Рождество, и "новогодние коробки" дарят торговцам, а в канун (*Sylvesterabend*) устраиваются танцы или вечеринки, практикуется обычай предсказывать будущее с помощью заливки свинцом, а в полночь раздается общий крик "Prosit Neu Jahr!", распитие спиртных напитков и рукопожатие. {5}

Новогодние пожелания и "комплименты сезона" знакомы всем нам, но в Англии нет того обычая делать официальные звонки, который во Франции так характерен для 1 января, когда не только родственники и личные друзья, но и люди, чьи связи носят чисто официальный характер, должны навестить друг друга. В набожной Бретани обмен пожеланиями принимает красивую религиозную форму: "Желаю вам хорошего года и рая в конце ваших дней"{6}.

Новогоднее поздравление отнюдь не ограничивается Францией. В Соединенных Штатах это один из немногих следов, оставленных ранними голландскими поселенцами на американских нравах. Сейчас этот обычай быстро выходит из употребления, {7} но в Нью-Йорке вплоть до середины XIX века "Новый год был посвящен всеобщему обмену визитами. Все двери были распахнуты настежь. Было нарушением этикета пропустить кого-либо из знакомых в этих ежегодных визитах, когда возобновлялась старая дружба и дружески улаживались семейные разногласия. Радушный прием оказывался даже незнакомым людям приличного вида". В те времена этот день был отмечен грандиозными застольями и пьянством, а обычаи посещения иногда перерастали в дикий разгул. Молодые люди в барушах целый день носились от одного дома к другому. "Церемония вызова была бурлеском. Происходило шумное и уморительное приветствие, торопливо проглатывался стакан вина, все пожимали друг другу руки, а зазывалы выбегали, бросались в карету и быстро ехали в следующий дом" {8}.

Новогодние звонки с добрыми пожеланиями в чем-то напоминают широко распространенный обычай "первопосещения", основанный на вере в то, что характер первого посетителя в Новый год влияет на благополучие домочадцев в течение года. С "первоходом" мы уже встречались в *полазнике* южных славян на Рождество. Следует иметь в виду, что для них, или, во всяком случае, для кривосских горцев, чьи обычаи описаны сэром Артуром Эвансом, Рождество - это, по сути, праздник Нового года: О Новом годе вообще не говорят, его название и церемонии полностью поглощены праздниками "Большого" и "Малого" Рождества. {9}

Суеверие "первой ноги" встречается в таких далеких друг от друга странах, как 324Шотландия и Македония. Начнем с некоторых английских примеров. В Шропшире самым важным принципом является то, что если удача будет сопутствовать дому, то "первой ногой" не должна быть женщина. Чтобы обезопасить себя от такой несчастливой случайности, как то, что женщина позвонит первой, люди часто нанимают дружелюбного мужчину или мальчика, чтобы тот нанес им ранний визит. Особенно интересно найти шропширскую параллель действиям *полазника*, когда он идет прямо к очагу и высекает искры из рождественского полена, [114] когда мисс Берн рассказывает нам, что один старик, который обычно "впускал Новый год", "всегда входил без стука и разговоров и молча помешивал огонь, прежде чем предложить семье какое-либо приветствие" {10}.

В деревнях долины реки Теме, в графствах Вустершир и Херефордшир, "в старые времена альпинистов в новогоднее утро прочищали дымоходы, чтобы первым в них вошел

представительница прекрасного пола; а окрестные юнцы обходили дома до рассвета, распевая песни, когда одного из них пускали на кухню "для удачи на весь год"". В 1875 году этот обычай все еще практиковался; а в некоторых фермерских домах, если день стирки выпадал на первый день года, его либо откладывали, либо, чтобы убедиться, что женщины не успеют прийти, рано утром вызывали парня извозчика, чтобы его выпустили и снова впустили. {11}

Представление о несчастье женщины быть "первой ногой" необычайно распространено; настоящий писатель столкнулся с ним в обычном лондонском ресторане, где большое значение придавалось тому, чтобы мужчина открыл заведение в новогоднее утро до прихода официанток. Подобное поверье встречается даже в далеком Китае: там считается несчастливым в Новый год встретить женщину, впервые вышедшую на улицу. {12} Может ли это поверье быть связано с такими представлениями об опасном влиянии, исходящем от женщин, которые описаны доктором Фрейзером в III томе "Золотой ветви" {13}, или же оно основано просто на взгляде на женщину как на низший пол? Несчастье первой встречи с женщиной, заметим, не ограничивается, а лишь усиливается в день Нового года; в Шропшире {14} и в Германии {15} оно относится к любому обычному дню.

325 Что касается общего отношения к женщине, на которое наводят эти суеверия, я могу процитировать поразительный отрывок из "Фемиды" мисс Джейн Харрисон. "Женщина для первобытного человека - это нечто одновременно слабое и магическое, ее нужно угнетать, но при этом бояться. Она наделена способностями к деторождению, которых мужчина лишен, способностями, понятными лишь наполовину, силами притяжения, но также опасности и отталкивания, силами, которые во всем мире, кажется, наполняют его смутным ужасом. Отношение мужчины к женщине и, хотя, возможно, в меньшей степени, женщины к мужчине и сегодня остается по сути магическим." {16}

Суеверия, связанные с "первой ногой", процветают на севере Англии и в Шотландии. В северных графствах мужчина часто становится "первой ногой" или "счастливой птицей"; в некоторых районах он должен быть холостяком, и от него часто ждут подарка - горсть углей, какую-нибудь еду или виски. {17} В Восточном Райдинге Йоркшира мальчик, которого называли "счастливой птицей", приходил на рассвете в рождественское утро, а также в Новый год и приносил веточку вечнозеленого дерева {18} - подношение, уже хорошо знакомое нам. В Шотландии, особенно в Эдинбурге, принято, чтобы домашние слуги приглашали своих возлюбленных стать их "первыми ногами". Старые шотландские семьи, сохранившие древние обычаи, поощряют своих слуг, чтобы те ставили их на "первую ногу", а бабушки и дедушки любят, чтобы их внуки оказывали им ту же услугу. {19} В Абердиншире считается очень важным, чтобы "первоножка" не приходил с пустыми руками. Раньше он приносил эль со специями, теперь - бутылку виски. Хлебцы, овсяные лепешки, "сладости" или соусники также иногда приносились "первой ногой", и иногда соусниками посыпали двери и окна посещаемых домов - обычай, наводящий на мысль о некоем сакраментальном значении. {20}

Прежде чем мы оставим тему британских "первых ног", мы можем обратить внимание на одну или две вещи, которые, возможно, имеют расовое значение. Мало того, что "первенец" должен быть мужчиной или мальчиком, он часто обязан быть темноволосым; светловолосым или рыжеволосым людям не повезло "впустить" Новый год. {21} Сэр Джон Рис предположил, что в основе этой идеи лежит 326расовая антипатия - естественный антагонизм коренного темноволосого народа к расе светловолосых захватчиков. {22} Еще одно любопытное требование - на острове Мэн и в Нортумберленде - заключается в том, что "первая нога" не должна быть плоскостопой: он должен быть человеком с высоким выступом, ногой, под

которой "бежит вода". Сэр Джон Рис склонен связывать это с некоторым расовым контрастом. В качестве иллюстрации он замечает, что английские туфли, как правило, не подходят валлийским ногам, так как сделаны слишком низко в предплюсне. {23}

Уже упоминалось о шотландских новогодних обычаях. В Шотландии, самом протестантском регионе Европы, в стране, где пуританство полностью отменило празднование Рождества, Новый год является большим событием и отмечен различными интересными обычаями, важность которых, несомненно, во многом объясняется тем, что им не приходится конкурировать с церковным праздником Рождества Христова. В настоящее время, правда, пример англиканства в значительной степени влияет на страну, и Рождество все чаще отмечается в церквях. Новый год, однако, по-прежнему остается национальным праздником, а 1 января - прекрасным днем для посещения и пиршеств, главным, по сути, из всех праздников. {24} День Нового года и его канун часто называют "Днями безделья"; едят всевозможные торты и пирожные, пьют здравицы и звонят по телефону. {25}

В Эдинбурге в канун Нового года наблюдаются поразительные сцены. "Ближе к вечеру, - пишет один из наблюдателей, - улицы заполняются молодежью города ..... По мере приближения полуночного часа распитие спиртных напитков становится частым, а некоторые уже находятся в состоянии алкогольного опьянения..... Глаза огромной толпы постоянно обращены к освещенному циферблату часов "Auld and Faithful" Tron [Church], час приближается, стрелки, кажется, стоят на месте, но через секунду ура, радостные возгласы, рукопожатия, распитие здравиц - все это продолжается до тех пор, пока часы продолжают отбивать долгожданный полуночный час..... Толпа постепенно расходится, сильно опьяневшие и беспомощные люди, которых полицейские призывают держаться подальше от опасности. Первопроходцы уносятся прочь, летят во всех направлениях по городу, поют, радуются и пожимают руки всем и каждому." {26}

327Не стоит упоминать о том, как лондонские шотландцы собирались у собора Святого Павла, чтобы послушать полночный бой курантов и встретить Новый год под звуки "Auld Lang Syne", разве что следует сказать, что времена изменились, и шотландцы теперь затерялись в бурлящей толпе гуляк всех национальностей.

Пьянство было и остается главной особенностью шотландского Нового года. "С наступлением двенадцати часов готовили *горячую пинту*, то есть чайник или флягу, наполненную теплым, пряным и подслащенным элем с добавлением крепких напитков. Когда часы отбивали звон уходящего года, каждый член семьи выпивал эту смесь "За здоровье и счастливый Новый год и многие из них" за всех остальных, при общем пожатии рук". Затем старейшины семьи отправлялись в гости к соседям и обменивались приветствиями. {27}

В Биггаре в Ланаркшире было принято "сжигать старый год" с помощью костров, а в Бургхеде в Морайшире поджигали бочку со смолой, называемую "Клави", и носили ее по деревне и рыбацким лодкам. Ее угли собирали жители и бережно хранили как амулеты против колдовства. {28} Эти огненные обычаи можно сравнить с обычаями на Hallowe'en, который, как мы видели, вероятно, является старым Новым годом.

Стюарт в своей книге "Народные суеверия Шотландского нагорья" рассказывает, как в последнюю ночь года горцы из Стратдауна приносили домой большие партии можжевельника, который в день Нового года разжигали в разных комнатах, закрывая все отверстия, чтобы дым мог произвести тщательную дезинфекцию. Этому подвергались не только люди, но и лошади, и другие животные, чтобы уберечь их от вреда в течение всего года. Кроме того, утром в Новый год всех, кто еще лежал в постели, обмазывали слюной с

помощью большой щетки. {29} Здесь есть большое сходство с католическим использованием ладана и святой воды в южной Германии и Австрии на *Раухнахте* (см. также главу VIII.). В Тироле эти ночи приходятся на Рождество, Новый год и Крещение. С наступлением ночи тирольский крестьянин проходит со всеми домочадцами по всем комнатам и пристройкам, его жена несет сосуд со святой водой и кадильницу. Каждый уголок дома, каждое животное, 328 каждый человек очищаются священным дымом и святым кроплением, и даже рождественский пирог должен быть освящен таким образом. В православных греческих странах нечто подобное происходит, как мы увидим, на Богоявление. Целью всех этих обрядов, несомненно, является изгнание злых духов. {30}

Наиболее интересным из шотландских новогодних обычаев, рассматриваемых как религиозные пережитки, является практика, встречающаяся в Горных горах в канун Нового года и, очевидно, имеющая жертвенное происхождение. Он описан несколькими авторами и имеет различные формы. Согласно одному из рассказов, шкуру зимней коровы обматывали вокруг головы одного из компании мужчин, и все они уходили, колотя по шкуре рубильниками. Беспорядочная процессия трижды *deiseal* (по ходу солнца) обходила каждый дом в деревне, ударяя по стенам и выкрикивая при подходе к двери стишок с требованием войти. При входе каждому члену партии предлагалось угощение, а их предводитель дарил хозяину дома "грудную полоску" овцы, оленя или козы, намотанную на острие палки для игры в синти. {31}

Здесь мы имеем еще один пережиток того часто упоминаемого обычая ношения кожи, который, как мы видели, возник, очевидно, из желания прикоснуться к святости жертвы, приносимой в жертву. Кроме того, "нагрудная полоса", которую давали доброму хозяину каждого дома, очевидно, призвана передать освященное влияние каждой семье. Это овальная полоска, и для ее снятия с плоти нельзя использовать нож. Глава дома поджигает ее, и она дается каждому по очереди для обоняния. Вдыхание его паров является талисманом против фей, ведьм и демонов. На острове Саут-Уист, согласно совсем недавнему рассказу, каждый человек берет его в руки, пока он горит, делает крестное знамение, если он католик, во имя Троицы, и трижды кладет его по солнцу на головы присутствующих. Если он погаснет, это будет плохим предзнаменованием для Нового года. {32}

Автор последнего рассказа говорит о "грудной полоске" как о "Хогманае", и вполне возможно, что известные шествия детей в канун Нового года в Хогманае (в Шотландии и других странах) могут иметь какое-то отношение к описанному выше ритуалу. По обычаю, дети бедняков заворачиваются в большую простыню, сложенную вдвое спереди, чтобы получился большой карман, а затем идут по улицам небольшими группами, зазывая "Хогманай" у дверей богатых семей и ожидая подаяния в виде овсяного хлеба. Каждый ребенок получает четырехугольник овсяного пирога (иногда с сыром), и это называется "Хогманай". Вот один из стишков, которые они поют:.

"Вставай, добрая жена, и тряси перьями,
И не думай, что мы нищие;
Ведь мы - дети, вышедшие поиграть,
Get up and gie's our hogmanay!" {33}

Слово *Hogmanay* - оно встречается в различных формах в северных английских графствах, а также в Шотландии - уже давно является загадкой для этимологов. Оно используется как для

обозначения последнего дня года, так и для подарка в виде овсяного пирога или чего-то подобного; и, как мы видели, его выкрикивают дети во время своих поисков. Точно соответствующим ему по смыслу и употреблению является французское слово *aguillanneuf*, от которого оно, по-видимому, и произошло. Хотя фонетическая разница между ним и шотландским словом велика, нормандская форма *hoguinané* гораздо ближе. Кроме того, существует испанское слово *aguinaldo* (ранее *aguilando*) = Christmas-box. Популярное объяснение французского термина как *au-guy-l'an-neuf* (к омеле на Новый год) теперь отвергнуто учеными, и кажется вероятным, что это слово представляет собой коррупцию латинского *Kalendae*. {34}

Можно привести несколько примеров обычаев *агилланнефа*. Вот образцы рифм, исполняемых новогодними *кветерами*

"Si vous veniez à la dépense,
À la dépense de chez nous,
Vous mangeriez de bons choux,
On vous servirait du rost.
Хогинано.

Donnez-moi mes hoguignettes
Dans un panier que voicy.
Я полюбил
От прекрасного человека изнутри;
Mais il est encore à payer.
Hoguinano." {35}

330Раньше в Матиньоне и Плубале в Бретани в канун Рождества мальчики собирались вместе, брали с собой большие палки и кошельки и стучались в двери фермерских домов. Когда хозяева спрашивали: "Кто там?", они отвечали: "*Хогуиханнеу*", и после того, как они что-нибудь пели, им давали кусок сала. Его надевали на заостренную палку, которую нес один из мальчиков, и хранили для пиршества, называемого *бурихо*. {36} В других местах Бретани бедные дети ходили с криками "*au guyané*", им давали куски сала или соленой говядины, которые они насаживали на длинный вертел. {37} В Гернси детский квест на Новый год назывался *oguinane*. Они скандировали следующую рифму:.

"Oguinâni! Oguinâno!
Ouvre ta pouque, et pis la recclios." [115] {38}

Подобные шествия распространены в Восточной Европе на Новый год. В некоторых районах Македонии в канун Нового года мужчины или мальчики ходят и шумят колокольчиками. В других районах рано утром в Новый год парни бегают с палками или дубинками, сбивают людей с ног, выкрикивают добрые пожелания и ожидают, что их наградят чем-нибудь съестным. В других местах они снова несут зеленые оливковые или кизиловые ветви и прикасаются ими к каждому встречному. {39} Мы уже рассматривали различные подобные обычаи: шум и стук, очевидно, призваны отгонять злых духов, а зеленые ветви - приводить людей в контакт с духом роста, который в них присутствует.

В Румании в канун Нового года существует обычай, известный как "маленький плуг". Мальчики и мужчины ходят после наступления темноты от дома к дому с долгими

приветствиями, звоном колокольчиков и треском кнута. В новогоднее утро румыны бросают друг другу горсти кукурузы с соответствующим приветствием, например.

"Пусть вы живете,
Пусть вы процветаете
Как яблони,331
Как грушевые деревья
В весеннюю пору,
Как богатая осень,
Как осень в изобилии".

Обычно это приветствие передается от молодых к старым или от бедных к богатым, и в ответ ожидается подарок. {40}

В Афинах модели военных кораблей носят с собой официанты, которые собирают в них деньги. Их называют "кораблями Василия" и считают, что они изображают судно, на котором святой Василий, чей праздник отмечается 1 января, отплыл из Кесарии. {41} Вполне вероятно, что это всего лишь христианский глосс на языческий обычай. Возможно, здесь сохранился древнегреческий обычай нести корабль в процессии в честь Диониса, {42} но следует отметить, что подобные празднования встречаются в разные времена года в таких странах, как Германия и Бельгия, где греческое влияние не прослеживается. Этот обычай широко распространен, и Маннхардт предположил, что первоначально он был призван либо способствовать успеху навигации, либо изгонять злых духов в море. {43}

Наконец, интересно прочитать средневековый рассказ о новогоднем *квесте* в Риме. "Следующие, - пишет автор, - обычные римские виды спорта в январские календы. В канун Календ в поздний час встают мальчики и несут щит. Один из них надевает маску; они свистят и бьют в барабан, обходят дома, окружают щит, звучит барабан, а фигура в маске свистит. Закончив игру, они получают от хозяина дома подарок, который он считает нужным подарить. Так поступают в каждом доме. В этот день они едят всевозможные овощи. А утром двое из мальчиков встают, берут оливковые ветви и соль, входят в дома и приветствуют хозяина словами: "Радость и веселье в доме, столько-то сыновей, столько-то поросят, столько-то ягнят", и желают ему всех благ. А перед восходом солнца съедают либо кусочек сота, либо что-нибудь сладкое, чтобы весь год прошел сладко, без раздоров и больших неприятностей." {44}

На Новый год практикуются различные способы заглядывания в будущее, более или менее похожие на те, что были описаны на предыдущих праздниках. Особенно популярен на немецких новогодних вечеринках обычай *bleigiessen*. "Эта церемония заключается в кипячении специально приготовленных кусочков свинца в ложке над свечой; каждый гость берет свою ложку и быстро бросает ее в таз с водой, который стоит наготове. В зависимости от того, какую форму примет свинец, таким будет его будущее в наступающем году... обычно различают корабли (которые указывают на путешествие), или сердца (которые, конечно, имеют только одно значение), или какую-то другую столь же значимую форму." {45}

В Македонии канун Василия Блаженного (31 декабря) - обычное время для гаданий: излюбленный способ - положить на горячую золу пару листьев дикой маслины, чтобы изобразить юношу и служанку. Если листья скомкаются и притянутся друг к другу, считается, что молодые люди любят друг друга, если же они отпрянут друг от друга - все наоборот. Если они вспыхивают и горят, то это признак чрезмерной страсти. {46}

В Литве в канун Нового года из теста пекут девять видов предметов - деньги, колыбель, хлеб, кольцо, голова смерти, старик, старуха, лестница и ключ - и раскладывают их на девяти тарелках, и каждый может трижды за них ухватиться. То, что он получит, выпадет на его долю в течение года. {47}

Наконец, в Бретани считается, что ветер, который преобладает в первые двенадцать дней года, будет дуть в течение каждого из двенадцати месяцев, причем первый день соответствует январю, второй - февралю и так далее. {48} Подобные представления о пророческом характере рождественской погоды распространены как в нашей, так и в других странах.

Практически все обычаи, рассмотренные в этой главе, носят характер приворотов; в заключение можно упомянуть еще один или два, практикуемых в день или канун Нового года.

Существуют любопытные суеверия, связанные с новогодней водой. В Бромъярде в Херефордшире было принято в полночь в канун Нового года мчаться к ближайшему источнику, чтобы урвать "сливки из колодца" - первый кувшин воды, а вместе с ним и перспективу лучшей удачи. {49} В Хайленде принято было посылать в последнюю ночь года кого-нибудь 333, чтобы он набрал кувшин воды в тишине, не касаясь сосудом земли. Эту воду пили в новогоднее утро как амулет против колдовства и сглаза. {50} Схожее поверье об удачливости "новой воды" существует в Канзано Пелиньо в Абруцци. "В канун Нового года фонтан украшают листьями и кусочками цветного материала, а вокруг него разжигают костры. Как только становится светло, девушки приходят, как обычно, со своими медными горшками на голове; но юноши в это утро являются стражами колодца и продают "новую воду" за орехи, фрукты и другие сладости"{51}.

На некоторых островах Эгейского моря, когда семья возвращается из церкви в день Нового года, отец поднимает камень и оставляет его во дворе с пожеланием, чтобы Новый год принес с собой "столько золота, сколько весит камень" {52}. Наконец, в Малороссии "кукурузные снопы складываются на стол, а посреди них ставится большой пирог. Отец семейства садится за ними и спрашивает детей, видят ли они его. "Мы вас не видим", - отвечают они. Тогда он продолжает выражать надежду, что кукуруза на его полях вырастет так высоко, что он сможет быть невидимым для своих детей, когда будет гулять там во время сбора урожая" {53}.

Любопытной и красивой старинной колядкой из Южного Уэльса я должен завершить эту главу. Раньше ее пели перед рассветом в Новый год бедные дети, которые несли с собой кувшин с водой, набранной утром из колодца. Веточкой коробочки или другого вечнозеленого растения они осыпали всех встречных, желая им приятных впечатлений. Чтобы выразить свое почтение тем, кто не был за границей в столь ранний час, они исполняли им серенаду со следующими строками, которые, хотя и связаны с традицией "новой воды", содержат много сомнительных толкований и представляют собой увлекательную загадку для любителей народной словесности: - "Мы приносим новую воду".

"Вот мы приносим новую воду
Из колодца столь чистого,
Чтобы поклониться Богу,
В этот счастливый Новый год.334
Пойте леви-росу, пойте леви-росу,
Воду и вино;
Семь ярких золотых проводов

И горн их сияет.

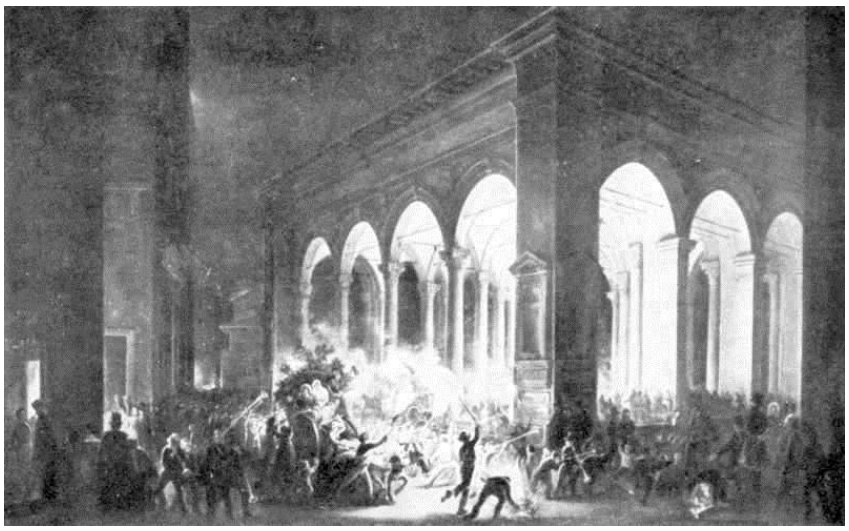
Пой царствование Прекрасной Девы,
С золотом на ноге, -
Открой ты Западную дверь,
И поверни Старый год:
Пойте о правлении Прекрасной Девы,
С золотом на подбородке, -
Открой ты восточную дверь,
And let the New Year in."{54}

335336337

ГЛАВА XVI

ОТ ПРОЗРЕНИЯ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Двенадцатый пирог и "король бобов" - французские обычаи Двенадцатой ночи - пирог Святого Василия в Македонии - Богоявление и изгнание зла - Бефана в Италии - волхвы как приносящие подарок - греческие обычаи Богоявления - спасение фруктовых деревьев - герефордширские и ирландские обычаи Двенадцатой ночи - "Haxey Hood" и рождественский футбол - день Святого Кнута в Швеции - день петуха - пахтальный понедельник - Рождество. День Кнута в Швеции - День рока - Понедельник плуга - Свеча, церковные и народные обряды - Прощание с Рождеством.



КРЕЩЕНИЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ.

Богоявление.

Хотя Богоявление перестало быть популярным праздником в Англии, когда-то это был очень важный день, и во многих частях Европы он все еще сопровождается народными обычаями, представляющими большой интерес. [116] Для крестьянина Тироля это, действительно, Новый год, а первое января отмечают только горожане и модернизированные люди. {1}

Англичанам, пожалуй, наиболее известной особенностью светского праздника является Двенадцатый пирог. Некоторые слова Ли Ханта покажут, какое важное место он занимал в середине девятнадцатого века:...

> Рождество проходит в прекрасном стиле - вместе с "Двенадцатой ночью". Это завершение достойно времени. Рождество - утро сезона; Новый год - его середина, или полдень; Двенадцатая ночь - ночь, сверкающая бесчисленными планетами двенадцатых пирогов. Весь остров держит двор, да что там, все христианство. Во всем мире 338 королей и королев. Каждый становится кем-то другим и сразу учится смеяться и терпеть персонажи, отличные от его собственных, играя их. Торты, персонажи, неустойки, огни, театры, веселые комнаты, маленькие праздничные лица и, наконец, сахарная роспись на тортах, которую так плохо есть, но на которую так приятно смотреть, полезная, потому что она совершенно бесполезна, кроме как для зрелища и морали, - все сговорились навести головокружительный блеск на последний вечер сезона и отправить его спать с пышностью и красками, как принца." {2}

В отношении банкетных обычаев XVII века и связи торта с "Королем бобов" можно процитировать Херрика

"Теперь, теперь веселье приходит
С пирогом, полным слив,
Где бобы - король спорта;
Кроме того, мы должны знать,
Горох тоже
Должна пировать как королева при дворе.

Начинайте выбирать
В эту ночь, как вам угодно,
Кто будет в эту ночь здесь веселиться
Будет королем по жребию,
А кто не будет
Королевой двенадцатого дня на эту ночь.

Что известно, давайте приготовим
Радостные сопсы с тортом;
И пусть ни один мужчина не будет здесь замечен,
Кто бы не пил без урга,
За основание от края,
За здоровье короля и королевы здесь." {3}

Существует множество английских упоминаний об обычае избирать монарха на Двенадцатый день с помощью бобов или горошин, и этот "король" упоминается в королевских отчетах уже в правление Эдуарда II. {4} Однако, судя по всему, во Франции он был еще более популярен, чем в Англии.

339 Метод выбора Богоявленского короля описан писателем XVI века Этьеном Паскье следующим образом.

> "Когда пирог разрезан на столько порций, сколько гостей, под стол сажают маленького ребенка, которого хозяин под именем Фебе (Фибус) допрашивает, как если бы он был ребенком, который в невинности своего возраста представлял собой своего рода оракул Аполлона. На этот допрос ребенок отвечает латинскими словами: *Domine*. Тогда хозяин призывает его сказать, кому он отдаст кусок пирога, который держит в руке: ребенок называет всех, кто приходит ему в голову, без различия лиц, до той части, где раздается боб. Тот, кому он достанется, считается королем компании, хотя это может быть и самый незначительный человек. После этого все едят, пьют и танцуют от души." {5}

В Берри в конце праздничной трапезы перед главой семьи выносится пирог, который делится на столько порций, сколько гостей, плюс одна. Их распределяет самый младший член семьи. Оставшаяся часть называется *la part du bon Dieu* и отдается первому, кто ее попросит. Обычно за ней приходит группа детей с предводителем, который поет небольшую песенку. {6} Раньше существовал обычай наряжать короля в полное одеяние. Во время пира его развлекал дурак, а когда он пил, раздавались выстрелы. {7}

Вот рассказ девятнадцатого века из Лотарингии.

> "В Крещенское бдение вся семья и гости собираются вокруг стола, который освещается лампой, висящей над его центром. Бросают жребий, чтобы выбрать короля праздника, и если голова кого-либо из присутствующих не отбрасывает тень на стену, это знак, что он умрет в течение года. Затем король свободно выбирает себе королеву: им отводится почетное место, и каждый раз, когда они поднимают бокалы ко рту, со всех сторон раздаются возгласы "Король пьет, королева пьет!". На следующий день огромный торт, разделенный на равные порции, раздается компании самым младшим мальчиком. Первая порция всегда предназначается *le bon Dieu*, вторая - Пресвятой Деве (эти две порции всегда достаются первому нищему, который представляется); затем следуют порции родственников, слуг и гостей. Тот, кто найдет в своей порции боб, провозглашается королем; если это дама, она выбирает себе 340king, и он приглашает компанию на банкет в следующее воскресенье, на котором черные короли делаются путем натирания лица жженой пробкой." {8}

Использование *gâteau des Rois* уходит корнями довольно далеко в прошлое. В монастыре Мон-Сент-Мишель в XIII веке короля на Богоявление выбирали из числа монахов с помощью нескольких пирогов, в один из которых клали боб. На утрени, высокой мессе и вечерне он восседал на специальном троне. {9}

Можно добавить, что существует причудливая старая история о викарии, "который, приняв свои приготовления вечером, когда все люди кричат (по обычаю) *"Король пьет*", пропев свою Массу на следующее утро, заснул в своем Memento: и, когда он проснулся, добавил громким голосом *"Король пьет*". {10}

Можно упомянуть еще один французский "королевский" обычай, хотя он относится к Рождеству, а не к Богоявлению. В Салерсе, в центре Франции, раньше были король и королева, чьей функцией было председательствовать на празднике, занимать почетное место в церкви и идти первым в процессии. Королевская власть не была выборной, а продавалась с аукциона у дверей церкви, и, как говорят, была настолько желанной, что достойные граждане продавали свое наследство, чтобы приобрести ее. {11}

Можно отметить, что Богоявленские короли и пироги, похожие на французские, прослеживаются в Голландии и Германии, {12} а "Король бобов" известен в современной Италии, хотя там он может быть импортом с севера. {13}

Как же объяснить этого веселого монарха? Его сходство с королем *Сатурналий*, который руководил весельем на этом празднике во времена императорского Рима, конечно, поразительно, но невозможно сказать, происходит ли он непосредственно от этого персонажа. Несомненно, его связь с праздником Трех королей помогла сохранить его власть. Что касается фасоли, то, судя по всему, в древности она была священным овощем. Существует история о философе Пифагоре, который, летя перед отрядом мятежников, наткнулся на поле бобов и отказался пройти через него, боясь раздавить растения, что позволило его преследователям догнать его. Более того, в Риме *flamen dialis* запрещалось есть или даже называть этот овощ, а 341 название Fabii, римского *рода*, наводит на мысль о тотемном племени бобов. {14}

В Восточной Европе, хотя я и не знаю о выборах короля, существуют новогодние обычаи с пирогами, очень напоминающие некоторые из французских обычаев, описанных на страницу или две назад. "Торт святого Василия" в канун Нового года в Македонии - это что-то вроде короткого хлеба с серебряной монетой и крестом из зеленых веточек. Когда все рассаживаются за столом, отец и мать берут торт, "разламывают его на две части, которые глава семьи снова делит на доли. Первая доля предназначена для Василия Блаженного, Богородицы или святого покровителя, чья икона находится в доме. Вторая - за сам дом. Третья - за принадлежащий ему скот и домашнюю живность. Четвертая - для неодушевленного имущества, а остальные - для каждого члена семьи в соответствии с возрастом. Каждая порция последовательно окунается в чашу с вином". Тот, кто найдет крест или монету в своей доле пирога, будет процветать в течение года. Деньги считаются священными и используются для покупки вотивной лампы. {15}

В Македонии, когда заканчивается новогодняя трапеза, стол с остатками пиршества убирают в угол комнаты, чтобы Святой Василий мог прийти и принять участие в трапезе. {16} Похоже, что Церковь заменила им духов усопших, для которых, как мы видели, на Западе оставляют пищу на праздники Всех Душ и Рождества. Вероятно, македонская практика откладывать часть пирога для святого, а также кусочки, отрезанные во Франции для *le bon Dieu* и Девы Марии или трех волхвов, имеют схожее происхождение. Можно сравнить их с сербским разламыванием пирога *"колач"* в честь Христа "покровителя имен". Разве неуместно также упомянуть здесь обычай Греческой церкви при приготовлении элементов для Евхаристии отламывать части хлеба в память о Богородице и других святых?

Во многих странах Богоявление - это особое время для изгнания зла. В Брунне в Швейцарии мальчики в Двенадцатую ночь идут процессией с факелами и фонарями, шумят рожками, колокольчиками, кнутами и т. д., чтобы 342 отпугнуть двух лесных духов. В Лабругьере на юге Франции в канун Двенадцатого дня жители проносятся по улицам, издавая нестройные звуки и поднимая огромный шум, чтобы отпугнуть призраков и чертей. {17}

В некоторых районах восточных Альп происходит то, что называется *Берхтенлауфен*. Парни, которых раньше было две или три сотни, носятся по улицам в самых странных масках, с колокольчиками, кнутами и всевозможным оружием, и дико кричат. {18} В Нюрнберге вплоть до 1616 года в *Бергнахт* или Крещенский сочельник мальчики и девочки бегали по улицам и громко стучали в двери. {19} Такой стук, как мы видели, вполне мог быть предназначен для того, чтобы отгонять духов от домов.

В Эшенлохе близ Партенкирхена в Верхней Баварии три женщины в этот вечер совершали *берхтен*. Все они носили на голове льняные мешки с отверстиями для рта и глаз. Одна несла цепь, другая - грабли, третья - метлу. Обойдя дома, они стучали в дверь цепом, скребли землю граблями и шумели метлой. {20} Предположение об очищении от зла здесь очень сильно.

В связи с *Калликанцарой* уже упоминалось об очищении домов святой водой, которое совершали греческие священники на Богоявление. В Румании, где проводится аналогичное окропление, к этому добавляется любопытный прием имитационной магии: священника приглашают сесть на кровать, чтобы курица-наседка могла сесть на свои яйца. Кроме того, под матрасом должны лежать зерна маиса; тогда курица будет нести яйца в изобилии. {21}

В одной из предыдущих глав мы отмечали, что на юге Германии и в Австрии Богоявление называется *Berchtentag*, а также видели, как с этим днем была связана таинственная фрау Берхта. В Крещение и канун праздника в Мёльтале в Каринтии женская фигура, "Берхтель", обходит дома. Она обычно одета в шкуру, носит отвратительную деревянную маску и дико скачет по дому, расспрашивая о поведении детей и требуя подарков. {22}

343Нечто ужасное, а также благодетельное присуще "Бефане", Богоявленской гостье, которая для итальянских детей является великой дарительницей года, южным Санта-Клаусом. "Восхитительные, - говорит графиня Мартиненго, - сокровища, которые она кладет в их башмачки, когда довольна их поведением, она обладает неприятно острым взглядом на проступки молодежи". {23} Матери иногда предупреждают своих детей, что если они будут непослушными, то Бефана их поймает и съест. Для итальянских детей она - вполне реальное существо, и ее прихода в канун Богоявления ждут с величайшим нетерпением. И хотя хорошим детям она кладет в чулки игрушки и сладости, для тех, кто плохо себя ведет, у нее нет ничего, кроме розги и угля. {24}

Раньше во Флоренции изображения Бефаны выставлялись в окнах домов, а по улицам проходили процессии, в которых несли парней, при этом сильно трубили в трубы. {25} Игрушечные трубы до сих пор радуют маленьких мальчиков на Крещение в Италии.

Имя Бефаны, очевидно, происходит от *Epiphania*. В Неаполе маленькую старушку, наполняющую детские чулки, называют "Pasqua Epiphania", [117] северное сокращение там не прижилось. {26}

В Испании, как и в Италии, Богоявление ассоциируется с подарками для детей, но для маленьких испанцев дарителями являются сами Три Святых Короля. Существует старая испанская традиция, согласно которой волхвы каждый год отправляются в Вифлеем, чтобы поклониться младенцу Иисусу, и по пути заходят к детям, оставляя для них сладости и игрушки, если они хорошо себя вели. В Крещенский сочельник малыши рано ложатся спать, выставляют на подоконник или балкон свои башмаки, чтобы Волхвы наполнили их подарками, и дают немного соломы для своих лошадей. {27}

В Мадриде существует или существовал обычай высматривать королей в канун Богоявления. Компании людей выходят на улицу с колокольчиками, кастрюлями и сковородками и производят большой шум. Раздаются громкие крики, а факелы освещают сцену причудливым светом. Один из людей несет большую лестницу и поднимается на нее, чтобы посмотреть, не идут ли короли 344. Здесь, возможно, какой-то обряд отпугивания дьявола, похожий на описанный выше, был наполовину христианизирован. {28}

В Провансе тоже существовал обычай выходить навстречу волхвам. В очаровательной главе своих воспоминаний Мистраль рассказывает, как в канун Богоявления все дети его деревни выходили встречать королей, неся пироги для волхвов, сушеные фиги для их страниц и горсти сена для их лошадей. В сиянии и красках заката юному Мистралю показалось, что он видит великолепный поезд; но вскоре великолепное видение исчезло, и дети остались стоять в одиночестве на темнеющем шоссе - короли скрылись за горой. После ужина малыши поспешили в церковь, и там, в часовне Рождества Христова, увидели королей в поклонении перед колыбелью. {29}

В Тресте не только молодые люди несли корзины с сушеными фруктами, но и три человека в костюмах волхвов принимали подношения и принимали комплименты, обращенные к ним оратором. В ответ они вручили ему кошелек, полный жетонов, после чего он бросился бежать с сокровищами, а остальные преследовали его в танце. {30} Здесь волхвы снова явно замешаны в нечто, не имеющее отношения к христианству.

В главе IV мы отмечали сложные церемонии, связанные в Греции с освящением воды на Богоявление, и обычай нырять за крестом. Как уже было отмечено, похоже, что последний является церковно санкционированной формой народного обряда. В более чистом виде он встречается в Македонии, где после утрени на Богоявление принято опускать кого-нибудь в воду, будь то море или река, пруд или колодец. Вынырнув, он должен окропить прохожих. {31} Этот обряд можно сравнить с обливанием людей с целью вызвать дождь, описанным доктором Фрейзером в "Магическом искусстве". {32}

Другой греческий обычай сочетает в себе очищающую силу Крещенской воды с оплодотворяющим влиянием рождественского полена - вокруг горы Олимпос пепел берется из очага, где с Рождества горит кедровое полено, и крестится в освященной воде реки. Затем его несут 345 к виноградникам и бросают по четырем их углам, а также у подножия яблонь и смоковниц. {33}

Это может напомнить нам о том, что в Англии фруктовые деревья обычно подвергались особому обращению в день Богоявления. В Девоншире фермер и его люди отправлялись во фруктовый сад с большим кувшином сидра и произносили следующий тост у подножия одной из самых плодоносящих яблонь, стреляя в заключение из ружей: - "За тебя!

"За тебя, старая яблоня,
Когда ты можешь распускаться, и когда ты можешь распускаться!
И когда ты сможешь приносить яблоки!
Полные шляпы! Полные кепки!
Бушель! Бушель-мешки полны,
И карманы полны! Huzza!"{34}.

В Сомерсетшире семнадцатого века, по словам Обри, на корни клали кусочек тоста. {35} Согласно другому рассказу, каждый человек в компании брал чашку сидра с наколотыми в ней печеными яблоками, выпивал часть содержимого, а остальное бросал на дерево. {36} Херрик описывает этот обычай как церемонию в канун Рождества: - "Wassail the trees, that's a bunch of the apple pressed and the rest to tree.

"Ополосните деревья, чтобы они принесли
Вам много слив и много груш;
Чтобы больше или меньше плодов они принесли,

As you do give them wassailing." {37}

В Суссексе освящение плодовых деревьев происходило в канун Рождества и сопровождалось трубачом, дующим в коровий рог. {38}

Осыпание деревьев можно рассматривать либо как первоначальное подношение их духам, либо - что представляется более вероятным - как священнодействие, призванное оказать на них оплодотворяющее воздействие. Подобные обычаи встречаются в континентальных странах во время рождественского сезона. Например, в Тироле, когда в канун Святого Томаса пекут рождественские пироги, служанкам велят выйти на улицу и обмакнуть руки в пасту вокруг фруктовых деревьев, чтобы они 346 могли хорошо плодоносить в следующем году. {39} Об использовании пепла рождественского полена уже говорилось.

Иногда, как в Тургау, Мекленбурге, Ольденбурге и Тироле, деревья бьют, чтобы они плодоносили. В канун Нового года в Хильдесхайме люди танцуют и поют вокруг них, {40} а тирольский крестьянин в канун Рождества выходит к своим деревьям и, стуча по ним согнутыми пальцами, просит их проснуться и родиться. {41} Существует славянский обычай в ту же ночь угрожать яблоне топором, если она не принесет плодов в течение года. {42}

Еще один примечательный сельскохозяйственный обряд практиковался в канун Богоявления в Херефордшире и Глостершире. Фермер и его слуги собирались на поле, засеянном пшеницей, и зажигали там тринадцать костров, причем один был больше остальных. Вокруг него образовывался круг, и все выпивали по стакану сидра за успех урожая. [118] После этого они возвращались на ферму и пировали - в Глостершире - пирогами, приготовленными из каравая и пропитанными сидром. В херефордширских рассказах приводятся подробности еще одной церемонии. Был приготовлен большой пирог с дыркой посередине, и после ужина все отправились в конуру. Хозяин наполнял кубок крепким элем и, стоя напротив самого лучшего вола, закладывал его в любопытном тосте; компания следовала его примеру с остальными волами, обращаясь к каждому по имени. После этого большой пирог клали на рог первого вола. {43}

Крайне примечательно и вряд ли может быть простым совпадением, что далеко у южных славян, как мы видели в главе XII, рождественский пирог с отверстием в центре также надевается на рог главного быка. Там же можно встретить и перепевки животных. В день Рождества, рассказывает сэр Артур 347 Эванс, хозяйка дома "входила в стойло, отведенное для коз, и, предварительно посыпав их кукурузой, брала в руку кубок с вином и говорила: "Доброе утро, маленькая мать! Мир Божий да будет на тебе! Христос родился, истинно родился. Пусть ты будешь здорова. Я пью за тебя вино; я дарю тебе гранат; пусть тебе сопутствует удача! Затем она подносила чашу к губам, отпивала, бросала гранат в стадо и, обняв козу, чье здоровье она уже выпила, дарила ей "мир Божий" - целовала ее, то есть снова и снова". Затем тот же обряд совершался в пользу овец и коров, и всех животных били листвой оливковой ветви. {44}

Что касается костров, то ирландский обычай в некоторой степени позволяет провести параллель. В Крещенский сочельник ставили решето с овсом, "а в нем - дюжину свечей по кругу, а в центре - одну побольше, все зажженные". Считалось, что это делается в память о Спасителе и Его апостолах, светильниках мира. {45} Вот рассказ о подобном обычае, практикуемом в Ко. Leitrim:-.

> "Кусок доски покрывают коровьим навозом и втыкают в него двенадцать фонариков. Сверху их посыпают золой, чтобы они легко загорались, а затем поджигают; каждый

из них получает имя от кого-нибудь из присутствующих, и, когда каждый умирает, жизнь его владельца заканчивается. Затем из навоза делают шар и кладут его над дверью коровника, чтобы увеличить количество скота. Иногда используется грязь, и шар помещают над дверью жилого дома." {46}

К Богоявленским обычаям следует отнести древнюю и очень примечательную игру, в которую ежегодно играют 6 января в Хакси в Линкольншире. Традиционно она известна под названием "Хакси Худ", а ее суть заключается в борьбе между мужчинами двух деревень за обладание рулоном мешковины или кожи, называемым "капюшоном". Над ним верховодят "богганы" или "быки" Плужного понедельника (см. с. 352), возглавляемые фигурой, известной как "милорд", которого сопровождает дурак. На деревенской усадьбе все начинается с загадочной речи дурака: - "А теперь, добрые люди, вот это праздник!

"Итак, добрые люди, это Хакса Гуд. Мы убили двух 348 быков с половиной, но вторую половину пришлось оставить бегать по полю: мы можем пригнать ее, если она нужна. Помните, это...

"Хуз на хуз, тун на тун",
And if you meet a man knock him doon."

Затем, в открытом поле, капюшоны - их шесть, по одному на каждую из главных деревень в округе - бросают вверх и борются за них. "Цель - унести их с поля подальше от богганов. Если кому-то из них удастся завладеть ими или даже прикоснуться к ним, они должны быть отданы и отнесены обратно к милорду. За каждого унесенного с поля богганы отдают полкроны, которые тратятся на пиво, несомненно, мужчинами той деревни, которая унесла капюшон". Главным событием дня становится борьба за последний капюшон, сделанный из кожи, между мужчинами Хакси и мужчинами Веествудсайда, то есть между клиентами публичных домов - каждая сторона пытается доставить его в свой любимый "дом". Публичный человек в успешном доме получает пиво." {47}

Мистер Чемберс считает, что странная речь дурака сохраняет традицию, согласно которой колпак - это половина быка, голова жертвенной жертвы, и объясняет как игру Нахеу, так и привычные игры в хоккей и футбол как возникшие в борьбе между жителями двух деревень за то, чтобы заполучить такую голову, со всеми ее оплодотворяющими свойствами, за свою границу. {48} В Хорнчерче в Эссексе, если верить записке Хоуна, на Рождество боролись за голову настоящего кабана, а затем победитель и его друзья пировали в одном из публичных домов. {49}

Следует упомянуть еще одну особенность празднования Хакси (она указывает, по-видимому, на человеческое жертвоприношение): наутро после игры дурака "окуривали" над костром соломой. "Его подвешивали над костром и раскачивали взад-вперед над ним, пока он почти не задыхался; затем ему позволяли упасть в тлеющую солому, которая была хорошо смочена, и выкарабкиваться, как он мог." {50}

Возвращаясь к теме футбола, позволю себе привести 349 рассказ об уэльском рождественском обычае, который сэр Лоренс Гомме в своей книге "Деревенская община" приводит из газеты *Oswestry Observer* от 2 марта 1887 года: "В Южном Кардиганшире, кажется, около восьмидесяти лет назад население, богатое и бедное, мужчины и женщины, враждующих приходов, собралось на Рождество и предалось игре в футбол с такой

энергией, что это стало мало чем отличаться от серьезной борьбы". Этот обычай был распространен как в северном, так и в южном Уэльсе. В одном местечке, Лланвеног близ Лампетера, шла борьба между двумя партиями с разными расовыми традициями. Брос, предположительно потомки ирландцев, занимали возвышенности прихода; Бленаус, предположительно чистокровные Брайтоны, занимали низины. После утренней службы в день Рождества "все Братаны и Бленаусы, богатые и бедные, мужчины и женщины, собрались на дороге, разделявшей возвышенности и низины". Мяч подбрасывали высоко в воздух, "и когда он падал, Братья и Бленаусы бросались в погоню за его владением..... Если Братьям удавалось крюком или хитростью доставить мяч на гору в свою деревушку Риддлан, они выигрывали, а Блаенаусам - если они доставляли мяч в свою часть прихода в Нью-Корт". Было нанесено множество серьезных ударов, и все это воспринималось так остро, "что Бро или Бленау с таким же успехом могли потерять корову из своего коровника, как и футбольный мяч из своей части прихода". Очевидно, что это не просто развлечение; похоже, что изначально это была борьба между двумя кланами. {51}

В древности карнавал с его весельем перед строгим Великим постом начинался на Крещение. Так было в Тироле даже в XIX веке. {52} Однако, как правило, карнавал в римско-католических странах ограничивается последними тремя днями перед Пепельной средой. Языческое происхождение его мумерий и разгула очевидно, но это весенний, а не зимний праздник, и вряд ли он требует рассмотрения.

Во многих местах Богоявление является окончанием Рождества. В Кальвадосе (Нормандия) его отмечают кострами; красное пламя вздымается на 350 вершков вверх, а крестьяне берутся за руки, танцуют и прыгают сквозь слепящий дым и гарь, выкрикивая эти грубые строки: - "Àdieu les Rois!

"Adieu les Rois
Jusqu'à douze mois,
Douze mois passés
Les bougelées." {53}

Еще один французский *шансон* на Крещение, переведенный преподобным Р. Л. Гейлсом, представляет собой очаровательное прощание с Рождеством: - "Ноэль уходит от нас.

"Ноэль покидает нас,
Грустно об этом говорить,
Но он придет снова,
Прощай, Ноэль.

Его жена и дети
Плачут, когда уходят:
На сером коне
Они скачут по снегу.

* * * * *

Короли уезжают
В снег и дождь,

Через двенадцать месяцев
Мы увидим их снова." {54}

Праздники после Богоявления.

Хотя с Двенадцатым днем обычно заканчивается высокий праздник Рождества, иногда для завершения сезона назначают более поздние даты. При старом английском дворе, например, веселье иногда продолжалось до Кандлемы, а в некоторых английских деревнях даже в конце XIX века было принято оставлять рождественские украшения в домах и церквях до этого дня. {55} Все время между Рождеством и Сретением в Храме, таким образом, считалось священным для Младенца Христа; увядшие вечнозеленые растения хранили воспоминания о рождественских радостях, даже иногда после того, как Септуагезима переходила в ноту покаяния.

Прежде чем перейти к краткому описанию Кандлемаса, мы можем взглянуть на несколько последних искр, так сказать, рождественского огня, а затем на английские праздники, которые знаменуют возобновление работы после праздников.

В Швеции считается, что Йоль завершается в октаву Богоявления, 13 января, "День святого Кнута", двадцатого числа после Рождества.

"Двадцатый день Кнут
Прогоняет Йоль".

поют старики, а молодежь танцует в кольце вокруг праздничной доски Йоля, с которой потом срывают оставшиеся на ней яства, включая Йольского кабана. В этот день устраивается своеобразная имитация боя: хозяин и слуги дома делают вид, что прогоняют гостей топором, метлой, ножом, ложкой и другими орудиями. {56} Название "День святого Кнута", очевидно, связано с тем, что в законах Канута Великого (1017-36) предписывается не поститься с Рождества до октавы Богоявления. {57}

В Англии день после Богоявления назывался днем святой Дистаф или Рока (слово Rock, очевидно, то же, что и немецкое *Rocken* = distaff). Это был день, когда женщины возобновляли прядение после отдыха и веселья Рождества. Из стихотворения Херрика следует, что мужчины в шутку пытались сжечь женский лен, а женщины в ответ обливали мужчин водой: - "Partly work and partly work...

"Отчасти работать, отчасти играть
Вы должны в день святой девы:
От плуга поскорей освободи свою упряжку,
А потом возвращайтесь домой и кормите их;
Если служанки прядут,
Жгите лен и жгите буксир.

* * * * *

Принесите ведра с водой,
Пусть служанки омоют мужчин;
Дайте святой Дистаф все права,

А потом пожелайте Рождеству спокойной ночи;
А на следующее утро каждый
К своему призванию." {58}

352 Еще одним знаменательным событием был Плужный понедельник, первый после Двенадцатого дня. Тогда мужчины снова приступали к работе после праздников. {59} Мы уже видели, что иногда этот праздник ассоциируется с игрой муммеров. Однако часто его ритуал не перерастает в настоящую драму, и следующий рассказ из Дербишира дает довольно типичное описание его обычаев

> "В плужный понедельник иногда можно увидеть "плужных быков"; они состоят из нескольких молодых людей из разных фермерских домов, которые наряжены в ленты..... Эти молодые люди привязывают себя к плугу, который они тащат за собой в сопровождении музыкальной группы от дома к дому, собирая деньги. Их сопровождают Дурак и Бесси; Дурак одет в шкуру теленка, с хвостом, свисающим сзади, а Бесси, как правило, молодой человек в женском наряде. Дурак носит с собой надутый пузырь, привязанный к концу длинной палки, в качестве кнута, которым он не преминул хорошенько приложить по головам и плечам своей команды. Когда дается хоть что-то, раздается крик "Largess!", и вокруг плуга исполняется танец. Если им отказывают в просьбе о деньгах, они нередко распахивают тропинку, дверной камень или любую другую часть помещения, возле которого оказываются." {60}

К Плужному понедельнику мы перешли, как кажется вероятным, от новогодних праздников к тем, которые первоначально отмечали начало весны. Такой праздник, очевидно, проводился в середине февраля, когда в это время начиналась пахота; позднее развитие сельского хозяйства позволило перенести его на начало января. {61}

Candlemas.

Ближе к первоначальной дате весеннего праздника находится Candlemas, 2 февраля; хотя по своему церковному значению он связан с Рождеством, он является чем-то вроде весеннего праздника. {62}

Праздник Сретения Богородицы или Введения Христа во храм, вероятно, был учрежден папой Либерием в Риме в IV веке. Церемония, которой он обязан своим народным названием Candlemas, заключается в благословении свечей в церкви и шествии верующих, несущих их зажженными в руках. Во время благословения поется "Nunc dimittis", 353 с антифоном "Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis tuae Israel", и таким образом церемония связывается со "светом для освещения язычников", воспеваемым Симеоном. Однако Юзенер дает основания полагать, что процессия на Рождество не была спонтанно христианской, а была вызвана желанием христианизировать римский обряд, *Амбурбале*, который проводился в то же время года и состоял из шествия вокруг города с зажженными свечами. {63}

Наогеоргий так описывает обычаи празднования Рождества Христова в XVI веке:

"Тогда множество больших свечей, как мужчин, так и женщин несут
В церковь, и там с пышностью, и страшными словами.
После этого каждый человек зажигает свою свечу там, где ему покажется лучше всего,
Чей светильник больше всех виден и удачен,

Чей кандель горит ясно и ярко; чудесная сила и мощь
В этих канделябрах заключена, Которые если в любое время зажгутся,
Они уверены, что ни буря, ни шторм не смогут устоять,
Ни грома в небесах не слышно, ни дьявольских парок,
Ни страшные страхи, что ходят по ночам, ни морозы, ни град." {64}

До сих пор во многих римско-католических регионах считается, что свечи, освященные в церкви на Сретение, обладают чудесной силой. В Бретани, Франш-Конте и других местах их хранят и зажигают во время шторма или болезни. {65} В Тироле их зажигают по важным семейным праздникам, таким как крестины и похороны, а также при приближении бури {66} ; на Сицилии - во время землетрясения или когда кто-то умирает. {67}

В Англии использование свечей в этот праздник продолжалось еще долго после Реформации. В 1628 году епископ Дарема нанес серьезное оскорбление, поставив восковые свечи в своем соборе на Сретение; "число всех свечей, горевших в тот вечер, составило двести двадцать, кроме того, шестнадцать факелов; шестьдесят из 354 тех, кто горел, стояли на и возле главного алтаря" {68}. Рипонский собор еще в восемнадцатом веке был ярко освещен свечами в воскресенье перед праздником. {69} А если перейти к домашним обычаям, то в Лайм-Реджисе в Дорсетшире человек, купивший деревянные наличники семьи, присылал в подарок большую свечу на праздник Свечи. Ее зажигали ночью, и вокруг нее устраивали праздничные попойки, пока ее гашение не давало сигнал к уходу на покой. {70}

Есть и другие британские обычаи, связанные с огнем. На западных островах Шотландии, пишет автор начала XVIII века, "когда наступает день Свечи, хозяйка и слуги каждой семьи, взяв сноп овса, наряжают его в женские одежды и, положив в большую корзину, рядом с которой ставят деревянную дубину, трижды кричат: "Брайд пришел! Брайд пожаловал!". Это они делают перед сном, а утром, как только встают, смотрят среди пепла, ожидая увидеть там отпечаток булавы Брайда, и если видят, то считают это верным предвестием хорошего урожая и благополучного года, а обратное воспринимают как дурное предзнаменование." {71} Сэр Лоуренс Гомме рассматривает это как иллюстрацию веры в домового-духа, чьей резиденцией является очаг и чьей стихией - вечно горящее священное пламя. Он также считает обычай Лайм-Реджиса, упомянутый выше, модернизированным пережитком священного огня в очаге. {72}

Опять же, праздник Сретения был временем, чтобы зажечь "марку", сохранившуюся от рождественского полена. Можно вспомнить строки Херрика о Сретении

"Зажги рождественское тавро, а потом
Пока солнце не зайдет, пусть горит;
А если погаснет, то отложи его на потом,
Till Christmas next returne.

Part must be kept wherewith to teend
Рождественское полено на следующий год;
А там, где оно надежно хранится, Чудовище
Не сможет причинить вреда". {73}

355Канун Рождества был моментом для последнего прощания с Рождеством; Херрик поет: - "End now White Loafe and White Loafe.

"Покончим теперь с белым лоафом и пайе,
И пусть все виды спорта окрасятся в рождественский цвет".

и

"Долой розмарин и байс,
Долой мислето";
Вместо Холли, теперь поднимай
Коробку зеленее на показ.

Холли до сих пор качался;
Пусть теперь господствует коробочка
До танцующего дня Пасхи,
Or Easter's Eve appeare." {74}

Старая шропширская служанка, рассказывает мисс Берн, имела обыкновение, убирая остролист и плющ в канун Рождества, сажать на их место подснежники. {75} В этой замене зимних вечнозеленых растений нежными белыми цветами мы можем увидеть намек на то, что к Рождеству худшая часть зимы уже позади, земля начала украшаться цветами, и весна, пусть и слабая, началась. С Рождеством мы, подобно старым английским деревенским жителям, можем расстаться с Рождеством.

356357

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатель, набравшийся терпения, уже получил некоторое представление о том, как Рождество отмечается и отмечалось в Европе. Мы проследили эволюцию праздника, увидели, как он возник вскоре после победы католической доктрины о личности Христа в Никее и распространился из Рима во все уголки империи, причем не как народный праздник, а как церковный святой день. Мы видели, как Церковь с ужасом осуждала реликты языческих праздников, которые примыкали к тому же времени года; затем, с течением времени, мы обнаружили, что два элемента, языческий и христианский, в некоторой степени смешались, языческий утратил большую часть своего серьезного значения и продолжал оставаться в основном ритуалом, исполняемым по привычке или в качестве веселой традиции, а христианский очеловечился, скелет догмы облекся в теплую плоть и кровь.

Мы рассмотрели, как представлен в поэзии и литургии сугубо церковный праздник, празднование Рождества Христова как начала искупления человека. Мы видели, как в колядках, культе *презепио* и религиозной драме рождение Царя Славы в хлеву в середине зимы предстало перед народным сознанием в конкретной форме, вызывая множество человеческих эмоций, толпу причудливых и прекрасных фантазий. Наконец, мы отметили сохранение, в самых разных степенях трансформации, вещей, чуждых христианству, а в некоторых случаях, кажется, восходящих к очень примитивным стадиям мысли и чувства. Древнее почитание растительного мира может лежать, как мы видели, под привычным

институтом рождественской елки, своего рода поклонение животным может лежать в основе 358 масок зверей, распространенных на зимних праздниках, пережитки жертвоприношений могут сохраняться в рождественских пирах, а в семейных собраниях вокруг очага может сохраняться смутная память о древних домашних обрядах.

Рождество, рассматриваемое во всех его аспектах, - это микрокосм европейской религии. В нем отражены почти все фазы мысли и чувства - от грубой магии и суеверий до умозрительного мистицизма Экхарта, от простого наслаждения физическими удовольствиями до утонченной духовности и нежности святого Франциска. Аскет и *бонвиван*, мистик и материалист, ученый и простой, дворянин и крестьянин - все нашли в ней что-то, за что можно ухватиться. Это река, в которую со всех сторон впадают притоки восточной религии, греческой и римской цивилизации, кельтского, тевтонского, славянского и, вероятно, доарийского общества, смешивая свои воды так, что зачастую трудно обнаружить далекие источники.

Мы видели, как Реформация разрушила великий средневековый синтез язычества и христианства, как крайние формы протестантизма стремились полностью уничтожить Рождество, и как общая тенденция современной цивилизации с ее научным духом, народным образованием, железными дорогами, концентрацией людей в больших городах была направлена на искоренение традиционных верований и обычаев, как христианских, так и языческих, так что если мы хотим найти реликвии старых вещей, мы должны отправиться в те регионы Европы, которые наименее промышленно и интеллектуально "продвинуты". И все же среди самых скептически настроенных и "просвещенных" современных людей, как правило, сохраняется большой остаток традиций. "Эмоционально, - говорят, - нам сотни тысяч лет, рационально - мы эмбрионы" {1}; и многие люди, считающие себя "эмансипированными", готовы хоть раз в году окунуться в поток традиций, влиться в унаследованные общественные обычаи, поддаться чувствам и впечатлениям, которые в более рефлексивные моменты они отбрасывают. Большинство людей готово в Рождество впасть в инстинктивное, а не рациональное состояние, испить из родников удивления и в какой-то степени вернуться к более ранним, менее интеллектуальным стадиям человеческого развития - по сути, снова стать детьми.

359В множество современное Рождество входитэлементов. В нем есть и тепло, и яркость, и уют на фоне мрачной зимы. Особое очарование северного Рождества заключается в мысли о том, что холоду нет преград, что дом становится теплым, радостным местом в контрасте с невеселым миром снаружи. Здесь есть физическое удовольствие от "хорошего настроения", обильной еды и питья, к которому присоединяется и частично приводит чувство доброй воли и экспансивной доброты по отношению к миру в целом, временное ощущение братства людей, желание, чтобы бедные хоть раз в году "хорошо провели время". Возможно, здесь прослеживается влияние *сатурналий* с их мечтами о золотом веке, возвышением людей низкого происхождения. Смешанное с небольшим количеством сентиментального христианства, это Рождество Диккенса - Рождество, которое он во многом помог увековечить в Англии.

Каждый народ, естественно, создал свое собственное Рождество. Англичане превратили его в сезон прочного материального комфорта, доброжелательности и "благотворительности", с легким привкусом успокаивающей религии. Современные французы, скептики и язычники, мало что смыслят в Рождестве и сосредоточены на светском праздновании *дня ангела*. Для скандинавов Рождество - это, прежде всего, время спорта, отдыха, хорошей жизни и светского веселья в разгар сезона, когда на свежем воздухе мало что можно сделать, а ночь почти поглощает день. Немцы, сентиментальные и склонные к детству, создали Рождество,

которое является настоящим раем для детей и на котором старики с удовольствием играют в молодость вокруг елки. Для итальянцев Рождество сосредоточено на культе *Бамбино*, который так соответствует их драматическим инстинктам, их любви к показу, их сильной родительской привязанности. (Сколько чувств, связанных с *презепио*, хотя и религиозно обостренных, сродни восторгу ребенка от своей куклы!) Если немцев можно назвать добрыми, трудолюбивыми, сентиментальными детьми Европы, делающими максимум из простых вещей, то итальянцы - живые, страстные, импульсивные дети, любящие яркие наряды и украшения; и этот контраст проявляется в их праздновании Рождества.

Современное Рождество - это прежде всего детский праздник, и старшие, которые принимают в нем участие, ставят себя на место своих детей. Мы уже отмечали, как ритуальные действия, которые когда-то совершались с серьезной целью, превращаются в игры для малышей, и видели множество примеров этого процесса в спортивных состязаниях и мумиях, устраиваемых старшими на благо детей. Мы также видели, как сияющая фигура Младенца Христа стала дарителем подарков для малышей. Ни в одно время в истории мира не было так много детей, как в наши дни, и поскольку Рождество - это их праздник, его блеск не ослабевает и в эпоху, когда догматическое христианство в значительной степени утратило свою власть и смеется над языческими суевериями своих предков. Рождество - это праздник начала, инстинктивного, счастливого детства; христианская идея бессмертного Младенца, обновляющего усталое, запятнанное человечество, сливается с мыслью о Новом годе, с его надеждами и обещаниями, заложенными в колыбель времени.

361362363

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

Библиографические сведения приводятся с первой ссылкой на каждый орган, названия и имена авторов напечатаны крупным шрифтом. Эти сведения повторяются в примечаниях к части II. при повторных ссылках на авторитеты.

ГЛАВА I.- ВВЕДЕНИЕ

1 . **Г. К. Честертон** в **"The Daily News",** 26 декабря 1903 года.

2 . *Там же*. 23 декабря 1911 г.

3 . Ср. **J. E. Harrison, "Themis: a Study of the Social Origins of Greek Religion"** (Cambridge, 1912), 139, 184.

4 . Или множественное число *Weihnachten*. В средневековой Германии название *Weihnachten* применялось пятью различными способами: (1) к 25 декабря, (2) к 25-8 декабря, (3) ко всей рождественской неделе, (4) к 25 декабря - 6 января, (5) ко всему времени от Рождества до октавы Богоявления. **G. Bilfinger, "Das germanische Julfest"** (Stuttgart, 1901), 39.

5 . **A. Tille, "Die Geschichte der deutschen Weihnacht"** (Leipsic, 1893), 22. [Здесь и далее "D. W."].

6 . **H. Usener, "Das Weihnachtsfest"** (Kap. i., bis. iii. 2nd Edition, Bonn, 1911), 273 f.

7 . **L. Duchesne, "Christian Worship: its Origin and Evolution"** (Eng. Trans., Revised Edition, London, 1912), 257 f.

8 . **J. Hastings, "Encyclopædia of Religion and Ethics"** (Edinburgh, 1910), iii. 601 f.

9 . **E. K. Chambers, "The Mediaeval Stage"** (Oxford, 1903), i. 244. [Далее упоминается как "M. S."].

10. **A. Tille, "Yule and Christmas: their Place in the Germanic Year"** (London, 1899), 122. [Далее - "Y. & C."].

11. *Ibid*. 164.

12. Tille, "D. W.", 21.

13. Tille, "Y. & C.", 203.

14. **К. Лейк** в "Энциклопедии" Гастингса и в **"Гардиан",** 29 декабря 1911 года; **Ф. К. Конибир**, Предисловие к **"Ключу истины, руководству Павлианской церкви Армении"** (Оксфорд, 1898), clii. f.; Usener, 18 f.

15. Usener, 27 f.

16. *Ibid*. 31; **J. E. Harrison, "Prolegomena to the Study of Greek Religion"** (Cambridge, 1903), 550.

17. Харрисон, "Пролегомены", 402 f., 524 f., 550.364

18. **Lake**, and **G. Rietschel, "Weihnachten in Kirche, Kunst and Volksleben"** (Bielefeld and Leipsic, 1902), 10.

19. Conybeare, lxxviii.

20. **A. Lupi, "Dissertazioni, lettere ed altre operette"** (Faenza, 1785), i. 219 f., упоминается в статье "Nativity" в **T. K. Cheyne's "Encyclopædia Biblica"** (London, 1902), iii. 3346.

21. Chambers, "M. S.", i. 234.

22. *Ibid*. i. 235; **F. Cumont, "The Monuments of Mithra"** (Eng. Trans., London, 1903), 190.

23. **G. Negri, "Julian the Apostate"** (Eng. Trans., London, 1905), i. 240 f.

24. Chambers, "M. S.", i. 235.

25. Duchesne, "Christian Worship", 265.

26. Тилле, "Ю. и К.", 146.

ЧАСТЬ I.-ХРИСТИАНСКИЙ ПРАЗДНИК

ГЛАВА II.- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (I)

1 . См. особенно о латинском, немецком и английском гимнотворчестве: **J. Julian, "A Dictionary of Hymnology"** (New Edition, London, 1907), и **историческое издание "Hymns Ancient and Modern"** (London, 1909).

2 . **H. C. Beeching, "A Book of Christmas Verse"** (London, 1895), 3.

3 . Бичинг, 8.

4 . **А. Гастуэ, "Noël"** (Париж, 1907), 38.

5 . **R. W. Church, "St. Anselm"** (London, 1870), 6.

6 . *Ibid*. 3 f.

7 . **W. R. W. Stephens, "The English Church from the Norman Conquest to the Accession of Edward I."** (London, 1901), 309.

8 . **W. Sandys, "Christmastide: its History, Festivities, and Carols"** (London, n.d.), 216; **E. Rickert, "Ancient English Carols. MCCCC-MDCC"** (Лондон, 1910), 133.

9 . О влиянии францисканцев на поэзию и искусство см: **Vernon Lee, "Renaissance Fancies and Studies"** (London, 1895); **H. Thode, "Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien"** (Berlin, 1885); **A. Macdonell, "Sons of Francis"** (London, 1902); **J. A. Symonds, "The Renaissance in Italy. Итальянская литература",** часть I. (Новое издание, Лондон, 1898).

10. **Thomas of Celano, "Lives of St. Francis"** (Eng. Trans. by A. G. Ferrers Howell, London, 1908), 84.

11. **P. Robinson, "Writings of St. Francis"** (London, 1906), 175.

12. **"Le poesie spirituali del B. Jacopone da Todi,"** con annotationi di Fra Francesco Tresatti (Venice, 1617), 266.

13. *Ibid*. 275.

14. *Ibid*. 867.

15. **"Stabat Mater speciosa",** перев. и изд. Дж. М. Нилом (Лондон, 1866).365

16. О немецкой рождественской поэзии см. помимо Юлиана: **Hoffmann von Fallersleben, "Geschichte des deutschen Kirchenliedes bis auf Luthers Zeit"** (2-е издание, Ганновер, 1854); **P. Wackernagel, "Das deutsche Kirchenlied"** (Лейпсик, 1867); и **C. Winkworth, "Christian Singers of Germany"** (London, n.d.).

17. **R. M. Jones, "Studies in Mystical Religion"** (London, 1909), 235, 237.

18. **"Meister Eckharts Schriften und Predigten",** edited by H. Buttner (Leipsic, 1903), i. 44.

19. Перевод К. Уинкворта, "Христианские певцы", 84. Немецкий текст в Wackernagel, ii. 302 f.

20. **"Deutsches Weihnachtsbuch"** (Hamburg-Grossborstel, 1907), 125.

21. **"A Compendious Book of Godly and Spiritual Songs",** перепечатано с издания 1567 года А. Ф. Митчеллом (Эдинбург и Лондон, 1897), 53. Этот перевод является сокращенным и протестантским. Средневековый немецкий текст, частично обращенный к Деве Марии, приведен в **книге Гофмана фон Фаллерслебена "In Dulci Jubilo"** (Ганновер, 1854), 46. Музыку см. в **G. R. Woodward, "The Cowley Carol Book"** (New Edition, London, 1909), 20 f. [произведение особенно богато старыми немецкими песнопениями].

22. **K. Weinhold, "Weihnacht-Spiele und Lieder aus Süddeutschland und Schlesien"** (2nd Edition, Vienna, 1875), 385.

23. *Ibid*. 396. [За помощь в переводе немецкого диалекта я обязан доктору М. А. Мюгге].

24. *Ibid*. 400.

25. *Там же*. 417.

26. Э. К. Чемберс, эссе "Некоторые аспекты средневековой лирики" в **"Ранней английской лирике",** выбранной **Э. К. Чемберсом и Ф. Сиджвиком** (Лондон, 1907), 290. [Двадцать пять колядок Аудли были напечатаны господами **Чемберсом и Сиджвиком** в **"The Modern Language Review"** (Cambridge), Oct., 1910, and Jan., 1911].

27. *Ibid*. 293.

28. Цитируется по **J. J. Jusserand, "A Literary History of the English People"** (2nd Edition, London, 1907), i. 218.

29. Риккерт, 6; Бичинг, 13.

30. No. lv. в Chambers and Sidgwick, "Early English Lyrics".

31. No. lix., ibid.

32. No. lxi., ibid.

33. No. lxx., ibid.

34. No. lxvii., ibid.

35. No. lxiii., ibid.

36. Риккерт, 67.

ГЛАВА III.- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ (II)

1 . **Noël Hervé, "Les Noëls français"** (Niort, 1905), Gastoué, 57 f.; **G. Gregory Smith, "The Transition Period"** (Edinburgh and London, 1900), 217.

2 . Грегори Смит, 217.

3 . **H. Lemeignen, "Vieux Noëls composés en l'honneur de la Naissance de Notre-Seigneur Jésus-Christ"** (Nantes, 1876), iii. 2 f.

4 . *Ibid*. i. 10, 11.

5 . *Ibid*. ii. 93, 95.

6 . Эрве, 46.

7 . Lemeignen, i. 55.366

8 . Lemeignen, i. 29.

9 . **"Les Vieux Noëls",** в **"Nouvelle Bibliothèque Populaire"** (издано Анри Готье, 55 Quai des Grands Augustins, Париж).

10. Lemeignen, i. 93.

11. **H. J. L. J. Massé, "A Book Of Old Carols"** (London, 1910), i. 21.

12. Эрве, 86.

13. Lemeignen, i. 71.

14. "Гимны древние и современные" (Историческое издание), 79. Перевод приводится под № 58 в Обычном издании.

15. Эрве, 132.

16. Большое количество этих *вильянсико* и *романсов* можно найти в **Justo de Sancha, "Romancero y Cancionero Sagrados"** (Madrid, 1855, vol. 35 of Rivadeneyra's Library of Spanish Authors), также есть несколько хороших примеров в **J. N. Böhl de Faber, "Rimas Antiguas Castellanas"** (Hamburg, 1823).

17. Böhl de Faber, ii. 36.

18. **F. Caballero, "Elia y La Noche de Navidad"** (Leipsic, 1864), 210.

19. **A. de Gubernatis, "Storia Comparata degli Usi Natalizi"** (Milan, 1878), 90.

20. Эти три стиха взяты из очаровательного перевода поэмы **графини Мартиненго-Чезареско** в ее **"Очерках по изучению народных песен"** (Лондон, 1886), 304 f.

21. Martinengo, "Folk-Songs", 302 f.

22. Латинский текст в Tille, "D. W.", 311; итальянская игра в De Gubernatis, 93.

23. Hervé, 115 f.

24. **W. Hone, "The Ancient Mysteries Described"** (London, 1823), 103.

25. *Ibid*. 103.

26. См. примечание 11.

27. **D. Hyde, "Religious Songs of Connacht"** (London, 1906), ii. 225 f.

28. **"The Vineyard"** (London), Dec., 1910, 144.

29. "Deutsches Weihnachtsbuch", 120 f.

30. "A Compendious Book of Godly and Spiritual Songs", 49 f. (орфография здесь осовременена); Rickert, 82 f.

31. "Deutsches Weihnachtsbuch", 123, и большинство немецких протестантских сборников гимнов.

32. Перевод Майлза Ковердейла, в Rickert, 192 f.

33. № 5 в **Paulus Gerhardt, "Geistliche Lieder",** ed. by P. Wackernagel and W. Tümpel (9th Edition, Gütersloh, 1907).

34. Перевод **К. Уинкворта** в **"Lyra Germanica"** (новое издание, Лондон, 1869), ii. 13 f.

35. "Deutsches Weihnachtsbuch", 128 f.

36. Перевод (последний стих изменен) в **"The British Herald"** (Лондон), Sept., 1866, 329.

37. **"Christmas Carols New and Old",** слова под редакцией **Г. Р. Брамли**, музыка под редакцией **сэра Джона Стейнера** (Лондон, н.д.).

38. Beeching, 27 f.

39. *Ibid*. 67.

40. *Ibid*. 49.

41. *Ibid*. 76.

42. *Там же*. 48.

43. *Там же*. 45.

44. *Там же*. 42 f.367

45. Beeching, 85 f.

46. **Selwyn Image, "Poems and Carols"** (London, 1894), 25.

47. **Г. К. Честертон** в **"The Commonwealth"** (Лондон), Dec., 1902, 353.

ГЛАВА IV.- РОЖДЕСТВО В ЛИТУРГИИ И НАРОДНОМ ПОЧИТАНИИ

1 . Перевод, "Творец звездной высоты", в "Гимнах А. и М." (Ordinary Edition), No. 45.

2 . **J. Dowden, "The Church Year and Kalendar"** (Cambridge, 1910), 76 f.

3 . **"Rational ou Manuel des divins Offices de Guillaume Durand, Évèque de Mende au treizième siècle",** traduit par **M. C. Barthélemy** (Paris, 1854), iii. 155 f.

4 . См. перевод Великого О в "Английском гимне", № 734.

5 . Barthélemy, iii. 220 f.

6 . **D. Rock, "The Church of Our Fathers"** (London, 1853), vol. iii. pt. ii. 214.

7 . **J. K. Huysmans, "L'Oblat"** (Paris, 1903), 194.

8 . Gastoué, 44 f.

9 . **E. G. C. F. Atchley, "Ordo Romanus Primus"** (London, 1905), 71.

10. **"The Pilgrimage of S. Silvia of Aquitaine"** (Eng. Trans. by J. H. Bernard, London, 1891), 50 f.

11. **С. Д. Ферриман** в **"The Daily News",** Dec. 25, 1911.

12. **G. Bonaccorsi, "Il Natale: appunti d'esegesi e di storia"** (Rome, 1903), 73.

13. Gastoué, 41 f.

14. Bonaccorsi, 75.

15. **H. Malleson and M. A. R. Tuker, "Handbook to Christian and Ecclesiastical Rome"** (London, 1897), pt. ii. 211.

16. **Th. Bentzon, "Christmas In France"** in **"The Century Magazine"** (New York), Dec., 1901, 170 f.

17. **L. von Hörmann, "Tiroler Volksleben"** (Stuttgart, 1909), 232.

18. **M. J. Quin, "A Visit to Spain"** (2nd Edition, London, 1824), 126 f.

19. **"Мадрид в 1835 году",** написанный **офицером-резидентом** (Лондон, 1836), i. 395 f.

20. **W. S. Walsh, "Curiosities of Popular Customs"** (London, 1898), 237.

21. **G. Pitrè, "Spettacoli e feste popolari siciliane"** (Palermo, 1880), 444.

22. Tille, "D. W.", 70 f.

23. **F. H. Woods, "Sweden and Norway"** (London, 1882), 209; **L. Lloyd, "Peasant Life in Sweden"** (London, 1870), 201 f.

24. **J. E. Vaux, "Church Folklore"** (London, 1894), 222 f.

25. **M. Trevelyan, "Folk-Lore and Folk-Stories of Wales"** (London, 1909), 28.

26. Vaux, 262 f.

27. **R. F. Littledale, "Offices from the Service-Books of the Holy Eastern Church"** (London, 1863), 174 f.

28. **[Sir] A. J. Evans, "Christmas and Ancestor Worship in the Black Mountain,"** in **"Macmillan's Magazine"** (London), vol. xliii., 1881, 228.

29. Duchesne, 273.

30. Chambers, "M. S.", i. 245.

31. **"Римский бревиарий",** перевод **Джона, маркиза Бьюта** (новое издание Эдинбург и Лондон, 1908), 186.

32. См. объявление в **"Римской почте"** за январь 1912 г.368.

33. **Mary Hamilton, "Greek Saints and their Festivals"** (London, 1910), 113 f.

34. **Х. Холлоуэй, "Восточная служба Богоявления"** в **"Pax"** (журнал бенедиктинцев острова Колдей), декабрь 1910 г.

35. Hamilton, 119 f.

36. Холлоуэй, как указано выше.

37. **F. H. E. Palmer, "Russian Life in Town and Country"** (London, 1901), 176 f.

38. Фома Челанский, перевод Хауэлла, 82 f.

39. **Графиня Мартиненго-Чезареско, "Puer Parvulus"** в **"The Outdoor Life in the Greek and Roman Poets"** (London, 1911), 248.

40. Chambers, "M. S.", ii. 41.

41. Bonaccorsi, 85; Usener, 298.

42. Usener, 290.

43. *Ibid*. 295, 299.

44. Ритшель, 55.

45. *Ibid*. 56 f.

46. *Ibid*. 60.

47. *Ibid*. 69 f.; Tille, "D. W.", 59 f.

48. Музыка из **трирского "Gesangbuch"** (1911), № 18, где приведен сильно ослабленный текст. Текст из Вайнхольда, 114. Другая форма воздуха приведена в "The Cowley Carol Book", № 36.

49. Текст и музыка в Massé, i. 6.

50. Tille, "D. W.", 60.

51. *Ibid*. 61 f.

52. *Ibid*. 63.

53. **Thomas Naogeorgus, "The Popish Kingdome,"** Englyshed by Barnabe Googe, 1570 (ed. by R. C. Hope, London, 1880), 45.

54. Tille, "D. W.", 68.

55. *Ibid*. 68.

56. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 235.

57. *Ibid*. 235.

58. Тилле, "Д. В.", 64.

59. Ритшель, 75.

60. Мартиненго, "Жизнь на открытом воздухе", 249.

61. **Lady Morgan, "Italy"** (New Edition, London, 1821), iii. 72.

62. **Matilde Serao, "La Madonna e i Santi"** (Naples, 1902), 223 f.

63. **L. Caico, "Sicilian Ways and Days"** (London, 1910), 192 f.

64. Информация, любезно предоставленная автору миссис К. Г. Крамп.

65. Информация, полученная автором от жителя Мессины.

66. Серао, *см*. примечание 62.

67. **W. H. D. Rouse, "Religious Tableaux in Italian Churches,"** in **"Folk-Lore"** (London), vol. v., 1894, 6 f.

68. Morgan, iii. 76 f.

69. Bonaccorsi, 45 f.

70. **A. J. C. Hare, "Прогулки по Риму"** (11-е издание, Лондон, 1883), 157.

71. Martinengo, "Outdoor Life", 253; Bonaccorsi, 110 f.; **R. Ellis Roberts, "A Roman Pilgrimage"** (London, 1911), 185 f.

72. **H. J. Rose, "Untrodden Spain"** (London, 1875), 276.

73. См. примечание 18 к главе III.369

74. **T. F. Thiselton Dyer, "British Popular Customs"** (London, 1876), 464.

75. Во, 216.

76. Дайер, 464.

77. Ср. Chambers, "M. S.", i. 120.

ГЛАВА V.- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА

1 . Этот рассказ о средневековой рождественской драме во многом обязан Чемберсу, "Средневековая сцена", особенно главам xviii. - xx., и **В. Крейзенаху, "Geschichte des neueren Dramas"** (Halle a/S., 1893), том i., bks. ii.-iv. См. также: **Карл Пирсон**, эссе о **"Немецкой страстной игре"** в **"Шансах смерти и других исследованиях эволюции"** (Лондон, 1897), ii. 246 f.; **Э. Дю Мериль, "Origines latines du théâtre moderne"** (Париж, 1849); **Л. Пети де Жюльвиль, "Histoire du théâtre en France au moyen âge. I. Les Mystères"** (Париж, 1880); и другие работы, приведенные ниже.

2 . Chambers, "M. S.", ii. 8 f.

3 . *Ibid*. ii. 11.

4 . Du Méril, 147.

5 . Chambers, "M. S.", ii. 52.

6 . Текст в Du Méril, 153 f.

7 . Chambers, "M. S.", ii. 44.

8 . *Ibid*. ii. 52 f.

9 . Об английских пьесах см: Chambers, "M. S.", chaps. xx. and xxi.; **A. W. Ward, "A History of English Dramatic Literature"** (London, 1875), vol. i. chap. i.; Creizenach, vol. i.; **K. L. Bates, "The English Religious Drama"** (London, 1893).

10. Chambers, "M. S.", ii. 129, 131, 139.

11. **"Ludus Coventriae",** ed. by J. O. Halliwell (London, 1841), 146 f.

12. **"York Plays",** ed. by L. Toulmin Smith (Oxford, 1885), 114 f.

13. **"The Chester Plays",** ed. by T. Wright (London, 1843), 137.

14. *Ibid*. 138.

15. *Ibid*. 143.

16. **"The Towneley Plays",** ed. by George England, with Introduction by A. W. Pollard (London, 1897). Первая "Пастушья игра" находится на с. 100 f., вторая - на с. 116 f.

17. Текст взят из Chambers and Sidgwick, "Early English Lyrics", 124 f.

18. Текст в книге **Т. Шарпа "Диссертация о представлениях или драматических мистериях, издревле исполнявшихся в Ковентри"** (Ковентри, 1825).

19. Petit de Julleville, ii. 36 f и 431 f.

20. *Ibid*. ii. 620 f.; **"Les marguerites de la Marguerite des princesses",** ed. from the edition of 1547 by F. Frank (Paris, 1873), ii. 1 f.

21. Petit de Julleville, i. 441.

22. *Ibid*. i. 455. Текст в Lemeignen, ii. 1 f.

23. Petit de Julleville, i. 79 f.

24. **P. Sébillot, "Coutumes populaires de la Haute-Bretagne"** (Paris, 1886), 177.

25. Martinengo, "Folk-Songs", xxxiii. f. В своем очерке "Puer Parvulus" в "The Outdoor Life", 260 f., графиня дает очаровательное описание несколько похожей пьемонтской пьесы.

26. Barthélemy, iii. 411 f.370

27. Rietschel, 88 f.; **O. von Reinsberg-Düringsfeld, "Das festliche Jahr"** (2nd Edition, Leipsic, 1898), 439 f.

28. Rietschel, 92 f.

29. Интересной книгой о популярных рождественских пьесах является **F. Vogt, "Die schlesischen Weihnachtspiele"** (Leipsic, 1901).

30. Weinhold, 94.

31. *Ibid*. 95 f.

32. *Ibid*. 100 f.

33. *Ibid*. 96 f.

34. См. Chambers, "M. S.", ii. 91 f.; Symonds, "Renaissance", iv. 242, 272 f.; **A. d'Ancona, "Origini del Teatro italiano"** (Florence, 1877), i. 87 f.

35. D'Ancona, "Origini", i. 126 f.

36. **A. d'Ancona, "Sacre Rappresentazioni dei secoli xiv, xv e xvi"** (Florence, 1872), i. 191 f.

37. *Ibid*. i. 192.

38. Латинский оригинал цитируется по D'Ancona, "Origini", i. 91, и Chambers, "M. S.", ii. 93.

39. Creizenach, i. 347.

40. **J. Fitzmaurice-Kelly, "A History of Spanish Literature"** (London, 1898), 113.

41. **Juan del Encina, "Teatro Completo"** (Madrid, 1893), 3 f., 137 f.

42. См. **G. Ticknor, "History of Spanish Literature"** (6th American Edition, Boston, 1888), ii. 283 f.

43. *Ibid*. ii. 208.

44. **"Archivio per lo studio delle tradizioni popolari"** (Palermo and Turin), vol. xxi., 1902, 381.

45. Pitrè, 448.

46. Fernan Caballero, "Elia y La Noche de Navidad", 222 f.

47. Lloyd, 213 f.

48. **H. F. Feilberg, "Jul"** (Copenhagen, 1904), ii. 242 f.

49. **E. Cortet, "Essai sur les fêtes religieuses"** (Paris, 1867), 38.

50. Sébillot, 215.

51. Feilberg, ii. 250; Reinsberg-Düringsfeld, 31 f.; **T. Stratilesco, "From Carpathian to Pindus: Pictures of Roumanian Country Life"** (London, 1906), 195 f.; **E. van Norman, "Poland: the Knight among Nations"** (London and New York, 3rd Edition, n.d.), 302; **S. Graham, "A Vagabond in the Caucasus. С некоторыми заметками о его опыте среди русских"** (Лондон, 1910), 28.

52. Перевод в **Karl Hase, "Miracle Plays and Sacred Dramas"** (Eng. Trans., London, 1880), 9; немецкий текст в Weinhold, 132.

53. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 247 f.

54. Graham, 28.

55. Stratilesco, 195 f.

56. *Ibid*. 355 f.

57. Ван Норман, 302.

58. Cortet, 42.

59. Barthélemy, iii. 411 f.

60. **Мадам Кальдерон де ла Барка, "Жизнь в Мексике"** (Лондон, 1843), 237 f.

ПОСТСКРИПТ

1 . **E. Underhill, "Mysticism: Исследование природы и развития духовного сознания человека"** (Лондон, 1911), 305.371

ЧАСТЬ II.- ЯЗЫЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ

ГЛАВА VI.- ДОХРИСТИАНСКИЕ ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

1 . **Карл Пирсон**, эссе на тему **"Женщина как ведьма"** в книге **"Шансы смерти и другие исследования эволюции"** (Лондон, 1897), ii. 16.

2 . Ср. **Дж. Г. Фрейзер, "Умирающий Бог"** (Лондон, 1911), 269.

3 . **J. A. MacCulloch, "The Religion of the Ancient Celts"** (Edinburgh, 1911), 278.

4 . Фрейзер, "Умирающий Бог", 266.

5 . **E. Anwyl, "Celtic Religion in Pre-Christian Times"** (London, 1906), 1 f.

6 . *Ibid*. 20; ср. **E. K. Chambers, "The Mediaeval Stage"** (Oxford, 1903), i. 100 f. [далее "M. S."].

7 . **W. Robertson Smith, "Lectures on the Religion of the Semites"** (New Edition, London, 1894), 16.

8 . Chambers, "M. S.", i. 236; **W. W. Fowler, "The Roman Festivals of the Period of the Republic"** (London, 1899), 272.

9. **"The Works of Lucian of Samosata"** (Eng. Trans. by H. W. and F. G. Fowler, Oxford, 1905), iv. 108 f.

10. **John Brand, "Observations on Popular Antiquities"** (New Edition, with the Additions of Sir Henry Ellis, London, Chatto & Windus, 1900), 283.

11. "Сочинения Лукиана", iv. 114 f.

12. *Ibid*. iv. 109.

13. **J. G. Frazer, "The Golden Bough"** (2nd Edition, London, 1900), iii. 138 f., и **"The Magic Art and the Evolution of Kingship"** (London, 1911), ii. 310 f.

14. **W. W. Fowler, "The Religious Experience of the Roman People"** (London, 1911), 107, 112.

15. Фаулер, "Римские празднества", 268, и "Религиозный опыт", 107; **К. Бейли, "Религия Древнего Рима"** (Лондон, 1907), 70.

16. Chambers, "M. S.", i. 237 f.; Fowler, "Roman Festivals", 278.

17. Цитируется по **"Libanii Opera",** ed. by Reiske, i. 256 f., по **G. Bilfinger, "Das germanische Julfest"** (vol. ii. of "Untersuchungen über die Zeitrechnung der alten Germanen", Stuttgart, 1901), 41 f.

18. "Libanii Opera", iv. 1053 f., цитируется Бильфингером, 43 f.

19. Chambers, "M. S.", i. 237 f., 258.

20. **A. Tille, "Yule and Christmas"** (London, 1899), 96. [Упоминается как "Y. & C."].

21. **J. C. Lawson, "Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion"** (Cambridge, 1910), 221 f. Cf. **M. Hamilton, "Greek Saints and their Festivals"** (London, 1910), 98.

22. Chambers, "M. S.", ii. 290 f.

23. Латинский текст в Chambers, "M. S.", ii. 297 f.

24. *Ibid*. i. 245.

25. Tille, "Y. & C.", 88 f.; Chambers, "M. S.", ii. 303 f.372

26. Тилле, "Y. & C.", все; Чамберс, "M. S.", i. 288 f.; **Шантепи де ла Соссе, "Религия древних тевтонов"** (Бостон, 1902), 382. Ср. **О. Шрадер**, в **"Энциклопедии религии и этики" Гастингса** (Эдинбург, 1909), ii. 47 f.

27. MacCulloch, "Religion of the Ancient Celts", 258 f. Cp. Chambers, "M. S.", i. 228, 234.

28. Tille, "Y. & C.", 203.

29. **[Sir] A. J. Evans, "Christmas and Ancestor Worship in the Black Mountain,"** in **"Macmillan's Magazine"** (London), vol. xliii., 1881, 363.

30. Chambers, "M. S.", i. 247.

31. Тилле, "Y. & C.", 64.

32. Chambers, "M. S.", i. 232.

33. *Ibid*. i. 130; W. Robertson Smith, 213 f.

34. Фрейзер, "Умирающий Бог", 129 f.

35. См. **Н. В. Томас** в **"Folk-Lore"** (Лондон), том xi., 1900, 227 f.

36. Chambers, "M. S.", i. 132 f.

37. W. Robertson Smith, 437 f.

38. **J. E. Harrison, "Themis: A Study of the Social Origins of Greek Religion"** (Cambridge, 1912), 67. Ср. **E. F. Ames, "The Psychology of Religious Experience"** (London and Boston, 1910), 95 f.

39. Харрисон, "Фемида", 137.

40. *Ibid*. 110.

41. **S. Reinach, "Cultes, mythes, et religions"** (Paris, 1905), i. 93. Теорию о том, что тотемы первоначально были предметами питания, см. в Ames, 118 f.

42. Chambers, "M. S.", i. 133.

43. *Ibid*. i. 105 f., 144.

44. Харрисон, "Фемида", 507.

45. W. Robertson Smith, 255.

46. **Bede, "Historia Ecclesiastica",** lib. i. cap. 30. Латинский текст в "Трудах Беды" под редакцией Дж. А. Джайлса (Лондон, 1843), т. ii. с. 142.

47. Frazer, "Golden Bough", iii. 143.

48. **Jerome, "Comm. in Isaiam",** lxv. 11. Латинский текст в Chambers, "M. S.", ii. 294.

49. Chambers, "M. S.", i. 266.

50. Латинский текст в Chambers, "M. S.", ii. 306.

51. **Bede, "De Temporum Ratione",** cap. 15, цитируется Чамберсом, i. 231. См. также Tille, "Y. & C.", 152 f., и Bilfinger, 131, для других мнений.

52. Фрейзер, "Золотая ветвь", iii. 70 f.

53. См. Фрейзер, "Магическое искусство", i. 52.

54. Ср. Фрэзер, "Золотая ветвь", iii. 300 f.

55. Латинский текст в **H. Usener, "Religionsgeschichtliche Untersuchungen",** part ii. (Bonn, 1889), 43 f. См. также **A. Tille, "Die Geschichte der deutschen Weihnacht"** (Leipsic, 1893), 44 f. [Далее упоминается как "D. W."].

56. **Philip Stubbs, "Anatomie Of Abuses"** (репринт 3-го издания 1585 года, под редакцией W. B. Turnbull, London, 1836), 205.

57. Цитируется **Дж. Эштоном, "A righte Merrie Christmasse!!!"** (London, n.d.), 26 f.

58. *Ibid*. 27 f.373

ГЛАВА VII. ОТ ПРИЛИВА ДО МАРТИНМАСА

1 . **R. Chambers, "The Book Of Days"** (London, n.d.), ii. 538 [упоминается как "B. D."]; **T. F. Thiselton Dyer, "British Popular Customs"** (London, 1876), 396 f.

2 . **[Sir] J. Rhys, "Lectures on the Origin and Growth of Religion as illustrated by Celtic Heathendom"** (London, 1888), 514, **"Celtic Folklore: Welsh and Manx"** (Oxford, 1901), i. 321.

3 . Tille, "Y. & C.", 57 f.

4 . Rhys, "Celtic Folklore", i. 315 f.

5 . **J. Dowden, "The Church Year and Kalendar"** (Cambridge, 1910), 23 f.

6 . Ср. **J. G. Frazer, "Adonis, Attis, Osiris"** (2nd Edition, London, 1907), 315 f.

7 . **E. B. Tylor, "Primitive Culture"** (3rd Edition, London, 1891), ii. 38.

8 . Фрейзер, "Адонис", 310.

9 . *Ibid*. 312 f.

10. **P. Sébillot, "Coutumes populaires de la Haute-Bretagne"** (Paris, 1886), 206.

11. **L. von Hörmann, "Tiroler Volksleben"** (Stuttgart, 1909), 193.

12. Фрейзер, "Адонис", 315.

13. **G. Pitrè, "Spettacoli e feste popolari siciliane"** (Palermo, 1880), 393 f. Cf. **H. F. Feilberg, "Jul"** (Copenhagen, 1904), i. 67.

14. **"Notes and Queries"** (London), 3rd Series, vol. i. 446; Dyer, 408.

15. Фрейзер, "Адонис", 250.

16. Dyer, 405 f.

17. *Notes and Queries*, 1st Series, vol. iv. 381; Dyer, 407.

18. **C. S. Burne and G. F. Jackson, "Shropshire Folk-Lore"** (London, 1883), 383.

19. *Ibid*. 381 f.

20. Цитируется Дайером, 410.

21. **O. von Reinsberg-Düringsfeld, "Das festliche Jahr der germanischen Völker"** (2nd Edition, Leipsic, 1898), 390.

22. **"Archivio per lo studio delle tradizioni popolari"** (Palermo), vol. viii. 574.

23. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 189 f.

24. Frazer, "Adonis", 303 f.

25. *Ibid*. 306 f.

26. Эванс, 363 f.

27. Dyer, 394.

28. *Ibid*. 398.

29. *Ibid*. 394. Cp. Chambers, "B. D.", ii. 519 f.

30. Дайер, 395.

31. *Ibid*. 399.

32. *Ibid*. 397 f.

33. **S. O. Addy, "Household Tales, with other Traditional Remains. Собранные в графствах Линкольн, Дерби и Ноттингем"** (Лондон и Шеффилд, 1895), 82.

34. *Ibid*. 85.

35. **W. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties of England and the Borders"** (2nd Edition, London, 1879), 101.

36. Дайер, 399.

37. *Ibid*. 403.374

38. Rhys, "Celtic Folklore", i. 321, "Celtic Heathendom", 514.

39. Рис, "Кельтский фольклор", i. 328.

40. MacCulloch, "Religion of the Ancient Celts", 259, 261.

41. Rhys, "Celtic Heathendom", 515.

42. *Ibid*. 515.

43. *Ibid*. 515, "Кельтский фольклор", i. 225.

44. Маккалох, "Религия древних кельтов", 262.

45. Бранд, 211.

46. Дайер, 402.

47. *Ibid*. 394 f.

48. Frazer, "Golden Bough", iii. 299 f.

49. Берн и Джексон, 389.

50. Дайер, 409.

51. **J. Grimm, "Teutonic Mythology"** (Eng. Trans. by J. S. Stallybrass, London, 1880-8), i. 47.

52. **К. Вайнхольд, "Weihnacht-Spiele und Lieder aus Süddeutschland und Schlesien"** (Вена, 1875), 6.

53. **U. Jahn, "Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht"** (Breslau, 1884), 262.

54. *Ibid*. 262.

55. Вайнхольд, 6.

56. Dyer, 472.

57. *Notes and Queries*, 1st Series, vol. i. 173; Dyer, 486.

58. Вайнхолд, 7.

59. *Ibid*. 10.

60. Райнсберг-Дюрингсфельд, 449.

61. Chambers, "M. S.", i. 166.

62. Дайер, 480.

63. Feilberg, ii. 228 f.

64. Reinsberg-Düringsfeld, 393.

65. **Tacitus, "Annales",** lib. i. cap. 50, цитируется Тиллем, "Y. & C.", 25.

66. Tille, "Y. & C.", 26.

67. *Ibid*. 52.

68. *Ibid*. 27.

69. Brand, 216 f.

70. Reinsberg-Düringsfeld, 401 f. О немецком празднике Мартинама см. также Jahn, 229 f.

71. Гримм, iv. 1838, о датском обычае; Jahn, 235 f., о немецком.

72. **"The Folk-Lore Record"** (London), vol. iv., 1881, 107; Dyer, 420.

73. Маккалох, "Религия древних кельтов", 260.

74. Райнсберг-Дюрингсфельд, 403.

75. Jahn, 246 f.

76. *Ibid*. 246; Reinsberg-Düringsfeld, 403.

77. Tille, "Y. & C.", 34 f.

78. Райнсберг-Дюрингсфельд, 404; Jahn, 250.

79. Jahn, 247.

80. Angela Nardo-Cibele in *Archivio trad. pop.*, vol. v. 238 f., для Венеции; Pitrè, 411 f., для Сицилии.

81. Райнсберг-Дюрингсфельд, 405.375

82. Jahn, 240.

83. *Ibid*. 241 f.

84. *Ibid*. 241.

85. Райнсберг-Дюрингсфельд, 404.

86. Вайнхолд, 7.

87. Chambers, "M. S.", i. 268; Weinhold, 7; Tille, "D. W.", 25.

88. Рейнсберг-Дюрингсфельд, иллюстрация на с. 406.

89. *Ibid*. 405.

90. *Ibid*. 404.

91. *Ibid*. 410; Tille, "D. W.", 26 f.; **W. Mannhardt, "Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme"** (Berlin, 1875. Vol. i. of "Wald- und Feldkulte"), 273.

92. Ср. Mannhardt, "Baumkultus", 303, и Reinach, i. 180.

93. *Archivio trad. pop.*, vol. v. 238 f., 358 f.

94. Mannhardt, "Baumkultus", 274.

ГЛАВА VIII.-ST. CLEMENT TO ST. THOMAS

1 . Dyer, 423.

2 . *Notes and Queries*, 1st Series, vol. viii. 618; Dyer, 425.

3 . Brand, 222 f.

4 . Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 97.

5 . *Notes and Queries*, 3rd Series, vol. iv. 492; Dyer, 423.

6 . Дайер, 425.

7 . Brand, 222.

8 . *Ibid*. 223.

9 . *Notes and Queries*, 2nd Series, vol. v. 47; Dyer, 427.

10. Dyer, 426 f.

11. Reinsberg-Düringsfeld, 415.

12. **J. N. Raphael** в **"The Daily Express",** 28 ноября 1911 г.

13. Дайер, 430.

14. *Ibid*. 429.

15. Тилле, "Д. У.", 148.

16. **Б. Торп, "Северная мифология"** (Лондон, 1852), iii. 143.

17. *Ibid*. iii. 144.

18. Reinsberg-Düringsfeld, 416 f. Ср. Grimm, iv. 1800.

19. Райнсберг-Дюрингсфельд, 417. Ср. Thorpe, iii. 145.

20. Райнсберг-Дюрингсфельд, 418.

21. Thorpe, iii. 145.

22. **F. S. Krauss, "Sitte und Brauch der Südslaven"** (Vienna, 1885), 179.

23. **Т. Стратилеско, "От Карпат до Пинда: Картинки румынской деревенской жизни"** (Лондон, 1906), 189.

24. *Ibid*. 188 f.

25. Райнсберг-Дюрингсфельд, 416.

26. *Ibid*. 420 f.

27. *Ibid*. 425.376

28. **Thomas Naogeorgus, "The Popish Kingdome,"** Englyshed by Barnabe Googe, 1570 (ed. by R. C. Hope, London, 1880), 44.

29. **G. F. Abbott, "Macedonian Folklore"** (Cambridge, 1903), 76.

30. **P. M. Hough, "Dutch Life in Town and Country"** (London, 1901), 96.

31. Ср. Фрейзер, "Золотая ветвь", iii. 90, а также Богоявленские шумовые представления, описанные в настоящем томе.

32. Райнсберг-Дюрингсфельд, 426.

33. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 218 f.

34. Тилле, "D. W.", 30.

35. Chambers, "M. S.", i. 370.

36. Гамильтон, 30. Ср. статью о святом Николае профессора Аничкофа в *Folk-Lore*, vol. v., 1894, 108 f.

37. Reinsberg-Düringsfeld, 428 f.

38. Tille, "D. W.", 35 f.; Reinsberg-Düringsfeld, 430.

39. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 209 f.

40. Райнсберг-Дюрингсфельд, 430.

41. Вайнхольд, 9.

42. Маннхардт, "Baumkultus", 326.

43. Вайнхольд, 9.

44. Райнсберг-Дюрингсфельд, 431 f.

45. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 212 f.

46. Reinsberg-Düringsfeld, 433.

47. *Ibid*. 433.

48. Chambers, "M. S.", i. 369.

49. **W. S. Walsh, "Curiosities of Popular Customs"** (London, 1898), 753 f. Cp. Chambers, "B. D.", ii. 664.

50. Feilberg, i. 165, 170.

51. *Ibid*. i. 169 f.

52. *Ibid*. i. 171.

53. **L. Caico, "Sicilian Ways and Days"** (London, 1910), 188 f.

54. Feilberg, i. 168.

55. Reinsberg-Düringsfeld, 434.

56. *Ibid*. 434 f.

57. Гримм, iv. 1867.

58. Feilberg, i. 108 f.

59. *Ibid*. i. 111.

60. N. W. Thomas in *Folk-Lore*, vol. xi., 1900, 252.

61. Ashton, 52.

62. Dyer, 72 f.

63. Reinsberg-Düringsfeld, 436 f.

64. *Ibid*. 437.

65. *Ibid*. 438.

66. *Там же*. 439.

67. Дайер, 439.

68. *Ibid*. 438 f.; Chambers, "B. D.", ii. 724.

69. Abbott, 81.

70. *Notes and Queries*, 2nd Series, vol. v. 35; Dyer, 439.377

ГЛАВА IX.- КАНУН РОЖДЕСТВА И ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ

1 . Тилле, "D. W.", 32 f.

2 . Райнсберг-Дюрингсфельд, 446.

3 . *Ibid*. 448.

4 . *Там же*. 449.

5 . *Ibid*. 448; Weinhold, 8 f.

6 . Эванс, 229.

7 . Вайнхольд, 8.

8 . Тилле, "Y. & C.", 116.

9 . Reinsberg-Düringsfeld, 444 f.

10. *Ibid*. 442 f.

11. *Ibid*. 444.

12. **W. R. S. Ralston, "Songs of the Russian People"** (1st Edition, London, 1872), 186 f.

13. Sébillot, 216.

14. Уолш, 232.

15. Burne and Jackson, 406; Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 311; **Sir Edgar MacCulloch, "Guernsey Folk Lore"** (London, 1903), 34; Thorpe, ii. 272.

16. Уолш, 232.

17. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 311.

18. MacCulloch, "Guernsey Folk Lore", 34 f. Ср. для Германии, Гримм, iv. 1779, 1809.

19. Гримм, iv. 1840.

20. Ralston, 201.

21. **A. Le Braz, "La Légende de la Mort chez les Bretons armoricains"** (Paris, 1902), i. 114 f.

22. Thorpe, ii. 89.

23. Lloyd, 171.

24. Feilberg, ii. 7 f.

25. *Ibid*. ii. 14.

26. Bilfinger, 52.

27. Feilberg, ii. 3 f.

28. *Ibid*. ii. 20 f.

29. **A. F. M. Ferryman, "In the Northman's Land"** (London, 1896), 112.

30. Feilberg, ii. 64.

31. Гримм, iv. 1781, 1783, 1793, 1818.

32. Краусс, 181.

33. О колядках, используемых в Малой России, рассказывает г-н Ралстон, 186 f., в то время как те, что поют румыны, описывает мадемуазель Стратилеско, 192 f., а те, что принято петь в Далмации, - сэр А. Дж. Эванс, 224 f.

34. Ralston, 193.

35. Стратилеско, 192.

36. Ралстон, 197.

37. Chambers, "M. S.", i. 244.

38. **Shakespeare, "Hamlet", Act I. Sc. 1.**

39. Bilfinger, 37 f.

40. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 132.378

41. Tylor, i. 362.

42. **W. Golther, "Handbuch der germanischen Mythologie"** (Leipsic, 1895), 283 f.

43. Tille, "D. W.", 173.

44. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 132.

45. MacCulloch, "Guernsey Folk Lore", 33 f.

46. Burne and Jackson, 396 f., 403.

47. **R. T. Hampson, "Medii Aevi Kalendarium"** (London, 1841), i. 90.

48. Гримм, iv. 1836; Торп, ii. 272.

49. Берн и Джексон, 405.

50. *Ibid*. 405; MacCulloch, "Religion of the Ancient Celts", 166.

51. **E. H. Meyer, "Mythologie der Germanen"** (Strassburg, 1903), 424; Golther, 491; Reinsberg-Düringsfeld, 22 f.

52. Гольтер, 493.

53. Meyer, 425 f.

54. *Ibid*. 425 f.

55. Гримм, iii. 925 f.

56. *Ibid*. i. 268, 275 f.

57. Райнсберг-Дюрингсфельд, 22.

58. Гримм, i. 275; Райнсберг-Дюрингсфельд, 23.

59. *Ibid*. 23.

60. Meyer, 425; Grimm, i. 281.

61. Райнсберг-Дюрингсфельд, 21.

62. Гольтер, 493.

63. Райнсберг-Дюрингсфельд, 24.

64. Гримм, i. 274.

65. Meyer, 428.

66. **R. H. Busk, "The Valleys of Tirol"** (London, 1874), 116.

67. *Ibid*. 118.

68. *Ibid*. 417.

69. Приведенные подробности о *Калликанцарое* взяты, если не указано иное, из Lawson, 190 f.

70. Abbott, 74.

71. Hamilton, 108 f.

72. *Ibid*. 109.

73. Abbott, 218.

74. *Ibid*. 73 f.

75. Meyer, 85 f.

76. **G. Henderson, "Survivals of Belief among the Celts"** (Glasgow, 1911), 178.

77. *Ibid*. 177.

78. **F. H. E. Palmer, "Russian Life In Town and Country"** (London, 1901), 178.

ГЛАВА X.- ЙОЛЬСКОЕ ПОЛЕНО

1 . Evans, 221 f.; Mannhardt, "Baumkultus", 224 f. Ср. рассказ о сербском Рождестве в **Chedo Mijatovitch, "Servia and the Servians"** (London, 1908), 98 f.

2 . Те же источники379 .

3 . Маннхардт, "Baumkultus", 236.

4 . Фрейзер, "Магическое искусство", ii. 208.

5 . *Ibid*. ii. 232.

6 . Эванс, 219, 295 и 357.

7 . *Ibid*. 222.

8 . Маннхардт, "Baumkultus", 237.

9 . Ср. Фрейзер, "Магическое искусство", ii. 233.

10. *Ibid*. ii. 365 f.

11. Mannhardt, "Baumkultus", 226 f.

12. **"Мемуары Мистраля"** (англ. перев. К. Э. Мод, Лондон, 1907), 29 f.

13. Mannhardt, "Baumkultus", 226 f.

14. Sébillot, 218.

15. **A. de Gubernatis, "Storia Comparata degli Usi Natalizi"** (Milan, 1878), 112.

16. C. Casati in *Archivio trad. pop.*, vol. vi. 168 f.

17. Jahn, 253.

18. *Ibid*. 254.

19. *Ibid*. 257.

20. Brand, 245; Dyer, 466.

21. **[Sir] G. L. Gomme, "Folk Lore Relics of Early Village Life"** (London 1883), 99.

22. Эштон, 111.

23. Берн и Джексон, 402.

24. *Ibid*. 398 f.

25. *Notes and Queries*, 1st Series, vol. iv. 309; Dyer, 446 f.

26. **"The Gentleman's Magazine",** 1790, 719.

27. Hampson, i. 109.

28. Feilberg, i. 118 f.

29. *Ibid*. i. 146.

30. *Ibid*. ii. 66 f.

ГЛАВА XI.- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА, УКРАШЕНИЯ И ПОДАРКИ

1 . **I. A. R. Wylie, "My German Year"** (London, 1910), 68.

2 . **Миссис А. Сиджвик, "Домашняя жизнь в Германии"** (Лондон, 1908), 176.

3 . Тилле, "Д. В.", 258. Об истории и ассоциациях рождественской елки см. также **E. M. Kronfeld, "Der Weihnachtsbaum"** (Oldenburg, 1906).

4 . Tille, "D. W.", 259.

5 . *Ibid*. 261.

6 . *Ibid*. 261 f.

7 . **G. Rietschel, "Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben"** (Bielefeld and Leipsic, 1902), 153.

8 . *Там же*, 153.

9 . Тилле, "Д. В.", 270.

10. Rietschel, 151.

11. *Ibid*. 151.

12. Тилле, "Д. В.", 267.380

13. Дайер, 442; Э. М. Лезер, **"Народные предания Херефордшира"** (Лондон, 1912), 90.

14. Rietschel, 154.

15. Эштон, 189.

16. *Ibid*. 190.

17. Тилле, "Д. У.", 271.

18. *Ibid*. 272.

19. *Ibid*. 277; Rietschel, 254.

20. Информация предоставлена преподобным Э. У. Ламмисом, который несколько лет назад был пастором в Мюнстертале.

21. **Л. Макдональд** в **"The Pall Mall Gazette"** (Лондон), 28 декабря 1911 года.

22. Tille, "Y. & C.", 174.

23. *Ibid*. 175 f.

24. Rietschel, 141.

25. Tille, "Y. & C.", 175.

26. *Ibid*. 172 f.; Chambers, "B. D.", ii. 759.

27. Латинский текст в Chambers, "M. S.", ii. 290.

28. Mannhardt, "Baumkultus", 244.

29. Фрейзер, "Магическое искусство", ii. 65.

30. Маннхардт, "Baumkultus", 244.

31. *Ibid*. 241; Райнсберг-Дюрингсфельд, 18.

32. Ллойд, 168.

33. Дайер, 35.

34. **W. F. Dawson, "Christmas: its Origin and Associations"** (London, 1902), 325.

35. Харрисон, "Фемида", 321.

36. Фрейзер, "Магическое искусство", ii. 55 f.

37. Фрейзер, "Магическое искусство", ii. 48.

38. Mannhardt, "Baumkultus", 242 f.

39. Чемберс, "M. C.", i. 251.

40. Латинский текст, ibid. ii. 300.

41. **J. Stow, "A Survay of London,"** edited by Henry Morley (London, 1893), 123.

42. Чемберс, "M. S.", i. 251.

43. Гримм, iii. 1206; Фрейзер, "Золотая ветвь", iii. 327; Мак-Каллох, "Религия древних кельтов", 162, 205.

44. MacCulloch, "Religion of the Ancient Celts", 162 f.

45. Гримм, iii. 1206.

46. Burne and Jackson, 246; **Laisnel de la Salle, "Croyances et légendes du centre de la France"** (Paris, 1875), i. 58.

47. Frazer, "Golden Bough", iii. 451 f.

48. **Washington Irving, "The Sketch-Book"** (Revised Edition, New York, 1860), 245.

49. *Notes and Queries*, 5th Series, vol. viii. 481.

50. Рейнсберг-Дюрингсфельд, 472.

51. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 100.

52. Берн и Джексон, 245.

53. Хендерсон, "Народные предания северных графств", 226.

54. **E. K. Chambers and F. Sidgwick, "Early English Lyrics"** (London, 1907), 293; **E. Rickert, "Ancient English Carols"** (London, 1910), 262.381

55. Риккерт, 262.

56. Берн и Джексон, 245 f., 397, 411.

57. Ллойд, 169.

58. Ван Норман, 300.

59. Эванс, 222.

60. Ван Норман, 300 f.

61. Фрейзер, "Золотая ветвь", ii. 286 f.

62. Гримм, iv. 1831.

63. Chambers, "M. S.", i. 238. Cp. Tille, "Y. & C.", 104.

64. Райнсберг-Дюрингсфельд, 420.

65. Tille, "D. W.", 195.

66. *Ibid*. 197.

67. Бильфингер, 48.

68. **Th. Бентзон, "Рождество во Франции"** в **"The Century Magazine"** (Нью-Йорк), Dec., 1901, 173.

69. Feilberg, ii. 179 f.

70. Pitrè, 167, 404.

71. Feilberg, i. 196; Reinsberg-Düringsfeld, 453 f.; Wylie, 77 f.

72. Lloyd, 172.

73. **W. Sandys, "Christmas Carols, Ancient and Modern"** (London, 1833), xcv.

74. Walsh, 240 f.; Ashton, 194 f.

ГЛАВА XII.- РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИРЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

1 . Чемберс, "M. C.", i. 257.

2 . Риккерт, 259.

3 . **W. Sandys, "Christmastide: its History, Festivities, and Carols"** (London, n.d.), 112.

4 . Chambers, "M. S.", i. 133.

5 . **J. A. H. Murray, "A New English Dictionary"** (Oxford, 1888, &c.) iv. (1) 577.

6 . Addy, 103.

7 . Доусон, 254.

8 . Адди, 104.

9 . Берн и Джексон, 407.

10. Бранд, 283.

11. Ср. *Folk-Lore*, vol. xi., 1900, 260.

12. Адди, 103.

13. Ср. колядки в Brand, 3, и Rickert, 243 f.

14. Бранд, 3.

15. Дайер, 464.

16. Feilberg, i. 119, 184; Lloyd, 173.

17. Jahn, 265.

18. Стратилеско, 190.

19. Ралстон, 193, 203.

20. Миятович, 98.

21. Jahn, 261.

22. Ритшель, 106. Ср. Вайнхольд, 25, и Рейнсберг-Дюрингсфельд, 463.

23. Sébillot, 217.382

24. Laisnel, i. 7 f.

25. *Ibid*. i. 12 f.

26. *Ibid*. i. 11.

27. **E. Cortet, "Essai sur les Fêtes religieuses"** (Paris, 1867), 265.

28. Фрейзер, "Золотая ветвь", ii. 286 f.

29. **M. Höfler, "Weihnachtsgebäcke. Eine vergleichende Studie der germanischen Gebildbrote zur Weihnachtszeit"** в **"Zeitschrift für österreichische Volkskunde",** Jahrg. 11, Supplement-Heft 3 (Вена, 1905).

30. Jahn, 280 f.

31. Burne and Jackson, 406 f.

32. **"Зеркало совершенства",** перевод Себастьяна Эванса (Лондон, 1898), 206.

33. Mannhardt, "Baumkultus", 233 f.

34. Lloyd, 170 f.

35. Jahn, 276.

36. *Ibid*. 276.

37. Ллойд, 168.

38. Evans, 231 f.; о бычьем обычае см. Evans, 233.

39. Эббот, 76.

40. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 244 f., 238, 245.

41. Dawson, 339.

42. **S. Graham, "A Vagabond in the Caucasus. С некоторыми заметками о его опыте среди русских"** (Лондон, 1910), 25 f.

43. Стратилеско, 190.

44. Van Norman, 299 f.

45. Jahn, 267.

46. Фрейзер, "Золотая ветвь", ii. 442 f., где приводятся другие примеры охоты на крапивника, британские и континентальные. Ср. Dyer, 494 f.

47. *Folk-Lore*, vol. xviii., 1907, 439 f.

48. MacCulloch, "Religion of the Ancient Celts", 221.

49. Примеры подобной практики со священными животными см. в Frazer, "Golden Bough", ii. 380, 441.

50. *Folk-Lore*, vol. xi., 1900, 259.

51. Brand, 272.

52. *Folk-Lore*, vol. xi., 1900, 262.

53. Lloyd, 181 f.

54. *Ibid*. 181.

55. Thorpe, ii. 49 f.

56. Ralston, 200.

ГЛАВА XIII. МАСКИРОВКА, ИГРА МУМИЙ, ПРАЗДНИК ДУРАКОВ И МАЛЬЧИК-ЕПИСКОП

1 . Chambers, "M. S.", i. 390 f.

2 . **The Works Of Ben Jonson**, ed. by Barry Cornwall (London, 1838), 600.

3 . **Шекспир, "Генрих VIII",** Акт I. Сц. IV.

4 . Chambers, "M. S.", i. 403 f.

5 . *Ibid*. i. 227, 402.

6 . *Ibid*. i. 402. Cp. Burne and Jackson, 410.

7 . Библиографию текстов пьес мумий см. в Chambers, "M. S.", i. 205 f.383.

8 . Этот рассказ о пьесах и танцах основан на Chambers, "M. S.", i. 182 f. (главы ix. и x.).

9 . **Tacitus, "Germania",** cap. xxiv. (Eng. Trans. by W. Hamilton Fyfe, Oxford, 1908).

10. Cp. Harrison, "Themis", 43 f.

11. Профессор Гилберт Мюррей в "Фемиде", 341 f.

12. Харрисон, "Фемида", 232.

13. Чемберс, "M. C.", i. 226.

14. Chambers, "M. S.", i. 192, 213 f.

15. *Ibid*. i. 220 f.

16. Lawson, 223 f.

17. *Notes and Queries*, 5th Series, vol. x. 482.

18. Этот рассказ о празднике дураков и мальчике-епископе в основном заимствован из Chambers, "M. S.", i. 274-371, и из статьи **мистера А. Ф. Лича "Праздник школьников"** в **"The Fortnightly Review"** (Лондон), vol. lix., 1896, 128 f.

19. Chambers, "M. S.", i. 294.

20. Полный текст в Chambers, "M. S.", ii. 280 f.

21. Chambers, "M. S.", i. 372 f.

22. **"Две проповеди, прочитанные мальчиком-епископом в соборе Святого Павла",** под ред. Дж. Г. Николса, с предисловием Э. Ф. Римбо (Лондон, напечатано для Камденского общества, 1875).

23. *Ibid*. 3.

24. Цитируется по **F. J. Snell, "The Customs Of Old England"** (London, 1911), 44.

25. Chambers, "M. S.", i. 366.

26. **J. Aubrey, "Remaines of Gentilisme and Judaisme"** (1686-7), ed. by J. Britten (London, 1881), 40 f.

27. Chambers, "M. S.", i. 350.

28. Feilberg, ii. 254.

ГЛАВА XIV.-ST. STEPHEN'S, ST. ИОАННА И ДНИ СВЯТЫХ НЕВИННОСТЕЙ

1 . Hörmann, "Tiroler Volksleben", 237 f.

2 . Dyer, 492.

3 . **L. von Hörmann, "Das Tiroler Bauernjahr"** (Innsbruck, 1899), 204.

4 . *Ibid*. 204.

5 . *Ibid*. 204 f.

6 . Feilberg, i. 212.

7 . Mannhardt, "Baumkultus", 402.

8 . Фейльберг, i. 211.

9 . Mannhardt, "Baumkultus", 402 f.

10. *Ibid*. 402 f.; Feilberg, i. 204 f.; Lloyd, 203 f.

11. **H. C. Beeching, "A Book of Christmas Verse"** (London, 1895), 21 f.

12. Mannhardt, "Baumkultus", 406.

13. Henderson, "Folk Lore of the Northern Counties", 67.

14. Jahn, 269 f.

15. *Ibid*. 270 f.

16. *Ibid*. 273.384

17. Dyer, 497 f.

18. *Ibid*. 498; Brand, 290.

19. Mannhardt, "Baumkultus", 264 f.

20. *Ibid*. 265 f.

21. *Ibid*. 268.

22. Frazer, "Golden Bough", iii. 129 f.

ГЛАВА XV.- ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

1 . Рис, "Кельтский фольклор", i. 320 f.

2 . Хендерсон, "Народные предания северных графств", 72.

3 . **E. Thurston, "Приметы и суеверия Южной Индии"** (Лондон, 1912), 17 f.

4 . Уолш, 742.

5 . Wylie, 81.

6 . Sébillot, 176.

7 . **A. Maurice Low, "The American People"** (London, 1911), ii. 6.

8 . Walsh, 739 f.

9 . Evans, 229.

10. Burne and Jackson, 315 f.

11. *Notes and Queries*, 5th Series, vol. iii. 6.

12. Информация, предоставленная преподобным Э. Дж. Харди, бывшим капелланом войск в Гонконге.

13. Frazer, "Golden Bough", iii. 204 f.

14. Берн и Джексон, 265.

15. Гримм, iv. 1784.

16. Харрисон, "Фемида", 36.

17. Хендерсон, "Народные предания северных графств", 72 f.

18. Адди, 205.

19. G. Hastie in *Folk-Lore*, vol. iv., 1893, 309 f.

20. Дж. Э. Кромби в том же томе, 316 f.

21. Addy, 106; Burne and Jackson, 314; Rhys, "Celtic Folklore", i. 337.

22. Rhys, "Celtic Folklore", i. 339.

23. *Ibid*. 339 f.; W. Henderson, 74. Cp. *Folk-Lore*, vol. iii., 1892, 253 f.; vol. iv., 1893, 309 f.

24. Hastie (см. прим. 19), 311.

25. Уолш, 738.

26. Хасти, 312.

27. Chambers, "B. D.", i. 28.

28. *Ibid*. ii. 789 f.; *Notes and Queries*, 2nd Series, vol. ix., 322; Dyer, 506.

29. Ashton, 228.

30. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 230 f.

31. **J. G. Campbell, "Witchcraft and Second Sight in the Highlands and Islands of Scotland"** (Glasgow, 1902), 232. Ср. рассказ д-ра Джонсона в Brand, 278.

32. Henderson, "Survivals of Belief among the Celts", 263 f.

33. **R. Chambers, "Popular Rhymes of Scotland"** (Edinburgh, 1847), 296, и "B. D.", ii. 788.385

34. "Новый английский словарь", v. (1) 327.

35. Cortet, 18.

36. Sébillot, 213.

37. *Ibid*. 213.

38. Маккалох, "Народные предания Гернси", 37.

39. Abbott, 80 f.

40. Stratilesco, 197 f.

41. Гамильтон, 103.

42. *Ibid*. 104.

43. Mannhardt, "Baumkultus", 593 f.

44. Латинский текст Дюканжа в Chambers, "M. S.", i. 254.

45. Уайли, 81.

46. Эббот, 78.

47. Гримм, iv. 1847.

48. Sébillot, 171.

49. Дайер, 7.

50. Ashton, 228.

51. **A. Macdonell, "In the Abruzzi"** (London, 1908), 102.

52. Эббот, 77.

53. Ралстон, 205.

54. **"The Athenæum"** (Лондон), 5 февраля 1848 г.; *Notes and Queries*, 1st Series, vol. v., 5.

ГЛАВА XVI.- ОТ БОГОЯВЛЕНИЯ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

1 . Hörmann, "Tiroler Volksleben", 240 f.

2 . **Leigh Hunt, "The Seer; or, Common-Places Refreshed"** (London, 1850), part ii. 31.

3 . Бичинг, 148 f.

4 . Chambers, "M. S.", i. 261.

5 . **E. Pasquier, "Les Recherches de la France"** (Paris, 1621), livre iv., chap. ix. p. 375.

6 . Cortet, 33.

7 . *Ibid*. 34.

8 . *Ibid*. 43.

9 . **E. Du Méril, "Origines latines du théâtre moderne"** (Paris, 1849), 26 f.

10. Brand, 13.

11. **A. de Nore, "Coutumes, mythes et traditions des provinces de France"** (Paris, 1846), 173.

12. Reinsberg-Düringsfeld, 29 f.; Brand, 13.

13. **Matilde Serao, "La Madonna e i Santi"** (Naples, 1902), 128.

14. Reinach, i. 45 f.

15. Abbott, 77.

16. *Ibid*. 78.

17. Фрейзер, "Золотая ветвь", iii. 93.

18. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 246; Reinsberg-Düringsfeld, 21.

19. Reinsberg-Düringsfeld, 21.

20. *Ibid*. 21 f.386

21. Стратилеско, 198.

22. Райнсберг-Дюрингсфельд, 21.

23. **Графиня Мартиненго-Чезареско, "Очерки в изучении народных песен"** (Лондон, 1886), 334.

24. **D. N. Lees, "Tuscan Feasts and Tuscan Friends"** (London, 1907), 87.

25. *Ibid*. 83.

26. Serao, 127 f.

27. **E. de Olavarría y Huarte, "El Folk-Lore de Madrid",** 90. [Том ii. из "Biblioteca de las Tradiciones Populares Españolas" (Севилья, 1884)].

28. *Ibid*. 92.

29. "Мемуары Мистраля", 32 f.

30. Нope, 17.

31. Эббот, 87.

32. Фрейзер, "Магическое искусство", i. 275 f.

33. Гамильтон, 118.

34. Brand, 16; Chambers, "B. D.", i. 56; Dyer, 21.

35. Обри, 40.

36. Бранд, 16.

37. Бичинг, 147.

38. Эштон, 87 f.

39. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 225.

40. Тилле, "D. W.", 254.

41. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 230.

42. **W. S. Lach-Szyrma** в **"The Folk-Lore Record"** (London), vol. iv., 1881, 53.

43. Brand, 17; Chambers, "B. D.", i. 55 f.; Dyer, 22 f. Несколько рассказов были собраны миссис Лезер, "Folk-Lore of Herefordshire", 93 f.

44. Evans, 228.

45. Дайер, 24.

46. *Folk-Lore*, vol. v., 1894, 192.

47. *Ibid*. vol. vii., 1896, 340 f.

48. Chambers, "M. S.", i. 149 f.

49. У. Хоун, "Ежедневная книга" (Лондон, 1838), ii. 1649.

50. *Folk-Lore*, vol. vii., 1896, 342.

51. **[Sir] G. L. Gomme, "The Village Community"** (London, 1890), 242 f.

52. Busk, 99.

53. Dawson, 320.

54. **"The Nation"** (Лондон), 10 декабря 1910 г.

55. Берн и Джексон, 411.

56. Ллойд, 217.

57. Билфингер, 24.

58. Бранд, 18 f.

59. Дайер, 37.

60. Цитируется по **"Journal of the Archæological Association",** vol. vii., 1852, 202, by Dyer, 39.

61. Chambers, "M. S.", i. 113.

62. *Ibid*. i. 114.

63. Usener, 310 f.

64. Naogeorgus, 48.

65. Sébillot, 179 f.387

66. Hörmann, "Tiroler Volksleben", 7.

67. Usener, 321.

68. Brand, 25. Ср. **G. W. Kitchin, "Seven Sages Of Durham"** (London, 1911), 113.

69. *The Gentleman's Magazine*, 1790, 719.

70. Dyer, 55 f.

71. Цитируется Дайером, 57, по **книге Мартина "Описание западных островов Шотландии"** (1703), 119.

72. Gomme, "Folk-Lore Relics", 95.

73. Бранд, 26.

74. *Ibid*. 26.

75. Берн и Джексон, 411.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 . Э. Клодд в президентском обращении к Фольклорному обществу, 1894. См. *Folk-Lore*, vol. vi., 1895, 77.388.

389390391

ПЯТНАДЦАТЬ

[1] Объяснение мелких цифр в тексте см. в Предисловии.

[Примечание переводчика: В данном издании цифры заключены в {курсивные скобки}, чтобы их не путали со сносками].

[2] "Христианство", как оно здесь используется, означает систему православия, которая была зафиксирована в своих основных очертаниях, когда праздник Рождества взял свое начало. Отношение ортодоксального вероучения к историческим фактам нас здесь не касается, и в рамках данного исследования мы не будем пытаться провести различие между христианством Иисуса и церковными аккрециями вокруг его учения.

[3] Вопрос о том, праздновалось ли ранее Рождество Христово в Риме 6 января, является спорным; утвердительной точки зрения придерживается Usener в своей монографии о Рождестве,{6} отрицательной - Monsignor Duchesne.{7} Очень подробное, осторожное и

взвешенное исследование обоих аргументов можно найти в статье профессора Кирсоппа Лейка о Рождестве в "Энциклопедии религии и этики" Гастингса, {8} а короткая статья того же автора была опубликована *в "Гардиан"* от 29 декабря 1911 года. Профессор Лейк в целом склоняется к точке зрения Усенера. Ранняя история праздника также рассматривается отцом Сирилом Мартиндейлом в "Католической энциклопедии" (статья "Рождество").

[4] Usener говорит 354, Duchesne 336.

[5] Восточный отец Епифаний (IV век) приводит странный рассказ о языческом, а может быть, и гностическом обряде, который проводился в Александрии в ночь с 5 на 6 января. В храме Коры-девы, рассказывает он, поклонники провели ночь в пении и игре на флейте, а с петушиным криком подняли из подземного святилища деревянное изображение, сидящее нагим на подстилке. На нем золотом был начертан знак креста в пяти местах - на лбу, руках и коленях. Образ семь раз пронесли по центральному залу храма с игрой на флейте, барабанным боем и песнопениями, а затем отнесли обратно в подземную камеру. В объяснение этих странных действий было сказано: "Сегодня, в этот час, Коре (Дева) понесла Эон"{15}. Может ли быть связь между этим праздником и Элевсинскими мистериями? В последних происходило ночное празднование с множеством горящих огней, и раздавался возглас: "Святая Бримо (Дева) родила священного ребенка, Бримоса"{16}. Подробности, приведенные мисс Харрисон в ее "Пролегоменах" о поклонении младенцу Дионису{17}, представляют необычайный интерес, и детальное сравнение этого культа с культом Младенца Христа может привести к замечательным результатам.

[6] Митраизм напоминал христианство своими монотеистическими тенденциями, таинствами, сравнительно высокой моралью, учением о Заступнике и Искупителе, а также яркой верой в будущую жизнь и грядущий суд. Более того, воскресенье было его святым днем, посвященным Солнцу".

[7] Таково объяснение, принятое большинством ученых (см. Chambers, "M. S.", i., 241-2). Дюшен предлагает в качестве объяснения выбора 25 декабря тот факт, что традиция зафиксировала Страсти Христовы на 25 марта. Эта же дата, по его мнению, должна была быть назначена для Его Зачатия, чтобы сделать годы Его жизни полными, а Рождение должно было произойти естественным образом через девять месяцев после Зачатия. Однако он "не рискнул бы утверждать в отношении 25 декабря, что совпадение *Sol novus* не оказало прямого или косвенного влияния на церковное решение, принятое в отношении этого вопроса"{25}. Профессор Лейк в своей статье в "Энциклопедии" Гастингса также пытается объяснить выбор 25 декабря без преднамеренной конкуренции с *Natalis Invicti*. Он указывает, что некоторые ранние хронологи установили дату рождения Христа на весеннее равноденствие, основываясь на сложных и фантастических расчетах, основанных на данных Писания и связывающих Воплощение с Творением, и что когда Воплощение стало рассматриваться как начинающееся с Зачатия, а не с Рождения, последнее, естественно, было помещено на девять месяцев позже.

[8] Ср. главу xviii. книги доктора Ирьё Хирна "Святилище" (Лондон, 1912). Д-р Хирн находит одиночное предвосхищение францисканского отношения к Рождеству Христову в рождественских гимнах восточного поэта IV века Ефрема Сира.

[9] № 55 в "Hymns Ancient and Modern" (Ordinary Edition).

[10] № 56 в "Hymns Ancient and Modern" (Ordinary Edition).

[11]

"Придите, ликуя,
Верные люди, с восторгом поющие
Аллилуия!
Монарх монарху,
От святой девы происходящий,
Чудо великое!

Ангел Совета здесь,
Солнце от звезды он явился,
Рожденный от девы:
Он - солнце, не знающее ночи,
Она - звезда, чей бледный свет
Fadeth never."

(Перевод в "Английском гимне", № 22).

[12]

"Лорды, к Рождеству и хозяева
В этом особняке услышьте мой тост.
Пейте на здоровье
Каждый должен осушить свой кубок вина,
А я первым опрокину свой:
Так я советую.
Итак, я предлагаю вам всем *вассал*,
Проклят тот, кто не скажет: *"Пить!* "

(Перевод Ф. Дуса.)

[13] Трудно быть уверенным в подлинности стихов, приписываемых Якопоне. Многие стихи в издании Тресатти, из которых взяты цитаты в тексте, могут быть произведением его последователей.

[14]

"Подойдите и посмотрите на ее дитя
Гнездящееся в сене!
Увидьте его прекрасные руки, широко раскрытые,
на ее коленях, чтобы играть!
А она укладывает его рядом с собой,
Укрывает его, как может!
Подносит свои ладошки к его рту,
где лежат его губы.

* * * * *

Левой рукой она обнимает
Укачивала и успокаивала своего мальчика,

И святыми колыбельными
Успокаивала свою игрушку.
Маленькие ангелы вокруг
Танцевали и колядки пели;
Слагая куплеты сладко и верно,
Still of love they sung."

(Перевод Джона Аддингтона Саймондса в книге "Возрождение в Италии. Italian Literature" [1898 Edn.], Part I., 468.)

[15] "В достойном хлеву милого младенца ангелы поют вокруг него; они поют и взывают, возлюбленные ангелы, весьма благоговейно, робко и застенчиво вокруг маленького младенца, принца избранных, который лежит нагим среди колючей сени. Божественный Глагол, который есть высшее знание, в этот день выглядит так, как будто Он ничего не знает. Посмотрите на Него на сене, плачущего и брыкающегося, как будто Он вовсе не божественный человек".

(Перевод Вернона Ли в "Renaissance Fancies and Studies", 34.)

[16]

"Подметите очаг и пол;
Пусть все вместилища твои
Блестящими и чистыми.
Затем приведи маленького гостя
И угостите его лучшим
Из мяса и питья. Но больше
Вы должны больше, чем мясо.
Один дар к ногам вашего короля
Положите сейчас. Я имею в виду
Сердце, полное до краев
Любовью, и все для Него,
И от зависти чистое".

(Перевод мисс Энн Макдонелл, в "Сыновьях Франциска", 372).

[17]

"Полная красоты стояла Мать,
У яслей, благословенней других,
где лежит ее Малыш.
Ее душа ликовала,
В своем горячем ликовании,
Трепещет в экстазе хвалы".

(Перевод Дж. М. Нила).

[18]

"Распускается безупречная роза,
Проросшая из нежного корня,
Предсказанная древними провидцами,
Из обещанного Джесси плода;
Ее самый прекрасный бутон раскрывается на свету
Среди холодной, холодной зимы,
И в темную полночь.

Роза, которую я пою,
о которой сказал Исайя,
Из сладкого корня прорастает
В Марии, чистейшей Деве;
Ибо по великой любви и силе нашего Бога
Младенца благословенного она нам родила
В холодную, холодную зимнюю ночь".

(Перевод К. Уинкворта, "Христианские певцы", 85).

[19] Эта мелодия часто используется в Англии для колядки Нила "Добрые христиане, радуйтесь".

[20] "Когда Иисус Христос родился, тогда было холодно; в маленькой кроватке Он был положен. Там стояли осел и вол, которые дышали над Святым Младенцем совершенно открыто. Кто имеет чистое сердце, тот не имеет нужды в заботах".

[21] "Дорогая матушка, позаботься о Младенце; мороз сильный, укутай Его поскорее. А ты, старый отец, укрой Малыша, иначе холод и ветер не дадут Ему покоя. Теперь нам пора уходить, о Божественное Дитя, вспомни о нас, прости наши грехи. Мы от души рады, что Ты пришел; никто другой не смог бы нам помочь".

[22] "Младенец лежит в колыбели, такой сердечный и такой редкий! Мой маленький Ганс был бы ничтожеством рядом с Ним, если бы он был прекраснее, чем он есть. Глаза у него угольно-черные, как вишни, а весь он белый, как мел. Его милые ручки такие нежные и тонкие, что я осторожно прикоснулась к ним. Он улыбнулся и глубоко вздохнул. Если бы ты был моим, подумала я, ты бы рос веселым мальчиком. Дома, на кухне, я бы уютно устроил тебя, а здесь, в хлеву, холодный ветер залетает за каждый угол".

[23] Ричард Ролле, поэт, мистик и странствующий проповедник, во многом напоминает нам Якопоне да Тоди. Хотя он не оставил рождественских стихов, некоторые его прекрасные слова показывают, как глубоко он чувствовал чудо и пафос Вифлеема: "Jhesu es thy name. A! A! Это чудесное имя! A! Это восхитительное имя! Это имя, которое превыше всех имен..... Я уехал в Ковайтис богатства, и я нашел ногу Jhesu. Я сидел в компании мирских людей, и я не знал Иешу. Поэтому я повернул на другой путь, и бросился с поклоном к нищим, и поклонился Иисусу чистому, которого носили в мире, положили в плахе и уложили в латы".

[24] "Когда наступила полночь, я спрыгнул с кровати на пол и увидел прекрасного ангела, который пел в тысячу раз слаще соловья. Все окрестные сторожевые псы поднялись на ноги. Они никогда не видели такого зрелища и вдруг начали лаять. Пастухи под соломой спали как бревна: услышав лай, они подумали, что это волки. Это были разумные люди; они пришли, не дожидаясь, пока их спросят. Они нашли в маленьком хлеву Свет, даже Истину".

[25] "В бедных яслях, покрытый сеном, лежит Иисус из Назарета. На сене лежит Вечный Сын Божий; чтобы избавить от ада человека, которого Он создал, и убить грех, наш Иисус из Назарета довольствуется сеном. Он покоится между двумя животными, которые согревают Его от холода, Тот, Кто Своей великой силой исправляет наши недуги; Его царство и владения - мир и спокойное небо, и теперь Он спит на сене. Он считает за благо терпеть холод и жить так, не имея одежды, которая защищала бы или покрывала Его, и, чтобы дать нам жизнь, Он терпел холод на сене, наш Иисус из Назарета".

[26] "На крыльце, полном паутины, между мулом и волом, родился Спаситель душ..... На паперти в Вифлееме - звезда, солнце и луна: Дева, святой Иосиф и Младенец, лежащий в колыбели. В Вифлееме они прикасаются к огню, из паперти вырывается пламя; это небесная звезда, упавшая в солому. Я бедный цыган, пришедший сюда из Египта и принесший Божьему Младенцу петуха. Я бедный галичанин, пришедший из Галиции, и приношу Божьему Младенцу белье для смены. Новорожденному Младенцу все приносят дар; я же мал и ничего не имею; я приношу Ему свое сердце."

[27]

"Спи, о сон, дорогой Младенец мой,
Царь Божественный;
Спи, Дитя мое, во сне откинься;
Колыбельная, мой Младенец прекрасный,
Царь небесный,
Весь сияющий,
Полный благодати, как лилии редкие.

Закрой веки свои, о сокровище мое,
Возлюбленное сверх меры,
Душа моя, Господь, наслажденье;
Колыбельная, о царственное дитя,
На сене
Моя радость, я лежу;
Любовь небесная, кроткая и нежная.

Что ты плачешь, мой Малыш? Увы!
Холодные ветры проносятся
Ветры холодные, иль маленький осел?
Колыбельная, о Рай;
Мое сердце
Ты Спаситель мой;
К лицу твоему я прижимаю поцелуй"{20}.

(Перевод графини Мартиненго-Чезареско.)

[28] Подобная песня-птичка бас-кверси напечатана г-ном Х. Ж. Л. Ж. Массе в его восхитительной "Книге старых песен", {26} собрании слов и музыки рождественских песен на многих языках - английском, латинском, немецком, фламандском, баскском, шведском, каталонском, провансальском и французском различных периодов и диалектов.

[29]

"Я пришел с небес, чтобы рассказать
О самых лучших событиях, которые когда-либо случались;
Вам весть истинную я несу,
И я буду говорить и петь о них.

В этот день родилось у вас дитя,
От Марии кроткой и девы нежной,
Этот благословенный младенец, благосклонный и добрый,
Да возрадуетесь вы, сердцем и умом.

Душа моя и жизнь, встань и посмотри
Что лежит в яслях из дерева.
Что это за Младенец, такой прекрасный и красивый?
Это Христос, Божий Сын и Наследник.

О Боже, создавший все творения!
Как Ты теперь стал таким сильным,
Что на сеновале и бродяге ляжет,
Среди ослов, волов и коров?

О, сердце мое дорогое, юный Иисус милый,
Приготовь колыбель Твою в моем сердце,
И я буду качать Тебя в своем сердце,
И никогда больше от Тебя не отходить.

Но буду славить Тебя всегда,
С пением сладостным к мраку Твоему;
Колена сердца моего преклоню я,
And sing that richt Balulalow."{30}

[30]

"Благословен Ты, Христос Иезуит,
Ты родился человеком, это правда;
Ангелы весело шумят,
Но у нас больше причин радоваться",
Кириелейсон.

Только благословенный Сын Божий,
В колыбели бедной лежал,
С нашей бедной плотью и нашей бедной кровью,
Был облечен в вечное Благо.
Кириелейсон.

Тот, кто сотворил небо и землю из ничего,
В плоть нашу здоровье принес,
Ради нас Сам стал мал,
И царствует над всеми Господь и Царь.
Kirieleyson."{32}

[31]

"Все мое сердце этой ночью ликует,
когда я слышу,
Далеко и близко,
Сладчайшие ангельские голоса;
"Христос родился", - поют их хоры,
Пока в воздухе
повсюду
Теперь от радости звенит.

Вдруг голос из яслей,
Мягкий и приятный,
умоляет,
"Бегите от горя и опасности";
Братья, идите, от всего, что вас печалит.
Вы освобождены,
Все, в чем вы нуждаетесь.
Я непременно дам вам".

Благословенный Спаситель, дай мне найти Тебя!
Храни меня
рядом с Тобой,
Не зови меня за Собой!
Жизнь жизни, сердце мое Ты успокаиваешь,
Я покоюсь
На груди Твоей,
All this void Thou fillest."{34}

[32]

"Торжествуйте, небеса! Радуйтесь, преклоняясь!
Пойте Господу, Спасителю, в радостном ликовании!
Ангелы, внимайте!
Бог к человеку приблизился,
Принося заблудшим спасение.

* * * * *

Царь славы! Какая благодать в Твоем уничижении!
Ты был младенцем, а в древности был Господом творения.
Тобой я буду владеть,
За Тобой я пойду, один,
Наследник чудесного спасения Твоего.

Верный Иммануил! Позволь мне поведать о славе Твоей,
Приди, Спаситель мой, родись, в сердце моем поселись,
Пребудь во мне.
Соедини меня с Тобой,
Там, где фонтан жизни бьет."{36}

[33] Несколько лучших традиционных произведений были опубликованы мистером Ф. Сиджвиком в одном из его очаровательных "Watergate Booklets" под названием "Popular Carols". Две следующие цитаты взяты из этого источника.

[34] Великая поэма Браунинга "Сочельник" скорее философская, чем набожная, и вряд ли входит в рамки этой главы.

[35] Первое упоминание о сезоне, соответствующем Адвенту, относится к Турскому собору, около 567 г., когда туманно указывается на пост для монахов в декабре. На Маконском соборе (581 г.) предписывается, что с Мартинама второй, четвертый и шестой дни недели должны быть постными; а в конце VI века Рим при Григории Великом принял правило о четырех воскресеньях Адвента. В следующем веке оно получило широкое распространение на Западе. В Греческой церкви перед Рождеством соблюдается сорокадневный пост; этот обычай, по-видимому, был установлен в XIII веке. В Римской церкви практика поста варьируется: на Британских островах соблюдаются среда и пятница, а в некоторых странах не делается различия между Адвентом и обычными неделями года.{2}

[36] Энтони Бек, епископ Даремский, завещал своему собору рождественский подсвечник из позолоченного серебра, на основании которого было изображение Святой Марии с ее Сыном, лежащим в колыбели.

[37] "Иосиф, дорогой племянник мой, помоги мне укачать Младенца". "С радостью, дорогая тетя, я помогу тебе укачать Дитя твое". (Обратите внимание на любопытные слова о родстве; Иосиф и Мария оба были из рода Давидова).

[38] "Давайте укачаем Младенца и склоним наши сердца перед кроваткой! Воспрянем духом и благословим Младенца: милый маленький Иесус! милый маленький Иесус!... Поприветствуем Его маленькие ручки и ножки, Его маленькое огненное сердце и смиренно почитаем Его как нашего Господа и Бога! Сладкий маленький Иесус! Сладкий маленький Иесус!"

[39] Переходя на мгновение от сицилийских домашних празднеств к общественным и общинным действиям, я могу упомянуть странную церемонию, которая происходит в Мессине глубокой ночью; в два часа ночи на Рождество голого *Бамбино* несут в процессии от церкви Санта-Лючия до собора и обратно.{65}

[40] Или в воскресенье, следующее за октавой, если сама октава приходится на будний день.

[41] Как ни заманчиво связывать эти куклы с колыбелью, возможно, что их происхождение следует искать скорее в антропоморфных изображениях духов растительности, и что они имеют ту же природу, что и изображения, которые несут с гирляндами в мае и в другие времена года.{77}

[42] Хотя не сохранилось текстов религиозных пьес на английском языке, исполняемых в Рождество, есть отдельные записи о таких представлениях: в Тинтинхулле, например, в 1451 году и в Дублине в 1528 году, а в Абердине на Рождество исполнялась процессия "Рождество Христово". А "Стелла", на английском или латинском языке, точно не известно, встречается в разных местах между 1462 и 1579 годами.{10}

[43] Жилье.

[44] Однажды.

[45] Scarcely.

[46] Лошади. Hous of haras = stable.

[47] Жилище.

[48] Темнота.

[49] Быть.

[50] Чудеса.

[51] Поклонение.

[52] Шеддер.

[53] Обернуть.

[54] Калека.

[55] Переусердствовать.

[56] Лишить.

[57] Проклятие.

[58] Сильный в господстве.

[59] Волшебник.

[60] Позор.

[61] Благородное существо.

[62] Проклятый.

[63] Колдун.

[64] Печаль.

[65] Становится веселым.

[66] Обещание.

[67] Благородный.

[68] Ребенок.

[69] Младенец.

[70] Голова.

[71] Лицо.

[72] Рука.

[73] Помимо рождественских пьес четырех больших циклов, существует "Пьеса о портных и королеве", которая, несомненно, принадлежит Ковентри, в отличие от "Ludus Coventriae", связь которой с этим городом, мягко говоря, весьма сомнительна. Она открывается прологом пророка Исайи и на небольшом пространстве представляет события, связанные с Воплощением, от Благовещения до Убийства невинных. Сцены Рождества и пастухов имеют меньший характер и интерес, чем сцены больших циклов, и не нуждаются в рассмотрении здесь.{18}

[74]

"*Рипель*. Какой здесь шум! Все кажется мне таким странным!
Йоргль. Неужели сегодня небеса упали; неужели ангелы летают над нашим полем?
R. Они прыгают.
J. Спускаются сверху.
R. Я бы не смог этого сделать; я бы сломал себе шею и ноги".

[75]

"Дитя мое, ты не можешь найти ночлег? Неужели ты должна терпеть такой мороз и холод?
R. Ты лежишь в холодной пеленке! Подойди, надень на Него одежду!
J. Укрой Его ноги; укутай Его нежно!"

[76] "Три яйца и немного масла мы тоже приносим; будь добр, прими это! Птицу, чтобы сварить бульон, если Твоя мать умеет его готовить, - положи немного капель, и будет хорошо. Поскольку у нас нет ничего другого - мы всего лишь бедные пастухи - прими нашу добрую волю".

[77]

"*Дж*. Наилучшего здоровья тебе, моя маленькая дорогая; когда тебе что-нибудь понадобится, приходи ко мне.
J. Храни тебя Господь!
R. Расти поскорее здоровым и высоким!
J. Я возьму тебя на службу, когда ты станешь достаточно большим".

[78] Якопоне да Тоди, чьи рождественские песни мы уже рассматривали, вероятно, был связан с этим движением.

[79] Интересный и патетический рождественский пример приводит синьор Д'Анкона в своей работе "Origini del Teatro in Italia" {35}

[80] Хотя вол и осел не упоминаются у св. Луки, к ним легко перейти от идеи яслей. Ранние христианские писатели нашли для них подтверждение в Писании в двух отрывках из пророков: Исаия i. 3: "Вол знает хозяина своего и осел - корыто хозяина своего" и Аввакум iii. 2 (ошибочный перевод): "Посреди двух зверей Ты будешь известен".

[81] С этим можно сравнить ярмарку, которая до сих пор проводится в Риме на площади Навона перед Рождеством и на которой вывешиваются стенды с маленькими глиняными фигурками для использования в *presepi* (см. с. 113). Нельзя не вспомнить и о печенье в форме человечков, которое можно увидеть на немецких рынках и в магазинах на Рождество, и о пастообразных изображениях, которые делали английские пекари в это время года (хотя, возможно, прямой связи нет).

[82] Среди скандинавов, которые поздно обратились в христианство, дохристианский праздник Йоль, похоже, проводился в девятом веке, но, судя по всему, не в декабре, а примерно в середине января, и был перенесен на 25 декабря христианским королем Норвегии Хаконом Добрым (940-63).{28}

[83] Здесь уместно упомянуть монографию профессора Г. Бильфингера "Das germanische Julfest" (Stuttgart, 1901), где утверждается, что единственными праздниками, от которых произошли рождественские обычаи тевтонских народов, являются январские календы Римской империи и христианский праздник Рождества Христова. Бильфингер считает, что нет никаких свидетельств ни о ноябрьском празднике начала зимы, ни о древнем тевтонском празднике середины зимы. Работа Бильфингера является наиболее систематическим из существующих трудов о происхождении Рождества, но соображения, выдвинутые в "Йоле и Рождестве" Тилле в пользу ноябрьского праздника, не следует легко отбрасывать, и, признавая, что его празднование должно рассматриваться скорее как вероятная гипотеза, чем как установленный факт, я буду здесь в целом следовать предложениям Тилле и попытаюсь показать вклад этого северного новогоднего праздника в рождественские обычаи.

[84] Рассказы о таких маскарадах можно найти в бесчисленных книгах о путешествиях. В журнале *Folk-Lore* от 30 июня 1911 года профессор Эдвард Вестермарк дает особенно полное и интересное описание марокканских обычаев такого рода. Он подробно описывает различные маскарады в шкурах и головах зверей, часто сопровождаемые переодеванием мужчин в женщин и грубыми непристойностями.

[85] Другое предложенное объяснение связывает переодевание с обрядами инициации при переходе от мальчишества к мужественности. "У примитивных народов мужественность, по-видимому, понимается как переставание быть женщиной. Мужчина рождается от женщины, воспитывается женщиной. Когда он переходит к мужественности, он перестает быть женщиной-вещью и начинает выполнять другие, чуждые ему функции. Этот момент, естественно, крайне опасен; он одновременно подчеркивает его и маскирует. Он надевает женскую одежду". Согласно этой теории, обычай распространился с обрядов инициации на другие случаи, когда было желательно "изменить удачу".

[86] По словам сэра Джона Риса, на острове Мэн *Холлантид* (1 ноября по старому стилю, следовательно, 12 ноября) и по сей день является началом нового года. Но обычный календарь набирает силу, и некоторые ассоциации старого Нового года переносятся на 1 января, римскую дату. "В Уэльсе этому, должно быть, способствовало влияние римского правления и римских идей; но даже там дополнения зимних календ так и не были полностью перенесены на январские календы".{4}

[87] В книге Берна и Джексона "Народные предания Шропшира" (стр. 305 f.) есть подробности о пирогах и других подачках, которые давали бедным на похоронах. Вероятно, они имеют то же происхождение, что и ноябрьские "пирожки для души".

[88] Ср. с. 191-2 и 235-6 этого тома.

[89] Особого внимания заслуживает тот факт, что "ивы" занимают важное место в праздничных обычаях; часто именно к ним, а не к настоящим праздничным дням, привязываются старые традиции. Возможно, это связано с древней кельтской и тевтонской привычкой считать ночи, а не дни - след этого остался в нашем слове "две недели", - но следует помнить, что церковь поощряла ту же тенденцию, проводя торжественные службы в канун праздников, и что еврейская суббота начинается в пятницу вечером.

[90] Предпринимаются попытки подавить ноябрьский карнавал в Хэмпстеде, и, возможно, праздник 1911 года окажется последним.

[91] "Подними бокал в Мартинмас, пей вино весь год".

[92] Интересно отметить, что в итальянской провинции Венеция, как и в более северных регионах, Мартинмас - особенно детский праздник. В лавках продаются маленькие сахарные изображения святого на коне с длинным мечом, а в самой Венеции дети ходят по улицам, поют, играют на бубнах и выпрашивают деньги{93}.

[93] "На мессе святого Андрея зима обязательно".

[94] Этот обычай можно сравнить с шотландским поеданием сованов в постели в рождественское утро (см. главу XII.).

[95] В одной из легенд о святой говорится, что она вырвала себе глаза, когда их красота заставила принца попытаться похитить ее из монастыря.{54}

[96] Баня на старомодной шведской ферме - это отдельное здание, в которое все приходят в канун Рождества, но которое редко используется, кроме как в эту единственную ночь в году.{23}

[97] Иногда Рождество считается одним из двенадцати дней, иногда нет. В первом случае, конечно, Богоявление - это тринадцатый день. В Англии мы называем Богоявление двенадцатым днем, в Германии его обычно называют тринадцатым, в Бельгии и Голландии - тринадцатым, в Швеции - по-разному, но обычно тринадцатым. Иногда говорят о двенадцати днях, иногда о тринадцати. "Двенадцать ночей", в соответствии со старым тевтонским способом отсчета ночей, является естественным и правильным термином.{39}

[98] Тем, кто хочет продолжить изучение *Калликанцароя*, следует ознакомиться с подробными и увлекательными, хотя и не совсем убедительными теориями мистера Дж. К. Лоусона в его "Современном греческом фольклоре и древнегреческой религии". Он выделяет два класса *калликанцароев*, один из которых он отождествляет с обычными оборотнями, а другой представляет собой тип волосатых, когтистых демонов, описанных выше. Он выдвигает гениальную гипотезу, связывающую их с кентаврами.

[99] Следует помнить, что дуб был священным деревом у языческих славян; он был связан с богом грозы Перуном, аналогом Юпитера, и в его честь днем и ночью горел дубовый костер. У соседей славян, литовцев, был тот же бог, которого они называли Перкунас; они тоже поддерживали вечный дубовый костер в его честь, а во время засухи поливали пламя пивом,

моля Перкунаса послать ливень {10}. Возлияние вина на йольское полено, возможно, имело сходную цель.

[100] Разжигание.

[101] Обычай, упомянутый в последнем предложении, можно сравнить с датской практикой празднования Дня святого Фомы (см. главу VIII).

[102] В Уормсли в Херефордшире есть Священный терн, который, как считается, распускается ровно в двенадцать часов Двенадцатой ночи. "Считается, что цветки раскрываются в полночь и опадают примерно через час после этого. Кусочек терна, собранный в этот час, приносит удачу, если хранить его до конца года". Еще в 1908 году около сорока человек отправились посмотреть, как цветет терн в это время (см. E. M. Leather, "The Folk-Lore of Herefordshire" [London, 1912], 17).

[103] Сравните борьбу за "капюшон Хакси", описанную в главе XVI, с. 347.

[104] Это можно сравнить с древнегреческим *Eiresione*, "переносным майским столбом, веткой, увешанной шерстью, желудями, фигами, пирогами, всевозможными фруктами, а иногда и кувшинами с вином".{35}

[105] Из этого, конечно, не следует, что они были исключительно римского происхождения.

[В валлийском языке это растение также называется "дерево чистого золота" - довольно удивительное название для растения с зелеными листьями и белыми ягодами. Доктор Фрейзер попытался объяснить это название теорией, согласно которой золотой огонь солнца считался эманацией омелы, в которой, как считалось, обитает жизнь дуба, от которого разгорается огонь{47}.

[107] В окрестностях Райхенберга дети вешают чулки на окна в канун Святого Андрея, а утром находят их наполненными яблоками и орехами [64] - параллель с обычаями Мартинмаса и Святого Николая в промежуточную между этими двумя праздниками дату.

[108] "У него больше дел, чем у печников в Англии на Рождество".

[109] Следующая цитата из старинной бухгалтерской книги наводит на краткие размышления об английском Рождестве.

s. d.
"Item payd to the preacher vi ii
Заплачено менестрелю xii o
Item payd to the coke xv o"

[110] В графстве Лут, Ирландия, мальчики носили с собой куст терновника, украшенный серпантином из цветной бумаги, к одной из веток которого был привязан крапивник.{47}

[111] Танцы, как всем известно, являются обычным и даже главным элементом первобытных праздников; и такие танцы обычно принимают драматическую форму, миметическую, будь то повторное воспроизведение какого-то прошлого события или *предварительное совершение* чего-то с магическим намерением произвести его.{10} Сама греческая трагедия, вероятно, возникла из первобытного танца драматического и магического характера, в центре которого были смерть и возрождение.{11}

[112] В Фессалии и Македонии во время карнавала разыгрываются народные пьесы несколько схожего характера, включающие ссору, смерть и чудесное возвращение к жизни -

очевидно, возникшие в результате магического ритуала, призванного способствовать плодородию растительности.{12} Параллели можно найти и в карнавальных обычаях других стран.

[113] Удивительно четкий пример переноса обычаев с кануна Холлантида (Хэллоуина) на современный Новый год приводит сэр Джон Рис. Некоторые описанные им методы предсказаний практикуются некоторыми жителями острова Мэн в один день, а другими - в другой, и римская дата получает все большее распространение {1}.

[114] См. с. 252.

[115] "Открой свой кошелек и закрой его".

[116] Вероятно, некоторые обычаи, практикуемые на Богоявление, на самом деле относятся к Рождеству по старому стилю.

[117] *Pasqua* там используется для великих праздников вообще, а не только для Пасхи.

[118] Обычай "сжигания куста", до сих пор сохранившийся то тут, то там в Херефордшире, обнаруживает определенное сходство с этим. Куст", представляющий собой шар из боярышника, висит в течение всего года на кухне фермерского дома вместе с омелой. Под Новый год его "несут на самое раннее пшеничное поле, где разжигают большой костер из соломы и кустов, в котором его сжигают. Пока он горит, делают новый; при его изготовлении концы веток опаляются в огне". Горящую солому переносят за двенадцать гребней поля, а затем пьют сидр и веселятся. (См. Leather, "Folk-Lore of Herefordshire", 91 f.)